Н. М.
ЯЗЫКОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Н. М. ЯЗЫКОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. М. ЯЗЫКОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
К. К. Бухмейер

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1964

Р 1
Я 41

Николай Михайлович Языков был одним из выдающихся поэтов пушкинской поры. Яркий, оригинальный талант его получил раннее признание. Пушкин, Дельвиг, Д. Давыдов, Баратынский восхищались стихами молодого Языкова и возлагали на него большие надежды. Его стихи привлекали политической дерзостью и кипучей энергией. Особенной известностью пользовались на протяжении почти целого столетия вольные песни Языкова («Из страны, страны далекой...», «Нелюдимо наше море...», «Воют волны, скачут волны...» и др.). Лучшее в наследии Языкова и сейчас сохраняет свое живое значение.

Hanfstaengl 1841.

Н. М. ЯЗЫКОВ

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с каменой сладкогласной...

Так приветствовал Дельвиг молодого Языкова в самом начале его творческого пути.

В 1820—1830-е годы Н. М. Языков среди младших современников Пушкина внушал наибольшие надежды. Его имя называли среди первых поэтов того времени, вслед за Пушкиным, рядом с Денисом Давыдовым и Баратынским. «Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнет», [1] — писал Пушкин Вяземскому, прочитав «Тригорское».

Талант Языкова был ярок и резко самобытен. Он шел своим путем, хотя и в русле общего движения литературы 1820—1830-х годов. Испытав, как и все поэты этих лет, воздействие пушкинского гения, он тем не менее сумел внести свой вклад в развитие нашей поэзии. Его художественные открытия и достижения существенно обогатили русскую лирику.

1

Николай Михайлович Языков родился 4 марта 1803 года (умер 26 декабря 1846). Его отец, богатый симбирский помещик, оставил детям значительное состояние, которое позволило им получить хорошее образование и вести впоследствии независимый образ жизни.

[1] Письмо от 9 ноября 1826 года. — Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 305.

Оба старших брата Языкова, Петр Михайлович и Александр Михайлович, учились в Горном кадетском корпусе, считавшемся одним из лучших учебных заведений в России. Туда же был отдан в 1814 году одиннадцатилетний Языков.

Через пять лет, не окончив курса, он перешел в Институт корпуса инженеров путей сообщения, пробыл там год и был исключен за непосещение занятий. Математические науки и казенный дух заведения тяготили Языкова, вкусы и наклонности которого к этому времени уже успели определиться.

Еще в Горном корпусе Языков, по-видимому, поверил в свое поэтическое дарование. Этому способствовали и литературные знакомства старших братьев, и непосредственное окружение Языкова в корпусе.

Особая роль принадлежит тут преподавателю А. Д. Маркову. Он занимался с Языковым приватно русским языком и, первый предузнав в нем поэта, поощрял его к поэтическим занятиям. Марков привил Языкову вкус к поэзии XVIII века, в частности — к Ломоносову и Державину. Ему, должно быть, Языков был обязан и пробуждением интереса к русской истории, существенного для его поэзии и общественных взглядов.

Среди корпусных соучеников Языкова многие писали стихи, а иные даже печатались в журналах (А. Н. Кулибин, А. Бальдауф). Молодые поэты обменивались стихотворными посланиями, были друг для друга ценителями и критиками. К А. Н. Кулибину, например, было обращено первое напечатанное стихотворение Языкова («Не часто ли поверхность моря...»), помещенное, как и послание самого Кулибина («Послание к А. Н. О...у»), в «Соревнователе просвещения и благотворения» за 1819 год. Кулибин был однокурсником старшего брата Языкова, Петра Михайловича, но с младшим Языковым его роднила и страсть к стихотворству, и общая поэтическая программа. Об этом свидетельствует хотя бы то же «Послание к А. Н. О...у», разительно напоминающее языковское посвящение брату (1822). Имей он дар, говорит Кулибин, он бы «огнем небесным вдохновенья... осветил прошедший ряд веков»:

Славеновых бестрепетных сынов,
Почиющих в сени глухой истленья,
Воззвал из пыльных их гробов
И славу их извел из тьмы забвенья!..

...И славою героев незабвенных
Воспламенил потомков отдаленных!

Думается, что в «Соревнователь» стихи Кулибина и Языкова попали через приятеля Языковых, второстепенного литератора А. Н. Очкина.[1] В эти годы Очкин был литературным авторитетом для молодого Языкова и пестуном его поэзии. Даже уехав в Дерпт, Языков долгое время продолжал посылать ему на суд свои стихотворения, предоставляя право veto, если он найдет их непригодными для печати. Очкин, не без выгоды для своих собственных дел, передавал стихотворения Языкова в «Благонамеренный» и «Северную пчелу».

Исключенный из института, Языков некоторое время провел на родине, в Симбирске, но весной 1821 года, по настоянию братьев, он возвращается в Петербург с намереньем продолжать образование — уже в университете. Однако в 1821 году в Петербургском университете, с приходом на должность попечителя известного реакционера Рунича, начались преследования либеральной профессуры. Поэтому на семейном и дружеском совете было решено, что Языкову лучше поступить в Дерптский университет, славившийся своими научными силами и сохранявший некоторые вольности и привилегии.

Осенью 1822 года Языков отправляется в Дерпт (Тарту) и весной следующего года, усовершенствовавшись в немецком языке, поступает на философский факультет.

Последний год, проведенный в Петербурге, утвердил Языкова в намерении стать поэтом. «Большая часть времени» его проходит, как он признается брату, «в сочинении стихов»: «Проклятая страсть к поэзии! Я чувствую, что она много у меня отнимает хорошего, и, может быть, и всегда будет то же. Но что делать, пусть это так и останется. Справедливо сказал Шиллер, что страсть к поэзии сильна и пламенна, как первая любовь. Не знаю, какова первая любовь, но совершенно чувствую справедливость этого выражения».[2] Несколько стихотворений Языкова в это время уже напечатано, он завязывает новые литературные знакомства (например, с А. Ф. Воейковым), перед ним открываются двери журналов.

«Важнейшее и почти единственное... удовольствие его в Петербурге» (стр. 14) составлял в этот год театр. Уже будучи в Дерпте, он долгое время продолжает расспрашивать в письмах о театральных новостях, о любимых актерах — В. А. Каратыгине и Е. Семеновой, о Катенине, собирается переводить «для спора с Катениным»

---

[1] Именно А. Н. Очкин является, по всей вероятности, адресатом кулибинского послания.

[2] Языковский архив. Письма Н. М. Языкова родным за дерптский период его жизни. СПб., 1913, стр. 5. При дальнейших ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

что-либо из корнелевского «Сида». Прочитав же «Дон-Карлоса» Шиллера, он вообще решается стать «трагическим поэтом», так как «слава поэта-трагика» кажется ему «яснее, блистательнее и обширнее» всех других «слав поэта» (стр. 53).

В это же время увлекается он Байроном. «Я купил себе Байрона, — пишет он родственникам, — читаю с восторгом, с удивлением — я в кислотворе!» (стр. 411).

В Дерпте Языков провел семь лет, самых плодотворных в его творческой жизни. Он приехал туда с твердым намерением «научиться учиться» и приобрести прочные знания в области гуманитарных наук, но все это для того только, чтобы целиком отдаться потом поэзии. «Скоро я привыкну заниматься с такою же ревностию, как прежде отвыкал, — писал он брату в декабре 1822 года, — и тогда давай бог ноги на Парнас, за седящей на высоте!» (стр. 24).

Переехав в Дерпт, Языков не только не утратил связей с литературной средой, но еще более расширил и упрочил их. По совету А. Ф. Воейкова, одно время жившего в Дерпте, он поселился у К. Ф. фон дер Борга, секретаря Дерптского уездного суда (потом синдика университета), известного переводчика русских поэтов на немецкий язык, и почти сразу же принял косвенное участие в его работе, помогая ему выбирать для переводов все наиболее примечательное в современной русской литературе.

Ловкий и предприимчивый издатель, почувствовавший в молодом поэте незаурядный талант, Воейков оказывал Языкову всяческое внимание. Имея в виду нужды своего журнала («Новости литературы») и не желая терять Языкова из виду, он рекомендовал его своим дерптским знакомым и родным. Благодаря ему Языков познакомился с семьей профессора Мойера, который был женат на М. А. Протасовой (свояченице Воейкова и племяннице Жуковского), с преподавателем русской словесности в университете — В. М. Перевощиковым (последний получал почти все русские журналы, альманахи, новинки литературы, и Языков широко пользовался ими), у Мойеров Языков встретился и с В. А. Жуковским.

«Холили» Языкова, по его выражению, и такие литераторы-предприниматели, как Ф. В. Булгарин, А. Е. Измайлов (издатель «Благонамеренного»), Е. В. Аладьин (издатель «Невского альманаха»). Заинтересованные в сотрудничестве Языкова, они высылали ему свои издания и новые книги.

Таким образом, Языков был совершенно в курсе всех литературных новостей. Его переписка с братьями этого времени посвящена главным образом впечатлениям от прочитанных книг и статей, обсуждению животрепещущих литературных вопросов.

Пребывание в Дерпте значило для Языкова чрезвычайно много. Дерпт был не только городом с романтическим прошлым, но и русской заграницей, местом, где менее чувствовалась казарменная атмосфера аракчеевской России. В нем задавала тон вольная студенческая республика, нейтрализовавшая филистерство маленького онемеченного городка. Здесь, в «ливонских Афинах», Языков обрел и почву, питавшую его вдохновение, и благодарную аудиторию.

Русские студенты, как и Языков, приехавшие сюда в поисках места,

Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья, —

остро переживали свою неподнадзорность и ценили «веселость жизни самовластной». В этой среде «странный жар невольной вольности», которым «кипело» дерптское студенчество, как правило, принимал окраску политической оппозиционности, свойственной в эти годы довольно широким кругам русского образованного дворянства.

Ближайшими друзьями Языкова в первую половину его жизни в Дерпте были Н. Д. Киселев, будущий известный дипломат; А. Н. Вульф, сосед (по имению) и приятель Пушкина; А. Н. Тютчев, земляк Языкова; П. Н. Шепелев. Все они относились более или менее критически к русскому самодержавию (особенно Н. Д. Киселев) и весьма идеально представляли себе будущую свою деятельность на пользу общества.

Здесь, в Дерпте, Языков познакомился и с А. А. Воейковой, увлечение которой оставило заметный след в его жизни. А. А. Воейкова — племянница Жуковского, его «Светлана», постоянно наезжала в Дерпт, гостя у своей сестры (М. А. Мойер) и матери. Она оказала на поэзию Языкова самое благотворное влияние: заставляла его относиться с уважением к своему призванию, побуждала писать стихи и была их строгим и разборчивым ценителем.

Существенными для Языкова были и те знания, которые он приобрел в Дерпте. Основанный в 1802 году, Дерптский университет в начале 1820-х годов имел уже репутацию одного из лучших в России и располагал крупными научными силами.

Несмотря на рассеянный образ жизни и активную творческую деятельность, Языков приобрел в эти годы солидные познания в области русской и мировой истории, овладел в совершенстве немецким языком, открывшим ему путь к немецкой литературе; небезуспешно занимался он латинским и греческим языками, статистикой, государственным правом и даже политической экономией.

Читал Языков в это время очень много, и по-русски, и по-

немецки; увлекался Шиллером, Кёрнером, Тиком, Кальдероном; из русских писателей — Карамзиным как автором «Истории государства Российского», Крыловым и Грибоедовым; с интересом, но не без пристрастия, относился к Пушкину. Очень много и серьезно занимался он историей и эстетикой.

Правда, уехал Языков из Дерпта «свободно-бездипломным», так как не решился держать экзамен за университет, но дело было здесь не в недостатке познаний. Языкова, по его собственному призванию, постоянно терзала и отвлекала от занятий мысль, что он мог бы «блистать на поприще парнасских состязаний», а живет в «полном бездействии по сей части». Он не хотел терять времени, добиваясь «чего-то такого», что, «в его смысле», было ему «вовсе не нужно», так как чувствовал себя «способным существовать для одной поэзии и одной поэзией» (стр. 334).

2

В творчестве Языкова легко выделить два периода. Первый — в основном дерптский — охватывает 1820-е годы и завершается примерно 1833 годом, выходом первого сборника стихотворений поэта. Второй — московский и заграничный — тянется с 1834 по 1846 год.

Конечно, это деление условно, так как уже в Дерпте после 1826 года, и особенно в первые годы пребывания в Москве, в стихах Языкова все явственнее начинают проступать черты, характерные для второго этапа его поэтической деятельности. В то же время не все особенности творчества поэта 1820-х годов бесследно исчезают в 1830—1840-е годы.

Однако конец 1820-х — начало 1830-х годов в поэзии Языкова явились как бы перевалом, высшей точкой его подъема и одновременно отправным пунктом его движения в другом направлении. Это обстоятельство отчасти служит объяснением тому факту, что два основных отзыва на первый сборник стихотворений поэта — Кс. Полевого и И. Киреевского — содержали суждения диаметрально противоположные, и притом оба были по-своему справедливы.

Языков — «поэт выражения», — писал Кс. Полевой. «Мы не нашли в нем никаких глубоких, многообъединяющих идей», ему свойственны «односторонность» и какая-то «холодность чувства».[1]

Языков — поэт, который в совершенстве выразил «стремление к душевному простору»,[2] — утверждал И. Киреевский. Его «господ-

[1] «Московский телеграф», 1833, № 6, стр. 237.

[2] Ив. Киреевский. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1911, стр. 83.

ствующий идеал... есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг; и господствующий тон его стихов — какая-то звучная торжественность».[1]

Полевой один из первых заметил слабые стороны мировоззрения и творчества Языкова, которые выявились уже в 1820-е годы, но получили особенное развитие во второй половине его деятельности; он как бы предсказал будущее «падение» Языкова. Киреевский же лучше, чем кто-либо, почувствовал пафос, одушевлявший произведения Языкова в пору его поэтического расцвета, определил тот вклад, который внес Языков в русскую лирику. Вклад этот в основном был сделан в первый период творчества Языкова. Его поэзия тогда не была ни безыдейной, ни холодной. Всю ее согревало чувство, которое Киреевский охарактеризовал как «стремление к душевному простору», точнее же: ее питало и формировало политическое и религиозное вольномыслие.

По своим общественным взглядам и литературным воззрениям, по своей поэтической практике Языков принадлежал в эти годы к широкой декабристской периферии. Его вольнолюбие, не основывающееся на прочном идейном убеждении, было не слишком серьезным и стойким: последовательным, сознательным революционером Языкова назвать, конечно, нельзя. Крайне расплывчаты были и политические его идеалы. Однако искреннее возмущение самодержавным произволом, отвращение к аракчеевскому режиму, ко всякому гнету и тирании позволили Языкову создать в 1823—1826 годы произведения объективно революционные, в которых эмоциональный протест его и призыв к свободе выразились ярко и сильно.[2] Причем эти произведения внесли в декабристскую поэзию, да и в русскую поэзию вообще, нечто существенно новое.

Произведения Языкова пережили его время. Политические и патриотические стихотворения поэта, его вольные песни и превосходная пейзажная лирика представляют для нас нетленную ценность. Однако мы не уясним себе до конца природу и характер поэтических завоеваний Языкова, если забудем, что все лучшее в его творчестве возникло в свое время как ответ на конкретные требования современной ему общественной жизни и литературного движения.

---

[1] Там же, стр. 84.

[2] О политических мотивах в лирике Языкова см. подробнее: М. К. Азадовский. Н. М. Языков. — Н. М. Языков. Полн. собр. стих. М.—Л., 1934, стр. 39—40.

Поэтическая индивидуальность Языкова сформировалась к 1823 году. Это было время общественного подъема, предшествовавшего революционному выступлению 1825 года, а в литературе — ожесточенных споров о направлении русской поэзии и первых побед романтизма.

Большинство из дошедших до нас ранних стихотворений Языкова явно несамостоятельны; однако ими он сразу же заявил о своей приверженности к романтизму и очень скоро — о принадлежности к его гражданскому крылу.

Послания Языкова к Кулибину, Очкину, к брату («Столицы мирный житель...») и даже стихотворение 1823 года «Мое уединение» с их характерными темами (невзгоды судьбы, утешения любви и дружбы, сладость уединенной жизни и воспоминаний) были типичными для того времени подражаниями Жуковскому и Батюшкову. И оссиановский колорит, и элегические штампы *(смиренная обитель, сень мирная, розы сладострастья* и проч.) и, наконец, прямая перекличка с «Моими пенатами» Батюшкова («К брату», «Мое уединение») — все это делает молодого Языкова усердным учеником русской элегической школы. В этих первых стихотворениях еще нет ничего собственно языковского, это романтические опыты и не больше.

Только в «Песне короля Регнера», «Моей родине» и посвящении брату А. М. Языкову («Тебе, который с юных дней...»), написанных в конце 1822 года, обнаруживается талант молодого поэта, спорадически возникают характерные для него в будущем мотивы и поэтические интонации, привлекшие внимание Дельвига, а вскоре и Пушкина.[1] Вслед за тем, в 1823 году, появляется ряд стихотворений (послание к В. Княжевичу, песни бардов и баянов, «Услад»), реализующих обещание поэта воспеть

...дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу,
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар...

(«Языкову А. М., при посвящении тетради стихов моих»)

---

[1] 16 ноября 1823 года Пушкин писал Дельвигу, прочтя его сонет, посвященный Языкову: «Разделяю твои надежды на Языкова...». — Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 74.

Эти стихотворения положили начало высокой патриотической и вольнолюбивой лирике Языкова.

В 1820-е годы Языков одним из первых среди декабристских поэтов обратился к своеобразному «жанру» песен баянов или бардов на поле битвы, получившему довольно широкое распространение в гражданской поэзии эпохи декабризма, таких, например, как «Ротчеву» (1826) и «Бард на поле битвы» (1826—1828) А. А. Шишкова, «Нашествие Мамая (Песнь Баяна)» (ок. 1825) В. Н. Григорьева, «Баян на Куликовом поле» (1825) В. Розальон-Сошальского.

У истоков этого «жанра», родственного думам Рылеева, стоял Макферсоновский «Оссиан», представленный в России многочисленными переводами и подражаниями. Более же близким и непосредственным источником его была русская патриотическая лирика, отчасти принявшая краски оссиановской поэзии.[1] И здесь в первую очередь следует назвать Державина — его «Водопад», оды «На взятие Измаила», «На победы в Италии» и т. п.; затем исторические элегии Батюшкова («Воспоминания», «Переход через Рейн») и также «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

Именно к Державину, Батюшкову, Жуковскому восходит высокий накал патриотических чувств, характерный для декабристских «песен баянов», и раздумья о славных мужеством предках, и «северный» колорит этих песен.

Рылеев, открыто подчинивший в своих думах (1821—1823), в частности в «Баяне», патриотическую тему целям гражданского воспитания, определил новое наполнение песен бардов и баянов.

Но только у Языкова патриотическая тема приобретает в этих песнях политический подтекст и боевой, объективно революционный смысл. Постоянный мотив оссианической поэзии — воспоминание о минувшей славе, сожаление о ее быстролетности — обращается здесь в воспоминание об утраченной свободе, о свободолюбии предков и «быстроте их пламенного мщенья», оборачивается презрением к рабам, смирившимся со своими цепями.

Языков, как верно отмечает Ю. М. Лотман, в отличие от своих предшественников, не боится брать эпохи порабощения и поражения русского народа, и это только увеличивает связь его «песен» с современностью, резче обозначает их агитационную направленность.

По отношению к думам Рылеева языковские песни баянов являются новым этапом: «Связанные с настроениями эпохи Союза

---

[1] Известную роль в формировании этого «жанра» могла сыграть и сходная по своей направленности и стилю проза, например «Славенские вечера» В. Т. Нарежного (1809).

благоденствия, думы Рылеева были призваны воспитывать в читателе героизм и любовь к родине. Свободолюбие давалось читателю как общая тональность, лишенная политической конкретизации. В этих условиях поэт должен был подчеркнуть в прошлом положительные примеры мужества и патриотизма. Сюжет, связанный с поражением, воинской неудачей, торжеством врагов, воспринимался как лишенный высокого воспитательного значения. К 1823 году настроения изменились: исторический сюжет должен был прямо навести читателя на тему торжества деспотизма в окружающей жизни, внушить ему мысль о необходимости борьбы за освобождение».[1]

Языков, как и другие поэты декабристского направления, искал в истории поучительных примеров для современников.[2] Отсюда в его песнях бардов система намеков и приноровлений, употребление широко принятых в декабристской литературе слов-сигналов, то есть слов, вызывающих современные политические ассоциации (*свобода, рабы, цепи, отчизна, честь* и проч.), словом — ряд приемов, характерных для общего потока вольнолюбивой поэзии этого времени.

Однако было в этих стихах и нечто новое, свойственное ему одному. Это новое было очень важно для его будущей поэзии и в то же время отвечало насущным потребностям литературного развития.

Героическое и патриотическое содержание декабристской поэзии, агитационные цели ее выдвинули в 1810—1820-е годы в качестве первоочередной задачи — создание нового торжественного стиля.

В борьбе с идейной облегченностью и салонной гладкостью карамзинской школы писатели гражданского направления, ориентировавшиеся на высокий стиль (например, Востоков, Гнедич, Катенин, Кюхельбекер), опирались на литературу XVIII века, располагавшую разработанными средствами этого стиля. Вслед за Радищевым некоторые из них принципиально отстаивали затрудненность торжественной стихотворной речи, проистекающую от перенасыщенности ее архаической лексикой и оборотами, считая ее условием энергии и силы выражения.

Между тем карамзинская школа в лице таких своих представителей, как Жуковский и Батюшков, сделала настолько важные от-

---

[1] Ю. М. Лотман. «Слово» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. — «„Слово о полку Игореве" — памятник XII века». М.—Л., 1962, стр. 394.

[2] «Где же искать вдохновения, — писал он брату, — как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером?» (стр. 29).

крытия в области русского стиха и поэтического языка, что их нельзя было безнаказанно не учитывать.

По сравнению с раскованными, гармоническими стихами Жуковского и Батюшкова, их новым стиховым темпом, легкостью, гибкостью в передаче различных эмоций современная им гражданская поэзия нередко выглядела чрезмерно тяжеловесной и неповоротливой. Несмотря на искренность гражданского чувства, на стиль, изобилующий, по выражению Г. А. Гуковского, «страшными, свирепыми, страстными словами»,[1] она была риторической и холодной. Исторически необходимо было уничтожить известное отставание торжественного стиля, усвоить ему стиховые и языковые завоевания новой поэзии.

Эта необходимость, несмотря на острые теоретические споры, ощущалась обоими лагерями, заставляя их идти на взаимные «уступки» в области гражданской поэзии, что и подготовило исподволь появление новой стилистической системы.

Так, у гармонического Батюшкова, едва он касается предметов важных и высоких, появляются одические интонации, образы и лексика XVIII века. Те же признаки высокого стиля возникают вместе с гражданской темой и у Жуковского (пример — «Певец во стане русских воинов», хотя, в отличие от более архаических стихотворений Батюшкова, здесь явно преобладает легкая, песенная основа).

У ряда писателей гражданского направления эти уступки новейшим завоеваниям поэзии выражались в отказе от четкого жанрового деления в пределах высокого стиля (слияние оды и сатиры), а следовательно, и в несоблюдении строгих правил построения жанра (решительный шаг в этом направлении сделал уже Державин): стихотворения одического типа стали менее растянутыми, а потому более энергичными и эмоционально концентрированными.

В эти стихотворения начинают проникать сентиментальные мотивы, свидетельствующие о характерном для преромантизма и романтизма внимании к жизни сердца. Вместе с ними вторгаются сюда чуждые торжественному стилю XVIII века лексика, синтаксис, ритмы. Поэтическое слово становится романтически многозначным, на первый план выступает не предметное, конкретное значение слова, а его ореол, то есть ассоциации с ним связанные (на этом принципе основаны и слова-сигналы).[2]

---

[1] Гр. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 151.

[2] Подробнее см. об этом в кн. Гр. Гуковского «Пушкин и русские романтики». Саратов, 1946.

Подобные «уступки», приобретшие к 1820-м годам характер обязательный и закономерный, существенно видоизменили торжественный стиль, начали переводить его на новую, романтическую основу, хотя и не перестроили его еще полностью. Задача эта окончательно была решена только Пушкиным в ходе движения его к реалистической лирике, но ее решению немало содействовал своими поэтическими открытиями и Языков.

Главнейшим завоеванием Языкова в области торжественного стиля — и оно тоже наметилось уже в песнях бардов — является живой поэтический восторг, который удается ему создать взамен величавого одического парения XVIII века, почти не прибегая при этом к «страшным, свирепым» словам. Механизм, секрет этого характерного языковского «восторга», заставившего Гоголя говорить, что Языков рожден «для дифирамба и гимна»,[1] заключается в сочетании стремительного, как бы летящего стиха с особым строением стихотворного периода.

По стиховому темпу Языков, как это было установлено исследованиями,[2] не только резко отличается от поэтов XVIII века, но и занимает первое место среди поэтов своего времени. Типичные для Языкова пропуски ритмических ударений на первой и третьей стопе четырехстопного ямба в периоде, передающем непрерывное эмоциональное нарастание, создают впечатление того страстного поэтического «захлеба», который поражал современников Языкова и до сих пор поражает нас.

Когда с толпо́й отважных бра́тий
Ты грозно ки́нешься на бо́й, —
Кто си́льный сде́ржит пред тобо́й
Врагов тьмочи́сленные ра́ти?
Кто сгонит бле́дность с их лица́
При виде гне́вного бойца́?

Доведенное до кульминационной точки эмоциональное напряжение, как правило, разрешается у Языкова эффектной поэтической формулой, представляющей собой смысловой и ритмический центр тяжести периода или стихотворения в целом и как нельзя лучше отвечающей целям политической агитации:

---

[1] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Полн. собр. соч., т. 8. Л., 1952, стр. 390.

[2] Андрей Белый. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба. — «Символизм». М., 1910.

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом,
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Формулы эти большей частью по-державински громкозвучны, то есть определенно организованы в звуковом отношении. Позднее, в стихотворениях 1824—1826 годов, Языков не только применяет в них аллитерацию, но и ритмически подчеркивает их смысловую весомость особой расстановкой ударений: обычные для Языкова стремительные ямбические строки, сохраняющие лишь два ударения из четырех метрических, сменяются здесь замедленными трех-, четырехударными стихами, с почти обязательным ударением на первой стопе.

Но с праха ру́шенных грома́д,
Из тишины́ опустоше́нья,
Восста́л — вели́чествен и мла́д —
Бессме́ртный а́нгел вдохнове́нья.

(«Муза»)

Или:

Пусть неизме́нен жизни но́вой
Приду к таинственным вратам,
Как Во́лги ва́л белоголо́вый
Доходит це́лый к берега́м.

(«Молитва»)

В языковской громкозвучности, эффектности таилась и некоторая опасность: порой она отзывалась холодностью чувства, могла обернуться даже безвкусицей. Но таких срывов у Языкова в первой половине 1820-х годов почти нет, его охраняло от них глубокое и подлинное лирическое чувство.

Строя период, Языков умело использует и старые, накопленные одой XVIII века средства. Его излюбленным приемом является нагнетание параллельных синтаксических конструкций, часто подчеркнутых анафорическими зачинами. Он прибегает и к риторическим вопросам, и к характерным одическим восклицаниям. Но в отличие от поэтов XVIII века его мысль не развивается обстоятельно и плав-

но по правилам классической риторики. Языков старается выговорить ее одним дыханием (очень часто его период — это одно предложение), причем самое развертывание мысли — это всегда нарастающее движение к кульминации. Риторические вопросы, обращения, восклицания, вторгаясь в период, как бы подхлестывают его стремительное развитие:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Здесь, в этих строфах послания к Денису Давыдову, по словам Гоголя вызывавших слезы у Пушкина,[1] особенности языковского периода проявились наиболее полно и выразительно. Хотя послание написано в 1835 году и формально должно быть отнесено ко второму периоду творчества Языкова, но по своим характерным особенностям оно целиком принадлежит к лучшей поре его поэтической деятельности, завершает и увенчивает ее.

Чтобы избежать ритмического и композиционного однообразия, Языков часто начинает свой период как бы с середины, инверсивно, с придаточного предложения, деепричастного оборота, вопроса или восклицания (это, кстати, способствует убыстрению стихового темпа: чтобы овладеть основной мыслью, надо мгновенно охватить весь

---

[1] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Полн. собр. соч., т. 8, стр. 387—388.

период в целом): «Не вовсе чуя бога света...», «Певец единственной забавы...», «Искать ли славного венца...», «О разучись моя рука...» и т. п. «Откуда ни начнет период, — писал Гоголь, — с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный».[1] Пушкин и Дельвиг, по словам С. П. Шевырева, также утверждали, что «искусство слагать стихотворный русский период постигнуто было в совершенстве одним Языковым».[2]

Немаловажны были заслуги Языкова и в обновлении образной системы и словаря высокой поэзии.

В конце 1810-х — начале 1820-х годов в гражданской лирике, в пределах определенных устойчивых стилей (библейский, национально-героический, восточный, северный) дает себя знать та же тенденция к омертвлению поэтического словаря, что и в элегии того времени. Одни и те же слова и образы, переходящие от поэта к поэту, из стихотворения в стихотворение, призванные вызывать один и тот же привычный круг ассоциаций, — в какой-то мере утрачивали свое предметное значение, а с ним и выразительность. По мере дальнейшего развития романтизма происходит разрушение устойчивых стилей.[3] Причем в этом процессе участвуют не только крупные поэтические силы, но, в меру своих способностей, поэты второстепенные и даже третьестепенные.

Однако то, что было счастливой находкой, например, в стихах В. Григорьева, у Языкова стало явлением характернейшим и принципиальным. Он сознательно и постоянно заботился об обновлении поэтического словаря, добиваясь особой весомости образа и слова, прокламируя свою самобытность:

Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода.

(«Н. Д. Киселеву. Отчет о . . . »)

Впечатления поэтической свежести Языков достигает в основном двумя путями.

---

[1] Там же, стр. 387.

[2] С. П. Шевырев. Николай Михайлович Языков. — «Московский городской листок», 1847, от 9 января.

[3] См. Л. Я. Гинзбург. Русская лирика 1820—1830-х годов. — «Поэты 1820—1830-х годов», «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1961.

Первый заключается в оживлении омертвевшего словаря высокой поэзии, в возвращении словам их живого, конкретного значения.

Это явление можно наблюдать у Языкова хотя бы на примере «Рока» — одного из ранних его стихотворений.

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
И пламень Тартара в очах!
Увы! сия рука не знает сострાданья,
Не знает промаха удар!
Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
Посол неправых неба кар?

На первый взгляд кажется, что здесь нет ничего нового по сравнению с образцами высокого стиля конца 1810-х — начала 1820-х годов: прах, кинжал, окровавленной, пламень, Тартара, сия, сей — все это привычная лексика торжественного стиля того времени. Однако поэтически звучит она все-таки по-новому.

Прежде всего привлекает внимание дважды повторенное властное требование: «Смотрите». Оно не совсем обычно в произведениях данного рода и оказывает сильное влияние на контекст, заставляя воспринимать все не отвлеченно, а как живой зрительный образ. Соответственно этому и «кинжал в руке окровавленной» и «пламень Тартара в очах» начинают восприниматься как живописные детали изображаемой картины, утрачивая характер стилистического штампа. Еще более настораживает читателя неожиданное для данной темы слово «невинные». Понимание рока как несправедливой, злой силы, направленной именно против невинных, не характерно ни для поэзии XVIII века, ни для творчества Жуковского, где рок выступает главным образом как божественное провидение. Не вполне совпадает оно и с довольно распространенной в романтической литературе трактовкой рока как силы, слепо карающей и правых и виноватых. Таким образом, «невинные» по самому смыслу своему противоречит привычным ассоциациям, выглядит новым в данном контексте. Это впечатление новизны отбрасывает отблеск на весь лексический строй стихотворения, тем более что оно поддерживается подобными образами и дальше. Языков смело сочетает тут несочетаемые, с точки зрения традиции, понятия: рок — *«ангел злодеянья»*, «посол *неправых неба кар»; «злодейству* он дает *торжественные силы»* и *«гений* творческий *для бед»,* и «медленно его *по*

крови до могилы Проводит *в лаврах* через свет». Определение «медленно» придает конкретный характер движению и опять заставляет воспринимать образ зрительно, подготавливая финал стихотворения, где после элегических сетований в духе Жуковского («Но ты, минутное творца изображенье, невинность, век твой не цветет» и т. д.) мы вдруг встречаемся с таким неожиданным эпитетом, как «бледная», сразу же обращающим отвлеченную «невинность» в испуганную женщину, затерянную в «бунтующем море».

Иль бросит бледную в бунтующее море,
Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
И ты при молниях читай!

Как же иначе и прочесть эти роковые слова, как не «при молниях», если небо «закрыто» «с края в край»? От этого «при молниях» грозовой мрак над бунтующим морем, и парус, и начертанные на нем слова приобретают не только аллегорическое, но и предметное значение. Отсюда особое впечатление одинокости, беззащитности человека перед лицом неотвратимой и бессмысленной гибели.

Этот способ оживления шаблонизировавшихся образов, конечно, не принадлежит одному лишь Языкову. Он был открыт для русской поэзии еще стихами Державина, в которых столкновение чуждых друг другу лексических слоев часто давало подобный стилистический эффект. Знал его и Батюшков, умевший одним-двумя словами придать удивительную конкретность образу (см., например, стихотворение «Когда в страдании девица отойдет...»). Того же добивались иногда и другие, менее значительные поэты в 1820-е годы. Однако, как уже говорилось, для Языкова это явление было принципиальным и играло особо важную роль в его произведениях высокого стиля, таких, например, как «Муза» (1824), «Молитва» (1825) и, в частности, в его политических элегиях 1824—1826 годов: «Еще молчит гроза народа...», «Свободы гордой вдохновенье...», «Не вы ль убранство наших дней...».

По мысли и чувству эти элегии несколько напоминают пушкинское «Свободы сеятель пустынный...». В них выражено горькое сознание глубокой порабощенности, придавленности народа, а потому и безнадежности революционного действия. Обнаженностью, открытостью политической мысли и эмоции они сближаются со стихотворениями Рылеева, хотя Языкову остались совершенно чуждыми мотивы революционной жертвенности и гражданский гнев, характерные для рылеевской лирики.

В формальном отношении эти элегии отличаются лаконизмом, энергией стиха, весомостью каждого слова. Характерный для устойчивого одического стиля словарь их приобретает новую выразительность под воздействием необычных для стихотворений этого стиля чувств и мыслей. Трагическое противоречие между необходимостью революционного возмущения и невозможностью его в «рабской России», составляющее пафос этих элегий, определяет всю их внутреннюю структуру.

Освежая поэтический словарь, Языков не только оживляет старые, шаблонизировавшиеся образные средства, но и смело заменяет их новыми, адекватными по стилистическому значению.

Так, сплошь и рядом он подставляет вместо славянизмов другие архаизмы, например сложные слова («браннолюбивая», «стройноверные», «пряморусская» и т. п.).

Сложные слова были употребительны в древнерусской письменности (в частности, в летописях). Из поэтов к ним охотно прибегали Ломоносов и Державин, из современников Языкова — Н. И. Гнедич, использовавший их как слова высокого стиля при переводе «Илиады» Гомера. Как высокие слова употребляет их и Языков. При этом он не ограничивается готовыми, изобретенными до него сочетаниями, а создает свои собственные. Свежесть этих вновь созданных архаизмов делает их особенно выразительными, весомыми в стилистическом отношении.

Того же эффекта Языков добивался, употребляя архаические синтаксические обороты (в том числе и славянские), разгружая в то же время текст от славянизмов лексических:

Могуч восстать до идеала

Музы своенравной. .. и высшей рока и похвал

Минувших лет во глубине
Следим великие державы
и т. п.

«Смелыми и резкими словами и оборотами своими, — писал Белинский, — Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежащих на языке и фразеологии».[1]

---

[1] В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 году. — Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, стр. 561.

В целом и быстрый темп, и особый период, и облегченный, обновленный словарь языковской высокой поэзии означал явное и притом органическое сближение торжественного стиля со стилем легкой поэзии.

Значение этого явления в историческом плане и в творчестве самого Языкова чрезвычайно велико. Белинский видел историческую заслугу Языкова только в том, что его оригинальные стихотворения «дали возможность каждому писать не так, как все пишут, а как он способен писать, следственно, каждому дали возможность быть самим собою в своих сочинениях. Это было задачею всей романтической эпохи нашей литературы, задачею, которую она счастливо решила». [1]

Но главная заслуга Языкова была в том, что в его творчестве мысль и чувство гражданина, сойдя с риторических ходуль, обрели правдивое выражение. Конечно, и здесь главенствующая роль принадлежит Пушкину и Грибоедову, однако Языков сделал немаловажный и совершенно особенный вклад в решение этой задачи.

Что же касается значения найденного Языковым торжественного стиля для его творчества, то его трудно переоценить. Недаром первыми произведениями Языкова, предсказавшими в нем оригинального поэта, были произведения высокого стиля. Его завоевания в этой области оплодотворили всю его поэзию 1820-х годов. Благодаря этому «электрический восторг» и «звучная торжественность», о которых говорил И. Киреевский, действительно составляют «господствующее чувство» и «господствующий тон» его стихов вообще, вплоть до чисто интимной и пейзажной лирики.

3

В 1823 году был написан цикл застольных песен Языкова, в которых муза его, как он писал братьям, появляется «в бархатной шапке, с дубовою ветвию» (стр. 93), то есть в студенческом одеянии.

Песни эти, так же как послание к Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские наслажденья...»), такие стихотворения, как «К халату», «Дерпт» и, наконец, цикл бурсацких «элегий», не были напечатаны при жизни Языкова, однако широко распространялись в списках, способствуя формированию в сознании читателя целостного образа вольномыслящего поэта-студента. Вся поэзия Языкова

---

[1] В. Г. Белинский. Русская литература в 1844 году.— Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 458—459.

1820-х годов воспринималась под знаком этого образа, легко вобравшего почти все созданное им в это время.

Среди современных ему поэтов Языков ближе всего стоял к Денису Давыдову. Его роднило с Давыдовым многое: биографизм, колоритность изображаемой среды (у Давыдова гусарской, у Языкова — студенческой, «бурсацкой»), вакхические мотивы и склонность к броским поэтическим формулам, и быстрый стиховой темп, а главное — удальство, размашистость.

Но за внешне сходными поэтическими чертами у Давыдова и Языкова стоит разное содержание. Один славит и воспевает такие человеческие качества, как простодушие, прямота, мужество, преданность отечеству; другой поэтизирует прежде всего высокое наслаждение гражданской свободой.

Центральное место среди студенческих произведений Языкова до́лжно отвести его песням, в которых ярко проявились лучшие черты его вольной легкой поэзии.

В общем потоке декабристской лирики эти песни Языкова отличаются не столько глубиной и силой политической мысли, революционной убежденностью или страстностью обличения (в этом отношении они, как и другие его стихи, не представляют ничего исключительного), сколько политической дерзостью, бесстрашным и задорным вызовом самодержавию.

Их достоинство и особенность составляет упоение независимой жизнью, наслаждение свободно жить и мыслить. В этом был пафос студенческой лирики Языкова и особая заслуга его перед русской и, в частности, перед декабристской поэзией.

Песни Языкова возникли в русской литературе, разумеется, не на пустом месте. Им предшествовали и сопутствовали, кроме гусарских стихов Дениса Давыдова, русская «анакреонтика», лицейская лирика Пушкина и стихи поэтов-декабристов, воспевавших дружеские пиры. Не бесследно прошли для формирования языковской песни также застольные песни Гете и Шиллера, широко распространенные в Дерптском университете, и немецкие студенческие песни, распевавшиеся на корпорационных пирушках — комерсах.

При всем том Языков нашел в песнях свой тон, свой характерный колорит. Его песни отличаются живой бытовой окраской. Он создает конкретный образ русского студента в Дерпте, человека, ускользнувшего на время от бдительного полицейского надзора, от опасной близости к русскому самодержавию и жадно пользующегося своим «вольным» житьем:

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,

Наш ум — не раб чужих умов,
И наши чувства благородны...

Он упивается свободой нечиновного и неподнадзорного существования и с удовольствием дерзит правительству:

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело...

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад...
и т. п.

Острый политический намек, вольная шутка отличают его песни от произведений его предшественников, отвлеченно славивших дружбу, юность, свободу и вино, горячащее сердца и головы. Н. Полевой метко назвал Языкова русским Беранже. И действительно, Языков напоминает французского поэта бытовой окраской песен, характерным сочетанием гедонистических и политических мотивов.

«У меня пьянство свое, — писал Языков, — оно, так сказать, mare clausum <замкнутое море> моей поэзии».[1] Это справедливо и по отношению к содержанию «любовных, винных»[2] стихотворений Языкова, и по отношению к их форме. Пушкин и Гоголь сравнивали поэзию Языкова с разымчивой, пьяной брагой, с хмелем. «Человек с обыкновенными силами, — говорил Пушкин, — ничего не сделает подобного. Тут потребно буйство сил».[3]

Прогрессивный общественный смысл этого «буйства сил» живо воспринимался современниками. В языковском «хмеле», по словам Гоголя, «слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху. У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра».[4]

---

[1] Письмо к А. М. Языкову от 30 сентября 1830 года (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР).

[2] Там же.

[3] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Полн. собр. соч., т. 8, стр. 387.

[4] Там же, стр. 387—388.

«Буйство молодое» стихов Языкова как нельзя лучше передавало опьяняющее чувство легкости, смелости, свободы, владеющее его лирическим героем. Песни были зерном созданного Языковым образа поэта-студента, который, однако, по своему общественному содержанию не может быть полностью сведен к их дерзкому, но несколько поверхностному вольнолюбию. В формировании этого образа, расширяя и углубляя его, принимали участие также и такие стихотворения Языкова, как «Муза», «Поэт свободен. Что награда...», в которых Языков говорит о независимости поэта и торжестве свободного искусства над «разнузданной силой» тирании; и типично декабристские, с уроком для современности, произведения его на историческую тему — «Евпатий», «Новгородская песнь», примыкающие к его песням бардов и баянов; и горькие политические элегии Языкова. Сюда причастны также интимная лирика поэта (элегии) и его дружеские послания.

Любовные стихотворения Языкова в 1820-е годы, почти все связанные с именем А. А. Воейковой, большей частью окрашены чувством досады и разочарования. «Божество» поэта, его «рай», «звезда», указавшая ему путь вдохновений и пробудившая в нем «любви чарующую силу», оказывается далеко не идеальной, а самая любовь — неглубоким увлечением.

В формальном отношении эти стихотворения привлекают внимание своей поэтической смелостью. Элегиями они могут быть названы только с большой натяжкой. Этот жанр в творчестве Языкова оказался сильно разрушенным. Наполненный новым содержанием, он почти совершенно (исключение — элегии политические) утратил черты высокого стиля. Более того, элегия большей частью выступает у Языкова как жанр «низкий». Недаром свои «бурсацки» грубые эротические стихи он также называет элегиями. Просторечие, смелые поэтические сравнения, звучащие прозаизмами, нарочитая небрежность языка, приближающая его к живому, разговорному, «незастенчивость слов» — все это встречается у Языкова более чем где-нибудь именно в элегиях, иронически трактующих любовные переживания героя. Смысловой центр и стилистический эффект этих стихотворений сосредоточены обычно у Языкова в последних строках. В первой части элегий иронический тон их едва намечен, чуть сквозит за условными элегическими формулами:

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную ме́жу
В эдем подлунный и чужой.

Во мне уснула жажда неги.
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий
Ему во славу написал.

Но внезапно вторгающийся смелый оборот (в данном случае просторечное «десятка с два») подготавливает иронический поворот концовки:

Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

Как правило, в этих концовках Языков прибегает к изысканно дерзким, бытовым и часто «низким» сравнениям:

И как сибирская пищуха
Моя поэзия поет.

И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
...Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки...
и т. п.

Языковские дружеские послания первой половины 1820-х годов развивают темы его вольных песен, но по сравнению с этими песнями в них более отчетливо звучит мотив благородного служения родине: независимая, свободная жизнь готовит молодые сердца к подвигам «чести и добра», учит их не унижаться перед самовластьем и не считать «закон царя» «законом судьбы».

Если исключить одно из ранних посланий к Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские наслажденья...»), которое своим рационализмом, медлительным стихом (шестистопный ямб) и специфической фразеологией напоминает сатиры XVIII века, всем им свойственны лучшие и характерные черты свободного поэтического почерка Языкова, его восторженная, праздничная интонация, так гармонирующая с кипением молодых, благородных чувств:

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,
Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений, -
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

(«К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву. . .»)

К середине 1820-х годов, времени расцвета дарования Языкова, относится его известный пушкинский «цикл» — «Тригорское», послания к Пушкину, П. А. Осиповой, к няне Пушкина.

Языков встретился с Пушкиным летом 1826 года, приехав для этого в Тригорское, имение своего дерптского приятеля А. Н. Вульфа. Инициатива знакомства принадлежала Пушкину, который первый обратился с посланием к Языкову («Издревле сладостный союз. . .») и пригласил его приехать.

В этих стихах встреча с Пушкиным, очаровавшим Языкова талантом, умом, свободолюбием, предстает как некий пир в честь вольности и вдохновения. Все обстоятельства и подробности этой встречи окрашиваются в соответствующие тона. Тригорское — это страна,

. . .где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли, —

это

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой.

Пушкин для Языкова «вольномыслящий поэт, наследник мудрости Вольтера». Беседуя, поэты летают «мыслью вдохновенной» в «былых и будущих веках», «зовут» на Русь «свободу» и т. п. Даже Волга — родина Языкова, так часто воспеваемая им, первый и единственный раз становится в этих стихах «рекой, где Разин

воевал». В споре Пушкина с самодержавием Языков решительно и демонстративно принимает сторону поэта:

Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

(«А. С. Пушкину»)

В стихотворениях пушкинского «цикла», во многих отношениях являющихся вершиной поэтических достижений Языкова, он показал себя и мастером пейзажной лирики.

В творчестве Языкова первого периода почти нет просто описательных, пейзажных произведений (исключение — «Две картины», но и они по замыслу — часть поэмы). Однако встречающиеся у него в это время изображения природы значительны, интересны и до сих пор сохраняют силу своего воздействия.

Очевидно, что в описательной поэзии Языков, как и Рылеев, во многом был учеником Пушкина, но несомненно и его поэтическое своеобразие. Оно сказывается прежде всего в самом подходе к изображению природы. Языков рисует не просто виды, пейзажи, картины — он рисует *явления* природы. Что бы он ни изображал — бурю ли и грозу или свежее утро, лунную ночь, томительно жаркий день — это именно явления природы, о которых поэт говорит торжественным, «ломоносовским», «державинским» языком, добиваясь при помощи смелых поэтических образов свежести и реальности этих величественных картин:

Бывало, в царственном покое
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаро́м восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;

Поля, холмы благоухают,
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла...

Характерно, что языковские картины природы всегда даны в движении, в процессе перехода из одного состояния в другое, они *совершаются,* как и подобает природным явлениям. Сверкающее утро на озере сменяется душной ночью («Две картины»), душный день — ночной грозой, причем сама гроза собирается медленно, постепенно приближаясь и нарастая, и наконец разражается громом, молнией, ливнем («Тригорское»). Языковский период оказывается великолепно приспособленным для передачи непрерывного нарастания какого-либо явления, которое, достигнув апогея, вдруг полно и звучно разрешается. Движение, звук, свет — необходимые атрибуты языковских пейзажей и главнейшие завоевания его в этой области, придающие прелесть и жизненную правду его изображениям. «Предмет у него только тогда жив, — писал Гоголь, — когда он или движется, или звучит, или сияет, а не тогда, когда пребывает в покое». [1]

После декабря 1825 года вольнолюбивый пафос стихов Языкова заметно ослабевает. Его стихотворения и переписка 1826 года свидетельствуют еще о верности прежним настроениям, о негодовании, которое возбуждают в нем репрессии правительства, его жестокость и лицемерие, [2] однако политическая реакция, захватившая все сферы общественной жизнедеятельности, постепенно начинает оказывать на него свое воздействие.

В стихотворениях 1827 года того же пушкинского «цикла» Языков говорит уже главным образом о «сельской», «милой и безгрешной» свободе, о вражде и презрении Пушкина уже не столько к самодержавию, сколько к «ласкам» и «изменам» людским. Теперь его восхищение пылкими беседами о свободе в «былых и будущих веках» сменяется умилением патриархальной стороной, оживающей в «пленительном рассказе» Арины Родионовны про «стародавних бар» «почтенные проказы».

В песнях 1827 года Языков говорит еще о «вольности высокой» и поднимает заздравный стакан в честь «свободы божественной»,

---

[1] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Полн. собр. соч., т. 8, стр. 390.

[2] См., например, письма родным от 29 декабря 1825 года (стр. 233) и от 2 сентября 1826 года (стр. 260).

«лелеющей нас»; в 1829—1831 году он создает еще такие мужественные и гордые стихотворения, как «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), «Подражание псалму CXXXVI» и «Поэту», однако этим почти все и кончается. В целом его творчество в конце 1820-х — начале 1830-х годов имеет уже другую тональность.

Чрезвычайно показателен для новых настроений Языкова цикл студенческих песен 1829 года. Песни эти носят гораздо более «бурсацкий» характер, чем цикл 1823 года. Нет уже здесь ни политических намеков, ни смелых шуток. Свобода окончательно обращается в свободу времяпрепровождения гуляки-студента; «разгульные красотки» и вино полностью заменяют теперь «бурсаку» «Волхов, Тибр и Иппокрену» (то есть вольность и вдохновение). В этом цикле «разгул» уже явно берет верх над вольномыслием.

Большое место начинают занимать у Языкова (снова как в самом начале 1820-х годов) интимные дружеские послания и любовные элегии. Преобладающее содержание этих, очень похожих друг на друга посланий, — затянувшееся прощание с Дерптом, воспоминание о веселой и вольно протекшей юности, жалобы на оскудевшее вдохновение. По форме — это все напутствия друзьям, выходящим на самостоятельную жизненную дорогу, растянутые и вяловатые, так как воспоминания не в силах заменить живые чувства прежних языковских стихов. Характерно, что первый отрицательный отзыв о поэзии Языкова, последовавший за целым рядом хвалебных рецензий, был связан именно с посланиями 1827—1828 годов. В рецензии на «Северные цветы на 1828 год» Н. Полевой, некогда приветствовавший Языкова, жалуясь на однообразие современной поэзии, не дающей читателю «живых впечатлений», упоминает в одном ряду с наскучившими мотивами стихотворений Ф. Глинки, Ободовского, Туманского — «прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах, старание выискать новый оборот для старой мысли г-на Языкова».[1]

Поскольку из творчества Языкова постепенно уходит большое общественное содержание, интимная тема становится в нем особенно заметной. Это сознает и сам Языков. «Все переменилось, — жалуется он в 1830 году дерптскому товарищу, — жизнь и поэзия моя!»:

Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней

---

[1] «Московский телеграф», 1828, № 1, стр. 127.

И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!

(«К А. Н. Татаринову»)

Восторг в его стихах это теперь по большей части упоение любви, самое вино — образ любовного хмеля («Кубок», «Вино»).

Среди произведений этого рода привлекает внимание цикл стихотворений, обращенных к Татьяне Дмитриевне, «цыганке Тане», как ее называли в Москве. Особую прелесть этих стихотворений составляет нежное, умиленное и бескорыстное чувство любви к женщине, «разгульной» «как поцелуй насильный и мятежный», то есть воплощающей собой чувственное наслаждение. Эта коллизия между характером героини и вызванным ею чувством, несмотря на романтическую свою основу, создает впечатление неподдельности, настоящей жизненной правды.

В эти же годы появляются в стихах Языкова библейские мотивы и образы, предвещающие такие его стихотворения 1840-х годов, как «Сампсон» и «Землетрясенье». Правда, «Поэту» («Когда с тобой сроднилось вдохновенье...») и «Подражание псалму CXXXVI» по содержанию и тону примыкают еще к его вольнолюбивому творчеству, однако форма их не случайна: протест Языкова приобретает более абстрактный, морально-этический характер

Раньше поэт Языкова — это или баян, традиционный в декабристской литературе певец-воин, поющий славу героям и пламенной любви к свободе, или независимый, свободный гений, для «торжественных трудов» которого не может служить наградой «милость царственного взгляда» и «восхищение рабов». Теперь же миссия поэта представляется ему высоким, «избранническим» служением божественной мудрости и добру. Поэт призван смягчать своим пением равно и муки раба и жестокость «венчанного произвола». (Такое умонастроение родственно, например, А. И. Одоевскому, типичному декабристскому поэту последекабрьской эпохи.)

Библейский стиль вообще был типичен для декабристской поэзии, причем в период до 1825 года он имеет, как правило, прогрессивный смысл (Кюхельбекер, Грибоедов, Пушкин с его «Пророком», Ф. Глинка).

Несколько иначе обстоит дело в литературе последекабрьской, когда, в связи с воцарившей реакцией, в обществе начинают распространяться религиозные настроения, затрагивающие и прогрессивную литературу (в том числе поэзию ссыльных декабристов). Эти настроения особенно усиливаются в 1830-е годы после поражения революционных вспышек в Европе (революция 1830 года во

Франции, Польское восстание 1831 года). Бессилие, усталость, вынужденное примирение с неправой властью в эти годы часто оборачивается христианским смирением и облекается в библейские образы.

У Языкова этот стиль появляется только после декабря и после его стихотворений, открытостью выражения политического чувства напоминающих стихи Рылеева. И сам Языков рассматривал появление библейских мотивов в своем творчестве как явление новое и очень знаменательное. «С 1 января 1832 года моя муза должна преобразиться, — писал он В. Д. Комовскому осенью 1831 года, прося прислать ему журнал «Христианское чтение» и Библию на немецком языке. — Я перейду из кабака прямо в церковь!! Пора и бога вспомнить!..»[1] И Языков считает необходимым торопиться с изданием первого сборника своих стихотворений не только потому, что стихотворений этих набралось достаточно, но потому, в первую очередь, что на его «любовных, винных» произведениях «есть особенный отпечаток, и характер в них дышит такой, которого не должно быть в последующих: пусть они и существуют особняком».[2]

В начале 1830-х годов прорывается еще порой в стихах Языкова бурная энергия, размашистость, но чем дальше, тем больше утрачивается идея борьбы, целенаправленность движения, и поэтому рядом с энергическими вспышками совершенно естественно сосуществует мысль о законности обуздания буйной вольности «порядком» («Конь», 1831) и даже совсем не свойственное ранее Языкову чувство обреченности, покорности судьбе:

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

(«Водопад»)

---

[1] Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 годов. — «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 51.

[2] Письмо к А. М. Языкову от 30 сентября 1830 года (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР).

Конечно, у этих настроений есть и биографический подтекст (болезнь Языкова, ощущавшаяся им, необходимость наладить и упорядочить свое все еще слишком раздольное житье), однако несомненен и социальный их характер. Языков после 14-го декабря переживал то же «похмелье», что и большинство оппозиционно настроенной молодежи. Это не означает, конечно, что он прямо становится на сторону правительства: даже в 40-е годы, самый мрачный период своего отступничества от освободительных идей, Языков сохраняет критическое отношение к полицейско-бюрократическому режиму. Однако из его творчества сначала исчезает идея борьбы и смелый призыв к свободе, а затем поэзия его приобретает и откровенно реакционный смысл. Патриотизм Языкова, потеряв связь с освободительными идеями, постепенно вырождается в шовинистическую нетерпимость, в идею национальной исключительности и злобное неприятие революционного Запада.

Н. А. Добролюбов объясняет этот поворот незрелостью и расплывчатостью политических воззрений Языкова, тем, что вольнолюбие его было эмоционально, но не глубоко: «Языков не мог удержаться сознательно на этой высоте, на которую его поставило непосредственное чувство, у него недоставало для этого зрелых убеждений и просвещенного уменья определить себе ясно и твердо свои стремления и свои требования от своей музы». [1]

Переход на консервативные позиции, выразившийся у Языкова в усвоении идей, близких к славянофильским, окончательно совершается только в начале 1840-х годов, но наметился этот переход значительно раньше.

В 1832 году в первом номере «Европейца» появилось стихотворение Языкова «Ау!», содержащее его новое поэтическое кредо:

Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

. . .О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,

---

[1] Н. А. Добролюбов. Стихотворения Н. М. Языкова. — Полн. собр. соч. в шести томах, т. 1. Л., 1934, стр. 351.

Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

4

Нарочитый биографизм дерптских стихов Языкова, рассчитанный на то, чтобы вызвать в сознании современников колоритный образ поэта-студента, подобный образу поэта-гусара Дениса Давыдова, был, конечно, очень условным, и эта условность была характерной для романтизма. Подлинные факты языковской жизни были не только тщательно отобраны для его поэтической биографии, но и характерно трансформированы, «стилизованы» под заданный образ.

И все же этот условный биографизм, в котором было так мало от индивидуальности Языкова-человека, можно рассматривать как попытку преодолеть романтическую абстрактность изображения личности, сделать эту личность более индивидуальной и более конкретной, связав ее с определенной средой и даже отчасти пояснив ее.

Однако настоящее преодоление романтической ограниченности в изображении человека и, в частности, личности автора было связано не с условным биографическим единством творчества поэта, как у Дениса Давыдова или Языкова, а с тем внутренним единством авторского сознания, которое свойственно принципиально многогранной и как бы разноликой лирике Пушкина.[1]

Во второй период творчества Языков, развиваясь (с некоторым отставанием) в направлении, предуказанном русской поэзии Пушкиным, отказывается от образа поэта-студента. И не только потому, что он покинул Дерпт и университет (старым буршем можно оставаться всю жизнь). Основную причину следует искать в том, что образ этот, утратив после декабря 1825 года наиболее значи-

---

[1] См. об этом в статьях Л. Я. Гинзбург: «Пушкин и реалистический метод в лирике». — «Русская литература», 1962, № 1, и «Пушкин и лирический герой русского романтизма». — Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. 4. М.—Л., 1962.

тельные и привлекательные черты, а с ними прогрессивный общественный смысл, изжил себя.

Но существенно было также и то, что Языкову становилось все более тесно в рамках этого образа, что, обращаясь, например, к замыслам эпическим, он волей-неволей должен был его покидать.

Первые попытки Языкова создать эпическое произведение относятся еще к 1820-м годам. Правда, в это время Языкову так и не удалось написать романтической поэмы, ни даже наметить в этой области что-либо существенно новое.

Между тем поэма была для романтизма, особенно прогрессивного, жанром чрезвычайно значительным.

Преимущества этого жанра продемонстрировали получившие огромную известность поэмы Байрона. Поэма позволила наиболее полно обрисовать яркую, часто протестующую личность, ее столкновение с обществом, давала простор для лирических отступлений сатирического или элегического порядка, для колоритных описаний быта, нравов и природы в удаленные исторические эпохи или в экзотических странах.

Успех пушкинских поэм выдвинул к середине 1820-х годов этот жанр в России на первое место. Написать романтическую поэму стало почти обязательным для поэта нового направления. Это было своего рода экзаменом на поэтическую зрелость.

Вслед за пушкинскими поэмами появляются в это время поэмы Рылеева, Козлова, Баратынского и других.

Языков, претендовавший на одно из первых мест в литературе, очень ревниво относившийся не только к успехам поэтов пушкинского окружения, но и к славе самого Пушкина, живо ощущал необходимость выступить с поэмой. Первая его проба в этом роде датируется 1823—1824 годами, временем, когда до Языкова доходят слухи о «Братьях-разбойниках» и каких-то других поэмах Пушкина, а затем список и печатное издание «Бахчисарайского фонтана».

Причем надо сказать, что побуждение написать поэму было у Языкова тем сильней, что известные ему пушкинские поэмы далеко не удовлетворяли его. Прочтя «Бахчисарайский фонтан» в списке, он утверждает, например, что «эта поэма едва ли не худшая изо всех его <Пушкина> прежних», что стихи ее «вялы, невыразительны и даже не так гладки, как в прочих его стихотворениях» (стр. 118). И хотя он изменил свое мнение о стихах, познакомившись с печатным изданием поэмы, однако и тогда высказывает сожаление, что «Пушкин мало или, лучше сказать, совсем не забо-

тился о планах и характерах»[1] и приводит много положений, с его точки зрения ненужных и лишних. Лишними кажутся ему многие сцены «Бахчисарайского фонтана»: «Например, зачем сидит Гирей, зачем так много рассказывать о Евнухе? зачем купаются жены Гирея? Притом характер несколько ясный один — Марии, а важнейшие лица, сам хан и Зарема, один вовсе не изображен, а другая чуть-чуть, а этого мало для полного прекрасного целого» (стр. 128). «Романтико-темной загадкой» (стр. 100) называет Языков и выражение «под влиянием луны», употребленное в «Бахчисарайском фонтане». Пушкин кажется ему чересчур романтиком. В этой позиции Языков был не одинок. Сходное мнение высказывал, например, о «Бахчисарайском фонтане» Н. М. Карамзин; в печати — М. Дмитриев (полемика с Вяземским в «Вестнике Европы», 1824, № 5, 7), В. Н. Олин («Литературные листки», 1824, № 7); по части языка, еще ранее, о «Кавказском пленнике» — А. Е. Измайлов («Благонамеренный», 1822, № 36), М. П. Погодин («Вестник Европы», 1823, № 1) и другие.

Конечно, Языкова нельзя считать классиком на этом основании, и план его первой поэмы как нельзя лучше доказывает его принадлежность к романтизму. Тем не менее ясно, что развивался Языков в поэтическом отношении гораздо медленнее Пушкина. Не приняв романтизма пушкинских поэм, он несколько позднее не примет и реализма «Евгения Онегина», который покажется ему слишком прозаическим («рифмованная проза», стр. 187).

В 1823 году Языков пишет две «Песни Баяна» и стихотворение «Услад», которые рассматривает как фрагменты своей будущей поэмы о Баяне. План ее он сообщает брату в письме от 2 марта 1824 года: «У меня в голове план для небольшой или, может быть, большой поэмы: это именно — «Баян»; начало вы читали <«Услад»>; за ним должно следовать сражение: герой поэмы — певец и воин — остался раненый на поле битвы; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после, венчанный славою, в Киев, где находит свою любезную изменницей, он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать нравы тогдашних греков, Сицилии и проч.» (стр. 119).

---

[1] Это высказывание перекликается с критическим замечанием Языкова 1822 года по адресу пушкинского стихотворения «Война» («Война!.. подъяты наконец...»): «Стихосложение, как всегда, довольно хорошо; зато ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое» (стр. 31).

Таким образом, в качестве романтической эпохи Языков избирает здесь эпоху Святослава и войн с греками. Выбор этот едва ли не был ему подсказан статьей С. С. Уварова 1815 года «Ответ В. В. Капнисту на его письмо об экзаметре», прекрасно обрисовавшей выгоды, которые представляет эпоха «нашего рыцарства», как называет ее Уваров, для поэта-романтика: «Тут вы найдете в изобилии, — писал он о русской истории до «введения христианской религии», — все махины, нужные к поэме. Что может быть для поэта обширнее наших походов на Царьград? Что разнообразнее древнего нашего баснословия? С каким искусством предстоит вам соединить ее оригинальные северные формы с блистательными появлениями востока! Каким волшебным светом может поэт озарить берега Днепровские, стены Киева, Восфор и златые вершины Царьграда!»[1]

Мысль о подобной поэме, по-видимому, вынашивалась Языковым давно, может быть с корпусных времен (судя по тому, что и Кулибина привлекала эта же эпоха); во всяком случае еще в посвящении А. М. Языкову («Тебе, который с юных дней. . .») он объявил о своем намерении воспеть «гибель греческих полков», а в письме по поводу этого посвящения (от 20 декабря 1822 года) сообщал, что хочет написать небольшую повесть в стихах, «которой содержание будет взято из древней русской истории» (стр. 29).

Интерес к Святославу и его времени, возникший у Языкова еще в юные годы, сохранился у него до последних лет жизни: в 1844 году им была написана небольшая поэма «Отрок Вячко», построенная на материале этой эпохи, которая действительно давала большой простор для романтических описаний и пищу патриотическому чувству.

Поэма о Баяне осталась незаконченной. Отчасти потому, что Языкову недоставало знаний о быте и нравах «тогдашних греков». Он собирался было прочесть для ознакомления с ними «целого Лебо и Гиббона» (стр. 119), но так и не сделал этого; отчасти же по другим причинам — например, в связи с тем, что его захватила мысль о поэме на тему из ливонской истории.

Ливонская тема была очень популярна в литературе 1820-х годов. Как показывают исследования,[2] интерес к жизни прибалтий-

---

[1] «Чтение в Беседе любителей русского слова», № 17. СПб., 1815, стр. 64—65.

[2] См.: М. К. Азадовский. Примечания к Полн. собр. стихотворений Н. М. Языкова (М.—Л., 1934), стр. 731; С. Г. Исаков. О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х годов. — «Ученые записки Тартуского Гос. университета, вып. 98. Труды по русской и славянской филологии», № 3. Тарту, 1960.

ских стран, в частности к Ливонии, был характерен для многих писателей декабристского лагеря в связи с обострением крепостного вопроса в Лифляндии и некоторыми правительственными реформами в этой области в начале XIX века.

Однако интерес к Ливонии вызывался не только причинами политико-экономическими, но и литературными: «Отсутствующий в русской старине мир рыцарского средневековья, — пишет С. Г. Исаков, — был найден в Ливонии, составной части Российской империи. Феодальная пора Ливонии оказалась тем долгожданным отечественным рыцарским средневековьем, о котором мечтали романтики».[1]

Именно в таком плане привлекала Ливония и Языкова, хотя он был довольно далек от декабристского решения ливонской темы, для которого было характерно сочувствие угнетенным эстам.

Быт и нравы орденской Ливонии, русско-ливонские войны (особенно эпоха Ивана IV и особенно взятие Вендена), Петр в Ливонии и Паткуль — вот излюбленные мотивы произведений на ливонскую тему в 1820—1830-е годы, независимо от направления их автора. И почти всем им отдал дань и Языков.

В 1824 году им было написано стихотворение «Ливония», которое представляло собой вступление к одной из задуманных им ливонских поэм (вероятнее всего, к «Меченосцу Арану»), затем начало поэмы «Ала» и приписка к ней. В 1825 году Языков оставляет «Алу» для новой ливонской поэмы — «Меченосец Аран». В том же году задумывает стихотворную повесть о «суеверии эстов».

Время действия «Алы» — эпоха борьбы ливонского дворянства под предводительством Паткуля против Швеции; «Меченосца Арана» — XIII век, эпоха основания и укрепления ордена Меченосцев в Ливонии.

В обеих поэмах по-вальтерскоттовски объединены исторические и вымышленные герои. В «Меченосце Аране», по заявлению Языкова, должна была отсутствовать любовная интрига. Конфликт поэмы, насколько можно догадываться по намекам в первой части ее, заключается в том, что молодой доблестный рыцарь Аран, по требованию отца и против собственной воли, должен отомстить магистру ордена Винанду фон Рорбаху. Аран готов повиноваться отцу, для этого приезжает он в Ливонию и вступает в орден Меченосцев; однако месть тяжела ему: магистр внушает ему почтение, сам он пользуется его расположением и любовью.

---

[1] Указ. статья, стр. 155.

Первая часть поэмы кончается тяжким ранением Арана в бою с «врагами Христа». Как дальше должно было развиваться действие — трудно сказать, но возможно, что далее предполагалась типичная для романтических поэм «исповедь» героя: Аран, возможно, признавался магистру в своем намерении, раскрывал тайную причину мести своего отца (или узнавал ее от магистра).

Ливонские поэмы, как и начатая во время летней поездки в Симбирск в 1824 году поэма о волжских разбойниках, не были завершены. От них остались лишь лирические вступления, зачины, пейзажные фрагменты. Кроме маловыразительной сцены боя в «Меченосце Аране», Языкову не удалось создать ни одной сцены, ни одной (не пейзажной) картины. И хотя он ссылается на отсутствие специальных знаний, мешающее ему закончить эти поэмы, главной причиной их незавершенности, как и незавершенности поэмы о Баяне, видимо, является нечто иное.

Во-первых, это объясняется явным преобладанием у молодого Языкова лирического дарования над эпическим. Он не владеет повествовательной интонацией, противостоящей его бурному, пафосному стиху. Во-вторых, пытаясь создать совершенно оригинальную романтическую поэму, отталкиваясь от Пушкина, Языков пошел по уже исхоженному и потому неплодотворному пути.

При всем своем интересе к «быту и нравам», он принципиально отказывается от «описательности» пушкинских романтических поэм, от характерного для них преобладания «предметного, живописного задания над эмоционально-лирическим».[1]

Языков хорошо почувствовал самоцельность, несвязанность с основным сюжетом многих картин в пушкинских поэмах, передающих лишь местный колорит. Эту самоцельность признавал и сам Пушкин, писавший, например, В. П. Горчакову о «Кавказском пленнике»: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre <вставной эпизод, пристройка>».[2] Однако Пушкин не только не отказывался от этих вставных эпизодов, отличающих его поэмы от байроновских, но склонен был видеть в них основное достоинство своих поэм. По мере движения Пушкина к реализму эти эпизоды превращались в объективную среду, определяющую характер и поступки героев, и, следовательно, сюжетно

---

[1] В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Л., 1924, стр. 174.

[2] Письмо от октября или ноября 1822 года. —Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 52.

необходимую.[1] Так была преодолена кажущаяся непродуманность плана романтических поэм Пушкина, воспринимавшаяся Языковым как ультраромантическая небрежность повествования. Уже в «Бахчисарайском фонтане», в сценах, которые Языков считал лишними, была сделана Пушкиным попытка связать человеческие характеры с породившей их средой; Пушкин уничтожил «единодержавие» романтического характера,[2] исключительный интерес к нему в поэме (характеры Гирея и Заремы потому и кажутся Языкову бледными по сравнению с титаническими романтическими героями), герои «Бахчисарайского фонтана» уже отчасти зависят от окружающей среды (пока еще географической). В «Цыганах» эта зависимость от среды (данной с намеком на социальность) предстает в особо резком и определенном виде. Следующим шагом в решении этого вопроса был реализм «Евгения Онегина».

Языков, не понявший и не принявший принципиальной новизны пушкинских поэм, пытался противопоставить ему в пределах романтизма свой путь, что практически привело его, насколько это можно судить по первой части «Арана», к следованию русской байронической традиции.

А. С. Грибоедов, прочитавший первую песнь «Меченосца Арана», недаром упомянул в своих замечаниях имя Байрона, что вызвало явное недовольство Языкова. «В замечаниях Грибоедова на «Ар<ана>», — писал Языков брату 3 мая 1825 года, — которые мне Очкин так подробно сообщил, есть дельное; впрочем, я ожидал от Г<рибоедова> большей основательности суждения его о древних писателях, — я даже, которому они почти только понаслышке и посредственно знакомы. Еще мне не нравится то, что у нас теперь один Байрон на языке, как nec plus ultra <самое высшее> в судах литературных, что всякого почитают его подражателем или желающим идти по его дороге» (стр. 182).

Замечания Грибоедова, по-видимому, заставляли Языкова даже думать об изменении плана поэмы. В том же письме он писал брату, что не хочет теперь «объявлять ему план „Арана"», которого скоро надеется кончить, так как план этот «еще не тверд» у него в голове «и может все измениться». «Тогда постараюсь, сколько могу, — писал он, — исправить все неисправное — и давай бог ноги в публику» (стр. 182). Несколькими месяцами позднее он просит прислать ему список первой песни поэмы, чтобы ее переделать, но так и не исполняет своего намерения.

[1] См.: Гр. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 270—276.

[2] В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин, стр. 158.

В 1829 году предполагал он писать трагедию «Саул» и вместе с М. П. Погодиным оперу «Гаральд», но планы эти реализованы не были.

Только в 1830—1840-е годы Языкову удается овладеть повествовательностью и создать ряд законченных эпических произведений. В этот же период намечается в творчестве Языкова и выход за пределы романтического стиля.

5

Языков оставил Дерпт в 1829 году. Приехав в Москву, он поселился в доме Елагиных — Киреевских, родственников его дерптского приятеля Петерсона. Завязавшаяся в ту пору дружба с этой семьей продолжалась затем всю жизнь Языкова и имела для него большое значение. Здесь познакомился и сблизился он с М. П. Погодиным, К. К. Павловой, Баратынским, с Аксаковыми и А. С. Хомяковым.

Первый год живя в Москве, Языков предполагал сдать экзамен за университет, но вскоре обнаружилось, что у него недостает для этого необходимых документов и достать их теперь невозможно. Поэтому для получения чина Языков в 1831 году поступил в Межевую канцелярию, где до него числились еще два поэта — Вяземский и Баратынский. «Служу царю и отечеству, заняв в русском правлении место Баратынского, — писал Языков В. Д. Комовскому 23 сентября 1831 года, — он сам создал это место и показал при сем случае огромную силу поэтического таланта. Прослужил года с три, произошел в 14-й класс и наконец вышел в отставку, ни разу не побывав в должности, не знаемый и в глаза своим начальником».[1] Так же служил и Языков.

Писал он в это время очень много и с новым вдохновением. В кругу Киреевских Языкова принимали восторженно, и это несомненно способствовало продуктивности его поэтической деятельности. По воспоминаниям Д. Н. Свербеева, Авдотья Петровна Елагина «и ее сыновья Киреевские тотчас же стали баловать, лелеять, обогревать настуженную неудачами поэзию Языкова. Крылья поэта встрепенулись, и этим годам московской жизни принадлежат едва ли не лучшие его стихи».[2]

---

[1] Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 годов. — «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 47.

[2] Д. Н. Свербеев. Записки, т. 2. М., 1899, стр. 96.

Печатался Языков в «Литературной газете», «Московском вестнике», альманахе «Денница» Максимовича, в «Европейце» Киреевского.

В 1833 году вышла в свет первая книга стихов Языкова. Появление ее было фактом, значительным не только в биографии Языкова, но и в истории русской поэзии, хотя половина написанного к этому времени Языковым осталась за пределами книги, в том числе лучшие его песни и вообще почти все произведения, вольные в политическом и религиозном отношении (книга к тому же пострадала от цензуры). Из множества появившихся на сборник отзывов наиболее интересными были два: рецензия Кс. Полевого (в «Московском телеграфе») и И. Киреевского (в «Телескопе»), о которых уже говорилось выше.

В том же году вышедший в отставку Языков уехал к себе в Симбирскую губернию, где жил вплоть до 1838 года, лишь изредка наезжая в Москву. Писал он в это время немного; наиболее значительны из написанного сказки и послание к Денису Давыдову.

Еще в Дерпте появились у Языкова признаки тяжелой болезни, напомнившей ему о себе и в Москве. Языков надеялся отдохнуть и полечиться в деревне, однако здоровье его все ухудшалось, и в августе 1838 года он, по совету врачей, вынужден был отправиться за границу. Там, переезжая с курорта на курорт, Языков провел пять лет; был в Мариенбаде, Ганау, Гастейне, Ницце и других местах; за границей же познакомился и подружился он с Гоголем, они вместе путешествуют по Италии, вместе проводят зиму 1842—1843 года в Риме.

Тоска по родине и видимая бесполезность дальнейшего пребывания за границей заставили Языкова в 1843 году, в момент временного улучшения здоровья, вернуться домой, в Москву.

На 1830—1840-е годы падает менее трети поэтического наследия Языкова, но стихи этой поры важны в его идейной и художественной эволюции. В целом время московской и заграничной жизни поэта — период известного падения его таланта. Он утрачивает свой пафос, «свет любви», по выражению Гоголя, с потерей которого «примеркнул и свет поэзии» [1] его.

Эту утрату не могут возместить даже некоторые творческие завоевания Языкова, к числу которых следует прежде всего отнести

[1] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Полн. собр. соч., т. 8, стр. 389.

овладение эпическим стилем. «Заметил ли ты, что я стал объективнее?» — писал Языков А. Н. Вульфу 28 марта 1836 года.[1]

Первыми законченными произведениями его в повествовательном роде были «Сказка о пастухе и диком вепре» (1835) и драматическая сказка «Жар-Птица» (между 1836 и 1838). Этими вещами Языков принял участие в «сказочном» состязании между Жуковским и Пушкиным, начавшемся в 1831 году.

Языков выступал в этом споре не только последовательным, но и воинственным романтиком. В его письмах по поводу «Сказки о царе Салтане», опубликованной в 1832 году, сохранились противоположные отзывы. Так, например, 17 апреля 1832 года он писал В. Д. Комовскому: «Сказка Пушкина, meines Erachtens <по-моему>, не в пример хуже всего, что писано в сем роде Жуковским».[2] Несколько же позднее, 30 июля 1832 года, в письме к А. Н. Вульфу он писал: «А какова «Сказка о царе Салтане»? Это верх совершенства, высота, недосягаемая почти что всем нашим поэтам».[3]

Думается, что второй отзыв не свидетельствует о крутом изменении мнения Языкова о сказке. По всей вероятности, ему не хотелось доводить свой отрицательный отзыв до сведения Пушкина, а через Вульфа он обязательно стал бы ему известен. Первое же суждение совершенно в духе его высказываний о поэзии Пушкина этого времени, оно подкрепляется и художественной практикой самого Языкова.

Романтику Языкову был чужд реализм Пушкина. Пушкинские произведения 1820-х — начала 1830-х годов кажутся ему прозаическими. О «Полтаве», например, он писал А. Н. Очкину, что «в сей... поэме слишком видное стремление Пушкина описывать и выражаться как можно проще часто вредит поэзии и вводит его в прозу».[4] Лишенным поэзии считал он и «Евгения Онегина», а, судя по «Сказке о пастухе и диком вепре», также и пушкинские сказки.

Еще М. К. Азадовский отметил некоторую близость языковской позиции в этом вопросе к позиции Баратынского, находившегося в эти годы в тесном дружеском общении с Языковым. О «Царе

---

[1] «Русская старина», 1903, март, стр. 487.

[2] Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 годов. — «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 76.

[3] «Санктпетербургские ведомости», 1866, от 29 июня.

[4] Письмо от 20 апреля 1829 года. — «Русская старина», 1903, март, стр. 485.

Салтане» Баратынский писал И. Киреевскому в 1832 году: «Это совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток. Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое на столько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и по возможности все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинствам одной из наших старых сказок — и только».[1]

Между тем ни одна из сказок Пушкина, несмотря на их фольклорную основу, конечно, не была простой зарифмовкой записанного сказочного сюжета. Пушкин свободно пользовался фольклорным, а иной раз и книжным материалом для создания нового, литературного произведения, народного, однако, по своему духу и стилю.

Выступая, по существу, против реалистической народности пушкинских сказок, Языков и Баратынский обвиняли Пушкина в том, что он в угоду громко звучащему в эти годы требованию народности перелагает в стихи известные фольклорные материалы, не возводя их в «перл создания»:

Грех не велик, да не велик и труд!

И Языков пишет полемическую «Сказку о пастухе и диком вепре», пародирующую пушкинскую простоту рассказа и действительно (кроме вступления) являющуюся очень близким воспроизведением сказки из лубочного сборника «Дедушкины прогулки». Самую сказку он выбирает «попроще», якобы для того, чтобы дать простор фантазии, на самом же деле, вероятно, потому, что из всех сказок сборника она наиболее оголена и упрощена по сюжету, незамысловата почти до глупости и может, таким образом, прекрасно демонстрировать неправоту Пушкина, якобы отказывающегося от литературного преобразования народной поэзии.

Подчеркивая упрощенность сюжета, Языков в общем не стремится украшать и развивать его, довольно строго придерживаясь своего оригинала. Но уже здесь сказывается характерная для него ироническая модернизация фольклора, роднящая его с немецкими

---

[1] «Татевский сборник», СПб., 1899, стр. 48—49.

романтиками[1] (см., например, охоту на вепря, изображенную в красках современного Языкову помещичьего быта).

На этой модернизации, не оставляющей от народного источника по сути дела ничего, кроме сюжета, построена целиком «Жар-Птица». Причем Языков не комбинирует свободно сказочных сюжетов, как это делает, например, Жуковский и как это советовал делать Баратынский.[2] Он сохраняет фольклорный сюжет, но модернизирует речи персонажей, умело используя для этого все возможности содержания сказки. Так, в народной сказке о Жар-Птице царь не хочет отпускать Ивана-царевича за Жар-Птицей, боясь, что, если он, царь, умрет в отсутствие сыновей, могут произойти волнения в народе. У Языкова здесь вырастает весьма актуальная речь о народных мятежах. В сказке царь Афрон пугает Ивана-царевича тем, что сообщит о его воровстве в другие государства, у Языкова — грозит еще и распубликованием в газетах. В одной из немецких сказок на этот сюжет говорится, что братья Ивана-царевича, путешествуя, пьют, играют в карты; у Языкова это сообщение оборачивается целой сценой в трактире, где выведены завсегдатаи трактира — пьяницы и шулера. Волк у Языкова произносит речи, полные чувства, философствует, а превратившись в прекрасную Елену — поет сентиментальные песенки. Добрый, пылкий и неосмотрительный Иван-царевич несколько смахивает на героев юношеских посланий Языкова, с их поэтической душой и благородными стремлениями. От духа и стиля народной сказки не остается и следа. Языков полностью еще стоит здесь на романтических позициях.

Не удалось Языкову по-настоящему выйти за пределы романтического метода и в драматических сценах «Встреча Нового года» (1840) и «Странный случай» (1846), в которых поэт делает попытку изобразить современную ему дворянскую молодежь. Хотя сцены эти имеют некоторую биографическую основу (Кубенской и Власьев — образы, близкие самому Языкову), а в тексте их рассыпаны названия книг и имена авторов, любимых и популярных в опреде-

---

[1] На эту родственность обратил внимание И. Д. Гликман (Н. М. Языков. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. — М.—Л., 1959, стр. XI).

[2] Этот метод принципиально отвергается Языковым. 19 января 1846 года после выхода сказки Жуковского он писал брату: «Сказку Жуковского о «Жар-птице и сером волке» я читал в «Современнике». Хороша и очень хороша, хотя и не соблюдено в ней уважение к русским сказкам: в нее ввел Жуковский и Бабу-ягу и гусли-самогуды и кое-что прибавил. Это, по-моему, не годится в некотором смысле» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 537).

ленных кругах московской интеллигенции, — живых, современных произведений у Языкова из них не получилось. Характеры действующих лиц почти не индивидуализированы (особенно во «Встрече Нового года»); они не выразительны ни в психологическом, ни в бытовом, ни тем более в социальном плане. Только в «Странном случае» Языков сделал попытку дать контрастные психологические и неравноценные морально образы (поэтическому, мыслящему и глубоко привязанному к родине Власьеву противопоставлен легкомысленный, поверхностный и космополитичный Скачков, в котором есть нечто от Репетилова). Оба произведения имеют в основе анекдотический случай, не обусловленный, по существу, изображаемой средой.

И только в поэме «Сержант Сурмин» и в сатирической стихотворной повести «Липы», сближающейся с произведениями «натуральной школы», наметился в эпических произведениях Языкова новый метод изображения действительности. Хотя в основе этих поэмок по-прежнему лежит анекдот, но теперь это уже бытовой анекдот. Языкова, как Пушкина в 1820-х — начале 1830-х годов («Граф Нулин», «Домик в Коломне»), начинают увлекать характеры и обстоятельства, порожденные определенной средой. Появление в творчестве Языкова стихотворных повестей — факт типичный для эпохи 1840-х годов, с ее явным перевесом прозы над стихами и стремлением к изображению жизненной конкретности.[1]

В 1843—1846 годах выступают со стихотворными повестями И. С. Тургенев и А. Н. Майков; появляются социально-психологические очерки-поэмы в стихах Огарева, А. Григорьева, И. Аксакова и других.

Языков остался в стороне от основной направленности этих повестей: ему чужд обычный для них герой — «лишний человек», чуждо и горячее сочувствие судьбе «маленького человека». Однако обличительная тенденция, характерная для этого времени, проникла и в «Липы», в которых довольно ярко изображен чиновничий произвол в самодержавно-бюрократической России.

Новое, и притом положительно новое, появляется в 1840-е годы и в лучших лирических произведениях Языкова. Искренность и простота выражения составляют своеобразие и прелесть таких его стихотворений, как «Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены. . .», «Толпа ли девочек, крикливая, живая. . .», «Бог весть:

---

[1] См.: Б. Я. Бухштаб. «Русская поэзия 1840—1850-х годов». — Сб. «Поэты 1840—1850-х годов». «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1962, стр. 68 и след

не втуне ли скитался...», «Поденщик, тяжело навьюченный дровами...».

Эти стихотворения проникнуты подлинным, хотя и лишенным социальной окраски чувством. Томление больного человека на чужбине, тоска его переданы правдиво и сильно, в смело почерпнутых из «низкой» действительности образах.

Хороши и некоторые пейзажные стихотворения этого времени, отчасти перекликающиеся с лирикой Майкова, Фета, иногда даже Тютчева. Пейзажи Языкова по-прежнему величественны и торжественны, но теперь ему удается добиться при этом простоты и лаконизма, придающих особую значительность, философский оттенок изображению:

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный, —
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

(«Элегия»)

Во всех лучших произведениях Языкова приобретенная им простота и обыденность интонации никогда не выглядит отсутствием вдохновения, как во многих посланиях Языкова этого времени, например к Каролине Павловой (1840, 1841, 1844), Вяземскому (1844), А. А. Елагину (1841), Иноземцеву (1844) или Погодину (1844). Эти послания, состоящие из «общих мест» языковской поэзии, как правило, очень слабы художественно. (Исключение составляют лишь прекрасное патриотическое послание к Д. Давыдову «Жизни баловень счастливый...» и стихи, обращенные к Ознобишину, отличающиеся державинской конкретностью и теплотой описаний.) Вообще же поздние послания Языкова демонстрируют главным образом его поэтические утраты. Исчезает энергия стиха и характерный языковский «восторг», исчезает точность выражения, и появляются выражения фальшивые, намеренно, хвастливо простонародные. Вкус сплошь и рядом изменяет Языкову.

Когда-то Языков шел в одном ряду с Пушкиным, вместе с ним разрушал своей поэтической смелостью отживающие каноны XVIII века, теперь его стихи зачастую перекликаются безвкусицей со стихами, например, Бенедиктова. В языковом отношении он оказывается в одном лагере с теми поэтами, которые вульгаризировали пушкинскую идею демократизации поэтического языка, отказываясь и от нормализации его и от подлинно народных источников его пополнения (они обращаются преимущественно к бытовому просторечию — интеллигентскому и мещанскому).

Участие Языкова в этом «вавилонском столпотворении» (выражение Вяземского),[1] конечно, нельзя объяснить только одной потерей пафоса его поэзии. На талант Языкова губительно действовало то новое направление, которое приобретает его поэзия в 1840-х годах.

6

Из заграницы Языков вернулся в Москву в самый разгар боев между славянофилами и «западниками». Его окружение, симпатии и даже родственные связи в эту пору были уже целиком славянофильскими. Тесная дружба связывала его с братьями Киреевскими, с Хомяковым. Брат его, Петр Языков, также, видимо, разделял взгляды этого кружка (родственник Языковых Д. Н. Свербеев даже утверждает в своих мемуарах, что именно Петр заразил Н. М. Языкова своей нетерпимостью по отношению к «западникам»). «Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, — говорит об этом времени А. И. Герцен, — а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А. П. Елагиной».[2] По вторникам сходились у Языкова. Поначалу бывали у него и Т. Н. Грановский, и Герцен, но вскоре борьба славянофилов и «западников» приняла настолько ожесточенный характер, что связи между двумя лагерями оборвались.

В 1844—1846 годах были написаны полемические послания Языкова с грубыми выпадами против Белинского, Герцена, Грановского, в которых прогрессивный лагерь обвинялся в умственном разврате и измене русскому народу. Языков не брезговал здесь прямой бранью по адресу Герцена, Чаадаева, Белинского и Грановского. Ему отвечали статьями Герцен и Белинский.

Одновременно, в более высоком и отвлеченном роде, в стихах, посвященных назначению поэта и поэзии, он утверждал, что поэт «в годину страха и колебания земли» призван указывать путь спасения в вере («Землетрясенье»),[3] и призывал беспощадно мстить безбожным «филистимлянам» («Сампсон»).

---

[1] П. А. Вяземский. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. — Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, стр. 360.

[2] А. И. Герцен. Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 9. М., 1956, стр. 156.

[3] Ср. «Музе» (1823) и «Поэту» («Когда с тобой сроднилось вдохновенье. . .») (1831).

Во всех этих произведениях звучали крайнее ожесточение, даже озлобленность. И единомышленники не всегда полностью сочувствовали крайности языковских суждений и резкости его выражений. Что же касается демократического лагеря, то для него Языков становится идейным врагом.

В это же время были изданы две последние книги поэта: «56 стихотворений Н. Языкова» (1844) и «Новые стихотворения» (1845). Хотя полемические стихи Языкова и не вошли в эти сборники, последние сыграли роковую роль в окончательном падении репутации поэта в глазах представителей передовых общественных кругов 1840-х годов.

В статьях Белинского первой половины 1840-х годов постоянно и неодобрительно упоминается имя Языкова; когда же вышла вторая книга стихов поэта («56 стихотворений Н. Языкова»), Белинский в статье «Русская литература в 1844 году» выступил с развернутой характеристикой идейного и художественного значения его творчества. Критик рассматривал не только последние произведения Языкова, но и сборник 1833 года, справедливо обнаруживая уже там некоторые идейные и художественные залоги будущей деградации поэта. Приговор Белинского был слишком суров, — он безусловно справедлив лишь по отношению к последнему периоду творчества Языкова.

Целью Белинского было показать — в противовес славянофильским неумеренным восхвалениям и надеждам, — что размеры дарования Языкова и его значение в русской поэзии весьма ограниченны и давно уже полностью определились. Он весь в прошлом, и ждать от него более нечего. Не отрицая таланта у Языкова, признавая, что он был полезен нашей литературе, Белинский останавливается прежде всего на слабых сторонах его творчества, особенно проявившихся в 1830—1840-е годы. Исторической заслугой Языкова Белинский считает только поэтическую смелость, которая помогала русской поэзии освободиться от риторики, сентиментального жеманства, от подражательности. Недостатки же видит в отсутствии глубокого содержания, в ложности чувств и красок, в холодности, а также в неряшливости языка, выдаваемой за оригинальность.

Последний пункт был далеко не последним по значению. Славянофильски настроенные друзья Языкова особенно настаивали на меткости, силе и звучности языка поэта. Так, Шевырев, например, в некрологе Языкова утверждал, что «главное и особенное достоинство поэзии Языкова судьба сама как будто нарочно выразила в его имени. Поэзия русского языка в стихе была открыта ему до высшей степени совершенства. Это достоинство маловажно в глазах тех

недальновидных, которые едва ли понимают, что такое язык, этот таинственный образ всего народа, и вместе с ним готовы отвергнуть и самый народ».[1] То же совершенное владение русским языком, глубокое постижение его духа приписывали Языкову И. Киреевский и даже Гоголь.

Таким образом, вопрос о языке перерастал в вопрос о ценности содержания поэзии Языкова, о ее народности. Поэтому Белинский в своей статье особо подчеркивал фальшивую ухарскую интонацию поздних языковских стихов, их «простонародничанье», вызванное желанием поэта во что бы то ни стало быть народным. (В этом же плане пародировал Языкова и Некрасов в «Послании к другу из-за границы».) Белинский полностью, с соответствующими подчеркиваниями перепечатывает послание Языкова к Погодину («Благодарю тебя сердечно. . .»), которое изобилует такими выражениями, как «подареньице», «ты меня уважил», «по-стихотворчески я зажил», «явный доброхот», «стакан стихов» и пр. «Вот чем разрешился романтизм двадцатых годов! — заключает критик. — Впрочем, и то сказать: «От великого до смешного только шаг», по выражению Наполеона, — стало быть, от *небольшого* до *смешного* еще ближе!»[2]

Языков и сам сознавал глубокое неблагополучие своей поэтической судьбы. В 1842 году, пока озлобление против «западников» еще не затемнило окончательно его зрения, он писал брату по поводу статьи Белинского «Русская литература в 1841 году»[3]: «Белинский едва ли не прав в рассуждении меня! Я сам чувствую, что я уже далеко не тот, каков был прежде некогда, — и еще дальше не тот, каким бы я должен быть в мои теперешние годы. . .»[4]

К счастью для Языкова, никто, даже он сам, не мог зачеркнуть сделанного им в 1820-е годы.

Лучшие его произведения прочно вошли в историю русской литературы и общественной жизни. Его песни и положенные на музыку стихи на протяжении целого столетия пелись демократической и революционно настроенной молодежью. Они распространялись ча-

---

[1] С. П. Шевырев. Николай Михайлович Языков. — «Московский городской листок», 1847, от 9 января.

[2] Полн. собр. соч., т. 8, стр. 461.

[3] Здесь содержался взгляд на творчество Языкова, развитый в статье «Русская литература в 1844 году».

[4] Письмо к А. М. Языкову от 16 июня 1842 года. — «Литературное наследство», т. 56. М., 1950, стр. 156.

сто безымянно, как подлинно народные произведения, и новые поколения вносили в эти песни свои изменения, приспосабливая их к нуждам освободительной борьбы своего времени. Большой популярностью пользовались в той же среде его «Муза», «Подражание псалму CXXXVI», его политические элегии (некоторые из них приписывались Рылееву).

Все эти произведения наряду с такими стихами, как «Две картины», «Тригорское», «Молитва» («Молю святое провиденье. . .»), послание к Д. Давыдову («Жизни баловень счастливый. . .»), принадлежат к золотому фонду нашей классической лирики.

Русской поэзией были усвоены и формальные достижения Языкова, сыгравшего заметную роль в развитии лирического стиха, в формировании нового «высокого» стиля, в обогащении поэтического языка.

Лучшее в творческом наследии Языкова и сейчас сохраняет свое живое значение. Энергии и блеску стиха, прекрасному владению песенными ритмами можно учиться у Языкова и в наши дни.

К. Бухмейер

СТИХОТВОРЕНИЯ

К АЛ. КУЛИБИНУ

Не часто ли поверхность моря
Волнует грозных бурь приход
И с валом вал ужасный споря
Кремнистые брега трясет?
Не часто ль день прелестный, ясный
Скрывает мрак густой;
Не часто ль человек среди весны прекрасной
Смущается тоской,
И радость быстро отлетает?
Страшись печали, милый друг!
Да счастье всюду провождает
Тебя чрез жизни луг!
Люби, но укрощай в душе любви стремленья:
Ее опасен яд,
И часто средь цветов прелестных наслажденья
Змей ужасные шипят;
Будь верен, не страшись обмана,
Страшись, чтобы коварный бог
Не превратился вдруг в тирана
И тщетныя к тебе любови не возжег.
Быть может, там, мой друг любезный,
Где медяной Рифей
Чело к стране возносит звездной
И, крепостью гордясь своей,
Полет Сатурна презирает,
Где хлад свирепый обитает,
Ты, друг мой, в тот ужасный час,
Как ветром мчится прах летучий,

Когда луч солнечный погас,
Покрытый мрачной тучей,
Когда леса дубов скрыпят,
Пред бурей страшной преклоненны,
Когда по челам гор скользят
Перуны разъяренны, —
Быть может, друг любезный мой,
В сей бури час ужасный,
Красу, застигнуту грозой,
Увидишь ты. — И взор прекрасный
В плененном сердце нежну страсть
Воспламенит мгновенно.
И милая твоя любови власть
В душе познает восхищенной
И для тебя лишь будет жить.
Тогда под сенью мирной
Ты станешь радости с подругою делить;
Тогда твой голос лирный
Любовь благую воспоет;
И песнь твоя молвой к друзьям домчится!
Тогда во мне, о милый мой поэт,
Воспоминание протекшего родится;
Тогда я полечу душой
К дням резвым юности беспечной,
Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной!
Тебе вверять восторги приходил
И слышал суд твой справедливый,
О! сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нельстивый,
С каким весельем я с тобой
Поэтов красотой пленялся;
И, зря в мечтах их тени пред собой,
Восторгам пылким предавался;
Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По хо́лмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.

Тогда я пред собою зрел
Тебя, Фингал непобедимый,
В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый,
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали
И солнце блещущим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копье склонясь,
Стоял в очах своих с грозою —
И вдруг, на воинство противных устремясь,
Всё повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый,
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых!..
Но, друг, позволь мне удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты наделен талантом песнопенья,
Тебе героев воспевать!
В восторге устреми к превыспреннему миру
Быстротекущий свой полет,
А мне позволь, мой друг поэт,
Теперь на время бросить лиру!

1818 или 1819

А. И. КУЛИБИНУ

Итак, поэт унылый мой!
Тот скоро час примчится,
Когда тебе с родной страной,
С друзьями должно разлучиться;
Лететь туда, куда ведет
Рука судеб неумолимых;
Туда, где страшный гор хребет,
Среди степей необозримых,

Чело скрывая в облаках,
Стоит снегами увенчанный;
Где лютая зима на грозных высотах
Поставила свои чертоги льдяны;
Туда, туда, поэт — друг мой!
Там скалы дикие и пропасти ужасны,
И мрак дубрав чужой
Услышат лиры глас прекрасный!
Туда и музы прилетят,
В Сибирь, в жилище хлада,
Поэт! богинь не устрашат
Ни даль, ни мраз, ни льдов громада:
Они, оставивши Парнас,
В твою смиренную обитель
Придут внимать твой мирный глас,
Любимец их и их любитель!
Тогда ты лиры золотой
Ударишь в звонки струны
И с них блестящею струей
Польется звук перунный!
Тогда ты будешь вспоминать
О родине своей, о тех местах священных,
Где дней твоих не смели возмущать
Страстей порывы разъяренных;
Где верных ты имел друзей,
Как с ними время протекало,
Как златострунной их твоей
Бряцанье лиры восхищало,
Как с ними радость разделял,
Мечты и тягость скуки,
Как их печальный оставлял,
Как простирал к ним руки,
Чтобы в последний раз обнять,
Сказать *прости* и удалиться.
Ах, как приятно вспоминать
О том, с чем тяжко разлучиться!
Мой друг! Что может быть милей
Бесценного родного края?
Там солнце кажется светлей,
Там радостней весна златая,
Прохладней легкий ветерок,
Душистее цветы, там холмы зеленее,

Там сладостней журчит поток,
Там соловей поет звучнее,
Там всё нас может восхищать,
Там всё прекрасно, там всё мило,
Там дни, как молния, летят,
Там нет тоски унылой,
Там наше счастие живет,
Там только жизнью наслаждаться!
А ты, любезный мой поэт,
Ты должен с родиной расстаться!
Дай руку! Милый друг, прощай!
Но там, в стране той отдаленной,
Твоих друзей не забывай;
Живи надеждой озаренный,
Что некогда увидишь их,
Что грозный рок к тебе смягчится
И что блаженство возвратится
И позлатит ток дней твоих!

22 августа 1819

ПОСЛАНИЕ К А<ДАМО>ВУ

Прощай, А<дамо>в! Я довольно
Без пользы времени убил,
И мертвой скуке произвольно
Почти год целый посвятил.
Ваш мирный круг я оставляю
И вместе с музой молодой
В восторге сердца восклицаю:
«Хвала поэзии святой!»
. . . .
Давно надежды луч отрадной
Моей души не освещал,
И рок — губитель беспощадный —
Мой челн в реку забвенья мчал;
Но наконец гроза промчалась,
Блеснул животворящий свет —
И вновь душа очаровалась,
И вновь, отрада прежних лет,
Веселость резвая со мною.

Я счастлив, друг! Но скоро ль ты
Оставишь, примирясь с судьбою,
Все прихотливые мечты?
Ты получил рассудок здравый
От всеблагой природы в дар,
Ты ревностный любитель славы,
В тебе приметен этот жар,
Который нужен для геройства;
Ты добр, — ты ум свой просветишь, —
Итак, зачем же, друг, таишь
Свои возвышенные свойства!

. . . .

Иди с отважностью свободной
Туда, куда тебя зовут
Фортуна и твой нрав природный;
И стань в браннолюбивый строй,
Забыв ученых инженеров,
Под знамя родины драгой,
В толпу армейских офицеров.

1820 или 1821

В АЛЬБОМ А. Н. ОЧКИНУ

Было время, мой приятель,
Как, прельщенный суетой,
Муз неверных обожатель,
Им я жертвовал собой;
Часто резвые мечтанья
И младых восторгов сны
На усердные призванья
Из эфирной стороны
Ниспускалися к поэту
Легкокрылою толпой;
Но теперь их нет со мной,
Мой челнок несется в Лету
Лени сонною волной,
И ничтожество немое
На корме его сидит!
Ты, которому в покое
Дни свобода золотит,

Пой, певец уединенный,
Радость юношеских лет,
А товарищ твой забвенный
Пусть молчит — он не поэт!

6 мая 1821

К БРАТУ

Столицы мирный житель,
Враг лени и сует,
Мой ангел-покровитель,
Мой друг и мой учитель
И в мраке жизни — свет!
От музы небогатой
Ты требуешь стихов;
Но мне, мой философ,
Твое желанье свято!
И вот тебе от брата
Дар скудный — пук стихов.

С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня —
Я счастлив стал душою.
Здесь радость с тишиною,
Здесь всё, что в жизни сей
Мне дорого и мило:
И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И сень уединенья,
И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья! —
Так, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!

На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной
Подругою докучной,
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия — сухая.
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно;
А ныне — очень рад —
Прогнал ее — и славно! —
И не придет назад!

С тех пор бегут игриво
Мои младые дни;
И, друг мой, извини:
Я, музой говорливой
Насильно увлечен,
Некстати разболтался;
Но я в грехе признался —
И менее грешон.

Когда лучи рассвета
Покроют небосклон
И твоего поэта
Прервется сладкий сон,
Я, вспомня долг священный
Свой разум просвещать,
Сажусь уединенный
Науки повторять;
На время отгоняю
И муз и лень свою,
Читаю и читаю,
Пока не устаю;
Потом, как утомляться
Начнет рассудок мой
И весело раздастся
Часов полдневный бой,
Оставивши занятья,
Лечу на сельский пир,

Где искренность кумир,
Где все друзья и братья!
И право, милый мой,
Обед семьи простой,
И скромный и радушный,
Мне во сто крат милей,
Чем долгий и бездушный
Пир гордых богачей,
Где не могу свободно,
Что мыслю, говорить,
Смеяться и шутить,
И есть, что мне угодно;
Где модный *этикет*
Гостями управляет,
Где скука обитает,
Где искренности нет.
Но дружеский обед
Мне лучше и вкуснее:
Здесь мысли веселее,
Здесь всякий, как привык,
Всё говорит, что знает,
Здесь скука не бывает
И волен мой язык.
Расставшись со столом,
Я радости вкушаю,
Каких не обретаю
В Петрополе ни в чем.
Прочь купленного счастья
Румянец накладной
И розы сладострастья
С порочной красотой!
Семейства в мирной сени —
Жилище наслаждений,
А не в шуму градском.
Так мы, друзья родные,
Веселые, младые,
Садимся все кружком;
Все говорим без смены:
Тут шутки, остроты,
И смех непринужденный,
И вольные мечты.
Потом, как утомится

Аий[1] наш удалой
И тихо водворится
В собрании покой, —
В сей сладкий час досуга
Прибегнем к музам мы,
И радость, их подруга,
Вновь оживит умы;
Часы, как легки тени,
Мелькают мимо нас;
Когда ж их звон вечерний
Ударит десять раз —
Опять все гастрономы
На благовест знакомый
Явя́тся за столом
Для жертвоприношенья
Тебе, великий Ком,
Бог мирный объяденья!..
Окончив ужин свой,
С зевотой протяжной
Я отправляюсь важно
К Морфею — на покой;
Весь свет позабываю,
Не мыслю ни о чем —
И богатырским сном
До утра просыпаю.

<1822>

ПОСЛАНИЕ К А. Н. ОЧКИНУ

О ты, с которым я от юношеских лет
Привык позабывать непостоянный свет,
Привык делить мечты, надежды, наслажденья,
И музы девственной простые песнопенья,
И тихие часы досугов золотых!
Друг сердца моего и друг стихов моих!
Завидую тебе: умеренным счастливый,
Твой дух не возмущен мечтой славолюбивой;
Ты, гордо позабыв мятежный света шум,
В уединении, жилище смелых дум,

---

[1] Аий Локуций — бог речи у римлян.

Ведешь с науками невидимые годы,
И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым.
Ты счастья не искал за рубежом родным;
Но верный сам себе и от страстей свободный,
Нашел его в душе, простой и благородной;
А я, поверивший надежде молодой,
Обманут счастием, один, в стране чужой,
Пою мою печаль — певец, душою сирый —
Как струны хладные Арминиевой лиры,
И в тишине учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться
И всем утраченным, всем милым наслаждаться,
И с вами быть душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей;
Где вечно царствуют с отрадной тишиной
Миролюбивых душ живые наслажденья;
Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала,
Огонь поэзии в душе моей зажгла —
И я, божественным восторгом оживленный,
Воспел мои мечты и мой удел смиренный,
И непритворною, свободною душой
Благодарил богов за песни и покой!
Тогда, не знав людей, застенчивый мой гений
Не знал и зависти коварных оскорблений.
Суд ветреной толпы его не занимал;
Он пел для дружества и славы не искал.
Но вы сокрылись, дни счастливого незнанья!
И чувства новые и новые желанья
Сменили навсегда покой души моей.
Отдайте мне, Судьбы, блаженство прошлых дней,
Отдайте мирные отеческие сени,
И сердце без любви, и ум без заблуждений!
Не тщетно ль радости минувшие зову?
Уж бремя суеты тягчит мою главу;
Унылая душа невольно холодеет
И на грядущее надеяться не смеет;

И гаснет жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мне, забытому судьбой!
Ты можешь, верный жрец богини вдохновенья,
Родить в моей душе и жажду просвещенья,
И твердость на пути спасительных трудов,
И оживить мой ум и жар моих стихов.
Когда ж, от бремени сует освобожденный,
С собою помирясь и дружбой ободренный,
Я полечу в страну, где молодость моя
Узнает мир души и цену бытия?
О! сбудутся ль мои последние желанья?
Клянусь, собрав умом плоды образованья,
Провесть в кругу родных, на родине моей,
Остаток счастливый тобой спасенных дней.
Тогда души моей воскреснут наслажденья.
Забыв коварный свет, в тиши уединенья,
Я буду воспевать мой радостный удел,
Родимые поля, простые нравы сел
И прадедовских лет дела и небылицы —
И посвящать тебе дары моей цевницы!

<1822>

ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда, горделивый и смелый как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И, встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;

Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою, —
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставил я бро́ню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

Октябрь или ноябрь 1822

МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?»
— «Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона».

«Где твоя родина, певец молодой?»
— «Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновений,
Там всё, что мне мило, чем сердце горит;

Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!»

«Кого же прославит певец молодой?»
— «Певца восхищают могучие деды;
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы».

«Кого же прославит певец молодой?»
— «От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды, блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младый, но ужасный средь вражьих мечей,
И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!»

«Но кто ж молодого певца наградит?»
— «Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой,
И, гордый, всесильной судьбы не винит...
Так бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!»

«Но кто же младого певца наградит?»
— «Потомок героев, как предки, свободный,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков...
И взоры сверкают надеждой веселой!»

Ноябрь 1822

ЯЗЫКОВУ А. М.,
ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕМУ ТЕТРАДИ СТИХОВ МОИХ

Faciam ut mei memineris.[1]

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей;
Тобою жизни научённый,
Питомец сладкой тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои прелестнейшие сны, —
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой.
Она мне мир очарованья
В живых восторгах создала,
К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать завистный суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы.
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям!

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков;
Святые битвы за свободу
И первый родины удар

---

[1] Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил (лат.). — *Ред.*

Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины
Торжественный и величавый!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой несмелой
Тобой воспитанный поэт.
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прежних дней,
Неверной жизни обольщенья
И страсти ветреных друзей.
Здесь всё, чем занят был счастливый дар поэта,
Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

1822

РЕЦЕПТ

О память, память, — дар счастливый!
Ты гонишь прочь былого мрак!
Еще с тобой я помню, как
Инбирное варится пиво.
Такому пиву научил
Поэта химик в Петрограде —
Он часто сам его варил
Томленья летнего к отраде
И с гордой радостию пил.
«Бутылкой, штофом, как хотите,
Двенадцать мерок у наяд,
В сосуд, где воду кипятят,
Рукою чистою возьмите;
Туда, изрезавши сперва,

Лимонов добрых — счетом два —
И, не скупяся, подсластите;
Потом два унца инбирю,
Который прежде искрошили...
И так варить, как я варю
И как алхимики варили.
Когда сварится — с жару снять,
Поставить в холод для простуды
И осторожно разливать
В довольно *крепкие* сосуды,
Затем что может иногда
Сия инбирная вода
И пробку вытолкнуть худую
И разорвать сосуд худой...
Туда же счетом по одной
Изюму класть рекомендую
И ждать с неделю, а потом
С ней поступают, как с питьем».
Так говорил мне в прошлом годе,
Июля первого числа,
Ученый химик — в огороде,
В минуту жаркого тепла.
Его я слушал с наслажденьем
И не забыл премудрых слов
И здесь в каникулы готов
Заняться сладостным вареньем.
Сия вода — не то, что квас;
Она мила, она игрива
И, право, лучше во сто раз
Здесь покупаемого пива.

Январь или февраль 1823

РОК

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
И пламень Тартара в очах!
Увы! сия рука не знает состраданья,
Не знает промаха удар!

Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
Посол неправых неба кар?
Всего прекрасного безжалостный губитель,
Любимый сын владыки тьмы,
Всемощный, вековой — и наш мироправитель!
Он — рок; его добыча — мы.
Злодейству он дает торжественные силы
И гений творческий для бед,
И медленно его по крови до могилы
Проводит в лаврах через свет.

Но ты, минутное творца изображенье,
Невинность, век твой не цветет:
Полюбишь ты добро, и рок в остервененье
С земли небесное сорвет,
Иль бросит бледную в бунтующее море,
Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
И ты при молниях читай!

Между 19 и 23 марта 1823

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов
И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов, —
Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;

Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры! прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

Начало 1823

МОЕ УЕДИНЕНИЕ

От света вдалеке,
Я моему пенату
Нашел простую хату
В пустынном чердаке;
Здесь лестница крутая,
Со всхода по стене
Улиткой завитая,
В потьмах ведет ко мне;
Годов угрюмый гений
С нее перилы снял,
И тяжкие ступени
Избил и раскачал;
Но зная путь парнасской
От колыбельных лет,
С ее вершины тряской
Не падает поэт;
Под ним дрожат ступени,

И тьма со всех сторон,
Но верно ходит он
К своей любимой сени.

Благодарю богов!
В моем уединенье
Свобода — рай певцов,
Живое размышленье
И тишина трудов.
Умеренность благая
Приют мой убрала,
Здесь роскошь выписная
Приема не нашла;
Завесою богатой
Не занавешен свет;
Пол шаткий и покатый
Коврами не одет;
Ни бронзы драгоценной,
Ни зе́ркал, ни картин:
Всё бедно и смиренно,
Как сирый Фебов сын.
У стенки некрасивой
Стоит мой стол простой,
Хранитель молчаливый
Всего, что гений мой,
Мечтатель говорливый,
Досужною порой
Певцу-анахорету
Наедине внушил
И строго запретил
Казать слепому свету;
Пред ним моя рука
Широкими рядами,
Из полок, меж стенами
И вверх до потолка,
Приют уединенный
Соорудила вам,
О русские камены,
Священные векам!

Ты здесь, во славе зримый,
Снегов полярных сын,

Певец непобедимый
И гений — исполин,
Отважный, как свобода,
И быстрый, как перун,
Ты строен, как природа,
Как небо, вечно юн!

И ты, кумир поэта!
С высокою душой,
Как яркая комета,
Горящей полосой
На русском небосклоне
Возникший в дни побед
И мудрую на троне
Прославивший поэт!
Твой голос величавый
Гремит из рода в род
И вечно не замрет
В устах полночной славы.

И ты, любимый сын
Фантазии чудесной,
Певец любви небесной
И северных дружин,
То нежный и прекрасный,
Как сердца первый жар,
То смелый и ужасный,
Как мщения удар!
Твой глас душе унылой,
Как ангела привет,
Внушает тайной силой
Надежду в море бед;
В страдальце оживляет
Покорность небесам, —
И грустный забывает,
Что он еще не там!

Питомцы вдохновенья!
Вы здесь, — и гений мой
Мирские наслажденья
С мирскою суетой
Презрительно бросает

Пред музою во прах,
И зря, как вас венчает
Бессмертие в веках,
Приподнимает крылы,
И чувствует в крылах
Торжественные силы.

Счастлив, кто жребий свой
Из урны роковой
Сам избирал и вынул,
И шумный свет покинул
Для неизменных благ!
Умеренным богатый,
В тиши укромной хаты,
В спасительных трудах
Он дни свои проводит
С волшебницей-мечтой;
За славою не ходит
И не знаком с молвой.
Безвестность золотая
Хранит его от бед,
И ласковая стая
Докучливых сует
Ненужного для света
Не вызовет на свет.
О боги! кров поэта
Да будет вечно тих!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мирских:
Труды, безвестность, струны —
Блаженство дней моих!

А ты, моя свобода,
Храни души покой!
Мне музы и природа
Прекраснее с тобой;
С тобой мечты живее,
Отважней дум полет,
И песнь моя звучнее;
С тобою — я поэт!

Между 28 января и 23 мая 1823

В. М. КНЯЖЕВИЧУ

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!

Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,
Веселый света шум на тишину трудов
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум, и смелость упованья.

Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками;
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвется длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,

И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман.
Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

11 мая 1823

‹В. М. КНЯЖЕВИЧУ›

Простите мне простое «ты».
Богиня песен презирает
Приличий светских суеты,
И дочь богов не замечает,
Паря к бессмертным небесам,
Законов моды беззаконной.
Но грамматическим цепям
Она с улыбкой благосклонной
Младые руки отдает.
Затем-то вам, среди паренья,
По правилу местоименья,
Сказала: «ты» — и тихо ждет
Греху безгрешному прощенья.

12 мая 1823

* * *

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнасе школьник юный.
Вас не умели похвалить
Мои застенчивые струны;
Но если праведным богам
Приятней сердца дар убогий,
Чем драгоценный фимиам,
То вы поступите, как боги, —
И сей листок чрез много дней
Напомнит вам певца младого,
Который не жил для людей,

В стране чужой — не пел чужого,
Не звал и славы в свой приют
И за Фортуной быстроногой
Мирскою пыльною дорогой
Не побежал, хоть все бегут;
Зато в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел:
Он кое-что не худо пел,
Но, божеством не вдохновенный,
Перед божественным — немел.

18 мая 1823

ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕВЕЛЬ

1

Перед Троицею в будни
На башне городской,
В субботу пополудни,
Пробило час шестой.
Мы чинно за коляской
В телеге нанятой
Поехали рысцой.
Признаться: было тряско;
То яма в мостовой,
То камень неучтивый
Смущали наш покой,
И без того плохой.
Чухонец некрасивый
То грубым языком,
То маленьким кнутом
Гнал маленькую пару
Неудалых коней:
Нечуткие к удару,
Глухие для речей,
Они передвигали
Нас тихо по камням; —
Так Дерпт мы оставляли.
О чем, не знаю сам,

Я тосковал душою;
К<няжевич> тож грустил,
И взор его бродил,
Едва не со слезою,
По крышам, по садам,
По *Дому* — и уныло
Останавлялся там,
Где было. . . что же было?
Пусть объяснит он сам.
И вот мы, слава богу,
На гладкую дорогу
Попали с предурной:
За Юрьевским форштатом
Ни ям, ни мостовой;
Но я с моим собратом,
Как прежде, ни гугу:
Таинственное что-то
(Назвать я не могу)
Чувствительной зевотой
Мне отворяло рот.
Известно, кто зевнет —
За ним зевает ближний;
Что значит? может быть,
Всей мудростию книжной
Не можно объяснить.
Так мой товарищ милый,
Задумчиво-унылый,
Мне дружно подражал:
Зевал, как я зевал.
Наверное не знаю,
Но что за грех сравнить?
Как наш Адам из раю
Изволил выходить —
И мог ли не грустить
О счастливом жилище,
Где он о самой пище
Заботы не знавал,
Где всё, чего желал,
Ему приготовляла
Всевышнего рука, —
Так нам сердца сжимала
Известная тоска,

И, признак огорченья,
Чуть слезы не текли.
Но вот корчма вдали:
Adieu![1] до продолженья.

2

Вечерняя спустилась тьма;
Пред нами черная корчма;
Она ужасна издали;
Поля пустые облегли
Ее почти со всех сторон.
Ландшафт ничем не оживлен:
Ни тихошепчущий поток,
Ни прохладительный лесок,
Ни громозвучный водопад,
Ни пестрота веселых стад...
Короче: ровно ничего
Кругом для взора моего
И для чувствительной души
Не представлялось в сей глуши;
И мы вошли в сию корчму —
Она похожа на тюрьму,
В которой уж давно, давно
Не мыто и не метено.
Порог возвышенный в дверях;
На потолке и на стенах
Буграми сажа, пыль и мох;
А старый пол — беда для ног;
Таков дороги вешней вид,
Когда потоками бежит
Снегов растаявших вода;
Так мостовая, где худа...
По ней печальный пешеход
Сердито, медленно идет
И, глядя на негодный путь,
В мечтах бранит кого-нибудь.
Две комнаты — одна с другой
Могли бы спорить духотой.
Вдоль неочищенной стены,

[1] Прощайте! (франц.) — *Ред.*

Свидетель мрачной старины,
Поставлен долговязый стол.
Он годен — так К<няжевич> счел —
К обеду двадцати персон.
К<няжевич> счетам изучен,
Я ж в арифметике отстал
И, как поэт, сей стол считал
Несносным даже для очей —
Так каково же для гостей?..
И вдоль стола того — скамья,
Но чернота и пыль ея
На ней не позволяют лечь;
Налево — сумрачная печь
С широким, чёрным очагом.
Окно с замаранным стеклом,
Замаранным как бы затем,
Чтоб даже сумрачным лучом
Не освещалася корчма
И путнику б густая тьма
Не позволяла разглядеть,
Что негде будет посидеть
И телу в тишине ночной
Дать укрепительный покой.
Благодаря богов у нас
С собою был съестной запас;
А ужин — дело золотое
Тому, кто изнурен путем:
Тогда — двойная жажда в нем
И аппетит сильнее втрое.
Притом замечено давно,
Что все людские наслажденья
От ожиданий и томленья
Приятней — так и быть должно!
Веселья слаще после скуки,
Отрадней блага после бед,
Любовь живее от разлуки,
Вкусней от голода обед.
Так принесли мы жертву Кому!
Для нас царица сей корчмы
Расстлала по полу солому,
И тихо улеглися мы.
Сия чухонская Бавкида —

Простите этот эпизод —
Непривлекательного вида,
Как весь Ливонии народ:
Лицо, которого Гогарту
Не удалось нарисовать;
Вам не случалось ли видать
Унылой Корсики ландкарту?
Так некрасива и черна
Была лицом сия жена,
Живые, сумрачные взгляды
Из-под нависнувших бровей,
Волос не перечесть у ней:
В красе природной, без помады,
От головы, до самых пят
Они растрепаны висят.
Ее угрюмая осанка,
Морщины древнего чела...
И словом, всем она была
Страшна, как ведьма-киевлянка.
Подробность лишняя скучна,
Моя богиня это знает,
И, вкусу вашему верна,
Здесь непритворно умолкает
Затем, что спать сама желает
И скоро бодрствовать должна.

3

Благотворная денница
Разорвала ночи мрак,
И пустынная синица
Пела утро кое-как.
Мы, меж тем как запрягали
Ободрившихся коней,
По окрестностям гуляли
И цветочки собирали —
Будто с ними веселей.
Здесь К<няжевич> осмерную
Незабудочку сыскал...
Он задумался, сказал
(Я его не критикую,
Но, что слышал, говорю):

«Сей цветок — осьмое чудо,
Но кого им подарю?
Неприятно, скучно, худо
Быть, как я...» — И кончил сим.
Я не понял, и уныло
Он мне дал цветочек милый
С красноречием немым;
Я в бумажнике, как должно,
Нежный дар сей разложил;
Но — какой неосторожный! —
Видно, где-то уронил.
Кони ржут — пора в дорогу!
День прекрасный: без жаров,
Без слепней и комаров,
И за это — слава богу!

4

Еще корчма — об ней ни слова!
Она, как прежняя, худа —
Я ж не охотник до худого,
И муза юная горда.
Неблаговидного труда
Она чуждается правдиво;
Насилу и одну корчму
Я описал вам терпеливо,
И то — не вопреки ль уму?

5

Вид прекрасный недалеко
На равнине, из садов
Нам открылся одинокой,
Белокаменный, высокой,
С головой до облаков,
Оберпален, замок древний.
Жаль, что он среди степей:
Не картинные деревни,
Не роскошный вид полей,
Лишь чухонские харчевни
Окружают замок сей.
Если вам уже знакомы

Достопамятные томы,
В коих мудрый Карамзин,
Ученик бессмертной Клии,
Описал войны России
Средь Ливонии долин,
Вам известен *Оберпален*.
Он теперь не то, что был, —
И пустынен и печален.
Там, где гордый рыцарь жил,
Где певались песни славы,
Где гремела медь и сталь —
Спят безмолвные дубравы
И живет какой-то *Валь*.
Так века переменяют
Обитателей земли:
Ныне витязи в пыли,
А пигмеи поживают.
В Лету наши дни втекают,
Не слыхать великих дел,
Мир мирскому покорился,
Просветился, простудился
И ужасно похудел.
Мы взошли на возвышенный
Бельведер, смотрели вдаль:
Всё кругом уединенно
И печально, как печаль.
Речка, мельница, долины —
Всё уныло, всё молчит.
Сад прекрасный и старинный —
Но кого он приютит?
Густолиственные вязы
Хороши, но кто на них
Начертит от сердца фразы?
Кто в аллеях вековых
Станет с тихими мечтами,
Чуть приметными шагами
Пред денницею гулять,
Восхищаться филомелой
И душой осиротелой
С томной горлинкой вздыхать?
Так мечтанья волновали
Мне чувствительную грудь.

Мы пришли: нас кони ждали —
Добрый день и добрый путь!

6

Вы знакомы с красотою
Той корчмы,
Где пред Троицей святою
Спали мы.
Мы в корчме — в ней мрачность та же,
Пыль и мох,
Пол избит, а стены в саже,
Воздух плох;
Слишком душен, для дыханья
Нездоров;
Сверх того здесь дом собранья
Комаров.
Их здесь много, очень много:
Чу, жужжат!
А народ сей долгоногой
Людям рад;
Он живет лишь кровопийством.
Мы за всех
Стали мстить ему убийством:
То не грех!
Но что пользы? Всё осталось
Много их,
И заснуть нам не досталось
Ни на миг.
Счастли́в, кому судьбина
Определила сон
Под кровом балдахина;
Как тих, спокоен он!
Комар не блокиру́ет
Его ушей и щек,
Он с мошкой не воюет,
А наш — несносный рок!
Ах! мы. . . что было с нами,
Читайте: ваш пиит
С закрытыми глазами
На ложе сна лежит. . .
Вдруг писк, неугомонной

Комар ко мне летит —
Пищит... умолк... пищит...
Вот будто сел... всё спит —
И я рукою сонной
Ловлю его, ловлю...
Хоть как, так увернется!
Опять пищит и вьется...
И я — опять не сплю!
Когда б я был не скован
Мирскою суетой
И больше образован
Ученостью прямой, —
Клянусь самими вами,
Клянуся небесами,
Я б написать готов,
Иль прозой, иль стихами,
Geschichte[1] комаров, —
Не ученик педантов,
Огромных фолиантов
Не стал бы сочинять,
Не стал бы измерять
Комарий хобот, ноги;
Но, ритор неубогий,
В истории моей
Я описал бы живо:
Их дух браннолюбивый,
Вражду против людей,
Отважность их полета,
Увертливость в боях
И спящих тайный страх;
Я б разбудил для света
Из сумрака веков
Героев-комаров.
(У них героев — тучи,
Сам Лафонтен сказал,
Что даже лев могучий
Пред комаром — упал!)
И в славном переплете,
У дам, на туалете,
Лежал бы томик мой;

---

[1] Историю (нем.). — *Ред.*

И летом, в час досужный,
В своей беседе дружной,
В саду, в тени густой,
Они б меня читали
И часто награждали
Улыбкой иль слезой.

Июнь или июль 1823

ПЕСНЬ БАРДА
ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

> О! стонати русской земле, помянувше пръвую годину и пръвых князей.
>
> *Слово о полку Игореве*

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певцы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна!

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И пéрсты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало —
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков — как не бывало!

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглушает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

Конец июля — начало августа 1823

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ
ПРИ ДИМИТРИИ ДОНСКОМ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДВЕ

Посвящено А. А. Воейковой

Стоит — за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцев родные,
За жен, отцов и за детей.

Лобанов

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,

Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом, —
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

ПЕСНИ

1

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином — благоговенье:
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться.

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает,
И счастлив он, покуда пьян,
Затем что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям всё досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад,
Перед вином благоговенье;
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

2

Страшна дорога через свет;
Непьяный вижу я дорогу,
А пьян — до ней мне дела нет,
Я как слепой — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
Мечта? — Я с Бахусом мечтаю,
И сон? — За чашей круговой
Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг — то грех: как не почтить
Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали:
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
Ему судьбы непостоянство,
И он в чувствительных слезах
Благодарит за это пьянство.

3

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сияньи;
Так в миловидном одеяньи
Очаровательней краса.

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

4

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:
За книгой не скучает он,
А за бокалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

5

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они так не певали:
Их бранный дух, их грубый вкус
От чаши гнали милых муз.

Веселость пасынков Рорбаха[1]
Была безумна и неряха:
Бывало, в замке за столом
Сидят в бронях перед вином.

И всякий в буйности природной
Кричит, что пьяному угодно,
И непристойность глупых слов
Слетает нагло с языков.

---

[1] Винно фон Рорбах, первый гроссмейстер лифляндских рыцарей.

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,
Когда веселье — наш кумир —
Сзывает нас на шумный пир.

Великолепными рядами
Сидим за длинными столами,
И всякий, глядя на бокал,
Поет, как Гете приказал.

Слова: отрада и свобода
В устах у пьяного народа
При звуке чоканья гремят,
И всяк друг другу — друг и брат!

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они не так певали.

6

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим;
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!»
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

7

Счастли́в, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой,
Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукой,
Или осмеян, иль смешон.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,
Пускай в Испании воюют

За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив.
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом.

8

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой,
Я пью вино не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая.

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай,
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней!
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

9

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И, жадны радости земной,
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна, —
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую.
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен; и когда
Как не гремит карет езда
И молчаливо пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды, —
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,
Добро и славу обожаем,
Чинов мы ищем не ползком,
О том, что будет, не мечтаем;
Но радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

10. ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную

И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

Август — начало сентября 1823

ПЕСНЬ БАЯНА

Люблю смотреть на месяц ясный,
Когда встает он из-за гор;
Но мне милее светлый взор
Сияны резвой и прекрасной.

Порой пленяют слух Баяна
Живые песни соловья;
Но веселей душа моя,
Когда поет моя Сияна.

Люблю, как, песнь мою внимая,
Боец хватает свой булат;
Но струны слаще говорят
С тобой, красавица младая!

Люблю на шумном сборе стана
Приветы ратных и вождей;
Но я счастливее царей,
Коль улыбнется мне Сияна.

10 октября 1823

* * *

13 октября 1823

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,
Супруг счастливый — без жены
И государь — без вахт-парада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верный,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране,
Где пламя брани пролетело.

Бывало, с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми.

Но всё прошло — и всё не так!
Восторги — были сон приятный.
Ох! не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет, —
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.

Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана,
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград,
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовых коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,
Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...

Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили, —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!

А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:

Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!

Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету, —
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья, —
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые
И будто создала благая длань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

20 октября 1823

* * *

Моя богиня молодая
Законам света не верна,
И часто говорит она,
Что́ умолчала бы другая;
А это в наши времена,
Как вам известно, против моды:
Певцу, и особливо мне,
Восторгов пламенной свободы
Любить не должно б и во сне,
А я свой век позабываю
И даже в русские стихи
Рукой небрежною вмещаю
Мечты, ведущие не к раю,
И вольнодумные грехи.
Что делать? Гордыми очами

Поэт не смотрит никогда
С горы божественной туда,
Где быть... но догадайтесь сами!
Клянусь вам славой и стихами,
Что много, много мог бы я
С моею музою счастливой,
И перед вами не ленивой,
Как перед ней рука моя,
Вам принести усердной дани
На сих листках воспоминаний.
Вас похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Всё будут то же и одно,
Какими б ни было стихами;
А это наскучает вам
(Так слышал я и знаю сам).
Притом: написанное выше
Велит мне изъясняться тише,
Чтоб за болтливость укорять
Мою поэзию не стали.
И мне... позволите ль сказать?
Мне хочется, чтоб вы не знали,
Что́ я хотел вам написать.

22 октября 1823

‹ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ›

1

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Обедать я у вас готов —
Да дело в том, что нездоров:
Я болен болью головной,
Сижу, хожу как сам не свой,
Я дома скучен, как монах,
И уверяю, что в гостях
Я буду вчетверо скучней:
Теперь мой разум — без мыслей,

Глаза всё на землю глядят,
Язык молчит, хоть и не рад,
И даже громкие слова
Расслышать я могу едва.
Причина этому ясна
И для меня весьма важна:
Теперь я телом и душой
Неинтересный и плохой.
Итак, меня простите вы,
Что по причине головы
Я не могу вас посетить.
Вас слушать, с вами говорить
Мне очень весело всегда —
Да не гожуся никуда,
А в состоянии таком
Кто ходит в ваш приятный дом?
И не подумайте, что лгу:
Я точно доказать могу
Всю справедливость этих слов.
Притом вам скажет Киселев
(Он будет к вам — так быть должно, —
Я это угадал давно),
Что видел сам, как у меня
Уж голова болит три дня;
Но если скажет Киселев,
Что я сегодня уж здоров,
Вы не поверьте — это ложь:
Я и сегодня, право, то ж,
Что был вчера. Итак... итак —
Я не могу никак, никак
Быть сотоварищем ему.
Мне это больно самому,
Но что же делать? У судьбы
Нет либералов: все рабы.

Ваш покорнейший
Н. Языков

9 сентября 1823

2

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Вы извините, что я вас
Своею просьбой беспокою.
И признаюсь: на этот раз
Я недоволен сам собою.
Но делать нечего: судьбою
Теперь мне дан такой указ.
Притом я сам обеспокоен:
Во мне восторг почти погас,
Мой ум чувствительно расстроен,
И задичился мой Пегас,
Я ничего не сочиняю,
Я даже писем не пишу —
И потому-то вас прошу,
Могу сказать — вас умоляю
Поэта искренность простить
И сострадательной рукою
Мои финансы оживить,
Давно рассеянные мною.
Я знаю: деньги — суета;
И для неложного монаха
Они едва ль дороже праха,
Душа не ими занята;
Но человеку в здешнем мире
Они так нужны, как в трактире,
Где в долг не любят никого.
Я ж человек — итак, желаю,
Но вы уж знаете чего, —
И, уповая, умолкаю.

Ваш покорнейший слуга
Н. Языков

2 ноября 1823

3

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Благословенному царю
Не так за ленту благодарен
Ее не стоящий боярин:
Я вас душой благодарю.
Вы мне веселость оживили,
Моей мечты прогнали мрак
И вновь поэту возвратили
Свободу, музу и табак.
Была пора — я помню живо:
Свеча задумчиво горит,
Сижу с тоскою молчаливой,
Гляжу к земле, перо лежит,
Лишь изредка возьму бумагу,
Означу месяц, день; — но вдруг
Я вспомню денежный недуг,
И на ладонь главою лягу,
И томно очи затворю...
Не вы ли мне возможность дали
Укоротить мои печали?
Благодарю, благодарю!

Н. Я.

11 ноября 1823

ПЕСНЬ БАЯНА

Война, война! прощай, Сияна!
Бойцы шумят, бойцы идут;
Они товарища Баяна
В страну далекую зовут.

Туда, где бранные пожары
Дунайски волны озарят,
Где смертоносные удары
О шлемы греков зазвенят.

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

И твой Баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Там повторю я Святославу,
Что пел Сияне молодой.

Промчится буря боевая,
Войдет в ножны́ булат бойца —
И дева, сердцем оживая,
Обнимет верного певца.

11 ноября 1823

УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней
Лежат бойцы — смирители болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.

Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела:
Баян умолк, — но рать еще внимает.

Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;
Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

ПЕСНЬ БАЯНА

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне.

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

Но кто, певец, любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну, —
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

ПЕСНЬ БАЯНА

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

«Прощай, прощай! Иду на битву —
Люби меня, моя краса!
Молись — услышат небеса
Твою невинную молитву!

Щита, врученного тобой,
Булат врага не перерубит;
Тебя певец твой не разлюбит
И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.
Он твой, он твой, красавица Сияна!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как, бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,
Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как, песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То, свеж и чист, как роза молодая,
Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты
И за тебя сердечные молитвы;
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

Первая половина декабря 1823

ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду
Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег, радости людей,
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

24 декабря 1824

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,

От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

Декабрь 1823

ПЛАТОНИЗМ

Закон: влюбляться лишь душой,
Друзья, мне вовсе непонятен;
Пусть говорят: наш век развратен, —
Да не мечта ли век златой?

Нет сил у твари поднебесной
Для платонической любви:
Кто ангел — тот по ней живи,
Затем, что ангел — бестелесный!

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

Одной мечты и мудрым мало:
Мне сказывал археолог,
Что у Платона. . . . . .
. . . .

Когда один, в ночной тиши,
Сей баловень воображенья
Писал систему наслажденья
Для человеческой души.

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

1823 (?)

Н. Д. КИСЕЛЕВУ
К НОВОМУ, 1824 ГОДУ

Посланник будущих веков!
Не жди веселого привета
И ободрительных стихов
От огорченного поэта.
Душе унылой не сладка
Тебя встречающая радость:
Что ты принес мне? Гадость, гадость!
. . . .

Снося горячие недуги,
Один, безмолвен и угрюм,
Я порчу сонные досуги
Тяжелой мрачностию дум;
Она прошла, пора златая,
Когда был здрав и весел я,
И пела муза молодая
. . . .

И мне дождаться ли возврата
Телесной бодрости моей?
Погибну ль жертвою
Под кровом чуждого пената?
Еще мне рано увядать:
Приди ж скорей, былая радость!
Поэту страшно потерять
Свою пленительную младость!

Конец 1823 или начало января 1824

* * *

От света светлость происходит;
А ныне светлость производит
Такая тела часть, куда и свет не входит.

1823 или 1824

ГОНКИ

Сколь<ко> Бютингов с Минервой,
И Диан, и Актеон,
Сколько . . . , сколько жен,
А хозяин — первый.

1823 или 1824

ВАЛДАЙСКИЙ УЗНИК

1

Смотрите на меня: я худ!
Но не злосчастие и блуд,
И не желанье быть в раю
Убили молодость мою.
Из детства дружный с суетой,
Я с упoвательной душой,
Без пожирающих страстей,
Спокойно шел тропой своей.

Теперь сбылось мне двадцать лет,
А я, как мой покойный дед,
Стал телом сух и слаб душой.
На утре дней моих — судьбой
Я унесен из мест родных
И поселен в стенах чужих;
И там учился я тому,
Что не по нраву моему;
Семь лет убил я в школе сей
И вышел, право, не умней;
Мне за науки дали чин,
И я — не просто дворянин.
Тогда я думал, что счастлив,
Душой был рад, умом игрив.
А отчего? Не знал и сам;
Так в первый день отец Адам
Благодарил творца душой,
Не зная, что творец благой
Определил в тот самый день
Ему — оставить рая сень.

2

И я не долго видел рай!
Вдруг мне приказано: в Валдай!
Зачем? я спрашивать не смел, —
И скука, под названьем дел,
Здесь мне на сердце налегла:
Труды, заботы — без числа,
А пользы в них нимало нет!
Лишь от шоссе великий вред
Нерассудительной казне,
И горе тягостное мне!
Так я, покорствуя судьбе,
Другой уж год живу в избе,
Где духота и едкий дым
С телесным здравием моим
Враждуют — и победа их!
Привыкнув в летах молодых
Прелестниц милых обнимать,
Я их искал — но как сыскать?

Сей задымившийся Валдай
Для холостых — прегорький край:
Здесь неизвестен сладкий грех!
Не как в обители утех,
Средь образованных столиц,
Здесь — для прокату — нет девиц.
И я предвижу смертный срок:
Я здесь телесно одинок
И, как угодник божий, сух,
Огонь души моей потух!

3

Всегдашней пылию покрыт,
Как монастырь Валдай стоит
Среди дубрав и диких гор.
Здесь из грибов — лишь мухомор,
На мертвой зелени долин
Здесь ни лилея, ни ясмин,
Но терн, крапива и волчец.
И серый волк, тех гор жилец,
В угрюмом сумраке ночном
Здесь воет под моим окном.
И грозный филин — страж ночей —
Вблизи от хижины моей,
Сидя на церкви городской,
Кричит — и голос гробовой
Ужасно вторится в горах.
Да леса ближнего в дуплах
Протяжные стенанья сов,
И ветра шум, и скрип дубов
Тревожат краткий отдых мой.
Когда ж засну, то надо мной
Иль крысы завизжат во пре,
Иль в завалившейся норе
Уныло заскребется мышь;
То по доскам соседних крыш
Забегают коты — и я,
Кляня причину бытия,
Котов влюбленных слышу вой,
Отрывный, дикий и глухой.

4

Приятно в горести мечтать,
Когда не перестал сиять
Отрадный упованья свет;
Когда страдалец — не скелет —
Еще душою не увял.
Так я сначала здесь мечтал,
И часто в тишине ночей,
Отрады холостых людей,
Счастливой призваны мечтой,
Являлись девы предо мной —
И я — страданье забывал:
Я милый призрак обнимал,
Манил на ложе дев младых,
Я осязал невинность их,
Я млел, я таял, я пылал;
Но сон-изменник исчезал,
И я, уныл и одинок,
Браня людей и сны и рок,
Как бешеный, подушки грыз!

5

Однажды сделала сюрприз
Фортуна мне: заметил я
В окне соседнего жилья
Живое что-то, и в крови
Моей промчался огнь любви,
И свет блеснул душе моей.
Как житель выспренних полей,
Моя красавица была
Небесной прелестью мила.
И я, несчастный, полюбил!
Я девой очарован был:
Ее движений простота,
И глаз невинных быстрота,
И розы свежие ланит,
И стан, завидный для харит,
И ясность райского лица,
Чело, достойное венца,
И грудь, белейшая лилей,

И кольца ангельских кудрей,
И голос — лепет ручейка,
И ножка — право, в полвершка,
И, словом, всё пленяло в ней,
Всё было раем для очей.

6

Но так хотел мой гневный рок:
От девы близко жил — дьячок!
И был влюблен в нее душой.
Он был гигант величиной,
Душа в нем бранная была:
Рад вызвать к битве хоть вола.
Он здесь соперника не знал:
Весь город силу уважал;
И, говорят, он был любим
Прелестным ангелом моим,
И часто, девицу любя,
Ночевывал не у себя.
А я не знал ее любви!
Огонь кипел в моей крови
День ото дня сильней, сильней!
В унылой хижине моей
Всё было мрачно для меня;
Ни свет божественного дня,
Ни мрак ночной, ни блеск луны,
Ни царство вечной тишины —
Не утешало грусти злой;
Я был как камень гробовой,
В лесу поставленный глухом.
Так жил я!.. Вдруг в уме моем
Блеснула мысль — и я — пошел!

7

Был вечер: на уснувший дол
Лился луны дрожащий свет.
И бор туманами одет,
И сном окован был поток,

Я шел печален, одинок
К жилищу девицы моей.
Уж сердце билося быстрей,
Уж сладострастная мечта
Была надеждой занята,
Уж через низенький забор
Я перелез — любовный вор —
И быстро по двору бежал...
Как вдруг! .. Я весь затрепетал! ..
Из дома вылетел дьячок!
(Убей его Илья-пророк!)
Я от него, а он за мной,
И тяжкой, жилистой рукой
Как громом бедного разил!
Я плакал, я его молил;
Но тщетен был мой жалкий стон;
Дьячок прибил и выгнал вон
Меня, злосчастного в любви! ..

8

И после этого — живи! ..
Нет, возвратившися домой,
Угрюмый, бледный и немой,
Отчаяньем терзался я
И жил — почти без бытия!
Весь мир казался мне чужим,
Недвижным, диким и пустым!
То был какой-то страшный свет,
То был хаос без дней и лет,
Без тяжести, без тел и мест,
Без солнца, месяца и звезд,
Без господа и без людей,
Без подсудимых и судей,
Без властелинов и рабов,
Без атеистов и попов,
Без цели действий и причин,
Без жен, девиц и без мужчин,
Без глупости и без ума! ..
Ни день, ни ночь, ни свет, ни тьма!

9

И я теперь — как бы убит!
Любви телесной аппетит
Везде, всегда — как тень со мной.
С неисцелимою тоской
И без надежд, и без отрад —
Брожу куда глаза глядят...
Любовь! любовь! ты мне дала
И жар на смелые дела,
И жажду славы и честей,
И ты уж в юности моей
Меня лишила благ мирских:
Ты в членах протекла моих,
Как ветр губительной зимы,
Как ангел брани иль чумы!..

<1824>

ЗИМА ПРИШЛА

Как рада де́вица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг жива и весела
Бежит к своей подруге бальной
И говорит ей триумфально:
«Зима пришла! зима пришла!»

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит;
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило:
И льется дождь, и ветр шумит,
Но выпал снег, прощай терпенье!
Его охота ожила,

И говорит он в восхищеньи:
«Зима пришла! зима пришла!»

Казны служитель не безвинный
Как рая зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала,
И он кричит, восторгом пьяный:
«Зима пришла! зима пришла!»

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка?
Он взглянет нá землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела, —
В поэте радость оживает
И, вдохновенный, восклицает:
«Зима пришла! зима пришла!»

Декабрь 1823 — январь 1824

ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Ужель моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;

Был чист огонь моих желаний...
И он ли небо оскорбил?

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу: ужасны мне
Забвенья черные пучины!

Дары поэзии святой!
Ужель вы были сновиденье?
Ты, жажда чести вековой,
И ты, к высокому стремленье?

2 января 1824

ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон,
Но всё душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

2 января 1824

ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.

Бывало, пылкая мечта
Ко мне веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало, позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но всё пройдет как сновиденье:
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.

Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли:
Он грустно помнит старину;
Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,
И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве;
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта, —
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

5 января 1824

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,

Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

24 января 1824

СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

Февраль 1824

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?
Любя немецкие науки
И немцев вовсе не любя,
Кому, собою недовольный,
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья, —

Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья, —
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги. —
Мелькали быстро дни мои:
Я знал не купленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастье;
Но я предвижу, милый мой,
Что́ скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову, —
И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.
Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливый,
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой, —
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...
Пускай тебе сии мечты
В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

18 февраля 1824

К...

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви,

Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно, пылкий и свободный,
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты не достойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного — низка.

22 февраля 1824

МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила,
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

Февраль 1824

МЕЧТА

Когда петух
Неугомонный,
Природы сонной
Певец и друг,
Пленял просонки
Младой чухонки —

Вчера я встал,
Смотрели очи,
Как звезды ночи,
На мой журнал;
Вблизи чернила
И тишина!
Меня манила
К мечтам она.
С улыбкой долгой
Перо я взял
И час летал
Над тихой Волгой.
Она текла...
Ах, как мила!
Очарованье
Моих очей!
В стекле зыбей
Зари сиянье,
Как в небесах;
Струи дрожали,
Они играли
В ее лучах...
Вдали дубравы
По берегам;
И память славы —
Не нашим дням —
Ряды курганов
Из мглы туманов
Вставали там;
Питомец света
Не любит их;
Но для поэта,
Для дум живых —
Их вид старинный,
Их славный прах...
Что за картины
В моих мечтах!
Тоскливей ночи,
Как день мила,
Потупя очи,
Идет... пришла
И тихо села

Там на курган
И вдаль смотрела:
Вдали туман,
Река яснела...
И в тишине
Девица пела...
И слышно мне!
Она вздыхала,
Порой слеза
В глазах сияла...
Что за глаза!
Они прекрасны,
Как полдень ясный,
Или закат:
И голубые
И неземные
И говорят!
А голос нежный
Весь дол прибрежный
Очаровал;
Он призывал
Бойца и брата,
Который пал
От сопостата...
И я вздыхал!
Душа стремилась
Туда, туда...
И мне явилась
Красы беда...
«Когда же встанет, —
Подумал я, —
Страна моя!
И местью грянет
Тиранам в страх?
Они гуляют
На сих полях
И забывают
О небесах:
Где меч для кары?
Он славен был,
Кто ж притупил
Его удары?»

Так говорил
Язык сердечный;
И вам, конечно,
Мечта — ясна:
Сии тираны —
Моголов ханы,
И старина!
Но всё молчало...
Конец мечтам,
Однако ж вам
Их будет мало,
И вот начало
Другим стихам:

Ужасен глас военной непогоды
Питомцу нег и деве молодой;
Но мил тому, кто любит край родной,
И доблести возвышенной свободы,
И красоту награды роковой:
Как острый меч, героя взгляд сверкает,
Восторгами живыми грудь кипит,
Когда война знамена развивает
И грозное оружие гремит.

Уже взошла денница золотая
Над берегом широкого Дуная.
Яснеет лес, проснулся соловей,
И песнь его то звучно раздается
По зеркалу серебряных зыбей,
То, тихая и сладостная, льется
В дубравной мгле, как шепчущий ручей,
Но скоро ты умолкнешь, сладкогласный!
Тебе не петь и завтрашнего дня!
Здесь будет бой и долгий и ужасный
При заревах военного огня;
Ты улетишь, как, зашумев листами,
Пойдет пожар трескучий по ветвям
И черный дым огромными столбами
Поднимется к высоким небесам!

Так я в поэме начинаю
Вторую песню, где должна

Случиться страшная война,
Где многих, многих убиваю.
И признаюсь, хотелось мне
Вам сообщить и продолженье;
Но в петербургской стороне
Меня пугает осужденье!
Итак, пускай в уединенье
Лежат стихи мои; они
Имеют даже и терпенье:
Для них счастливейшие дни
Придут едва ли прежде мая.
Дай бог чтоб и тогда пришли!
А ждет надежда золотая
Чего-то белого вдали.

20 марта 1824

ЛИВОНИЯ

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не всё, не всё у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лет разбитые громады,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады
И грозную разгорячало месть, —
Несмелый внук ливонца удалого

Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в бессмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука.

2 апреля 1824

К ***

Кому достанется она,
Нерукотворная Мария?
Она для неги рождена:
Глаза, как небо, голубые,
И мягкость розовых ланит,
И всё — готовое для счастья —
К ней соблазнительно манит
Живую жажду сладострастья!
Блажен, кто первый обоймет
Ее красы на ложе ночи,
Ее прижмет, еще прижмет,
И, задрожав, закроет очи!

3 апреля 1824

* * *

Les vers sont en effet la musique de l'âme!
Voltaire[1]

Когда в моем уединенье
Не существует ни гроша,
Грустит мое воображенье
И то же делает душа;

[1] Действительно, стихи — музыка души. *Вольтер* (франц.). — *Ред.*

Когда у господа — финансов
Я умилительно прошу
И ни студенческих романсов,
Ни важных песен не пишу,
Сии минуты роковые,
В их безотрадной тишине,
Напоминают часто мне
Кармана радости былые,
И вдохновение, и вас;
Я не забыл, как мой Пегас,
Слуга живой и неизменный,
Необходимости служил —
И мне отраду приносил
От доброты незаслуженной!
О! сильно чувствует поэт!
В душе, лишь гению послушной,
Притворства нет, и лести нет,
И нет надежды малодушной.
Неблагодарность все века
Открыто славилася в мире
И в одеянье бедняка,
И в императорской порфире, —
И свет таков, каков он был.
Но в длинных летописях света
Скажите: кто же находил
Неблагодарного поэта?

Один, с поникшей головой,
В моем приюте одиноком
Сижу в молчании глубоком
И в светлый час, и в час ночной —
Мечты чуть живы, не играют,
И часто с утра до утра
По Дерпту целому летают
Искать бумажного добра —
И ничего не обретают!
Без денег с немцами — беда:
Они приятны для досугов,
Но их приятность никогда
Не лечит денежных недугов!
Но вы, которые ко мне —
За что, не знаю — благосклонны...

У вас мой дух неугомонный,
Как на родимой стороне,
Отраду чистую находит;
Не к вам ли, скучная порой,
С непринужденною тоской
Моя поэзия приходит?
О, будьте духу моему
Благотворителем, как были ,—
И то, и то, и то ему
Простите — если не простили!

3 апреля 1824

РОМАНС

Конрад одевается в латы,
Берет он секиру и щит.
«О рыцарь! о милый! куда ты?» —
Девица ему говорит.

«Мне время на битву! Назад
Я скоро со славой приеду:
Соседом обижен Конрад,
Но грозно отмстит он соседу!»

Вот гибельный бой закипел,
Сшибаются, блещут булаты,
И кто-то сразил — и надел
Противника мертвого латы.

Спустилась вечерняя мгла,
Милее задумчивой ночи,
Красавица друга ждала,
Потупив лазурные очи.

Вдруг сердце забилося в ней —
Пред нею знакомый воитель:
«О рыцарь! о милый! скорей
Меня обними, победитель!»

Но рыцарь стоит и молчит.
«О милый! утешься любовью!
Ты страшен, твой панцирь покрыт
Противника дерзкого кровью!

Но сердцем, как прежде, ты мой!
Оно ли меня разлюбило?
Сложи твои латы и шлем боевой;
Скорее в объятия милой!»

Но рыцарь суровый молчит,
Он поднял решетку забрала.
«О боже! Конрад мой убит!» —
И дева без жизни упала.

4 апреля 1824

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Всё пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана, —
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;

Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
То, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не всё ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана, —
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

11 апреля 1824

ОСТРОВОК

Далеко, далеко
Красив, одинок
На Волге широкой
Лежит островок —

Туда я летаю
На крыльях мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Под сводами ивы,
Где слышно: «ку-ку»,
Ведут к озерку.
Там берег песчаный...
На нем пред водой
И стол деревянный
С дерновой софой,
И темные сени
Старинных дерёв —
Прибежище лени,
Мечтательных снов.
Налево — беседка,
Как радость, мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и маком,
И свежей травой,
Прохладой и мраком,
А ночью — луной.
Туда, как ложится
На Волгу покой
И небо глядится
В утихших водах,
Приходит... садится
С тоскою в очах
И в сердце с тоскою
Девица-краса;
Глядит в небеса,
Чуть-чуть головою
Склонясь на ладонь, —
И взоры прекрасной
То нежны и ясны,
Как божий огонь,
То мрачны и томны,
Как вечер худой,
Безлунный и темный,
Иль сумрак лесной.

Когда же рассветом
Горят небеса
И с птичкой-поэтом
Проснутся леса,
Росистой тропинкой
Девица спешит
С прелестной корзинкой,
Где книга лежит,
В беседку... Вот села,
Тиха и бледна,
А всё не без дела:
Читает она —
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы —
Ей праздник они.
Она отмечает
Идей красоты
И после — в листы
Альбома включает, —
Так сушит цветы
Цветов обожатель.
О, счастлив писатель
В руках красоты!
Далеко, далеко
Красив, одинок
Лежит островок.
Когда же, о боги!
Поэт и студент
Для дальной дороги
Получит патент?
Когда он, веселый,
Узрит не в мечтах
Знакомые селы
При светлых водах?
Когда он похвалит
Таинственный рок?
Когда он причалит
Свой легкий челнок
Под тенью прохладной
Туда, к островку,
И, с думой отрадной

Взглянув на реку,
«О радость! — воскликнет, —
Я здесь, я живу!»
И снова привыкнет
Там жить наяву?

16 марта — 14 апреля 1824

РОМАНС

«Ты видишь ли, барин, вдали дерева?
Под ними измята младая трава!»

— «Но кто же младую траву там измял?
Какой дерзновенный, злодей и нахал?»

— «Вчера, как сгустилась вечерняя мгла,
Там был твой конюший — и дева была.

Они пролежали там целую ночь —
А дева, как слышно, боярская дочь.

Кисейное платье белело на ней,
Две алые розы в извивах кудрей;

И серьги с алмазом, кушак голубой,
И цепь золотая, и крест золотой.

Я видел, как в терем входила она,
. . . . »

И барин, бледнея, очами сверкал:
Свою он невесту в той деве узнал!

Начало 1824

ОТЪЕЗД

Прощай, краса чужого края,
Прощайте, немцы и друзья:
Уже лечу в телеге я,
Часы мечтой перегоняя!

Со мной дорожное перо,
Со мною книжка путевая;
Моя богиня молодая
В ней пишет худо и добро:
Коней чухонских охуждает,
Бранит смотрителей дурных
И анекдоты вымышляет,
Не очень лестные для них.
Но если памятник победы
Напомнит славные века —
Вдруг, благородна и пылка,
Она поет, как бились деды,
Как била русская рука
Или чухну, иль поляка...
Тогда девица вдохновенья
Живым огнем воображенья
Мои стихи одушевит;
И — дань священного обета —
К вам скоро, скоро полетит
Тетрадь дорожного поэта.

3 июня 1824

ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;

Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

1824

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

1824

ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит:
Она очами не сверкая
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,

Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

АЛА

(Отрывок)

В стране, любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими брегами
Играет ясными струями;
Там, где в минувшие века
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы;
Где наш свирепый Иоанн,
Пылая местью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неутомимо, беспощадно;
Где добрый гений старины
Над чистым зеркалом Двины
Хранит доселе как святыню
Остатки каменной стены
И кавалерскую твердыню, —
В дому отцовском, в тишине,
Как цвет эдема расцветала
Очаровательная Ала. —
Меж тем в соседней стороне,
Устами Паткуля, к войне
Свобода смелых вызывала
И удалого короля
Им угнетенная земля
С валов балтийских принимала.
Когда, прославившись мечом,
Он шел с полуночным царем
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий, как бодра

Железной волею Петра
Преображенная Россия!

Родитель Алы доходил
К пределу жизненной дороги.
Он долго родине служил,
Видал кровавые тревоги,
Бывал решителем побед;
Потом покинул шумный свет,
И, безмятежно догорая,
Прекрасен был, как вечер мая,
Закат его почтенных лет.
Но вдруг... и кто не молодеет,
Своим годам кто помнит счет,
Чей дух не крепнет, не смелеет,
Чья длань железа не берет
И взор весельем не сверкает,
И грудь восторгом не полна,
Когда знамена развевает
За честь и родину война?
Он вновь надел одежду брани,
Стальную саблю наточил,
Казалось, старца оживил
Священный жар его желаний;
Он призвал дочь и говорил:
«Уже лишен я прежних сил
Неумолимыми годами;
Прошла пора, как твой отец
Был знаменитейший боец
Между ливонскими бойцами,
Свершал геройские дела, —
Всё старость жадная взяла...
Не всё взяла! .. еще волнует
Мою хладеющую кровь
К добру и вольности любовь,
Еще отрадно сердце чует
Их благодетельный призыв;
Ему, как юноша, внимаю,
И снова смел и снова жив
Служить родительскому краю.
Гремите ж, бранные поля,
Пируйте, мужество и мщенье!

Что нам судьбы определенье?
Опять ли силы короля
Подавят милую свободу,
Или торжественно она
Отдаст ливонскому народу
Ее златые времена, —
Победа — смерть ли? Будь что будет,
Лишь бы не стыд! Пускай же нас
К мечам, хотя в последний раз,
Глас родины, как неба глас,
От сна позорного пробудит!»
Сказал, и взоры старика
Мятежным пламенем сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали...
Так в туче реется огонь,
Когда с готовыми громами
Она плывет под небесами,
Так, слыша битву, ярый конь
Кипит и топает ногами.

1824

‹ПРИПИСКА К ОТРЫВКУ «АЛА»›

Так незастенчивый для вас
Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной
Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет — девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.

Высоким даром управляя
По вдохновенью, по уму
И ничему и никому

На поле муз не подражая,
Певец лихих и страшных дел,
Я буду пламенен и смел,
Как наша юность удалая,
И песнь торжественно живая
Свободна будет и ясна,
Как безмятежная луна,
Как чистый пурпур небосклона,
Стройна, как пальма Ливанона,
И как душа моя — скромна!

Вчера, как грохот колокольный
Спокойный воздух оглашал
В священный час, — не богомольный,
Я долг церковный забывал!
Мечты сменялися мечтами,
Я музу радостную звал
С ее прекрасными дарами —
И не послушалась она!
А я — невольно молчаливый —
Смирил душевные порывы
И сел печально у окна.
Придет пора, и недалеко!
Я для Парнаса оживу,
Я песнью нежной и высокой
Утешу русскую молву;
Вам с умилительным поклоном
Представлю важную тетрадь
Стихов, внушенных Аполлоном,
И стану сердцем ликовать!

1824

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!
Быть может, эти небеса
Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их,

И ураганы добушуют
До сводов, вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать
И неба в утреннем сиянье
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят:
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;
Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

1824

К П. Н. ДИРИНУ

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен божий свет;
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен;
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо;
Да не закатятся они
С порою младости счастливой!

Она пройдет, — но пусть она
Немрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет,
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беды переносить
И не бледнеть перед судьбою.

1824

РОМАНС

Красой небесною прекрасна,
Печальна, сумрачна она;
Она, как мертвая, безгласна,
Она, как мертвая, бледна.
Склонив заплаканные очи,
Поникнув на руку челом,
Она сидит во мраке ночи
На белом камне гробовом.
При ней, как тихий житель рая,
Унылый сын ее стоит,
И грудь невинного, вздыхая,
На груди матери дрожит.
Наутро взор поселянина
Увидел с раннею зарей
Два трупа — матери и сына,
И их оплакал, как родной.

1824

РАЗБОЙНИКИ

(Отрывок)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;

Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!

Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука;

Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала
И жертвы мести роковой
Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.
Многоречивая молва
Об них далеко говорила;
Уму несмелому их сила
Казалась даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья
Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезались, и крестились,
Рассказы слушая о них.

1824

А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музы своенравной,
Равно — торжественной и славной
И высшей рока и похвал.
Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И . . .ских дев и . . .ских вин,
И прозелит журнальной славы,
. . . .
. . . .
. . . .
Так я тебя благодарю.

Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь что будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Конец 1824 или начало 1825

ЭЛЕГИИ

1

Скажи: когда
С улыбкой страстной,
Мой друг прекрасный,
Мне скажешь: «да»?
Я жду, я таю,
Мечтаю днем,
Во сне мечтаю —
И всё об том!
Вчера приснилась
Ты, Лила, мне —
И в тишине
Расположилась...

. . . .

Но вдруг отрадный
Исчезнул сон;
И, страстно жадный,
Разгорячен,

Я пробудился,
Лилету звал:
Не возвратился
Мой идеал!
Зевнув протяжно,
Я снова лег,
. . . . .
. . . . .
Душа поэта
Давно твоя;
Дождусь ли я
Любви ответа?
Что мне мечты? —
Мечты — не ты!
Когда ж, Лилета?..

2

Ах, как мила
Моя Лилета!
Она пришла,
Полуодета,
И начала
Ласкать поэта
. . . .
Любви награда,
О жизни рай —
Мне через край
Лилась отрада!
И замерла
Душа поэта...
Ах, как мила
Моя Лилета!

3

Ее очей
Огонь и живость,
Ее грудей
Полустыдливость,
И жар ланит,

И ножки малость, —
Всё к ней манит
Амура шалость.
О бог любви!
Благослови
Ее желанья;
Всю ночь она,
Без упованья,
Грустит одна.
Надзор суровый
Ее мертвит,
И нездорово
Девица спит.
Амур! отраду
Ей дать спеши:
В ночной тиши
Ты затуши
Ее лампаду,
Окно открой,
И безопасно
Пусть молодой,
И сладострастный,
И телом твой
Войдет к прекрасной.
Пускай она,
Пылка, жадна,
Дрожит и бьется
На ложе сна,
И пусть проснется
Утомлена.

4

Что слышу я?
Мне изменила
Душа моя,
Младая Лила;
Она вчера
К попу ходила
И прогостила
Там до утра.

Наш поп, я знаю,
Не слишком свят
И, верно, рад
Земному раю.
Воображаю,
Как он ласкал
Мою Лилету
. . . . . .

О, сын Киприды,
Мой Саваоф!
Твои обиды
Тошней стихов
«Тилемахиды».
Что делать мне?
Теперь без Лилы
Теряю силы
Наедине;
Томлюсь во сне
Любви мечтами.
В моих глазах
Тоска и страх, —
А под глазами
Как в небесах!..

5

Звонят к обедни —
Пойду ли я?
Мне святцы — бредни,
А ектенья —
Галиматья,
И для поэта
Она всегда
Скучна, как Лета
И господа
Большого света.
. . . . . .
И литургия
Мила ли мне,
Когда во сне

Я, как Россия,
Едва живой,
Страдал и бился,
И, сам не свой,
В мечтах бранился
С моим царем?
О боже, боже!
С твоим попом
На грешном ложе,
В субботний день,
Вчера грешила
Младая Лила!
Кому ж не лень
Идти молиться
Перед попом,
Который днем
И в рай годится,
А вечерком
Чужим живится?
Нет! пусть звонят:
Не приманят
Меня к обедни:
Там служит поп —

. . . .

Мне святцы — бредни
И ектенья —
Галиматья!

Между 1823 и 1825

РОМАНС

Что делал с Евою Адам,
Когда ему на вызов милый

. . . .

Вчера я был в гостях у Лилы.

Была вечерняя пора;
Меня девица приласкала;

Ее рука в моей лежала.
«Какая жаркая пора!»

Что было после, о друзья!
Вы, верно, сами отгадали,
Коль с райской цели бытия
Покров завистливый снимали.

Попы твердят: «любовь — мечта!»
Не то питомцы Эпикура:
Им богородица Амура
Любезней матери Христа.

Кому ж душа моя должна
Минутой сладких упоений?
О други, верьте: бог вина
Есть бог и прочих наслаждений.

Оно восторги нам дает,
Оно в нас кровь разгорячает:
Блажен, кто Бахуса встречает,
Когда к прелестнице идет!

Между 1823 и 1825

РОМАНС

1

«Зачем изорванный сертук
Ты, милый, надеваешь?»
— «Я на комерс иду, мой друг,
А прочее ты знаешь».

— «На небе тучи — посмотри!
Останься лучше дома. . .»
— «Я пропирую до зари
И не услышу грома».

— «Какой-то мудрый говорит:
„О люди, прочь от хмеля!“»
— «Кто наслаждаться не велит,
Тот, верно, пустомеля!»

Студент большую трубку взял
И юную Лилету
Семь раз взасос поцеловал,
Сказав ей: «Жди к рассвету!»

2

Студент идет — шумит гроза
И мрак на лике Феба:
Надвинув шапку на глаза,
Студент не видит неба.

Илья гремучий шестерней
По облакам промчался,
Пожары в небе, дождь рекой!
Студент не испугался.

Ему, как милая звезда,
Огонь вдали сияет;
Студент спешит, студент туда,
Где радость, достигает.

Он сел за стол, в руке стакан,
Он пьет вино, как воду,
Он выпил семь — еще не пьян,
Еще поет свободу.

И долго веселился он.
Уж свечки догорели;
Заря взошла. Друзьям поклон:
Пора ему к постели.

3

Но что же делает она,
    Души его супруга?
Ей ночь несносна и длинна
    Без молодого друга.

Она лежит — и снится ей
    Товарищ сладострастный;
. . . .
    . . .

Но вдруг проснется — и печаль
    Проснется в деве жадной;
Ей времени пустого жаль,
    На друга ей досадно!

И вот пришел ее герой,
    Разделся, помолился —
Он жаждет радости ночной
    И к милой обратился.

Ей поцелуй; она легла
    С улыбкою довольной:
Студента бодрость ей мила
    . . . .

Друзья, пожалуй, мой рассказ
    Зовите небылицей,
Но верьте: пьяный во сто раз
    Бодрее . . . .

Между 1823 и 1825

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,

Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

Январь 1825

КОРЧМА

Несется тройка удалая,
Бренчат колеса; пыль столбом,
Из-под телеги вылетая,
Бежит за пыльным седоком.
Очам отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумит передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово — но зачем оно?
Его сберет чухонец сонный
И променяет на вино!
Налево зрелище иное:
Как оживленное стекло,
То млечное, то голубое —
Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
Меня палит несносным жаром.
«Вези в корчму — я пить хочу», —
Так я извозчику ворчу,
Неоскорбительным ударом
К его притронувшись плечу.
Он понял, — плеткою лихою
Коней задумчивых стегнул —
И я отраднее вздохнул
Перед булыжною корчмою.
Вхожу в нее — она полна;
Не милы лица, одеянья
Сего незнатного собранья:
Здесь виден и плохой чухна,
И некрасивая чухонка,
И бедный жид — с ним два жиденка,
И грязная его жена,
И православные солдаты,
И трое нищих, и один —
Знать арендатор, знать богатый, —
В сафьянной шляпе господин.
Я пить спросил — рукой немытой
Хозяйка кружку мне дала, —
Вода нечистая была:

Душа питья не приняла,
И я с поспешностью сердитой
Корчму покинул и лечу.
Несносный жар! я пить хочу!

1 февраля 1825

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга́ лихая не гневит!
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями...

Клянусь моими божествами:
Я непритворно вас зову!
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
Я, видя вас, — любимец музы,
Я только трубадур без вас.

Февраль 1825

К ТЮТЧЕВУ

Каким восторгом ты пылаешь,
Как радостны твои мечты,
Когда подарок красоты,
Устами жадными лобзаешь!
Твоя душа озарена
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она.
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл:
Одну печаль, одну обиду
Мне подарил мой идеал.
Дай руку: с гордостью спокойной
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Обет, изменницы достойный.

Конец марта или начало апреля 1825

М. Н. ДИРИНОЙ

Счастливый милостью судьбины,
Что я и русский, и поэт,
Несу на ваши именины
Мой поздравительный привет.
Пускай всегда владеют вами
Подруги чистой красоты:
Свобода, радость и мечты
С их непритворными дарами;
Пускай сияют ваши дни,
Как ваши мысли, ваши взоры,
Или пленительной Авроры
Живые, свежие огни.

Где б ни был я — клянусь богами, —
В стране родной и неродной,
Любим ли ветреной судьбой,
Иль сирота под небесами,
За фолиантом, за пером,

При громе бранного тимпана,
При звуке лиры и стакана,
Заморским полного вином, —
Всегда услужливый мой гений
Напоминать мне будет вас,
И Дерпт, и славу, и Парнас,
И сада Ратсгофского тени.
Вот вам пример: в России — там,
Где величавая природа,
Студент-певец, я жил с полгода;
Моим разборчивым очам
Являлись дивные картины:
Я зрел, как ранние снега
Сребром ложились на вершины
И на широкие луга,
Как Волги пенились пучины,
Как трепетали берега,
Как обнаженные дубравы
Осенний ветер волновал
И в пудре по полю гулял;
Я видел сельские забавы,
Я видел свадьбу, видел свет —
И что же чувствовал поэт?
Полна спасительного гнева,
Моя открытая душа
Была скучна, нехороша,
Как непонятливая дева;
Она молила небеса
Исправить воздух и дорогу,
И, слава богу, слава богу,
Я здесь, — мой рай, моя краса,
Царица вольных наслаждений,
Где ты, богиня песнопений?
Приди! Возвышенный твой дар
Меня наполнит, очарует,
И сердце юношеский жар
К труду прекрасному почует!
Пример не краток: нужды нет.
Я обвиняюсь перед вами,
Что замечтался; но мечтами
Живет и действует поэт,
И дело! В мире с юных лет,

Богатый творческою силой,
Он пламенеет страстью милой,
Душой следит свой идеал —
И вот нашел... не тут-то было!
Любимец музы прозевал,
Прощай, возвышенное счастье:
Пред ним в обертке божества
Одни бездушные слова,
Одно холодное участье.
Кого ж любить ему? Мечты!
Он ими сердце оживляет
И сладко, гордо забывает
Свой плен и райские черты
Лица и мозга красоты.
Ах, я забылся! От предмета
Куда стихи мои летят?
Простите вашего поэта,
Я, право, прав, а виноват,
Что разболтался невпопад.
Так было б лучше во сто крат
В моем таинственном журнале
Об непонятном идеале
Писать, что здесь говорено.
Но будь как есть, мне всё равно,
Я знаю вашу благосклонность,
Не удивит, не тронет вас
Мой необдуманный рассказ,
Моей мечты неугомонность.
Пора мне кончить мой привет
И скуку вашего терпенья;
Когда в душе чего-то нет,
Когда не сладко наслажденье,
Когда любимая звезда
Для вдохновенного труда
Неверно, пасмурно сияет,
Певцу и труд надоедает
И он без дара пиэрид,
Без пиитической отваги
Повеся голову сидит
И томно смотрит на бумаги.
Довольно! Нет, еще мой гений
Вас просит, кланяяся вам,

Не скоро ждите объяснений
Его загадочным словам;
Настанет время, после мая,
Подробно он расскажет сам,
Какая сила роковая,
Назло Парнасу и уму,
Апрель попортила ему;
Еще он просит: бога ради,
Без Гарпократа никому
Вы не кажите сей тетради.

1 апреля 1825

ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил,
И мир души, и сердца волю
Как драгоценности хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила
Всего проникнула меня.

Пускай не мне ее награды;
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобедимою красой.

1 апреля 1825

* * *

Напрасно я любви Светланы
Надежно, пламенно искал;
Напрасно пьяный[1] и непьяный
Ее хвалил, ее певал.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
Во мне утихнул жар опасный,
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холод холодом плачу;
Она res publica,[2] мой милый,
Я с ней бороться не хочу!

Между 1 и 5 апреля 1825

НАСТОЯЩЕЕ
6 АПРЕЛЯ 1825

Элегия

Вчера гуляла непогода
Сегодня то же, что вчера, —
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

---

[1] Быль.
[2] Общее достояние (лат.). — *Ред.*

ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу!
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

7 апреля 1825

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen.
Ramler [1]

Недолго на́ небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!
Ну к черту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;

---

[1] И я могу притворяться. *Рамлер* (нем.). — *Ред.*

Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь наконец
Служить волшебнице прекрасной;
Я прогоню мою тоску,
Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира
И не кипят ее слова;
Так после Бахусова пира
Немеют грудь и голова.

7 апреля 1825

СОН

Всё негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.

Морфей! Слети на Трубадура
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

NB. Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь.

Сибирская летопись

8 апреля 1825

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

8 апреля 1825

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825

ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.
Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,

Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

24 апреля 1825

НЕЧТО

Мудрец — народов просветитель,
Бывал ли тверд и мудр всегда?

Карамзин

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную мéжу
В эдем подлунный и чужой.
Во мне уснула жажда неги:
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий,
Ему во славу, написал.
Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

28 апреля 1825

ЭЛЕГИИ

1

Свободен я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу

В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

2

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный,
И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

3

Моя камена ей певала,
Но сила взоров красоты
Не мучала, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого,
Любви, не знал я, — так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит, — но холодна!

Апрель 1825

НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЬ
1-я

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море, —
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна?

Смотрите, как пышен, блистателен день!
Как наши играют знамена!
Не даром красуется день,
Не даром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море, —
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Начало 1825

* * *

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не милость царственного взгляда,
Не золото и не звезда!
Служа несозданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?
Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

Начало 1825

МЕЧЕНОСЕЦ АРАН

(Отрывок)

Не раз, не два Ливония видала,
Как, ратуя за веру христиан,
Могучая рука твоя, Аран!
Из вражьих рук победу вырывала;
Не раз, не два тебя благословлял
Приветный крик воинственного схода,
Когда тобой хвалился воевода
И смелого, как сына, обнимал.
. . . .
. . . .

Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войне
Арановой пленительной весне
Назначило уделом провиденье.
Аран! твои ланиты и уста,
Румяные, как пурпуры денницы,
Твоих очей лазурь и быстрота,
Их милый взор, их длинные ресницы,
Твой гибкий стан и черные власы —

Как сладостно, и пламенно, и живо
Мечталися в полночные часы
Красавице надменной и стыдливой
В стране, где ты как радость расцветал,
Где Везер льет серебряные воды;
В стране, где сын отчизны и свободы,
Возвышенный Арминий побеждал.

Как яркий луч божественного света,
Как мощного воителя стрела,
Как творческий и смелый дух поэта
И горний лет победного орла —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда, пленен высоким и благим,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Он весь дался надеждам золотым,
И новый мир яснеет перед ним,
Для подвигов прекрасных бесконечный!
Так молодость Аранова текла:
Уж полон чувств и бодрых упований,
Он был готов десницею для брани,
Готов душой на славные дела.
Его мечта туда переносила,
Где божий свет крестом преображен;
Где Иордан, Голгофа и Кедрон,
Где высоты́ Ермона и Кармила;
Там юноша, при ратных знаменах,
Наместником Петра благословенных,
Горел, алкал прославиться в боях
Красою дел отважных и священных.
. . . .
. . . .

На синеве безоблачного свода
Светило дня прекрасное горит;
Труба на сбор воителей манит;
Надел броню их старец-воевода...
Они стеклись — наточенный булат
Звучит, блестит; геройские воззванья,
Веселые текут из ряда в ряд;

У всех одни надежды и желанья,
Все бранными восторгами кипят!
Закрыв лицо решеткою забральной,
На рукоять поникнув головой,
Один Аран, безмолвный и печальный,
Не веселел, не ликовал душой...
Когда магистр, готовяся на битву,
Сложив шелом пернатый и стальной,
Произносил сердечную молитву
Спасителю и деве пресвятой;
Когда, подняв трепещущие длани
И слезный взор к бессмертным небесам,
Он призывал внимающим полкам
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодеть в боях,
Блюсти мечом апостолов державу
И возвещать в языческих странах
Всевышнего трисолнечную славу, —
Что чувствовал ты, воин молодой,
Вождя побед глазами озирая,
То яркими, как пламень громовой,
То мрачными, как туча громовая?
. . . .
. . . .

Простертые на бархате полян,
В безмолвии окрестность наблюдая,
Ливонцы ждут прихода христиан;
Они без лат: меч, стрелы и чекан,
Копье и щит — их сбруя боевая...
Блеснула рать знакомая вдали;
Трескучий зык сзывающего рога
Их взволновал: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога!

Не облака ль сверкают и гремят,
Не озеро ль Чудское расшумелось?
Не облака сверкают и гремят,
Не озеро Чудское расшумелось —
Враги Христа с Винандовым полком
Сшибаются . . . .

. . . .
. . . .

Там общий бой: толпа толпу теснит,
Пирует смерть, кровь брызжет, сталь звенит.
Тот меч занес и, не свершив удара,
Оцепенел, разрубленный мечом;
Тот в ярости губительного жара
Не слышит ран и рубится с врагом;
Иной копье из тела вырывает
И в судоргах влачится по земле;
Тот навзничь пал — и язва на челе;
Тот, жалостно стоная, издыхает,
Подавленный израненным конем;
Кто смерть зовет, кто битву проклинает:
Обширный ад на поле боевом!

Уж месяц встал блестящий и багряный
Над зеркалом балтийской глубины;
Уж потекли росистые туманы
По берегам лазоревой Двины...
. . . .
И тьма легла на поприще мечей.
Бой перестал. Огни в долине стана;
Воители на рыцарских щитах
Несут в шатер полмертвого Арана:
Он весь в крови; мерцание в очах,
И широка запекшаяся рана.

1825

К Г. Д. Е.

Благодарю вас; вы мне дали
Надежды лучшие мои,
Пустые радости любви,
Любви прелестные печали;

Всегда я помнил вас, один среди друзей,
Мечты о вас мне чаровали
Часы бессонницы моей,

Часы трудов и сатурналий,
И редко ль рабствовала вам
Моя богиня молодая,
Всё, что не вы, позабывая
И сладко радуясь цепям?
Но гордость пламенного нрава
Ее достойное взяла:
Опять меня зовет пленительная слава
На вдохновенные дела;
Опять мне душу оживила
К добру, к высокому любовь,
И поэтическая сила
Во мне владычествует вновь.

Увижу родину моих стихотворений,
Увижу Дерпт, там крылья развернет,
Покинет мир сует мой своевольный гений,
И будет смел его полет.

«Поэт свободен, что награда
Его торжественных трудов?
Не милость царственного взгляда,
Не восхищение рабов!
Служа не созданному богу
Он даст ли *нашим* божествам
Назначить мету и дорогу
Своей душе, своим стихам?»

Я виноват, прошу прощенья!
Быть может, некогда мой глас
Будил холодные сомненья
И мысли скучные для вас.

Я сердца вашего не знаю,
Но я надеюсь — так и быть —
Вы мне изволите простить
Мечты, летавшие к языческому раю.

Я притворялся, я желал
Любви кипучей, невозможной,
Ее певал неосторожно,
А сам ее не понимал.

Теперь горжусь моим признаньем,
Теперь возвышен мой обет:
Не занимать души бесславным упованьем,
Не забывать, что я поэт!

Начало 1825

В АЛЬБОМ Ш. К.

Доверчивый, простосердечный,
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.

Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

1 мая 1825

ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам,
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой

Я песни сонные живил,
Когда мне чувств недоставало,
А ум и в ум не приходил, —

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая, наградить:
В них музы нет, не может быть,
Они написаны ошибкой.

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома,
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома, —
А впрочем, как угодно вам!

3 мая 1825

В АЛЬБОМ Ш. К.

Не часто ль тягостною мукой
За откровенные слова
Души простой и близорукой
Платил мне слепок божества;
Не часто ль после вдохновенья
Отрад возвышенных я ждал,
Заране чуял наслажденья,
Заране сердцем ликовал —
И только знаки отверженья
В глазах красавицы читал?

Любовь, любовь! я помню живо
Счастливый день, как в первый раз

Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!

Между 10 апреля и 3 мая 1825

* * *

Не жив поток под сумраком туманов,
Не ярок взгляд заплаканных очей;
Медлительно в безмолвии ночей
С холма на холм порхает стая вранов,
Не скоро сна тревожного мечты
От юноши денница прогоняет;
Не скоро он волшебные черты
И горькие обиды забывает, —
Свободен, быстр, пленителен полет
Часов любви, надеждой окрыленных,
Когда душа кипит, чего-то ждет
И вся полна желаний вдохновенных!

Апрель или начало мая 1825

* * *

Теперь мне странны и смешны
Любви безумные припадки,
Не утешительны, не сладки
Ее пророчества и сны.
Теперь по опыту я знаю,
Что́ сердца жар, что́ красота,
И с Соломоном восклицаю:
«Всё суета, всё суета! . .»

Апрель или начало мая 1825

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

Между 10 и 19 мая 1825

‹ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ›

1

Мне очень жаль, что я сегодня
У вас обедать не могу.
(Как христианин, я не лгу
На случай праздника господня).
Теперь мне скучная пора:
Я занят письмами большими;
Еще с вчерашнего утра
Сижу задумчиво над ними,
А всё не вижу им конца.
Нельзя ж оставить без ответа
От Киселева письмеца
И от приятелей привета?

Итак — надеюся, что вы
Мне одолжите извиненье
В не очень важном прегрешенье
Не очень важной головы!

Весна 1825

2

Как цвет небесного эфира,
Как безмятежная луна,
Моя поэзия ясна.
Но суете земного мира
Порой покорна и она.
Пускай божественного света
Восторги сладостны уму
Самолюбивого поэта:
Он всё не бог, и всё ему
Нужна подлунная монета —
Удел не славный, не святой!
Но так судьба определила,
И все мы ходим под судьбой.
Вы понимаете, в чем сила!
Благодарю — и бог со мной.

15 мая 1825

3

В последний раз в семестре этом —
Пускай за деньги — так и быть —
Я притворяюся поэтом
И вас могу благодарить:
Не раз, не два вы прогоняли
Мои карманные печали
И тайным подвигом добра
И дух и здравие пера
Певцу-студенту оживляли.
Всё слава богу — мне пора
Скакать дорогой к Петрограду:
Найду там братскую отраду,
Найду поэтов и друзей; —

Но, верьте богу вдохновенья,
Я не забуду здешних дней,
И вашего благотворенья,
И благодарности моей!

9 июня 1825

М. Н. ДИРИНОЙ

Я обещал — и был готов —
Вам объяснить — слуга покорный —
И тайный смысл моих стихов,
И горе музы непритворной;
Тогда — вы помните когда? —
Надежде юной доверяя,
Я пел: мой рай, моя звезда, —
И не годилась никуда
Моя богиня молодая.
На это скажете вы: да!
Теперь прошли мои припадки,
Как бредни жаркой лихорадки,
Как пир студентов, где шумят,
Где все не видят, не внимают,
И своевольно рассуждают,
И поневоле говорят!
Однако ж, смею вам признаться,
Еще не вовсе я здоров:
Не помню я хороших слов,
Не силен сильно выражаться,
И вам известно: мой предмет
Совсем не кроток — и конечно
Я постыжуся, как поэт,
Потолковать о нем беспечно.
Ум квартирует в голове,
А голова моя недавно
Страдала слишком не забавно;
Итак, пождите благонравно:
Через неделю, через две
(Не очень долгое терпенье!)

Я вам доставлю объясненье
Из Петербурга — всё равно —
Я там исправлюсь понемногу
И не забуду вас, ей-богу!
Не так ли? Так и быть должно.

9 июня 1825

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,

Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

Между 2 и 16 августа 1825

МОЙ АПОКАЛИПСИС

Марии Николаевне Дириной

Au nom de Dieu, gardez-vous bien
D'aller publier ma mystère.

Lafontaine[1]

1

Когда любви незнаменитой,
Мятежной, беглой и живой
Я посвящал души открытой
И беспокойство и покой;
Когда надеждою виновной
В часы общественного сна
Невольно мучилась она
И в мир поэзии любовной,
Уединенна и нежна,
Летала с музой многословной;
Когда рогатая луна,
Богиня женских упований,
И ночи мрак, и вздор желаний
Мою нестройную мечту,

[1] Ради бога, не выдавайте моей тайны. Лафонтен (франц.). — *Ред.*

Как сон волшебный, чаровали
И пустяками занимали
Младого сердца пустоту, —
Чужим исполненный предметом,
Я обещался вам тогда
Всё объяснить; — но вот беда:
Я, право, не гожуся летом
Для вдохновенного труда.
Теперь свободнее мой гений:
Он рад по-прежнему для вас
Забыть оковы сонной лени,
Увидеть радостный Парнас,
Непринужденными стихами
Вниманье ваше утомлять
И откровенно — перед вами —
Великий пост воспоминать.

2

Пора любовной лихорадки,
Невозвратимая пора!
Еще я помню, как вчера,
Моей камены беспорядки,
Мои немые вечера,
И цвет прославленной перчатки,
И почерк нежного пера!

3

Ты прав, ты прав, о сын Давида!
Всё суета, всё суета!
Как безрассудна, как пуста
Нам присужденная Киприда!
С каким доверчивым огнем
Красе жеманной и надменной
Мы чувство сильное даем
Души, впервые пробужденной!
Как часто юноша певец
Для ней восторгами играет

И мирты слабости вплетает
В свой олимпический венец!
Она манит поэта взгляды,
Внимает сладостным стихам;
Но где награда за награды
И фимиам за фимиам?
Чужда божественного дара,
Питая чувственным свой ум,
Она ласкает, как фигляра,
Творца могущественных дум.

4

Поэту радости и хмеля. . .
и т. д.[1]

5

Но где ж она и кто ж она,
Моя прошедшая царица?
Есть знаменитая страна,
Есть знаменитая столица;
На берегу веселых вод,
В дыму торжественных сражений
России всемогущий гений
Ее воздвиг среди болот.
И ныне градом просвещенья
Она по северу слывет,
Торгует, блещет и растет,
Имеет даже наслажденья;
Но только эта сторона
Не пробуждает вдохновенья,
Для душ высоких — не годна,
И там-то место, где *она*,
Душа сего стихотворенья!

[1] См. стр. 140. — *Ред.*

Моей Камены беспорядки —
Здесь говорится о стихах,
Которых множество мой гений
В минуты сладких заблуждений
Писал на миленьких листах:
Мечты, элегии — безделки,
Они и все — не хороши.
В них мысли — вздор, а чувства мелки
И нет ни вкуса, ни души.
Так поднебесная Венера
За месяц вздохов и тоски
Внушила мне лишь пустяки.
Вот вам отрывок для примера,
Как заблуждался мой Пегас:
«Любовь, любовь, я помню живо
Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!»
Как это вяло, даже тёмно,
Слова, противные уму,
Язык поэзии наемной
И жар, не годный ни к чему!
Как принужденны и негладки
Четыре первые стиха!
Как их чувствительность плоха,
Как выражения не кратки!
Конец опять не без греха:
В одно прекрасное сливались —
Они светлели, возвышались.
Какая мысль! и что оно
Тут неуместное «одно»?
И как *они* сюда попались?
Тогда все чувства бытия —
Какие, спрашиваю, чувства?
Тут явная галиматья
И без малейшего искусства!

И гордо радовался я —
К чему, зачем такая радость,
И что она, и где она,
В уме иль в сердце? — Здесь видна
Нерассудительная младость
И сумасшедшие мечты
Без нежности и красоты.

Мои немые вечера —
Здесь разумеются часы,
В тиши потерянные мною,
Когда я прихотям красы
Усердно рабствовал душою.
Бывало, месяц золотой
Едва над Эмбахом зажжется,
Иду по улице кривой,
И сердце прыгает и бьется;
Пришел — сажусь, по сторонам
Брожу влюбленными глазами,
И односложными словами
Ласкаю любопытству дам.
Дадут огня . . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Один из этих вечеров
Вам, верно, памятен доселе:
Он был на Фоминой неделе.
Тогда, задумчив, нездоров,
Я много слушал голосов,
А сам молчал красноречиво,
Смотря на краску потолка.
Глаза тускнели — и лениво
Держала голову рука.
Мечты Камены и Амура
Порой рождалися во мне;
Меж тем в почтенной тишине
Читались сказки Дарленкура.
Я чувствовал, я понимал . .
. . . .

[1] Точки поставлены самим сочинителем.

. . . .

И цвет прославленной перчатки —
Перчатка палевого цвета,
Весьма красива и нежна.
С руки прекрасного предмета
Она была подарена
В любви сопернику поэта;
За то обиженным певцом
В посланье гордом и живом
Тогда же мстительно воспета.
Счастливый юноша хранит
Сию прелестную перчатку,
Подарок матери харит,
Души значительную взятку.
Он, верно, глядя на нее,
Воображение свое
Надеждой сладкою ласкает
И в очарованных мечтах
На славных Невских берегах
При свете месяца гуляет.

И почерк нежного пера —
Не знаю как — и может быть,
Мне и не должно, и опасно
Стихами шутки непристрастной
И здесь, и с вами говорить
Об этой истине прекрасной:
Питомцы низменных отрад,
Судьи подсолнечного света
Нередко скромного поэта
За мысли чистые бранят;
Теперь божественная муза
В делах и чувствах невольна,
Как век священного союза,
Как М. . . . .нова жена.
И посему-то — на молчанье
Решился я переменить
Мое усердное желанье
И этот стих вам объяснить.

Безумно было ожиданье —
Прошу заметить, как правдивы,
Естественны и глубоки,
Как удивительно учтивы
Слова и мысли сей строки!
Безумно было ожиданье! —
Тут много сказано, тут есть
Самостоятельная честь
И благородное признанье
В непоэтических делах,
Стихотвореньях и мечтах.
. . . .
. . . .
Еще заметьте слово: *было*.
Недаром сказано оно:
Им навсегда умерщвлено
Всё, что недавно и давно
Мне сильно голову кружило,
Всё, что поэта научило
Желать, не ведая чего,
И дар священный Аполлона
С холмов возвышенных его
Сводить к подошве Геликона.
Но, слава господу! прошла
Любви могучая тревога;
Огонь дельфического бога
Опять живит мои дела,
Опять спокойна и светла
Моя житейская дорога!

ЭПИЛОГ

Довольно я наговорил,
Довольно ясны объясненья!
Я знаю — в них я погрешил
Против общественного мненья,
Против Кипридиных детей.
Быть может — юношеских дней
Мечты нескрытные, живые
Где-где веселости моей
Внушали мысли удалые.

Я виноват; но знаю — вы
Поэта вашего поймете
И шутку вольной головы
Невинной шуткой назовете.

Между 16 августа и 2 сентября 1825

ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

Ноябрь или начало декабря 1825

ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?

Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет;
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва —
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

6 ноября 1825

ЭЛЕГИЯ

Прощай, красавица моя!
Известен мне любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь тайные ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Я ждал любви и наслаждений,
Я много светлых вдохновений
Означил именем твоим;
Обманут я: иную долю
Мне провидение дает,
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю...
И я рассею грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я весел снова и пою!

Начало ноября 1825

К А. Н. ВУЛЬФУ

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах ее денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста, —
Чего ж они не заменяют?

Начало ноября 1825

К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей
Неизъяснимые, живые
Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья,
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились мешались,
Играли быстрые мечты;

Как образ волн, их красоты,
Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло всё, — меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

14 ноября 1825

ПРИСЯГА

Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю,
Стою как вкопанный — и вам
Благоговейно присягаю.
Я, ниженазванный, клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом,
Что я хочу и должен я
На всей дороге бытия
Лишь вам одной повиноваться,
Что будет кровь моя для вас
Во всякий день, во всякий час,
Как повелите, волноваться;
Что ваши милые права,
Самодержавные проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мне будут пуще божества,
Святее всякого закона,
И вам живая оборона —

Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вам на поприще сует
Грозит убыток или вред,
Я охраню и успокою
Мой поэтический предмет.
Когда таинственное дело
Вы мне поверите, — я вам
Уберегу его так цело,
Что будет любо небесам.
Клянусь и должен: сей присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменять,
Но православно и повсюду
Душой и телом помнить буду
Мой долг и вашу благодать;
И так под вашею державой
Я дни поддáнства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Ответы умные найду.

10 декабря 1825

А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца
Она пленяет и меня,
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.

Всё хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне всё. Ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поет наперехват —
И тайный Глинка, и Евгений,
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

16 декабря 1825

ИЗВИНЕНЬЕ

Я не исполнил обещанья:
Не всё и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души,
Они довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!

Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

20 декабря 1825

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

ОТЧЕТ О ...

Я знаю, друг, и в шуме света
Ты помнишь первые дела
И песни русского поэта
При звоне дерптского стекла.
Пора бесценная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай известности прекрасной
И дум высоких я не знал;
Зато учился безопасно
Зато себя не забывал.
Бывало, кожаной монетой
Куплю таинственных отрад —
И романтически с Лилетой
Часы ночные пролетят.

Теперь, как прежде, своенравно
Я жизнь студентскую веду;
Но было время, и недавно!
Любви неметкой и неславной
Я был в удушливом чаду;
Я рабствовал; я всё оставил
Для безответной красоты;
Простосердечно к ней направил
Мои надежды и мечты;
Я ждал прилежного участья;
Я пел ланиты и уста,

И стан, и тайные места
Моей богини сладострастья;
Мне соблазнительна была
Ее супружеская скромность
Очей загадочная томность
И ясность белого чела, —
Всё нежило, всё волновало
Мою неопытную кровь,
Всё в юном сердце зажигало
Живую первую любовь.
Ах! сколько ... сновидений,
Тяжелых вздохов, даже слез,
Алкая полных наслаждений,
В часы полуночных явлений,
Я для надменной перенес!
Я думал страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Приятно мне перелетать.
И что ж? Она не разумела,
Кого любил, кому я пел.
Я мучился, а знаком тела
Ей объяснить не захотел,
Чего душа моя хотела.
Так пронеслися дни поста,
И вольнодумна и свята,
Она усердно причастилась.
Меж тем узнал я, кто она;
Меж тем сердечная война
Во мне помалу усмирилась,
И муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о влаге бытия.
Опять с надеждой горделивой
Гляжу на Шиллеров полет,
Опять и радостно и живо
В моей груди славолюбивой
Огонь поэзии растет.

И признаюся откровенно,
Я сам постигнуть не могу,
Как жар любви ненагражденной

Не превратил меня в брюзгу!
Мои телесные затеи
Отвергла гордая краса, —
А не сержусь на небеса,
А мне все люди — не злодеи;
А романтической тоской
Я не стеснил живую душу
И в честь зазорному Картушу
Не начал песни удалой!

Сия особенность поэта
Некстати нынешним годам,
Когда питомцы бога света
Так мило воспевают нам
Свое невинное мученье,
Так помыкают вдохновенье,
И так презрительны к тому,
Что не понятно их уму!
Но как мне быть? На поле славы
Смешаю ль звук моих стихов
С лихими песнями оравы
Всегда отчаянных певцов?
Мне нестерпимы их жеманства,
Их голос буйный и чужой...
Нет, муза вольная со мной!
Прочь жажда славы мелочной
И легкий демон обезьянства!
Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро свои грехи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробней и ясней
Сего нестройного посланья,
Я расскажу тебе деянья
Любви неконченной моей.

25 декабря 1825

ВИДЕНИЕ

Вчера, как сумраки по небу
Туманный вечер расстилал,
Я в тишине молился Фебу,
Я вдохновенье призывал;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворный
Его огонь овладевал;
Мечты кипели, разгорались,
Росли, блистали и сливались,
И видел я — мой идеал:
Чело, и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И стан божественной хариты
Непринужденно, как-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Как мил и жив мой идеал!
Я млел, я таял, я стыдился,
Я задыхался и дрожал
И, утомленный, — пробудился!

Ноябрь или декабрь 1825

* * *

Увы! я убежден решительно и верно,
Что ты не для меня прекрасна и мила:
Для тела моего ты велика чрезмерно,
А для души моей ты несколько мала.

1825

ДУМА

Одну минуту, много две,
Любви живые упованья
Кипят ликуют в голове
Богоподобного созданья:
Разгоряченная мечта

Прогонит сон души усталой,
Напомнит время и места,
Где нас ласкала красота,
Где небывалое бывало.
Но сей чувствительный собор
Надежд, восторгов и загадок
Заносит в душу беспорядок
Или меняющийся вздор,
Хоть сам пленителен и сладок,
Хоть сам блестит, как метеор.

Конец 1825 или начало 1826

ЭЛЕГИЯ

Мечты любви — мечты пустые!
Я верно знаю их; оне
Не раз победы удалые
И рай предсказывали мне.
Я пел ее и ждал чего-то,
Стихам внимала красота,
И отвечали мне — зевотой
Ее пурпурные уста;
Я произнес любви признанье —
И скучен был наш разговор!
Всё суета! Улыбка взор —
Прекрасно ваше предвещанье.
Но вы, почтеннейшие, — вздор!
Мечты любви — не стоят горя:
Прельстят, обманут хуже сна.
И что любовь? Одна волна
Большого жизненного моря!

Конец 1825 или начало 1826

* * *

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

Одно, и жгучее, желанье,
Одна, и тяжкая, мечта —
Безумных дней воспоминанье,
Краса великого поста —
Меня тревожит непощадно...
Склонивши на руку главу,
Богиню песен я зову,
Хочу писать — и всё нескладно!
В моей тоске едва-едва
Я помню мысли и слова,
Какими, пламенный когда-то
Я оживлял стихи мои —
Дары надежды тороватой —
Гремушки ветреной любви.
Любовь покинул я; но в душу
Не возвращается покой:
Опять бывалого я трушу,
И пустяки — передо мной!
Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

Конец 1825 или начало 1826

К ШЕПЕЛЕВУ

Ты мой приятель задушевный:
Мы поэтически живем,
Мы вольно учимся и пьем,
Мы рассуждаем ежедневно
Об идеальном и благом;
Однако ж дело не о том!
Скажи: кого порою ночи
Твои приветствуют мечты,
Чьи возмутительные очи
Звездами называешь ты?
«Она мила, она далеко,
Она изменит!» — так не раз
Тебя встревожит сердца глас
В часы печали одинокой.

Откройся мне! как ты, мой друг,
Любви я знаю самовластье,
Пусть охладит мое участье
Твой соблазнительный недуг;
Знакомый с девами и светом,
Тебя утешу я вполне
Иль романтическим советом,
Или посланьем о вине!

13 февраля 1826

ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, в тишине красноречивой,
Всё, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавие царей, —
Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла.
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты
Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов.
Что вдохновенье, что свобода,
В часы неволи помнил я;
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода

Присягу рабства исполнять
И лень, сотрудница поэтов,
Меня успели задержать
В границах низменных предметов;
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, не много рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил Николая,
А прежняя присяга — вздор, —
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой харите поверяю,
В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

14 февраля 1826

К А. Н. ВУЛЬФУ

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,

Да усыпительную радость,
Да незаманчивые сны.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

27 февраля 1826

М. Н. ДИРИНОЙ

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Не в первый раз восторгом блещет
Сей дар, покорствующий вам,
И сердце сладостно трепещет,
Кипучим тесное мечтам:
Всегда вы мило принимали
Мои приветы — и живей,
Смелее, краше ликовали
Надежды юности моей!
И ныне, вами пробужденный,
Я вам по-прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи камены откровенной.
Но что же петь моим стихам
На праздник вашего рожденья?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам? ..
И воссылаю к небесам
Благочестивые моленья.
Желать ли, да украсит вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да вас пленяет сладость звука
И стихотворческий Парнас;
Да процветают ваши годы
Под кровом милой тишины,
Как мир божественной свободы,
Как поле радостной весны? ..

И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесам,
Моля, чтоб вам они послали
Уже дарованное вам.

Конец марта или 1 апреля 1826

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;
Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла.
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта
Князья и жены их дарят, —
Мечты могучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра
И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотный
Чужим причудам посвящал.
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;

Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по-заморски одевал.
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала
Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то, — я славлю бога!
Она прошла и не придет,
Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога.
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть, —
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.
И правда, верю, я некстати
Дары-таланты расточал;
Да, впрочем, ea tempestate[1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

24 апреля 1826

---

[1] В ту пору (лат.). — *Ред.*

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе̂ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

2 мая 1826

К ШЕПЕЛЕВУ

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура мой Орест,
Прощай! Защите провиденья
Я поручаю твой отъезд.
В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.
Туда с тобою два поклона
Я посылаю, вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда? . . Ты можешь угадать,

Кому работала полгода
Моей камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе
Святому образу молюсь;
Чья победительная сила
Давно, и въяве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мне.
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее чело, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у хариты,
Всё хорошо, всё красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

15 мая 1826

ЭПИЛОГ

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Где я небрежными стихами
Вам рисовал мои мечты,
Мне драгоценные когда-то.
Когда-то милые, оне
С моей надеждою крылатой
В одной живали стороне.
В те дни — светла, как житель рая,
Сильна, как мысли божества,
Свежа, как роза молодая,
Как песня вольности, жива,
Любовь свободно покоряла
Все силы сердца моего,

И, ей подвластная, его
Восторги муза воспевала.
Они прошли, как сон! И вновь
Ни словом ласковым, ни взором
Не подружит меня со вздором
Моя почтенная любовь.
Ее вы знаете. Едва ли
Опять во мне. . . Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты:
Они, я знаю, недостойны
Воспоминания: порой
Неясны; дышат суетой,
И многословны, и нестройны.
И говорят о старине,
И часто бредят. . . не читайте,
Забудьте их — и обо мне
Не по стихам воспоминайте!

29 мая 1826

К ТАТАРИНОВУ

Хвалю тебя, мой спутник новый
На чистом поприще наук!
Славян могущественных внук,
Немецкой вольности в оковы
Ты не отдашь свободных рук.
Не наш удел — ее порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнию мы живы,
Мы славой славимся иной!
Светлее, выше нам дорога!
Не верь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по своему!

4 августа 1826

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Счастли́в, кому дала природа
Непоэтическую грудь,
Кто совершает как-нибудь
Труды земного перехода;
Мирским довольствуется он!
Слегка печаль его печалит,
Полувлюблен — когда влюблен,
Он вечно рад — и бога хвалит!
Ты, друг, иначе сотворен:
Через долину испытанья
Твоя дорога; с юных дней
Душе недремлющей твоей
Знакомы жгучие желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дева
Мила, как радостная Ева
При первом блеске бытия;
Еще в ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взор полон свежестью творенья,
В устах гармония жива!
И что ж? О друг, какое чувство
Во мне кипит и бесит кровь,
Когда возьмется за любовь
Мое священное искусство?
Мне странно: что я ни начну
На этой области Парнаса —
Всегда летучего Пегаса
С дороги в сторону сверну;
Играю, вольничаю, тешусь,
И вдруг направо перевешусь
И знаменитую жену
Стихом за... ущипну!
И здесь готовил я сравненье
Назло красавице моей —
Да нет: твое воображенье
Не терпит шалостей, — бог с ней!
Постигнут холодом измены,
И я, как ты, мой милый друг,
Люблю глаза моей Елены,

Люблю мой пагубный недуг.
Мы оба пламенны доныне,
В нас верны мысли и мечты:
Так на лазоревой пучине,
Под океаном темноты,
Пловца порою путеводит
Звезда пустынная; она
Вдали чуть-чуть ему видна,
А он очей с нее не сводит.

6 или 7 августа 1826

* * *

Не вы ль убранство наших дней.
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

7 августа 1826

ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали,
В боях, за чашей круговой
Они и немцев побеждали.
Счастли́в, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!
Как утешительно, как нежно,
Как упоительно оно!
Что краше, слаще насламденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова?

Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка.
О! рай тому, кто pro virtute [1]
Достоин Вакхова венка!

16 августа 1826

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе!
И славой прадедов горжусь!
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.

---

[1] За доблесть (лат.). — *Ред.*

Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений [1]
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

16 августа 1826

К П. А. ОСИПОВОЙ

Аминь, аминь! Глаголю вам:
Те дни мне милы и священны,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный,
Бродил я вольно там и там;
Когда вся живость наслаждений
Во славу граций и вина,
Свежа, роскошна, как весна,
Чиста, как звуки вдохновений,
Как лента радуги ясна,
Во мне могучая кипела, —
И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,
Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И всё, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.
И та, кого моим светилом
И божеством я называл,
Кому в восторге нежно-милом
Стихи и сердце отдавал;
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,

[1] Аспидная доска, на которой стихи пишут.

Многоученая, святая,
Которой наши времена
Сияют радостнее рая;
Та, для кого не раз, не два
Моя порочилась молва;
Та красота, которой много
Российский жертвовал Парнас,
Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас,
Та благосклонная... вот чудо!
Под вашим небом и во сне
Она не грезилася мне,
И вообще я помнил худо
О достопамятной весне...
Так луч денницы прогоняет
Пары с проснувшихся полян;
Так возмутительный стакан
Мечты и мысли возвышает.
Благословенная пора!
Она жива мне, как вчера.
Бывало, звезды тихой ночи
Глядятся в зеркале пруда...
Как чаровались мне тогда
Душа и сердце, слух и очи!
Самодовольные, во мне
Надежды пылкие вставали,
Играли весело оне,
И в даль ни разу не летали
Надежды лучшие мои!
А дом, а сад густозеленый,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на долы и на горы
И сень прибережной горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!
А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Всё это радует меня,

Всё мне пленительно доныне,
Здесь, где на жизненной пучине
Нет ни ветрила, ни огня.
О! я молюсь, мой добрый гений!
Да вновь увижу те края,
Где всё достойно песнопений,
Где вечный праздник бытия!

25 августа 1826

К ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья,
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры брызжущие с стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства Христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливый,
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,

И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда, восторжен, перед вами
Чью душу я боготворил,
Чье имя я произносил
Благоуханными устами?
Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы, —
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами:
Минувших лет во глубине
Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы,
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы;
Мы по науке мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим, и порой
Скрижали древности седой
О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся; покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!

Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,
Веков по льдяным степеням
Россия бодро восходила;
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,
Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений,
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах, надежды мелочные
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Что им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя широкими крылами,

Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

27 августа 1826

АДЕЛАИДЕ

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей. . .
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

12 сентября 1826

К ВИНЮ

Невольный гость Петрова града,
Несчастный друг веселых мест,
Где мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест;
Где так роскошно, так свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье нового царя,
И праздник наш страннoприимный,
Шумя, по городу гулял;
Стекло звенело, пелись гимны,
Тимпан торжественный бряцал!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволит перед тобой

Стакан поставить пуншевой
Иль утешительные вины,
И вспомнишь юности лихой
Красноречивые картины, —
Как мы пивали, пей до дна:
Пируй по-нашему на диво...
И вновь пленительно и живо
Тебе привидится она!

Сентябрь или октябрь 1826

ТРИГОРСКОЕ

Посвящается П. А. Осиповой

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,

То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зе́ркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:

Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,

Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и хо́лмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,

И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как пе́рсты легкие мелькали
По очарованным ладам, —
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют хо́лмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;

И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие, облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,
Всё видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,

Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты,
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

Осень 1826

К ПЕЛЬЦЕРУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь;
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената
С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

23 декабря 1826

ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар, —
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар...
Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

1826

ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
    Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
    Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
    На берег днепровский, в долину спешат,
Могильным общественным пиром
    Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
    Толпы́ обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
    Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
    Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых —
    Конь белый — стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
    Отцом опочившего звали;
Горючие слезы текли из очей,
    Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стенал
    Народ, покрывавший долину;
Но вот на средине булат засверкал,
    И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
    Без жизни к ногам своему господину.
Всё стихло... руками бойцов и граждан
    Подвигнулись глыбы земныя...
И вон на долине огромный курган,
    Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
    Как волны морские несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
    В стакан золотой и заветный

Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;
Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон,
Сошлися — и бьются... удар за ударом,
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи; десницы высокой
И ловок и меток размах;
Увертливы станом и грудью широкой
И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... сшибка другая —
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым борцам подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг, — словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет, —
То́лпы расступились, и стал среди схода
С гусля́ми в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,

Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги, под грохотом вод,
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

1826

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастли́в стократно:
С любо́вью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил;
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу́ лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон. — В народе бунт! повсюду шум и клики!»
— «Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой
я тряхну».
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран? .. Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

Лето — осень 1826

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
Всяк следует своей природе.

1826 или 1827

К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья,
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали
Живые, светлые, как ты.

Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда, торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

Январь 1827

ПЕСНЯ

Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
И славе славян,
Свободе божественной,
Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
По троице в раз!

Поэзии сладостной
И миру наук,
И буйности радостной,
И удали рук,
Труду и безделию,
Любви пировать,
Вину и веселию
Четыре да пять!

Очам возмутительным
И персям живым,
Красоткам чувствительным,
Красоткам лихим,
С природою пылкою,
С дешевой красой,
Последней бутылкою —
И всё из одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но дух возвышается,
Но громки слова!

Восторгами пьяными
Разнежился я.
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Январь или февраль 1827

К ВУЛЬФУ

Теперь я в Камби, милый мой!
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой
Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный, —
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны,
И жатвы блещут предо мной!
Здесь муза — нежная подруга
Уединенного досуга —
Под мой отшельнический кров
В прохладе вечера приходит:
Легко потоки дум и слов
Струятся в образы стихов;
Не слышен скорый бег часов —
И луч востока нас находит
В раздолье сладостных трудов!
Здесь миловидная, как роза,
Моя поэзия цветет:
Ей не мешает мир забот,
Ни лень друзей, ни жизни проза,
И ревностно готовлюсь я
В тиши беспечного житья
Самостоятельно и смело
Свершить возвышенное дело;
Хотя нередко, милый мой,
Раздумья гордого порой,
Мне говорит богиня слова:
«Себя изведай и смирись!
Взгляни, как Федоров Борис
Срамит Бориса Годунова!»

Но что? Кипит душа моя
И жаждет чести Геликона,
И «жребий брошен» молвлю я —
И бух на воды Рубикона!

Между 17 и 19 апреля 1827

К ВУЛЬФУ

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки голубоводной
По величавым берегам...
Мне всё пленительно в Тригорском,
Всё свято: Пушкин, ты да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
Туда, туда, туда! Но свету
В цари поставлен гневный рок,
Равно досаден и жесток
И не поэту, и поэту —
И он-то шутит надо мной.
Но будь утешен ты, герой,
Питайся медом ожиданий,
Придет пора моих желаний,
Осуществится милый сон:
Покину дерптского пената,
Возвеселюся, как Сион,
И обниму тебя, как брата.

Между 17 и 19 апреля 1827

К П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;

Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света,
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустью безутешной,
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут

Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук, —
И, друг природы, лени друг, —
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1 мая 1827

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда, в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья
Священнодействует поэт:
Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —
Его небрежные созданья,
Его мечты одарены.

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,

Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют
И сердца с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

15 мая 1827

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:

Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

17 мая 1827

К А. М. ЯЗЫКОВУ

Теперь, когда пророчественный дар
Чуждается моих уединенных лар,
Когда чудесный мир мечтательных созданий
На многотрудные затеи мудрований
О ходе царств земных, о суете сует,
На скуку поминать событья наших лет,
Работать для молвы и почести неславной
Я тихо променял, поэт несвоенравный, —
Мои желания отрадные летят
К твоей обители, мой задушевный брат!
Любезный мыслитель и цензор благодатный
Моих парнасских дел и жизни коловратной.

Так я досадую на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано пред судом обычая крамольным,
Я приучил свой ум к деятельности вольной,
К трудам поэзии. Она же — знаешь ты —
Богиня, милая убранством простоты,
Богиня странных дум и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звоном золота, не бренною молвой
Нас вызывает в путь свободный и святой.
И юноша, кого небес благословенье
Избрало совершить ее богослуженье,
Всю свежесть, весь огонь, весь пыл души своей,
Все силы бытия он обрекает ей.
Зато от ранних лет замеченному славой,
Ему даровано властительное право
Пред гордостью царей не уклонять чела
И проповедовать великие дела.

Удел божественный! Но свет неугомонный,
Неверный судия и часто беззаконный,
В бессмертных доблестях на поприще камен
Он видит не добро, а суету и тлен.

Я знаю, может быть, усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Самолюбивая пылает грудь моя,
И славного венка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успех недальный
Меня вознаградит наградою похвальной
За прозу моего почтенного труда
И возвратит певца на родину — тогда,
Пленительные дни! Душой и телом вольный,
Не стану я носить ни шляпы трехугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь-хранительниц моих:
Природу и любовь и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую,
И, светозарные, благословят оне
Мои сказания о русской старине.

Я жду, пройдет оно, томительное время,
Чужбину и забот однообразных бремя
Оставлю скоро я. Родительский пенат
Соединит меня с тобою, милый брат;
Там безопасные часы уединенья
Мы станем украшать богатством просвещенья
И сладострастием возвышенных трудов;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долгов!
Тогда в поэзии свободу мы возвысим.
Там бодро выполню — счастлив и независим —
И замыслы моей фантазии младой,
Теперь до лучших лет покинутые мной,
И дружеский совет премудрости врачебной:
Беречься Бахуса и неги непотребной.
Мне улыбнется жизнь, и вечный скороход
Ее, прекрасную, покойно понесет.

Июнь или июль 1827

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено́.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен, —
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.
Слуга отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного царя,
Кубры серебряные воды,
И ужас невской непогоды,
И юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Страннолюбивый наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.

А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов-удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
Иль чувством гордости ленивой
Питаем, лакомим свой ум,
Самодовольный и брюзгливый.
Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно
Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы

За наши милые напевы
Дарят нам пару тайных слов,
Иль кошелек хитросплетенный,
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!
Но, люди... горькая досада
На свете ведома и нам!
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи;
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое!

О, научи меня, Хвостов!
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная богов —
У касталийских берегов
Шальная вольничает муза.
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво:
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет!

29 июля 1827

К ****

Во имя Руси, милый брат,
Твою главу благословляю;
Из края немцев, гор и стад
Ты возвращен родному краю.
Позор событий наших лет,
Великих сплетней и сует
Тебя недолго позабавил;
Ты их презрел, ты их оставил
И на добро, на божий свет
Живые помыслы направил.

Любезный гражданин Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни россказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовским ларам
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливым боярам
Веселонравной старины;
На свежих розах Гименея,
В чело, и очи, и в уста,
То замирая, то краснея,
Тебя лобзает красота...
Кипят, пылают наслажденья,
Их негу верность бережет,
И быстро вечный скороход
Уносит легкие мгновенья!

А я, гуляющий поэт
У врат святилища науки,
Брожу и жду, пройдут иль нет
Мои томительные скуки?
Блеснет ли вновь передо мной
Звезда любви и вдохновений,
И жажда славы песнопений
В груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно, дни бегут за днями,
И в Лету падают они.
Она прошла, пора златая,
Восторгов пламенных пора;
Владеют мной тщета мирская,
И лень, и грусть, и немчура!

Теперь святому провиденью
Я говорю одну мольбу:
Да не предаст оно забвенью
Мою грядущую судьбу;
Да возвратит мне мир свободы,
Мечты и песни прошлых дней,

Поля, холмы и непогоды
И небо родины моей.
Тогда, надеждами богатый,
Спеша от лени и забот,
Я посещу твои палаты
На бреге москворецких вод;
Красноречивые рассказы
Про жизнь альпийских пастухов,
Про горы выше облаков
И про любовные проказы
В виду потоков, скал и льдов
Часы летучего досуга
Нам очаруют в тишине;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мне,
И песнью лиры вдохновенной
Тебе радушно воспою
Утехи жизни просвещенной
И долю мирную твою.

Первая половина 1827

НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,

Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

15 августа 1827

РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне

Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

Лето 1827

НА СКАМЕЙКЕ
(В КАМБИ)

Служи тоске уединенной,
Любви младенческой мечтам,
Поэта неге вдохновенной
И мирно спорящим друзьям.

Когда ж изменница Аглая...
Переломись — пускай она
Язык прикусит, дева злая,
И встанет мертвенно-бледна!

Первая половина сентября 1827

К П. А. ОСИПОВОЙ

Плоды воспетого мной сада,
Благословенные плоды, —
Они души моей отрада,
Как славы светлая награда,
Как вдохновенные труды.
Прекрасных ряд воспоминаний
Они возобновляют мне,
И волны прежних упований
Встают в сердечной глубине!
Скучаю здесь; моя камена
Оковы умственного плена
Еще носить осуждена;
Мне жизнь горька и холодна,
Как вялый стих, как Мельпомена
Ростовцева иль Княжнина;

С утра до вечера я занят
Мирским и тягостным трудом.
И бог поэтов не помянет
Его во царствии своем.
И долго сонному забвенью
Мой не потухнет фимиам;
Но я покорен провиденью
И жду чего? .. Не знаю сам...
Я утешаюсь горделиво
Мечтой, что в вашей стороне
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мне.
И благодарен вам душою
За ваш подарок, и в ответ,
Из края скуки и сует,
Вы благосклонною рукою
Мои убогие дары
Примите: пару книжек модных
Произведений ежегодных
Словоохотной немчуры.
Мои ж стихи да будут знаком,
Что скоро и легко для вас
Мой пробуждается Парнас
И что поэт Языков лаком
Везде, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

8 декабря 1827

КУДЕСНИК

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливый правами свободы,
Народ Ярославов, на воле своей,
Себе избирает и ставит князей,
Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов, —
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
Стеклись любопытные люди.
И старец кудесник, с соблазном в устах,
В толпу из толпы переходит;

Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.
Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то, кудесник, чрез Волхов пойдет
Водой — и нoги́ не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок:
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник и — сам он не свой,
И жмется и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». — «Безумный старик,
Солгал ты!» — и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и вмиг
Чело раздвоил чародею.

1827

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним хóлмы, помним долы,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой

С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты?
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица — луна.

1827 (?)

К ТИХВИНСКОМУ

Любимец музы и науки!
Оставь на время пыльный град
Сует, профессоров и скуки
И прозаических отрад;
От горя жизни коловратной,
От беспокойного труда,

От груды книг уйди сюда,
Где воссияла благодатно
Моей поэзии звезда:
Здесь дремлют темные дубравы
По скатам горных берегов,
Здесь ярко месяц величавый
Играет в зеркале прудов;
Здесь ночь таинственная мирно
Проходит в ясности эфирной;
Здесь пышен солнечный восход
Над благовонными полями,
Над мраком леса, над горами
И над лазурью светлых вод;
Здесь полдня жаркою порою
Мою усталость я покою
На лоне девственных дриад,
И дерева шумят, шумят,
Шумят над вольной головою;
Или по долам и горам
Влачу беспечно там и там
Поэта гордую свободу,
Мечтаю в сладкой тишине
О православной старине,
О музе песен, о вине
И пью железистую воду!

1827 (?)

‹*НОВОГОДНИЕ ЭКСПРОМТЫ*›

‹РЕЧЬ НОВОГО ГОДА›

Свободно, весело пируя,
Встречаете вы Новый год!
Я Новый год, и здесь хочу я
Встречать свой собственный приход.
Я знаю, вам предтеча мой
Был неприятен, был несносен:
И то сказать — он был простой,
Он вяло шел! Не то я буду:

Поведайте — я високосен
И счетом двадесят восьмой!

С Европы я раздумье сброшу
И царства сильные взъерошу
Христолюбивою войной.
Все нападут на Магомета,
Один Австриец за него,
Но, верьте нам, помеха эта
Не составляет ничего...

. .

Но прочь политика, довольно
Я напророчил вам об ней!
Другим потешу круг застольный
Меня внимающих друзей:
При мне есть сумка —
В сумке этой хранятся жребии людей
На дни, объемлемые мною...
. . . .

‹ВИЛЕНСКОМУ›

Ты мне мил, ты парень ловкой,
И — пример других годов —
Подарю тебя обновкой,
Парой новою штанов!

31 декабря 1827

К А. Н. ВУЛЬФУ

Помнишь ли, мой друг застольный,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной
Вместе праздновали мы?
Мы лежали, хмеля по́лны;
Возле нас горел костер;
Выли огненные волны

И кипели; братский хор
Песни пел; мы любовались
На товарищей, — они
Веселые разбегались
И скакали чрез огни!
В нас торжественно бурлила
Чародейственная сила
Первой, девственной любви, —
Мы друг другу объясняли
Сердца тайные печали
И желания свои.
Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь Воейковой потом
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

Так я жил во время оно,
Здесь, в немецкой стороне,
Рассудительной, ученой
И когда-то милой мне;
А теперь тоске да лени
Хладнокровно предаю
Утро светлых вдохновений,
Юность добрую мою:
Не шумят мои досуги,
Не торопится мой труд...
И порой, как в мой приют
Загулявшиеся други
Ненароком забредут,
Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора,
Нашу праздность тешит свайка...
Православная игра!
Тяжкий гвоздь, стойком и плотно,
Бьет в кольцо; кольцо бренчит;
Вешний вечер беззаботно
И невидимо летит...
Поздно... Молча круг удалый
Разойдется ради сна...
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, в наши времена!

Апрель 1828

А. М. ЯЗЫКОВУ

Ты прав, мой брат: давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,
Мне буйной младости забавы
Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла;
Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и всё былое?
Теперь в томительном покое
Текут мои немые дни;
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги,*
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам;
Они кружатся несогласно,
Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной, —
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

Но — всё проходит, всё проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует

Разнообразный колобродит!
Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальный,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

Конец апреля или май 1828

А. Н. ВУЛЬФУ

...au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le héros s'évanouit! [1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, «Телеграфом»,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой, семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирен, разочарован,
Всему конец, всему конец!

Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились заодно,
Любили жизни тороватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, как тогда

---

[1] Но только наступит несчастье, спадает маска, человек остается, но исчезает герой (франц.). — *Ред.*

Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как, рано славою замечен,
В раздольи вольного житья,
Гулял студенчески беспечен
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость,
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?
Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной,
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятный!
— А мир стихов? — Но мир стихов,
Как всё земное, коловратный,
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я подавно,
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает
О выписных профессорах!
Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?

Стихи — куда их мне девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь ведь будут тяжелы
Они заплечью «Славянина»
И крыльям «Северной пчелы».
— Что ж? В Белокаменную с богом!
— В «Московский вестник»? — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ,
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
— Ну в «Афеней»? — Что «Афеней»?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.

Что ж делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит
Их здравосмыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;
Да сядешь ты с величьем мирным
На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

Начало июня 1828

А. Н. СТЕПАНОВУ

Прощай надолго, милый мой;
Да провидением хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родине святой!
Да жар возвышенных желаний
В тебе мужает и растет
Среди классических работ
На светлом поприще познаний!
Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей, — да там,
В стране наук правдиво-гордой,
Служа каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердый,
Но жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков
И посвятит их православно
Богам родимых берегов!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвела роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука с рукой,
Учились вместе, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что ж? Как призрак сладострастья,
Пора безоблачного счастья,
Всегда любимая душой,
Исчезла вмиг; но ты с собой
Возьмешь под небеса чужие
Воспоминанья золотые
Про мир возвышенных сует,
Про наслажденья удалые,
Про шум и песни прошлых лет.
И в час раздумья и досуга

Мечта волшебною рукой,
Как наяву, перед тобой
В картине пестрой и живой
Поставит недруга и друга;
Тебя восторги обоймут,
И взор филолога угрюмый
Развеселится ясной думой —
И закипит ученый труд!

Лето 1828

А. Н. ВУЛЬФУ

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, силен и суров!

Блажен, кто, гневом упоенный,
Гулял на празднике мечей
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей.
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!
Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят Суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула
И Руси грозные права!

Дай руку мне; во дни былые,
В кругу внимательных друзей,

Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей, —
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

Сентябрь 1828

* * *

Вот вам Наумов — мой предтеча
На сладком поприще езды:
Своим желаньям не переча,
Не оскорбив своей звезды,
Покинул он наук труды
И шум студенческого веча.
Он счастлив: полон чувств живых,
Поклонится селу родному,
Отцов хранительному дому;
Увидит братьев и родных,
Прижмет их к сердцу молодому,
Увидит свадебных пиров
Великолепную картину,
Благословит свою судьбину
И будет нравственно здоров!
А вы, которых ожиданье
Давно, давно, давным-давно
На мой приезд устремлено, —
Он обо мне воспоминанье
Прекрасно вам возобновит!
Опишет жизнь мою плохую,
Без вдохновений, без харит,
Однообразную, пустую,
Где-где благую, часто злую,
И всё, чем я, ослушный сын
Моей возвышенной камены,
Томлюсь, беспечен и один,
Без цели, действий и причин
И не надеясь перемены!
Смотрите ж, слушайте его
С душевной радостью и лаской;

Не утаит он ничего,
Не оклевещет никого
И не представит были сказкой!
Пленителен, завиден мне
Его удел: свои рассказы
Про жизнь в разгуле и вине,
Про молодецкие проказы
Распространит в родной стране!
Мои ж надежды — что оне? . .

Ноябрь 1828

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон:
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
А ныне? — Миру вдохновений
Далеко-недоступен я:
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!
Моей камены сын ослушный,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.
Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался! . .
Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдный!
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно
Служенье Фебу в наши дни:
В раздольи буйной толкотни

Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой.
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадна́я;
Так говорливо вторит ей
Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов,
Нецензурованных глупцов, —
Не ты ль на подвиг православный
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?

Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;
Он легким лётом пролетит!
Так иногда в жару недуга
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»
Ну так, барон. Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт —
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

Осень 1828

РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,
Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег белеются, луной озарены;
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени,
И тёмны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины́ крутые
Отчаянно толпы́ взбегали боевые,
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?
Приди; на этот холм, ветвями осененный
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод.

1828

ДЕВА НОЧИ

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно темен
С тобою нежный разговор;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Как пламенны твои уста!

Как безгранично сладострастна
Твоих объятий полнота!

Но успокойся, дева ночи!
Спусти завистливый покров,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власов:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлет голова,
Не ты внушишь мне жизни новой
Родные чувства и слова.

Там, там, где пышный ток Родана,
В виду заоблачных вершин,
Сребром выходит из Лемана
На гладь шелко́вую долин...
Туда, сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри: стою перед тобою!
Вдруг освежилась грудь моя;
Торжествен, радостен душою,
И смел, и горд, и светел я!
Прекрасна ты, о дева ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви!

1828

ПЕСНЯ

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки!

В честь учености спесивой,
И тяжелой и пустой,

Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань:
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань!

<За разгульную красотку,
За свободу наших дней!>
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку.

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Иппокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живыя
В честь красавицы своей
Всякий прямо в сердце лей,
И да здравствует София!

2 марта 1829

ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески-шумна, —

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано;
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

22 марта 1829

ПЕСНЯ

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасный,
Когда зовет родимый край:
За Русь святую в бой ужасный,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизне бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

23 марта 1829

ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует М<арья> П<етровна>,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

23 марта 1829

ОТЪЕЗД

Недолго мне под этим небом,
По здешним долам и горам
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске и скуке и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;
Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .
Вон лес и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.

Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились, дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:
Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!
Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный,
И любознательный народ
Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчевал прекрасный
Свой разгулявшийся приход.

О юность, юность! сон летучий,
Роскошно светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други!
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела;
Полна любви, чиста была

Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно пустую
Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске наконец
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..
. . . .
. . . .
И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно-бездипломный!
Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумье, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом.
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град,
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,

И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещенье!
Всем вам! Тебе ж, κατ' ἐξοχήν,[1]
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник камен,
А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Вином и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я как благо лучших дней
Тебя доныне вспоминаю
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..
. . . .
. . . .
Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный упованья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровый,
Вином обрызганный венец!

Начало 1829

---

[1] По преимуществу (греч.). — *Ред.*

ПЕСНЯ

Я жду тебя, когда вечерней мглою
Спокойные темнеют небеса,
Луна встает за дальнею горою,
Молчат холмы, долины и леса —
Я жду тебя, Зефир!

В тот час, одна, таинственно блуждая
По царству мглы, безмолвия и сна,
Тиха, как дух, красавица младая
Является близ моего окна —
Я жду тебя, Зефир!

Ты обойми прохладой вешней ночи
Ее чело, с него покров отвей,
И мне открой задумчивые очи,
Уста и грудь красавицы моей —
Я жду тебя, Зефир!

Оглянется — и милым взглядом встретит
Любви ее преследующий взгляд,
И мрак души надежда мне осветит,
И вновь мои восторги закипят —
Я жду тебя, Зефир!

9 мая 1829

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

В последний раз приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободной дружбы глас —
Сей крик и шум — разлив души бурсацкой —
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья?

Chant
Piano
Piano
Chant

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!
Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече,
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет.
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародный
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младой и вдохновенный,
И с вами пел: всё миг и суета!

10 мая 1829

А. В. ТИХВИНСКОМУ

Как знать, куда моя дорога
На тайном поприще земли?
Навечно ль душу мне зажгли
Огни дельфического бога?
Пройдут ли с младостью певца
И сила чувств, и жажда славы,
Иль покорят меня уставы
Жены хромого кузнеца?
Иль рок дела мои прославит,
Меня спокойно переправит
Чрез волны жизненных забот,
И в искушенье не введет,
И от лукавого избавит? —
Что будет — будет! Но клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом:
В стране, где нравственно добра,
Всему покорна, всем довольна,

Живет, мила и бескрамольна,
И процветает немчура;
В стране, где богу просвещенья
Благословенный государь
Для православного служенья
Поставил пламенный алтарь, —
Здесь благодетельные годы
Сияли юности моей,
Здесь я нашел дары свободы,
Богиню песен и друзей;
Здесь поэтическое пьянство
Да мир могущественных дум
Мне заменяли света шум,
Любви восторги и жеманство!
Найду ль богов моих, когда
Сию страну и вас покину
И незнакомая звезда
Определит мою судьбину?
Но я душой не изменюсь:
Священны мне всегда и всюду
Науки, вольность, ум и Русь, —
Итак, я вас не позабуду!

Начало 1829

* * *

Украйны, некогда свободной
И поэтически живой,
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народный;
Как дивен новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы!
Но в наши дни поймут ли вас
Украйны юноши и девы?
Так, не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и втайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украйне!

1 июня 1829

К. К. ЯНИШ

В былые дни от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.

Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами.
Так, с торжища сует возведена
Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием созвавшего их бога!

Май или июнь 1829

ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,
Победоносных, вдохновенных!
Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет, —
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

1829

ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый;
Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух — медленно уста твои целуют!

1829

А. И.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живый и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

1829

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

Итак — мне новая награда
От музы доблестной твоей,
Младых поэтов Петрограда
Серебровласый корифей!
Ее с поклоном принимаю,
Умею чувствовать ее;
Но заслужил ли я — не знаю —
Неоставление твое?
Какими подвигами славы
На свете выказался я?
Уж не стихами ль про забавы,
Про удаль братского житья,
Про негу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Где пролетела шумно, шумно
Лихая молодость моя?

Нет. Но зато, главою трезвой,
На последя́х моей весны,
От жизни праздничной и резвой
Поникший в лоно тишины,
Теперь, как сердца не тревожит
Мне красота веселых дней,

Достоин буду — бог поможет —
Я благосклонности твоей.

Ведь я недаром же оставил
Потехи лени и гульбу,
На свой обычай переправил
Свою грядущую судьбу
И посвятил уединенью
Мой возраст силы и трудов!
От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью и счастьем
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего, —
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо сознанный собой,
В моей любви, в моей святыне
Раскаюсь зрелою душой?

Но признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою.
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?
Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,
От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать, каким возгла́сом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетеру музой, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет,
Немилосердо-самовластный!

И кто проти́ву, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!

Ты, Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь. . .
И пощадит меня их ложь,
Твоей заступленного славой.

1829

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА

Кипят и блещут фински волны
Перед могилою твоей;
Широким пологом над ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шум своих ветвей, —

Так жизнь пленительным волненьем
В тебе кипела молодом;
Так ты блистал своим умом,
И самобытным просвещеньем,
И поэтическим огнем.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой
И темны стали над тобой,
Как эти сосны гробовые,
Угрюмой движимы грозой.

Цепями нужд обремененный,
Без друга, в горе и слезах
Погиб ты. . . При чужих водах
Лежит, безгласный и забвенный,
Многострадальческий твой прах.

О! мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты отрока меня;
Ты предузнал, кто буду я
И что́ прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!

Твои радушные заботы
Живое чувство красоты
Во мне питали; нежно ты
Лелеял первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музы́ку мыслей и стихов!

Прими ж привет мой благодарный
За много, много красных дней,
Блестящих в памяти моей,
Как образ месяца янтарный
В стекле играющих зыбей!

1829

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

1829

К А. Д. В—У

Пред вашими глазами
Стоит приятель мой,
Смотрите, вот какой:
Опрысканный духами,
Причесан мастерски,
Немного вас пониже,
Одетый как в Париже
И смотрит сквозь очки;
С учтивостью парадной
Играет шляпой он —
И головой помадной
Вам от меня поклон.
Глаза его сверкают
Блистательным огнем
И с гордостью взирают,
Показывая в нем
Писателя-поэта;
Он духом — либерал,
Ногами он — для света,
А головой — журнал.
Он славу здесь большую
Достал своим пером,

Его рекомендую
И вас прошу об нем:
Примите как родного
(Он дед мне по стихам,
Писателя дурного
Я не послал бы к вам).
Он свет и женщин знает,
Из секты остряков, —
Итак, имеет средства
На балах ваших быть,
И дам и дев кокетства
Вниманье заслужить.
Прошу вас — отведите
Его в дворянский круг,
Ласкайте и любите:
Он мой судья и друг;
Надеюсь, что, конечно,
Он в вас меня найдет,
И с радостью сердечной
Благодарю вперед.

1820-е годы

К А. А. Р—У

Письма сего податель —
Давнишний мой приятель;
Прошу его принять
Как моего собрата
Под тихий кров пената,
Любить и обласкать.
Он служит на Парнасе
Судьею русских муз,
Имеет тонкий вкус
И боек на Пегасе;
Как автор недурной
В журналах он известен,
Пленяет остротой,
И слог его прелестен;
Измайлова журнал,
К падению готовый,

Он славно поддержал,
И в свой венок лавровый
Ввязал листок дубовый —
Знак мужества и сил.
С мужчинами он важен,
В собраньи дам — он мил,
В кругу девиц — отважен;
Остер, как Аруэт,
Учен, как пиэриды,
И с юношеских лет
Усердный жрец Киприды;
Но, впрочем, как поэт,
Любовию небесной
Он любит пол прелестный;
Неумолимый враг
Безумцу Эпикуру,
Он в пафосе монах
И жертвует Амуру
Не страстию мирской,
Не пылкостью нахальной,
Но тихою мечтой
Души сентиментальной.

Итак, любезный мой!
Прошу его привета;
В толпу большого света
Его введите: он
Здесь дам интересует,
Как ангел вальсирует,
В мазурке — Аполлон,
И, верно, очарует
Собою ваших дам.
Поверите ль? Я сам,
Как вместе с ним учился,
Его лихим ногам,
Завидуя, дивился
И от души сердился,
Зачем не дал мне бог
Таких чудесных ног.

Надеюсь я, что вами
Доволен будет он

И с честию введен
В тот храм, где жрец вы сами,
То есть в симбирский свет, —
Тогда, клянусь богами,
Хвалебными стихами
Давнишний ваш поэт
В послании просторном
Поклон отправит вам
И в сердце постоянном
Воскурит фимиам
Отеческим богам.

1820-е годы

ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

<1830>

А. Н. ТАТАРИНОВУ

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши;
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасный!
Всё, чем судьба возвышена моя,
Что в ней земным оковам не подвластно,
Всё чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Всё, чем живет и действует поэт, —
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час —
И, яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода
Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.
Таков булат в браннолюбивой длани —
Несокрушим, однажды закален!

Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы,
И двух прудов спокойное стекло.

Где ж вы, мои товарищи и други?
По-прежнему ль увеселяют вас

И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран и патриарха гор,
И над его священной головою,
Ночных светил блистающий красою,
Торжественный, лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимый,
Привольное гульбище юных лет,
Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

30 января 1830

К А. Н. ТАТАРИНОВУ

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;
Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Геллады.
Как гордо радовался я!

Как вдохновенно сердце билось!
А ныне! .. Всё переменилось,
Жизнь и поэзия моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,
Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

Начало 1830

⟨ДОРОЖНЫЕ ЭКСПРОМТЫ⟩

1
НА ГРОМОВЫЕ КОЛОДЦЫ В МЫТИЩАХ

Отобедав сытной пищей,
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим:
Боги сжалились над ним:
Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол — и ключ кипучий
Покатился... Пей, Москва!

2
⟨СЕЛО ВОЗДВИЖЕНСКОЕ⟩

Чем эта весь славна, вы знаете ль, друзья?
Здесь сердце русское дрожит невольным страхом:
Здесь Софьей казнены Хованские князья,
Убитые потом у немцев Раупахом.

3

<ПРИ ПОСЫЛКЕ К. К. ЯНИШ ЛОЖКИ ДЕРЕВЯННОЙ НА КОЛЕСЦАХ ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ>

В день чудотворца Николая —
Сей день святее мне всего! —
Будь ложка вам колесовая
Симвόлом сердца моего:
Ей управляйте как хотите!
Играйте ею, в добрый час!
А как наскучит, лишь толкните —
И убежит она от вас.

7—9 мая 1830

М. В. КИРЕЕВСКОЙ,

ЕЕ СВЕТЛОСТИ ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕЙ ОТДЕЛЕНИЕМ НАРОДНОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ПО ЧАСТИ ЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТ БЛАГОДАРНЫХ ЧЛЕНОВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В те дни, как путь богоугодный
От места, где теперь стоим,
Мы совершали пешеходно
К местам и славным и святым;
В те дни, как сладостного мая
Любезно-свежая пора,
Тиха от утра до утра,
Сияла нам, благословляя
Наш подвиг веры и добра;
И в те часы, как дождь холодный
Ненастье нам предвозвестил
И труд наш мило-пешеходный
Ездою тряской заменил;
Там, где рука императрицы,
Которой имя в род и род
Сей белокаменной столицы
Как драгоценность перейдет,
Своею властию державной

Соорудила православно
Живым струям водопровод;
Потом в селе, на бреге Учи,
Там, где в досадном холодке,
При входе в избу на доске,
В шинели, в белом колпаке,
Лежал дрожащий и дремучий
Историк нашего пути, —
Его жестоко утомили
Часы хожденья и усилий
И скучный страх вперед идти;
Потом в избе деревни Талиц,
Где дует хлад со всех сторон,
Где в ночь усталый постоялец
Дрожать и жаться принужден;
Потом в местах, где казни плаха
Смиряла пламенных стрельцов,
Где не нашли б мы и следов
Их достопамятного праха;
Там, где полудня в знойный час,
Уныл и жаждущий подушки
На улице один из нас
Лежал — под ним лежали стружки!
Потом в виду святых ворот,
Бойниц, соборов, колоколен,
Там, где недаром богомолен
Христолюбивый наш народ;
Обратно, в день дождя и скуки,
Когда мы съехалися в дом
Жены, которой белы руки
Играли будущим царем, —
Всегда и всюду благосклонно
Вы чаем угощали нас,
Вы прогоняли омрак сонный
От наших дум, от наших глаз.

Итак, да знаменье оставим
На память будущим векам
И свой великий долг исправим
Святой признательностью к вам.
Мы все с поклоном вам подносим
И купно молим вас и просим

Принять с улыбкою наш дар,
Лишь с виду малый и убогий,
Как принимают наши боги
Кадил благоговейный пар.

Постельничий и походный
виршеписец Н. Языков

11 мая 1830

* * *

Готовяся прилично выдать в свет
Двенадцать важных книг — плоды ума и лени —
Послушайся меня, Селивановской!
Не покупай для них бумаги петергофской!
Но знаешь ли? Потешь читающий наш мир,
Будь друг общественного блага!
Купи-ка ты для них: есть славная бумага
И называется у немцев: Arschpapier! [1]

Весна 1830

* * *

Вам нравится обычай амазонской,
Наполнив грудь отвагою мужской,
Коня смирять надежною рукой
И бойко по полям носиться прытью конской.

Предвижу я — придет веселый час,
Как вы, пустив бразды наудалую,
Обгоните подругу молодую
И утомите взор, преследующий вас;

Как сладостно, усталы от ристанья,
Умерив ход послушного коня,
Вы будете мерцающего дня
Прохладные в себя вдыхать благоуханья.

---

[1] Туалетная бумага (нем.). — *Ред.*

О да хранят властители небес
Вас, едущих в раздолье думы тихой,
Вас, по долам рисующихся лихо,
Вас, гордо скачущих с утеса на утес!

И этот хлыст — симвóл самодержавья —
Примите вы, — пускай его удар
Дает коню ретивый бег и жар,
И разом ставит их в границы благонравья!

8 августа 1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о господи! доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед ним!

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Велений господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он — его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу — дивной силой
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба твоего!

3 сентября 1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! Свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкий мой тимпан!

Окаменей язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Всё истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

<1830>

ХОР,

ПЕТЫЙ В МОСКОВСКОМ БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ ПО СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНИЯ ХОЛЕРЫ В МОСКВЕ

Велик господь! Земля и неба своды —
Свершители судеб его святых!
Благословен, когда казнит народы,
Благословен, когда спасает их.

Пославший нам годину искушенья
Не до конца рабов своих карал;
Нам воссиял желанный день спасенья,
День милости господней воссиял.

Велик господь! К нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звон!
Ему хвалу играйте песен звуки!
Велик господь! И свят его закон!

1830

РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной:
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши!
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум,
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи, —
Покинем шум сует, товарищи мои!
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!

Туда, где небеса просторней голубые
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды,
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

1830

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен, —

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь

И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечинёный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! взял свое токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертится. У людей
Всё коловратно; понемногу
Всё мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,

Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

1830

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
У́брал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;

Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный — журчит и замирает,
Как он кипит — веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

25 марта 1831

ЭЛЕГИЯ

Т. Д.

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть;
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

26 марта 1831

ПЕРСТЕНЬ

Татьяне Дмитриевне

Да! как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной;
В тот час (забудь меня камена,
Когда его забуду я!),
Как на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня;
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя, —
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

26 марта 1831

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Молод ты! Ну что, что молод?
Размышленьем и трудом
Твой талант уж перемолот
И просеян: сила в нем!
Ты для мерзкого нахала,
И жида и пришлеца,
И для пылкого глупца,
И невежды-самохвала,
И огромного враля, —

Остротой его заквасишь,
Да наукою подкрасишь,
И задашь им киселя!

Сентябрь 1831

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:
Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравный
На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей:
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужие
И думы верные об ней:
Да чисто русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!
Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой.
Близка пора: мечты похмелья
Моей камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,
И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? — мне поможет
Твоей приязни благодать!

21 ноября 1831

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила — и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

29 ноября 1831

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна,
В живые образы одета,
Святым огнем озарена.
Счастли́в, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и свет, и чистота.
Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доныне пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал —
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.
Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе,
И, полн таинственной отрады,

Усердно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.

Осень 1831

ПОЖАР

(А. П. Петерсону)

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши,
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем:
Так, это не заря. Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,
Полнеба заревом багровым обхватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи, —
Чье имя уж давно, по стогнам и садам,
В припевах удалых сопутствовало нам, —
Глядела, как ее светлицу охраняя,
Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.
Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О, будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые

Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой, —
И нежная падет могучему в объятья,
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

1831

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил-был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли: он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простой и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастли́в на много, много лет.

Таков он был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек.
Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;
Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась; там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала
И, на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы
Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где всё прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все! .. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

1831

ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златой,
И многие, уж заодно, познают,
Что называть мирскою суетой.

1831

ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в разгульном хоре звуков,
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни:

Там на юношеском пире
Слово молвится подчас
В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас, —
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое
И поэту наградится
Всё подлунное житье!

1831

БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей!

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,

Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

1831

К. К. ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Всё, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт, —

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой,
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на златых струнах переиграли
Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священною труда
Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога,
И праведна житейская дорога,
Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их. . . Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

1831

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Щеки нежно пурпурóвы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!
Но ее на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!
Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний
Не впивай в свои уста:
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

1831

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, —
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют

То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там всё, чем бог добра и света
Благословляет многи лета
Тот край, всё: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу,
И пил да пел. . . я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход:
Тебе он скажет весть благую.
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь всё бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Всё, всё! .. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуро́вой
Как ясно, тихо жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела;
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня:
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум деятельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста саха́рны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных девственных кудрей
На ней блистающие волны!

Твоя мольба всегда верна;
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,
И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна.

1831

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она:
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина, и дружбы, и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых
И трепетом, томительным и страстным,
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным.

А вы, певца внимательные други.
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы,
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводный
Зеленый скат лесистых берегов?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И, бурные, приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток;
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их;

Когда она веселыми устами
Мой сча́стливый произносила стих —
Торжественна, полна очарованья,
Свежа, — и где была душа моя!
О! прочь мои грядущие созданья,
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В лиющемся кристалле разговора.

Ее уж нет! Всё было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда,
И в нем надежд и помыслов отвага,
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...
Она всего поэта понимала —
И горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье!

1831

КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей:
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей.
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;

Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.

Сам как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Ненадолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые, —
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

1831

ЭЛЕГИЯ

Ночь безлунная звезда́ми
Убирала синий свод;
Тихи были зыби вод;
Под зелеными кустами
Сладко, дева-красота,
Я сжимал тебя руками;
Я горячими устами
Целовал тебя в уста;

Страстным жаром подымались
Перси полные твои;
Разлетаясь, развивались
Черных локонов струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своих очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая к моей.

Под ночными небесами
Сладко, дева-красота,
Я горячими устами
Целовал тебя в уста...
Небесам благодаренье!
Здравствуй, дева-красота!
То играло сновиденье,
Бестелесная мечта!

1831

С. С. ТЕПЛОВОЙ

Я знаю вас: младые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
    И гармонические сны;

Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней,
И медленно и долго забываться
    В обманах памяти своей;

Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
    И чем поэзия жива;

Умеете вы мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя над нею,
    Ее смирять и возвышать;

Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
Я чувствую, смутился б я пред вами:
Душой и сердцем робок я;

Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
Что говорится там про вас.

1831

ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта:
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки,
В музыку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь;
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего!
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина, —
Не спишь, красавица! мечтами
Ты беспокойными полна:
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,
Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,

Ланиты рдеют пурпуро́вы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день! — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты всё мечтала...
А он, таинственник камен?
Им не играли грезы ночи,
И бодр и свеж проснулся он,
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон.

1831

КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;

Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно-памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

1831

КАМБИ

Там, где внизу горы извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней;
Где горных берегов с песчаного уступа
Склонилася к нему берез и елей купа
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним;
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебряным шаро́м покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,

Оденет берега в свой сумрак сладострастный
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи, —
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной,
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,
Тобой, красавица, хранительный мой гений,
Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:
Как сильно грудь моя твой голос поняла,
Твой голос творческий: младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли. Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,
Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас,
Вы, добрые мои, — благословляю вас!

1831

ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,
Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

1831

НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА

Огнем и силой дум прекрасных
Сверкал возвышенный твой взор;
Избытком чувств живых и ясных
Твой волновался разговор;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надеждой славы горяча,
И смелость гордо поднимала
Твои могучие плеча!
Потухли огненные очи,
Умолкли вещие уста,
Недвижно сердце; вечной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивал;
В садах науки и свободы
Ты поэтически гулял;
Там создал ты, славолюбивый,
Там воспитал, направил ты
Свои кипучие порывы,
Свои широкие мечты.
И в дальний шум иного мира
Тебя на громкие дела
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ее приветственному звуку
Как суеверно ты внимал,
Как жарко дружескую руку
Своею схватывал и жал!
Под сенью сладостного света,
Красуясь дивною красой,
В твоих очах грядущи лета
Веселой мчались чередой;
В их утомительном обмане
Ты ясно жребий свой читал,
Им надмевался — и заране
Торжествовал и ликовал.
Пришли — и вот твоя могила!
Крылатых мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Всё тлен, и миг, и суета!

1831

МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя, из тягостного мира
Телесных мыслей и забот,
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

1831

ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,
Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает

О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах.

1831

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг всё готово,
В чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово, —

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахáрных уст порока
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих;
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным, —
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,

Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет,
Дрожащий страхом и стыдом!

1831

УТРО

Пурпуро́во-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и хо́лмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!
Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпуро́во-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

1831

СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастли́в, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;
И, веселая, ласкает,
И, пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Всё красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

1831

В. А. ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Симво́л души, проснувшейся прекрасно,
    Заря безоблачного дня;
Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел:
Среди наук ты гордо возмужаешь
    Для стройных дум и светлых дел;
От ранних лет полюбишь наслажденья,
Привольные и добрые всегда:
Дея́тельный покой уединенья
    И независимость труда;
Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
    Отвага помыслов твоих,
И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
    Душа открыта и чиста;
Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей, —
Ты совершишь заветные желанья
    Счастливой юности твоей.
О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал,
И слепо верь в пророчества поэта
    И в правоту его похвал!

1831

* * *

Виновный пред судом парнасского закона,
Он только: неуч, враль и вздорный журналист,
Но. . . лижущий у сильного шпиона,
Он подл, как человек, и подл, как . . .

1831

А. П. ЕЛАГИНОЙ
(ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ЕЙ СВОЕГО ПОРТРЕТА)

Таков я был в минувши лета
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный, —
Моя беспечная весна
Промчалась. Чувствую и знаю,
Не целомудренна она
Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги весели́е,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы —
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

Конец апреля — 1 марта 1832

Е. А. ТИМАШЕВОЙ

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,

Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравный
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты,
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней,
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших
Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский; но его
Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздольи наших оргий
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,

Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

1832

К ...

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гете
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.
Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Нечувствительны здесь люди —
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки.
Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

Между 1829 и 1833

К ***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, — но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы

Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами
Безмолвны, тихи, смущены
И бестелесными мечтами,
Как страхом божиим, полны!

Между 1829 и 1833

* * *

Вы скоро и легко меня очаровали,
Не посмотрели вы на то, что я поэт,
И самовластно все мечты мои смешали
В одну мечту, в один любовный бред!
И много брежу я: с утра до самой ночи
Я полон вами; вы даруете мне сны.
Мне дивный образ ваш сверкает прямо в очи
В серебряном мерцании луны.
Цветущий младостью, прелестный, светлоокий,
С улыбкой на устах и сладостном челе,
Как мил он мне тогда, как действует глубоко
На сердце в тихой, лунной полумгле!
Томленье нежное на сердце он наводит
И пробуждает он полночную мечту,
И перед ним она шалит и колобродит,
Так и летит на вашу красоту —
И что ж? Весь этот рай желаний сладострастных,
И треволнение и жар души моей
Вы сделали одной улыбкой уст прекрасных
И мигом черных, пламенных очей!

Между 1829 и 1833

* * *

На праздник ваш принес я два привета,
Две похвалы хранящим вас богам.
Во славу муз младые ваши лета
Обречены возвышенным трудам.

Я чувствую прекрасный долг поэта.
Гордяся им, я посвящаю вам
Игривый звук заздравного сонета,
Моей души усердный фимиам.

Краса и честь Москвы первопрестольной,
Вам юноши своей станицы вольной
Державную вручили булаву;

И весело мне перед вашим саном
Склонить свою казацкую главу,
Вскруженную любезным атаманом!

Между 1829 и 1833

* * *

Увенчанный и пристыженный вами,
Благодарить не нахожу я слов;
Скажу одно: меж царскими венцами
Не видано прекраснейших венцов!
Пусть лаврами украшен я не буду,
Пусть сей венец поэту в шутку дан;
Но — ваш казак — я вечно не забуду,
Как пошутил со мной мой атаман.

Между 1829 и 1833

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,

В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней;
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

17 апреля 1832

А. Н. ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:
Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;

И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши —
И вспрянул гордо на коня!
А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед.
Но вот хвала и слава богу!
На православную дорогу
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе! Люби же и ласкай
И береги меня, как сына,
А как раба не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка нескованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
И в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,
Приветы гордых молодиц,
И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!

Поклон вам, прежние мои...
Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг! поздравь же ты меня
С восходом сча́стливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились!
Но сладко вспомнить нам подчас
Почтенный град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей —
Красу минувшего житья!
Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, увы!
Когда-то милой мне, когда-то
На вешнем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

15 мая 1833

А. А. ФУКС

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли — в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.

Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш взор, трепещет ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь!

Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет, — я ваши песнопенья
Люблю: я понимаю вас.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылый,
И бога, движущего их!

1834

Д. П. ОЗНОБИШИНУ

Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги,
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговóй
Входишь ты под кров убогий
И гражданственность с тобой?

Вот салфеткой иностранной
Стол накрыт. Блестят на нем
Ярким златом и сребром
Чашки. Чай благоуханный
Льется светлым янтарем,
И сидишь ты за столом,
Утомленный и туманный,
В забытьи глухонемом!

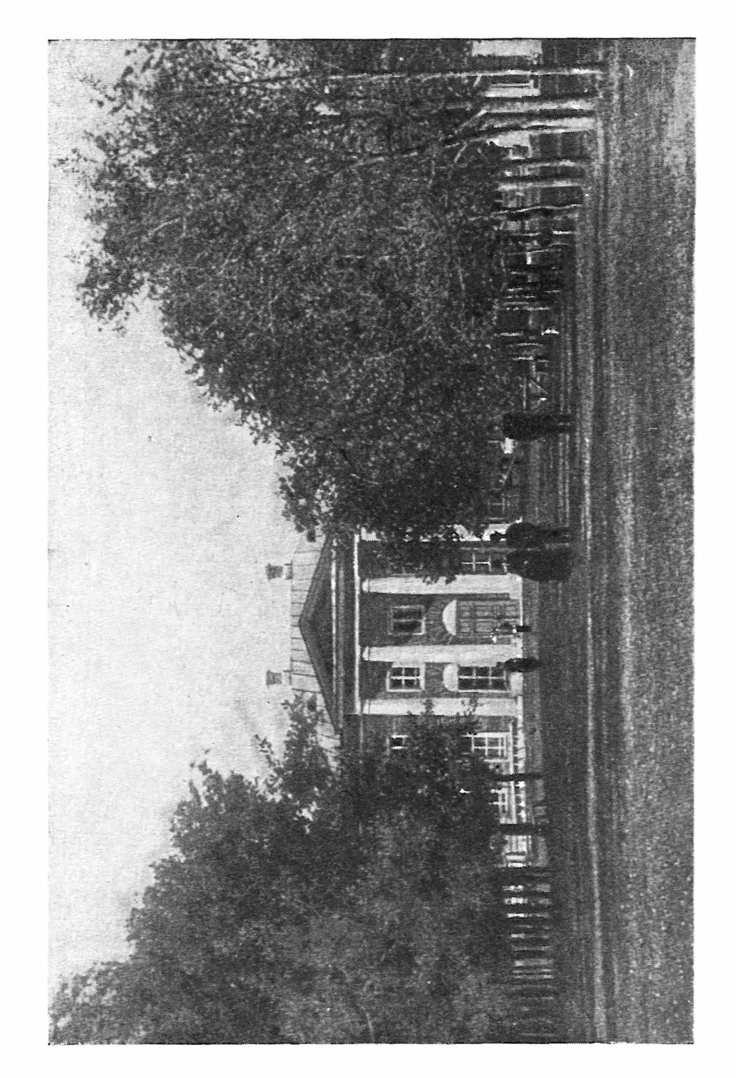
Ночь прошла. Смотри: алеет
Озарившийся восток!
Ты проснулся, путь далек!
На лице тебе уж веет
Ранний утра холодок;
Скоро скачешь ты, и в срок
На почтовый двор поспеет
Мой деятельный ездок!

О! когда на жизнь иную
Променяешь ты, поэт,
Эту порчу юных лет,
Эту сволочь деловую
Прозаических сует?
Бога нашего тут нет!
Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свет!

1834

Е. Н. МАНДРЫКИНОЙ

В младой груди моей о вас воспоминанья
Сохранно буду я беречь!
Навечно милы мне: живая ваша речь
И ваши томные мечтанья,
Ваш благосклонный взор, сверкающий умом,
И ваше пенье. Что за звуки!
То тихи и нежны, как жалкий вздох разлуки
И мысль о счастии былом,
То упоительны, торжественны, игривы,
Как мед любви, сладчайший мед!



Как юношеских дум возвышенный полет
И детской радости порывы!
Могучи звуки те волшебные! Они
Меня отрадно чаровали
И, умиленного, разнеженного, мчали
В иную жизнь, в иные дни,
В те дни, когда еще душой и сердцем юный,
Доверчив, пылок и поэт,
Я пел любовь и шум студенческих бесед,
И стройны, громки были струны!
Давно прошли те дни восторгов и потех;
Но помню живо их доныне,
Как странник молодой, застигнутый пустыней
И бурей, помнит свой ночлег
В гостинице, где он негаданно-нежданно
Нашел красавиц и друзей
И с ними пировал до утренних лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду вас, я благодарен вам;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердец к пленительным мечтам.

1834

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твоя горит звездами,
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,

Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,

Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Август 1835

П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать, каков теперешний мой день?
По-прежнему ль его одолевает лень,
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?

Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Уда́лой, ветреной, хмельной и быстролетной.
Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес,
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей! —
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся — о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,
Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое —
Элегию, сонет, — а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино

И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые, — да что в них? Солнце лета,
Лучами ранними гоняя ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, не тяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она
Цветет, гордится им, им дышит, им полна;
Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,
Таков, как должен быть он весь душой и телом,
И ростом, и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцире, и в том же шишаке!

Короток мой обед; нехитрых сельских брашен
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени,
Я просыпаюся для тех же упражнений,
Иль, предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад — здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?

О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой —
Две добродетели судьбы моей простой, —
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,
Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать и мыслить и мечтать,
Былые, светлые надежды пробуждать,
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов!

1835

К ...

Вами некогда плененный,
В упоении любви,
Приносил я вам смиренно
Песни скромные мои.
Я поэт ваш неизменный,
Я доселе помню вас:
Ваши перси молодые,
Ваши кудри шелковые,
Помню прелесть ваших глаз,
Черных, огненных и жгучих,
И на розовых устах
Стройность помыслов могучих
В гармонических стихах.
Вы тогда владели нами,
Пылких юношей толпой;
Вы живыми их сердцами,
Их послушною судьбой,
Словно верными рабами,
Забавлялись наобум!
Сколько вам надежд прекрасных,
Чистых, свежих, сладострастных,

Сколько смелых, гордых дум
Не-поэтом и поэтом
Посвящалось! Их тогда
Все равно холодным светом
Осыпала их звезда!

О! примите ж ненадменно
Мой теперешний привет,
Дар души уединенной,
Пережившей свой расцвет,
Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольного житья
Полюбил я мир широкий,
Где, мой ангел светлоокий,
Дева-муза вся моя.
Неземные наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будет мне спасенья
Вне его и без нее!
Мы поэты, в юны годы
Беззаботно мы живем,
Чересчур своей свободы
Упиваяся вином;
Таковы уж от природы
Все поэты. — Но куда
Нам главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной? Будь всегда
Вам хранима небесами
Эта жизни красота:
Перед вами и за вами
Всё иное суета!

1835

МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай, светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады

При догорающем огне
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежный,
И ясность мысли на челе!
И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой,
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых,
И дочерей благочестивых,
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса,
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасный,
Живая господу хвала!

1835

* * *

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложённую мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возгла́с подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит, и шумит, и сверкает оно:
Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно, светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета;
Чем ныне я счастлив и весел и горд,
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

Между 1834 и 1836

Н. А. ЯЗЫКОВОЙ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами
И пеной плещет в берега.

И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где, озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!

Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться
И засыпать под трели соловья.

25 марта 1836

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивый
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю,
И могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю:
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый,
Это ты, когда-то мой
Собеседник запоздалый
Там, у жизни молодой,
На приволье просвещенья!..
Ты оставил мирных муз
И воинские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;
А потехи и прохлады
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры, полные любви, —
Всё, что прежде кипятило
Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,

Хороша была она, —
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость —
И хвала за то судьбе! —
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,
И, гульливые бывало,
Чтят поэта своего!..
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей
И геройскими делами
Возрастай и просветлей.

1836

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум,
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забав, превратностей и смут
Далеко, в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют.

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О, будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом
И ради наших муз, и ради дружбы нашей
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй, — и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

1836

ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как, бывало,
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я в этот день!
Русских нас там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном
Сам стихи мои читал я,

И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали:
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жжёнкой, —
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко,
От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальни,
Путешественник печальный,
Не великий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных
Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих;
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого
Из ведра заповедного
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты
И поэту поднесешь ты;
Помню я: в твоем вине

Много жизни, много силы;
Но увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!

Май 1839
Висбаден

ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол — и царство тишины,
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся: порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица. — Светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух, она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни, — и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

3 июня 1839
Теодорсгалле

К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен —
Не шелохнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Ну-те, братцы, вольно, смело,
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй,
И выходит стих не ёмкой,
Стих растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитый
Наш мороз: хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло и горя мало,
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда.

Лето 1839
Теодорсгалле

ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы девицы,

Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой,
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жáру, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

Лето или начало осени 1839
Теодорсгалле

ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес чуть видном рокотал;

А он, пловец, он был далеко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн.

До разгремевшегося грома,
До бури вод, желанный брег
Увидел он, и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег.

Хвала ему! Он отплыл рано;
Когда дремали небеса
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, уж он готовил паруса,

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

Лето или начало осени 1839

НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас, природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,
Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые, когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые, —
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по-весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских:
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;

Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И áнглийский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги
На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

10 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,
Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,

И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.
Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине
Бережет скупое дно, —
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. Немного
Обитателей морских.
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой
С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом
Воза с два морского сору,
И один морской паук;
А тащили словно гору,
А трудились сотни рук!
Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасный
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей;
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки: бегут за ней

И канючат, денег просят:
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривый,
Друзья, немало я хвалил;
Сверкало золотом, кипело пеной белой
Нас развивавшее питье,
Воспламенялось и кипело
Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
Они далеко, высоко!
Шум, песни, крик и звон в прелестный гул сливались,
Студентский пир порядком шел,
И чаши об пол разбивались,
Разгульный теша произвол!

Остепеняют нас и учат нас заметно
Лета и бремя бытия:
Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
Так ныне мне уже милей
Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягкосладкое, как мед;
Милей мне тихий пир и разговор неспорный,
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно ласкаемая чаша,

Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней всё было наобум!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокочет и ревет;
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

18 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет,
И снег летит, как пух, и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют,
И у тебя тепло; а твой любимый труд,
От скуки и тоски заступник твой надежный,
А тихая мечта, милее девы нежной,
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,
Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься, — тогда будь дома и один,
Стола не уставляй богатством рейнских вин,
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому;
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,

Состукнут чаши в лад, тебя наименуют,
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а может быть и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит, ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

26 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

ЭЛЕГИЯ

Толпа ли девочек крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспешая,
Шумит по улице; иль добрый наш сосед,
Окончив чтение сегодняшних газет,
Уже глядит в окно и тихо созерцает,
Как близ него кузнец подковы подшивает
Корове иль ослу; иль пара дюжих псов
Тележку, полную капусты иль бобов,
Тащи́т по мостовой, работая всей силой;
Служанка ль, красота, развившаяся мило,
Склонилась над ведром, готова мыть крыльцо,
А холод между тем румянит ей лицо,
А ветреный зефир заигрывает с нею,
Теребит с плеч платок и раскрывает шею,
Прельщенный пышностью живых лилей и роз;
Повозник ли, бичом пощелкивая, воз
Высокий, громоздко́й и длинный-передлинный,
Где несколько семей под крышкою холстинной,
Разнобоярщина из многих стран и мест,
Нашли себе весьма удобный переезд,
Свой полновесный воз к гостинице подводит,
И сам почтенный Диц встречать его выходит,
И «Золотой Сарай» хлопочет и звонит;
Иль вдруг вся улица народом закипит:

Торжественно идет музыка боевая,
За ней гражданский полк, воинственно ступая,
В великолепии, в порядке строевом
Красуется, неся ганавский огнь и гром:
Защита вечных прав, полезное явленье.
Торопится ль в наш дом на страстное сиденье
Прелестница, франтя нарядом щегольским,
И новым зонтиком, и платьем голубым,
Та белотелая и сладостная Дора. . .
Взойдет ли ясная осенняя Аврора,
Или туманный день, печален и сердит,
И снегом и дождем в окно мое стучит, —
И что б ни делалось передо мною — муки
Одни и те ж со мной; возьму ли книгу в руки,
Берусь ли за перо — всегда со мной тоска:
Пора же мне домой. . . Россия далека!
И трудно мне дышать, и сердце замирает;
Но никогда меня тоска не угнетает
Так сокрушительно, так грубо, как в тот час,
Когда вечерний луч давно уже погас,
Когда всё спит, когда одни мои лишь очи
Не спят, лишенные благословений ночи.

1839
Ганау, «Золотой Сарай»

КРЕЙЦНАХСКИЕ СОЛОВАРНИ

Предо мной скалы́ и горы!
Тесно сковывает взоры
Высь подоблачных громад!
Вот на солнечном их скате
Жарко нежится в халате
Полосатом виноград!
Вот густая сень акаций,
Для больных мужчин и граций,
Сад с целебным ручейком!
Два сарая под горами,
Длинны, черны, с шатунами,
С иксионским колесом!
Скучный вид! Вот где я ныне!
В щели гор, в глухой лощине,

На лекарственных водáх!
Жду от них себе помоги!
Сбился я с моей дороги
Сильно, к немцам, за Крейцнах.

1839
Теодорсгалле — Крейцнах

ГАСТУНА

Так вот она, моя желанная Гастуна.
Издревле славная, Gastuna tantum una, [1]
Чудесной силою целительных ключей!
Великий Парацельс, мудрейший из врачей,
Глубокомысленный таинственник природы,
Уже исследовал живые эти воды;
Он хвалит их, и сам предписывал больным,
И вновь они цвели здоровьем молодым!
Великий человек! Хвала его не втуне:
Доныне многие находят лишь в Гастуне
Восстановление своих упадших сил.
И я из дальних стран к ее ключам спешил,
В предел подоблачный, на этот воздух горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!..

1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

ИОГАННИСБЕРГ

Из гор, которыми картинный рейнский край
Гордится праведно, пленительный как рай,
Которых имена далеко и далеко
По свету славятся, честимые высоко,
И радуют сердца, и движут разговор
На северных пирах, — одна из этих гор,
Не то чтоб целостью громадных стен и башен
Старинных верх ее поныне был украшен,
Не то чтоб рыцарей, гнездившихся на ней,
История была древнее и полней,

[1] Единственная из всех Гастуна (лат.). — *Ред.*

Была прекраснее войнская их слава, —
Одна из этих гор, она по Рейну справа,
Вдали от берегов, но с волн его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всех выше славою: на ней растет и зреет
Вино первейшее; пред тем вином бледнеет
Краса всех прочих вин, как звезды пред луной.
О! дивное вино! Струею золотой
Оно бежит в стакан, не пенно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмеляет нас и нежит, так сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старец, о делах минувших рассуждая,
Воспламеняется, как радость молодая,
Припомнив день и час, когда он пил его
В кругу друзей, порой разгула своего,
Там, там, у рейнских вод, под липою зеленой...
Такая благодать, что внук его ученый
Желал бы на свои студентские пиры,
Хоть изредка, вина с Ивановой горы.

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ

Я много претерпел и победил невзгод,
И страхов, и досад, когда от Комских вод
До Средиземных вод мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горным высотам, в осенний хлад и мрак,
Местами как-нибудь, местами кое-как
Тащили мулы нас, и тощи и не рьяны;
То вредоносные миланские туманы
И долгие дожди, которыми Турин
Тогда печалился, и грязь его долин,
Недавно выплывших из бури наводненья;
То ветер с сыростью и скудость отопленья;
В гостиницах, где блеск, и пышность, и простор,
Хрусталь, и серебро, и мрамор, и фарфор,
И стены в зеркалах, глазам большая нега!
А нет лишь прелести осеннего ночлега:

Продрогшим странникам нет милого тепла;
То пиемонтская пронзительная мгла,
И вдруг, нежданная под небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пение и сладостно подчас
Нам, людям северным: баюкавшее нас,
Нас встретила в горах, летая, распевая,
И славно по горам гуляла удалая!
Всё угнетало нас. Но берег! День встает!
Италиянский день! Открытый неба свод
Лазурью, золотом и пурпурами блещет,
И море светлое колышется и плещет!

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мещет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

К. К. ПАВЛОВОЙ

Забыли вы меня! Я сам же виноват:
Где я теперь, зачем меня взяла чужбина?
Где я перебывал? Вот он, Мариенбад,
Ганау, старый Диц, его тенистый сад;

Вот рейнских берегов красивая картина,
Крейцнах, и черные сараи, и гофрат,
Полковник, колесо, Амалия и Пина!
Вот край подоблачный! Громады гор и скал,
Чудесные мосты, роскошные дороги,
Гастуна славная, куда я так желал...
Вот Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги,
Их вечный лед и с них лиющийся кристалл,
Кричат орлы и скачут козероги,
И ветер осени качает темный лес!
Вот и Ломбардия! Веселые долины,
Румяный виноград, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденных небес!
Великолепные палаты и столбницы
Над ясным зеркалом потоков и озер!
Часовни странные, пугающие взор,
Канюки, и калек и нищих вереницы,
Ватага южных ведьм, красавицы девицы...
Вдали концы швейцарских гор!
Вот Комо! Берега с прозрачными домами!
Вот площадь и фигляр, махающий руками!
И пристань, озеро, и в чистоте зыбей
Колеблются цвета расписанных ладей
И белых парусов играющие плески;
На площади народ гульливый и живой,
Италии народ певучий, удалой,
И деревянные тедески!
Вот пасмурный Милан с поникшей головой,
Турин и Пиемонт гористый! Вот Савона!
Отважный путь лежит над бездной, на тычке!
И вот он островок, чуть видный вдалеке,
Как облачко на крае небосклона,
Не важный на морях, но важный на реке
Времен, где он горит звездой Наполеона!
Вот Ницца — вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!
О, много, много стран в мой длинный, черный год
Я видел скучными глазами!
Скитаюсь по водам целебным и — увы! —
Еще пью чашу вод! Горька мне эта чаша!

Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что делаете вы?
Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей!

15 февраля 1840
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

ГРАФУ В. А. СОЛЛОГУБУ

Тебя — ты мне родня по месту воспитанья
Моих стихов, моей судьбы,
По летам юности, годины процветанья
Работ ученых и гульбы,
Студентских праздников, студентских песнопений
И романтических одежд,
Годины светлых дум, веселых вдохновений,
Желаний гордых и надежд,
Ты, добрый молодец, себя не погубивший
В столице, на бою сует,
Свободною душой почтенно сохранивший
И жар, и доблесть юных лет,
И крепкую любовь к отеческому краю,
И громозвучный наш язык, —
Тебя приветствую, тебя благословляю,
Тебя, счастливый ученик
Той жизни сладостной, которую стихами
Я горячо провозглашал,
Пленявшийся ее блестящими дарами
И лестью дружеских похвал;
Приветствую тебя, под знаменем камены,
На много, много славных дел!
Люби ее всегда, не жди от ней измены,
Ее любовью тверд и смел!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не верь ни браням, ни хвалам
Продажных голосов, в их споры не мешайся,
В их непристойный крик и гам,

Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тих и величав, проникнутый глубоко
Святыней чистого труда,
Будь сам себе судьей, суди себя сурово. . .
И паче всякого греха
Беги ты лени: в ней слабеют ум и слово,
Полет мечты и звон стиха;
Ты будь неутомим! Когда на Русь святую,
Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен, — тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг,
И мы, по способу певца «Вильгельма Теля»,
Составим славное питье
И будем бражничать и вместе, полны хмеля,
Помянем дерптское житье
И наши прошлые, лирические лета;
Потом давай твоих стихов
И прозы, всё читай! Я слушаю поэта,
До ночи слушать я готов
Тебя; в созданиях души твоей прекрасной,
В картинах верных и живых,
В гармонии стиха с игрою мысли ясной
И вдохновениях твоих
Легко, восторженно забудусь я с тобою. . .
Часы летят, давно погас
Камин, давно мой пунш простыл передо мною,
И вот денница занялась! . .

16 марта 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, — резва, удала.

17 июня 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?

Велик, прекрасе́н ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река! . . Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно
В виду почтенных берегов, —
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины! —
Суры-красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любя́щей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,

Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихо-струйного, привольного Сызрана,
И всех и бо́льших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе! .. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

1 августа 1840
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

НИЦЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,
Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

15 декабря 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

АЛЬПИЙСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Мальбрук в поход поехал...»)

Из тишины глубокой
Родимого села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Где шаткие дороги
Прилеплены к горам,
И скачут козероги
По горным крутизнам,

Где лес шумит дремучий
Высоко близ небес,
И сумрачные тучи
Цепляются за лес,

Где ярко на вершинах
Блистает вечный снег,
И вторится в долинах
Ручьев гремучий бег.

И вот она, Гастуна,
Куда стремился я,
Castuna tantum una, [1]
Желанная моя!

Плохое новоселье,
Домов и хижин ряд...
Над бездною в ущелье
Они так и висят!

И, словно зверь свирепый,
Река меж них ревет,
Бегущая в вертепы
С подоблачных высот.

---

[1] Единственная из всех (лат.). — *Ред.*

И шум беспереста́нный,
И стон стоит в горах,
И небеса туманны,
И горы в облаках.

1840
Вильдбад-Гаштейн

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный, —
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

<1841>

А. А. ЕЛАГИНУ

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойна-празднична была,
Когда остатки вдохновений
Студентской юности моей
Я допивал в кругу друзей,
В Москве, и, полон песнопений,
Стихом блистая удалым,
Восторжен, выше всякой прозы,
Гулял у вас — и девы-розы
Любили хмель мой, слава им!
А ныне где, каков я ныне?
О! знаю, чувствую: тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда;
Но ежели мои печали
Минуют так, как миновали
Мои златые дни, тогда

Грешно бы, право, на досуге
Не помянуть нам за вином
О том гулянии моем,
Как о минувшем, милом друге.
Не так ли? Я почти готов,
Я рад сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину,
И прямо с майнских берегов
В Москву. Вы ждете — еду, еду,
Скачу, лечу, и вот как раз
Я к вам, сажуся подле вас —
И наливай сосед соседу!

Март 1841

К. К. ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
В моей кипели голове
И молодость мою покончивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам,
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И нынче я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, всё сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье, —
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами; вы прекрасный
Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак, я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:

Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

Март 1841
Ганау

ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИМ ВОДАМ

Пою вас, балтийские воды! вы краше
Других, величайших морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнее, чище, светлей:
На нем не крутятся огромные льдины,
В щепы расшибая суда,
На нем не блуждают холмы и долины
И горы полярного льда,
В нем нет плотоядных и лютых чудовищ
И мерзостных гадов морских;
Но много прелестных и милых сокровищ:
Привол янтарей золотых
И рыбы вкуснейшей! Балтийские воды,
На вольной лазури своей
Носили вы часто, в старинные годы,
Станицы норманских ладей;
Слыхали вы песни победные скальда
И буйные крики войны,
И песню любви удалого Гаральда,
Певца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь из немецкой земли,
Когда, сограждáне ганзейского братства,
И Псков и Новгóрод цвели;
И ныне вы носите грозные флоты:
Нередко, в строю боевом,
Гуляют на вас громовые оплоты
Столицы, созданной Петром,
И тысячи, тьмы расписных пароходов
И всяких торговых судов
С людьми и вещами, всех царств и народов,
Из дальних и ближних краев.

О! вы достославны и в новые годы,
Как прежде; но песню мою,
Похвальную песню, балтийские воды,
Теперь я за то вам пою,
Что вы в ту годину, когда бушевала
На вас непогода — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину с далекого дна,
И, силы пучинной и сумрака полны,
Громады живого стекла,
Качаяся, двигались шумные волны,
И бездна меж ними ползла;
И долго те волны бурлили, и строго
Они разбивали суда,
И долго та бездна зияла, и много
Пловцов поглотила, — тогда,
В те страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиных: вы их на невские воды
Примчали, и берег Невы
Счастливо их принял; за то вы мне краше
Всех южных и северных вод
Морских, и за то уважение ваше
Мой стих вам и честь отдает!

20 ноября 1841
Ганау

ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу: он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит;
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастли́в! он ходит!

12 декабря 1841
Ганау

П. В. ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,
От празднословящих бесед
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада;
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком, жидконогой, —
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое

Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенный
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем;
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

1841
Ганау

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих стрáнах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841
Швальбах

ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный, —
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

Конец 1841 или начало 1842

ИЗРЕЧЕНИЕ А. Д. МАРКОВА

Любил он крепкие напитки — и немало
В свободные часы он их употреблял,
Но был всегда здоров и службу исполнял
Добропорядочно, — и дело не стояло
За ним; был духом тверд, глубокомыслен; слов
Не тратил попусту; но речью необильной
Умел он действовать решительно и сильно.
При случае умы своих учеников
Он ею поражал, как громом: так однажды,
Палимый жаждою, он воду пить не стал —
Другой Катон в пустыне! — и сказал,
Поморщившись: «Вода не утоляет жажды».

Июль 1842

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор;
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор; логови́ща лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые хо́лмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя — лишь одни небеса!

Июль 1842

МОРЕ

Струится и блещет, светло как хрусталь,
Лазурное море, огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;

Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравнó
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

1842
Венеция

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу, — ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу; даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

Весна 1843
Рим

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда

С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами.
Но и ее уж нет! О! я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

10 июня 1843
Гаштейн

ЭЛЕГИЯ

И. П. Постникову

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес и постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь зá лес, там и сям
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

10 июня 1843
Вильдбад-Гаштейн

ЭЛЕГИЯ

В Гаштейне общий стол невыносимо худ,
А немец им вполне доволен! Много блюд,
И очень дешево! Он вкуса в них не ищет,

И только будь ему недорога еда:
Он всякой дрянью сыт — и как он рад, когда
С нее же он еще и дрищет!

Июнь 1843

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

Июнь 1843
Вильдбад-Гаштейн

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

В те дни, как только что с похмелья,
От шумной юности моей,
От превеликого веселья
Я отдохнуть хотел в виду моих полей,
В тени садов, на лоне дружбы,
В те дни, как, тих и неудал,
Уже чиновник русской службы,
Я родину свою и пел и межевал,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гульливой головы,
В те дни стихом из дальня края
Торжественно меня приветствовали вы,
Стихом оттуда, где когда-то
Шла ходко, смело жизнь моя,
Где я гулял молодцевато,

Пил крепкий, сладкий мед студентского житья...
Сердечно мил мне стих ваш бойкой,
Сердечно люб привет мне ваш,
Как мил, бывало, за попойкой
Заздравный крик друзей и звон заздравных чаш.
И что ж? Я не дал вам ответа,
Не отозвался стих на стих!
Но, беззаботного поэта,
Меня в те дни уже свирепый рок настиг,
Уж я слабел, я духом падал;
И медицинский факультет
Пилюлю горькую мне задал:
Пить воды за морем! И пил я их пять лет!
Но, вот в Москве я, слава богу!
Уже не робко я гляжу
И на Парнасскую дорогу,
Пора за дело мне! Вину и кутежу
Уже не стану, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу:
Потехи юности удалой
Некстати были б мне: не юному челу
Некстати резвый плющ и роза...
Пора за дело! В добрый путь!
Довольно жизненная проза,
Болезнь, гнела меня и мне теснила грудь,
И мир поэта, мир высокой,
Едва ли мне доступен был
В моей кручине лежебокой,
В глухом бездействии, в упадке чувств и сил.
Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом
Я отогнал и подаю вам руку!
Спасибо вам, что вы в томлении моем
Меня и там не покидали,
У немцев; в дальной стороне
Мою тоску вы разгоняли,
Вы утешительно заботились о мне!
Желайте ж вы мне, чтоб я скоро
Стал бодр, как был, чтоб вовсе я
Стал молодцом, и было б споро
То исцеление... О, братья! О, друзья!
Ужель дождусь я благодати,

Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати
И гоголем пойду и песню затяну!

16 апреля 1844

К. К. ПАВЛОВОЙ

Тогда, когда жестоко болен
Телесно и жестоко хил
Душевно, я судьбою был
Жить на чужбине приневолен;
Когда под гнетом же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или Гомеровы мольбы, —
И в том моем томленье жестком
Всегда, везде я помнил вас:
На ваш отрадный мне возгла́с
Всегда готовым отголоском
Я отвечал; и самый Рим,
Со всей громадою высоких
Воспоминаний, дум глубоких,
В душе встающих перед ним,
Палаты, храмы и столбницы,
И всё, что ныне говорит
Поэту — мрачно-гордый вид
Самовластительной столицы
Трех поэтических миров
Минувших, и поля пустынны
Кругом ее, — давно-старинный
Упрек сынам ее сынов! —
И самый Рим давал мне волю
Воспоминать об вас; и в нем
Я, вашим счастливым стихом
Любуясь, тягостную долю
Мою нередко забывал. —
Так я ль, теперь, когда оставил
Чужбину и уже направил
Мечты туда, где я живал. . .
Так я ль, когда хвораю мене

И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавице, камене,
Зову ее к себе; когда
Я здесь, в Москве, где так красивы
И так любезно расцвели вы
Для вдохновенного труда —
И расцвели хвалой и славой, —
Где стих ваш ясен, как хрусталь;
Как злато светел; тверд как сталь;
Звучит и блещет величаво;
В Москве, где вас, я помню, я
Не раз, не два, и всенародно,
Пел горячо и превосходно!
Певец свободного житья,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вам!
И подобает тем стихам
Хвала моя: в ту пору вами
Моя кружилась голова!
Теперь ли я? — какой же буду
Поэт я, если позабуду
Все ваши милые права
На стихотворные творенья
Мои? — Не будет никогда
Мне столь великого стыда,
Столь многогрешного паденья
Не будет мне. Смотрите: вот
Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде
Почти не смея доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде,
Когда лишь только что дышу
Вольнее и лишь не сурово
Гляжу на свет, — вот жизни новой
Цветы я вам уж приношу!

18 апреля 1844

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина,
И берег с грудой гор и скал
Дрожали, — и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И всё поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов алтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще. Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал,
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал!
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла
И быстро отрока схватила
И выше облак унесла..

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!
И песню ту принес он долу,
Священным трепетом объят,
И церковь те слова святыя
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха
И ликам ангельским внемли,

И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

18 апреля 1844

К. К. ПАВЛОВОЙ

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иные,
Что вам отечество Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Ведь он не всякому по силам!
А почитательницам милым
Чужесловесных дум и книг
Он не доступен — и не знают
Они его — они болтают
Другим, не русским языком
Свои мечты и впечатленья, —
И нет на них благословенья.
Они у бога нипочем!
Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гете
Послушны вам, как ваш родной.
Я вас хвалю — и рад я буду,
Когда пойдет ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвиг ваш: во имя ваше
Она действительней и краше
И в свете более смела,
Скорей отыщет грешны души:
Да слышит, кто имеет уши!

21 апреля 1844

КН. С. П. ГОЛИЦЫНОЙ

Я слышал, что вы и прекрасны, как роза,
И милы, как роза, утеха полей;
Что жизни подлунной и скука и проза
Чуждаются вас, как полдневных лучей
Чуждается полночь; что так же прекрасны
Вы сердцем, как прелестью вы расцвели,
Что чувства и мысли в вас тихи и ясны,
Как вешнее небо, веселье земли.

Всё это я слышал, и слухом поэта,
От всех, и повсюду, и тысячу раз,
И гордо мои песнопевные лета
Я вспомнил и смело приветствую вас:
О! будьте всегда таковы; процветайте
Спокойно и делайте дело свое:
Земная прелестная роза, вплетайте
Небесные розы в земное житье!

21 апреля 1844

М. П. ПОГОДИНУ

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое! [1]
Мне с ним раздолье! С ним житье
Поэту! Бойко, быстротечно,
Легко пошли часы мои
С тех пор, как ты меня уважил!
По-стихотворчески я зажил,
Я в духе! Словно как ручьи
С высоких гор на долы злачны
Бегут, игривы и прозрачны,
Бегут, сверкая и звеня
Светлостеклянными струями,
При ясном небе, меж цветами,
Весной, — так точно у меня
Стихи мои проворно, мило
С пера бегут теперь; и вот

[1] Старинную чернилицу.

Тебе, мой явный доброхот,
Стакан стихов: на, пей! Что было,
Того нельзя же воротить!
Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; так и быть!
Они теперь напиток трезвый:
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.
И не диковинное дело:
Я сам не тот уже, и смело
В том признаюсь: кто без греха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напиток, поднесенный мной,
Хоть он бесхмельный и не пенный!

23 апреля 1844

ПОСЛАНИЕ К Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВУ

Да сохранит тебя великий русский бог
На много, много лет. Ты сильно мне помог:
Уж ты смирил во мне презлую боль недуга,
Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И всё могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдений
Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала! —
И верь ты мне, ее нимало не смущает,
Что вижу, слышу я, как тявкает и лает,
И воет на тебя и съесть тебя готов
Торжественный союз ученых подлецов!
Иди своим путем! Решительно и смело

Иди, не слушай их: возвышенное дело
Наук и совести им чуждо, им чужда
Святая чистота полезного труда,
Святая прямизна деятельности чистой.
Так что тебе вся злость, весь говор голосистый
Твоих врагов! Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,
Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса!

27 апреля 1844

А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла —
О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И, приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг, —
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне,
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты:
Ни бодрой, юношеской силы,

Ни блеска свежести пленительной; но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

Весна 1844

А. Д. ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуюсь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,
Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва-едва колышет
Густоветвистую их тень,
Блестит как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы, вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный, юный стан, вот руки над водою
И груди белые как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!
Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял

И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется, дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн,
По звонкому руслу, с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул и сад перед аулом,
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинный
Один возвысился на ней,
Давно безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собою
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты,
И плющ зеленый по скалам
Взвился́; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ. . .
Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!
Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,
Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжа́ алмазные вершины,
Короны каменных царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!

Но полно рисовать тебе Кавказ!.. Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,
Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной,
В страну раздолий и равнин,
Где, величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведет с собою
Красивы, пышны берега
И кипы островов над зеркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз
Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ!

4 ноября 1844

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.

Ему не нужен пир разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.

Блажен!.. как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит, — и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,
И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем!

Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый...
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет,
Он на суде не устоит,
Зане господь не лестно судит
И беззаконного казнит.

Ноябрь 1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;
Вас и царственная Гера
Невзлюбила б и гнала
Непощадно б и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды
Вам не страшны... Но, ей-ей,
Я бы рад краеугольный

Камень храма положить,
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянный
Жаркий, пылкий фимиам.

Ноябрь 1844

К НЕЙ ЖЕ

Тогда как сердцем мы лелеем
Живые, сладкие мечты
И часто розам и лилеям
И незабудкам красоты
Мы поклоняемся и нежно
Их величаем и поем,
Полны любви самонадежной,
Сгорая пламенным огнем;
В те дни желаний легкокрылых,
Восторгов, мыслей и стихов,
Счастливых, радостных и милых,
Когда весь мир нам люб и нов,
Гостеприимен и чудесен, —
В те дни разгара чувств и сил
Я много, много, много песен
Сердечных вам бы посвятил,
Свободно, весело лелея
Живые, пылкие мечты! . .
Нет, вы не роза, не лилея,
Вы просто чудо красоты!
Я перед вами на колена
Упал бы, трепетный, немой,
Навек, навек, в оковы плена
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза б остановились,
К земле б склонилась голова,
Смешались, замерли б и сбились
Во мне все чувства и слова. . .
Теперь мои младые лета
Прошли, решительно прошли;

И вы во мне уже поэта
Смиренномудрого нашли:
Теперь, холодный и бесстрастный,
Я вижу только суеты
Везде, во всем. Нет, вы прекрасны.
Вы просто чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили
Лучи огнистых ваших глаз:
Мои глаза остановились,
К земле склонилась голова,
Смешались, замерли и сбились
Во мне все чувства и слова.

Ноябрь 1844

К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возглáс!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;

В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу!
Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

6 декабря 1844

ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе, без крику и без шуму,
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком

Она сидит! Таков был у меня, в моем
Унылом странствии, в чужбине, собеседник —
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый, и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он всё препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это всё плоды его сомнений
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикий,
Его же лишь Тидид, муж крепости великой,
Поднять и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага. . . таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою, восстановитель мой —
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

7 декабря 1844

КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно
За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,

Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты:
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался. — И вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет, блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русских городов
Сменять на пышную блудницу
На вавилонскую готов!
Дай руку мне! Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам
Вполне служи, вполне вверяйся,
Но не мирволь своим врагам.

20 декабря 1844

К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап, —
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты всё презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;

Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на всё, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами,
Друг другу их передаем
Страннoприимными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

25 декабря 1844

В. Н. АННЕНКОВОЙ

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос!
В те дни, как меж лилей и роз,
Раскидист, свеж, блестящ и ярок,
Цветок веселого житья,
Я полон жизни красовался,
И здесь, в Москве, доразвивался
И довоспитывался, — я
В те дни, златые дни! быть может,

И стоил этих двух венков,
А ныне... я уж не таков.
Увы! Болезнь крутит и ежит
Меня, и ест меня тоска;
А вы и ныне благосклонны
К тому, чьи песни самозвонны
Давно молчат, чья жизнь горька,
Кого давно уж как поэта
И не приветствует никто!
Лишь вы теперь, и вам за то
Моя хвала и многи лета!
И много, много дай бог вам
Созданий стройных, сладкогласных,
Прекрасных дум, стихов прекрасных
Таких всегда, какие нам
Вы так пленительно дарите;
Да будут вечно, как они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цветите!

1844

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной;
О! пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Я вновь пою вас; мне отрадно,
Мне сладко петь и славить вас:
Я не люблю, я враг нещадный
Тех жен, которые от нас
И православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли,
И Запад ласково их тянет
В свои объятия... но вы, —
Он вас к себе не переманит
Никак, — нет, вы не таковы:
Вы изменить не захотите
Заветным чувствам; вы вполне,
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, хорошей стороне,
И сильно бьется сердце ваше
За нас. И тем милее вы,
Великолепнее и краше,
Вы — украшение Москвы!

14 января 1844

П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Ты крепкий, праведный стоятель
За Русь и славу праотцов,
Почтенный старец-собиратель
Старинных песен и стихов!
Да будет тих и беспечален
И полон счастливых забот,
И благодатно достохвален,
И мил тебе твой новый год!
В твоем спасительном приюте
Да процветет ученый труд
И недоступен всякой смуте
Да будет он; да не войдут
К тебе: ни раб царя Додона,
Ни добросовестный шпион,
Ни проповедник Вавилона,
Ни вредоносный ихневмон,

Ни горделивый и ничтожный
И пошло-чопорный папист,
Ни чужемыслитель безбожный
И ни поганый коммунист;
И да созреет безопасно
Твой чистый труд, и принесет
Он плод здоровый и прекрасный,
И будет сладок этот плод
Всему Востоку, всем крещеным;
А немцам, нашим господам,
Богопротивным и мудреным,
И всем иным твоим врагам
Будь он противен; будь им тошно
С него, мути он душу им!
А ты, наш Петр, ты неоплошно
Трудись и будь неутомим!

11 февраля 1845

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Тебе хвала, и честь, и слава!
В твоих Беседах ожила
Святая Русь — и величава
И православна, как была:
В них самобытная, родная
Заговорила старина,
Нас к новой жизни подымая
От унижения и сна.

Ты добросовестно и смело
И чистой, пламенной душой
Сознал свое святое дело,
И, возбужденная тобой,
Красноречиво рукоплещет
Тебе великая Москва!
Так пусть же на тебя клевещет
Мирская, глупая молва!

Твои враги. . . они чужбине
Отцами проданы с пелен;
Русь неугодна их гордыне,
Им чужд и дик родной закон,

Родной язык им непонятен,
Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена.

Так их не слушай — будь спокоен
И не смущайся их молвой,
Науки жрец и правды воин!
Благословится подвиг твой;
Уже он много дум свободных,
И много чувств, и много сил
Святых, родных, своенародных
Восстановил и укрепил.

Начало 1845

А. С. ХОМЯКОВУ

Прими ты мой поклон заздравный!
Тебе, возвышенный поэт
И совопросник достославный,
Желаю много, много лет
Стихом и прозой красоваться
И цвесть красою чистых дел!
Враги ж твои да сокрушатся
Все, все — и тот, который смел
В своем неведении глупом,
В разгаре чувств, в кипеньи слов
Провозгласить бездушным трупом
Русь наших умных праотцов.
Несчастный книжник! Он не слышит,
Что эта Русь не умерла,
Что у нее и сердце дышит
И в жилах кровь еще тепла;
Что, может быть, она очнется
И встанет заново бодра!
О! как любезно встрепенется
Тогда вся наша немчура:
Вся сволочь званых и незваных,
Дрянных, прилипчивых гостей,
И просветителей поганых,
И просвещенных палачей!

Весь этот гнет ярма чужого
И этот подлый, гнусный цех,
Союзник беглого портного,
Все прочь и прочь! Долой их всех!
Очнется, встанет Русь и с бою
Свое заветное возьмет!
Да уничтожатся тобою
И общий наш недоброхот,
Творец бессмыслиц вопиющих,
Он, тот преследователь блох,
Явлений сущих и со-сущих,
Тот юморист-идеолог,
Всегда водя́ный и туманный,
Почтенный сеятель клевет,
Начальник шайки бесталанной;
И он, и весь его совет,
И нечестивый и беспутный,
И вся заморская их гиль, —
Всё пропади, как бред минутный,
Как мерзкий сон, как сор и пыль!

А ты надежно правде следуй,
Востоку пламенно служи,
Своенародность проповедуй
И низлагай успехи лжи!..
И будь всегда ты неизменен
И дорог общине своей,
И беспощадно дерзновенен
На немцев, ... детей!

1 мая 1845

В АЛЬБОМ

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.
Она достойно мужа любит,
Живет одною с ним душой,
Она труды его голубит,
Она хранит его покой,
И счастье мужа — ей награда

*

И похвала, — и любо ей,
Что меж старейшинами града
Он знатен мудростью речей,
И что богат он чистой славой
И силен в общине своей;
Она воспитывает здраво
И бережет своих детей:
Она их мирно поучает
Благим и праведным делам,
Святую книгу им читает,
Сама их водит в божий храм;
Она блюдет порядок дома:
Ей мил ее семейный круг,
Мирская праздность незнакома
И чужд бессмысленный досуг.
Не соблазнят ее желаний
Ни шум блистательных пиров,
Ни вихрь полуночных скаканий
И сладки речи плясунов,
Ни говор пусто-величавый
Бездушных, чопорных бесед,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческих сует.
И дом ее боголюбивый
Цветет добром и тишиной,
И дни ее мелькают живо
Прекрасной, светлой чередой;
И никогда их не смущает
Обуревание страстей:
Господь ее благословляет,
И люди радуются ей.

1 мая 1845

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ Н. М. КАРАМЗИНУ

(Посвящаются А. И. Тургеневу)

Он *памятник себе воздвиг чудесный, вечный,*
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!

Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда, —
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь, — и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг — и ясною картиной
В ней обновилась старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена́
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!

Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр, и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель, —
И вот наш *Грозный,* внук его,
Трех мусульманских царств счастливый
покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепенея,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана, — царь-смиренник молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;

Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи — и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопи́н и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблих чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые,
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижный в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой, —
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе, — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,

И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

25 октября 1845

И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои песнопенья живые,
И сильны, и чисты, и звонки они, —
Да будут же годы твои молодые
Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле; и если тебя очарует
Красавица роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и, ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна.
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

31 октября 1845

К БАРОНЕССЕ Е. Н. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской
Весь свой разгул души студентской
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов, — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромово́й!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали,
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам!
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета,
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звон,

Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были пьяны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах, помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

11 ноября 1845

К. К. ПАВЛОВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей
Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал,
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры
Благодатной, бестуманной
Драгоценные дары:

Сердца чистая любовность
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славить вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую
Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь, —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой
Беззащитного гоня,
И теперь я ваш глубокий
Почитатель и готов
Вас по-прежнему высоко
Славить множеством стихов.
Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

28 апреля 1846

САМПСОН

(А. С. Хомякову)

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья Филистимской земли,
Себе на потеху они — и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила.
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему, —
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, но смирился,
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели, — и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
  Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
  Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
  Под грудой развалин утих...

1 мая 1846

РОМАНС

Угрюм стоит дремучий лес,
  Чернея при луне.
Несется витязь по лесу
  На резвом скакуне.

Одет в железо молодец;
  С ним верный меч и щит.
Он к девице-красавице
  В объятия спешит.

Глаза у ней как звездочки,
  Уста у ней как мед,
И — речи, речи сладкие,
  Как соловей поет.

И ждет она задумчиво
  Милóго, и грустит.
Гудит дорога звонкая
  Под топотом копыт.

Угрюм стоит дремучий лес;
  Не дрогнет сонный лист.
Несется витязь по лесу —
  И вдруг он слышит свист.

Чего бояться молодцу?
С ним меч его и щит,
И сила богатырская
Ему не изменит.

«Ты, знать, дружок, не пробовал
Встречать меня в бою!
Так выдь! Тебе немедленно
Я череп раскрою!

Не струшу я, кто б ни был ты —
Хоть сам рогатый бес!»
Несется витязь по лесу;
Вот он проехал лес.

И выехал он на поле —
И полем поскакал,
И пусто поле чистое...
А свист не перестал!

За молодцом он гонится,
Такой же, как в лесу:
Не горячись ты, молодец!
Свист... у тебя в носу.

1846

* * *

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы...
Ах, молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила

И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога —
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы, и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал, хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий, —
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

1846 (?)

КОЛЛЕКТИВНЫЕ, СОМНИТЕЛЬНЫЕ

‹ПОЗДРАВЛЕНИЕ М. И. ДИРИНОЙ›

Сегодня ваши именины,
Поздравить вас — я очень рад,
Но в них я вижу — виноват —
Ошибку важную судьбины:
И как ей в голову пришло
Апреля первое число —
Сей день, обманом знаменитый, —
На праздник вам определить;
И как не стыдно ей грешить
Так безрассудно и открыто!
О, если б я распоряжал
Судьбы таинственной делами!
Я лучший день для вас избрал
Между прекраснейшими днями,
Тот самый день, когда весь мир
Свое веселье торжествует;
Когда играющий зефир
Цветы роскошные целует
И с тихим лепетом, слегка,
Живую влагу ручейка
Струями светлыми волнует;
Когда под сумраком ветвей
Благоухающей дубравы,
То сладостный, то величавый,
Весенний свищет соловей;
Когда и небо голубое
Блистает полною красой,
И веет что-то неземное
Над очарованной землей. —

Всё это кстати вам — и кто же
Пенял бы мудрости судьбин,
Что это время не похоже
На время ваших именин?

Конец марта или 1 апреля 1824

21 АПРЕЛЯ

Nunc est bibendum: nunc pede libero
Pulsanda tellus...

Hor. lib. I. Car. XXXVII[1]

1

Сидит Людмила под окном,
Часы вечернего досуга
С ней делит старая подруга,
И рассуждают — о пустом:
О жизни будущего века,
О мнимой младости своей,
О воспитании детей,
О прегрешеньях человека
И злой политике чертей.

2

Как сон души благочестивой,
Беседа женская тиха,
Когда без чувства, без греха
Язык болтает неленивый;
Но речи смелые летят,
Они решительны и громки,
Когда от сердца говорят
Ребра Адамова потомки.

---

[1] Теперь давайте пить и вольною ногою
О землю ударять...
Гор., кн. I, песня XXXVII (перевод А. А. Фета). — *Ред.*

3

«Ах боже мой! что вижу я!
Душа пугается моя,
Какими страшными толпами
Идут студенты! и куда?
Ей-богу, вольность им беда
С их удалыми головами.
О! будь я ректор! Я б дала
Поступкам их другую славу;
Их отвращала б ото зла
И не пускала б за заставу...
Смотрите: что у них в руках!
Вино и трубки!!» — так судила,
С душой на стареньких устах,
Религиозная Людмила;
Так непонятлив женский взор,
Так суеверная старуха
Мечтает видеть злого духа,
Глядя на светлый метеор!

4

Идут студенты. Неба своды
Сияют мирною красой:
Богам любезен пир свободы
И просвещенной и живой!
Сыны ученья и забавы
Небрежно, весело идут;
Вперед! вперед! вот у заставы,
Где строго что-то берегут
Игрушки мнительной державы.

5

Чу! за границей городской
Гремят студентские напевы:
Их не поет старик плохой,
Их не поют плохие девы;

Но их поэзия мила
Душе чувствительной и вольной,
Как шум веселости застольной,
Как вдохновенные дела.

6

Туда, где Либгарт домовитый
На лоне старческих отрад
Проводит жизненный закат
Своей души не знаменитой,
Где обольстительно шумят
Пруда серебряные воды
И, сладостный певец природы,
В тени раскидистых ветвей
Весенний свищет соловей;
Где, может быть, в минувши годы
Сражались рыцари мечей,
Громили чухон-дикарей,
И, враг тиранства благородный,
Отчизне гордо изменя,
Садился Курбский на коня,
С душой высокой и свободной! —
Туда идут, рука с рукой,
Отважно, громко восклицая,
Студенты длинною толпой;
И с ними Бахус удалой!
И с ними радость удалая!

7

У прохладительной воды,
Пред домом старца-господина,
Есть полукружная долина.
Дерев тенистые ряды —
Ровесники Ливонской славы, —
Высоки, темны, величавы,
Кругом, как призраки, стоят.
И на лужайке аромат,
И струй веселое плесканье,

И легкий шепот ветерков,
И трепетание листов,
Там всё — душе очарованье
И пища де́вице стихов.

8

Сюда веселость молодая
Пришла на дружественный пир.
О вольность, вольность, ангел рая,
Души возвышенной кумир!
Ты благодетельна, ты гений
Великих дел и вдохновений;
Святая, пылкая! с тобой
Нет в голове предрассуждений
И нет герба над головой.

9

Как милы праздники студентов!
На них приема нет чинам,
Ни принужденных комплиментов,
Ни важных критиков, ни дам;
Там Вакх торжественно смеется,
Язык — не гость и либерал,
Сидишь, стоишь — покуда пьется
И пьешь — покуда не упал.

10

Смотрите: вот сошлися двое!
Бутылки верные в руках,
И видно чувство неземное
В многозначительных очах.
Стекло отрадно зазвенело,
Рука с рукой переплелась,
И в души сладость полилась
Струей шипучей и веселой.

И взоры блещут как огонь,
Лицо краснеет и пылает,
Бутылки прочь — и упадает
Ладонь горячая в ладонь.
Вот величаво и свободно
Уста слилися: раз, два, три
(Не так целуются цари
В часы их радости негодной!).
Свершив приятельский обряд,
Они с улыбкой милованья
Один другому говорят
Свои фамильные названья.

11

Великолепная картина!
Отрада слуху и очам!
Иной гуляет по холмам
И дружно пьет чужие вина:
В устах невнятные слова,
И руки трепетные машут,
И ноги топают и пляшут,
И без фуражки голова!
Вот он стоит — и взором ищет
Неопустелого стекла,
К нему несется как стрела,
И улыбается, и свищет

12

Другой, подъемля к небу взгляд,
Свою бутылку допивает,
Ее колеблет и бросает
К жилищу ратсгофских [1] наяд;
Она летит — она упала
На лоно светлого пруда,
И серебристая вода
Запенилась и засверкала.

[1] Ратсгоф — место пира, загородный дом.

13

А там, разнеженный вином,
В восторгах неги полусонной,
Усильно борется со сном
И по долине благовонной
Беспечно движется кругом;
Руками томно жестирует,
Привстанет, смотрит на друзей
И полупьяных критикует
В свободной смелости речей.

14

Среди смеющегося луга
Звучат органа голоса,
Для пира новая краса;
Обняв пленительно друг друга,
Студенты в радости живой,
Лихие песни напевая,
Кружатся шумною толпой,
И спотыкаясь и толкая...
Чета несется за четой,
Одна другую нагоняет —
И вот слетелися оне,
И вальс в небрежной толкотне
На землю с криком упадает.

15

Уж догорел прекрасный день
За потемневшими горами;
Уж стелется ночная тень
Над благовонными брегами,
Над чистым зеркалом зыбей
И над шумящими толпами
Развеселившихся друзей;
Светило кроткое ночей

То прячется, то выбегает
Из тонкой сети облачка
И светом трепетным слегка
Леса и долы осребряет.

16

А праздник радости кипит,
Не утомясь, не умолкая;
Туманный берег озаряя,
Костер сверкает и трещит.
И в тишине красноречивой
Не побежденная вином
Толпа стоит перед огнем;
Огонь растет и блещет живо
Над разгоревшимся костром,
И вот багряными струями
Восстал высоко, зашумел;
И дым сгустился, почернел,
Слился огромными клубами
И по дубраве полетел!

17

При громе буйных восклицаний
Студенты скачут чрез огонь, —
Так прыгает ученый конь,
Так прыгают младые лани
Через пучину, через ров;
Одежда гнется, загораясь,
И с треском локоны власов,
То развиваясь, то свиваясь,
Во мраке дымчатых столбов
Блестят, как огненное знамя,
На беззаботных головах.
Один промчался через пламя,
Другой запнулся в головнях —
Готов упасть — он упадает,
Но встал и вышел из огней —
И хохот радостных друзей
С улыбкой гордою внимает.

18

И вот иная красота!
Дары забавы благородной!
Рукой отважной и свободной
С плеча нетвердого снята,
Чернея в зареве багровом,
Одежда легкая летит —
Падет, и сумрачным покровом
Костер удержан и покрыт,
Огонь редеет, утихает,
И вдруг сильней, ожесточен,
Ее обхватывает он,
Ее вертит и разрывает.

19

Но полночи угрюмой сон
Лежит по стихнувшим долинам;
Конец студенческим картинам.
Питомец вольности живой,
Питомец радости высокой
Спешит задумчиво домой
И на кровати одинокой
Вкушает сладостный покой.

Суета сует и всяческая суета!

Соломон.

9 мая 1824
Дерпт

* * *

Когда б парнасский повелитель меня, младенца, полюбил; когда б прекрасного даритель меня прекрасным наделил, была б и я поэтом славным; я гласом стройным и забавным певала б громкие дела, отрады Бахуса, вина, Киприды милой упоенья, или подобное тому. Но дар отрадный песнопенья отказан духу моему, и не могу я мыслей, чувства в немногих рифмах

заключить и тоном высшего искусства пред каждым их проговорить.

Я прозой чистою пленяюсь и ею всюду объясняюсь; примите ж в прозе мой привет: «Пусть ангел вашего явленья вас охраняет много лет, и пусть святое провиденье вас удалит от зол и бед! Пусть ваши дни — всегда блистая — лишь видят радость и покой, как легкокрылого дни мая все кажут радость и покой.

Postscriptum

Твердо будучи уверена,
Что вы с удовольствием
Курите сей сорт табака,
Взяла я смелость послать
К вам один фунт
Оного и надеюсь, что
Вы не откажете мне
В благосклонности принять
Картуз сей подарком
На первый день апреля.

1820-е годы

КРАМБАМБУЛИ

Крамбамбули, отцов наследство,
Питье любимое у нас,
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.
Тогда мы все: люли-люли!
Готовы пить Крамбамбули!
Крамбамбули, Крамбамбули!

Когда случится нам заехать
На грязный постоялый двор,
То прежде, чем спрошу обедать,
На рюмки обращу я взор!
Тогда хоть черт всё побери,
Когда я пью Крамбамбули!
Крамбамбули, Крамбамбули!

Когда б родился я на троне
И грозных турок побеждал,
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
Toujour content et sans souci
Lorsque je prends Crambambouli! [1]
Крамбамбули! Крамбамбули!

1820-е годы

ДРУГУ

Не искушай меня бесплодно,
Не призывай на Геликон:
Не раб я черни благородной,
Ее закон — не мой закон.

Пусть слух ее ласкают жадный
Певцы — ровесники ее;
Ей слушать песни их отрадно,
Они для ней своя семья:

Ни вкус, ни век, ни просвещенье
Не разграничивают их;
Ее приводит в восхищенье
Безжизненный, но звучный стих.

Так песнь простая поселянки
Пленяет поселян простых;
Так песни буйные цыганки
Приятней арий для иных.

Не искушай меня бесплодно,
Не призывай на Геликон:
Не раб я черни благородной,
Ее закон — не мой закон.

<1830>

---

[1] Всегда доволен и беззаботен,
Когда я пью Крамбамбули
(франц.). — *Ред.*

* * *

Прочь с презренною толпою!
Цыц, схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен, —
Так в безумном упоенье
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу,
Рифмой бешеной своей,
В поэтические плети
Приударят дураков
И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков!

<1830>

‹КУПЛЕТЫ ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ВАВИЛОНСКАЯ ПРИНЦЕССА»›

ЧЕРТ

Когда счастливый дар поэта
Завесой скромности прикрыт
И им средь суетного света
Младая дева не блестит,

Когда порыв души прекрасной
Она стихом передает
И похвалы толпы пристрастной
Себе не ищет и не ждет, —

Служенье музам освящает
Очарованье красоты,
И мысль и очи просветляет
Огнем возвышенной мечты.

Когда ж на дело вдохновенья
Она незваная идет

И все грехи рифмоплетенья
Выносит нагло пред народ,

Тогда в насмешливом народе
Ей всё в позор обращено,
Она бессмыслица в природе
И полу нежному пятно.

НЕПТУН

Всё, что волны, всё, что воды,
Всё, что море-океан,
Всё, что бури, непогоды,
Надо всем я капитан.

Прежде чем летали флоты
По хребтам седых валов,
Я предвидел анекдоты
Всех отважных моряков.

Про Колумба, Магеллана,
Про де Гаму и других
Всех героев океана,
Знаменитых и простых.

Вот каков я! Суши, мели,
Камни, скрытые на дне,
Неизбежные доселе,
Все давно известны мне!

Всё, что волны, всё, что воды,
Всё, что море-океан,
Всё, что бури, непогоды,
Надо всем я капитан.

Но одно — венца и трона
И трезубца мне милей:
Что почтили Посейдона
Вы любовию своей.

В те часы, как вас пленяли
Сказки витязей морских,
Про меня вы их читали
И меня любили в них.

Я и сам давно волнуюсь
И любовью к вам дышу,
Потому рекомендуюсь
И руки у вас прошу.

ГЕБА С КУБКОМ

Бывало, я, младая Геба,
В Олимпе чашницей была
И на пирах напиток неба
Мироправителям лила;
Теперь же боги баснословья
И папа с ведьмой и со мной
За ваше доброе здоровье
Осушим кубок круговой.

ЗВЕЗДА

Я та звезда, под чьим правленьем
На белый свет ты рождена,
Под чьим властительным теченьем
Твоя красуется весна.

Мы, звезды, царственно гуляем
По беспредельности небес,
Судьбами мира управляем,
И нам подвластен сам Зевес.

В его весов святые чаши
Кладем мы жребии людей,
И я сошла в пределы ваши
С моих лазоревых полей, —

Чтобы тебе, новорожденной,
Открыть грядущий жребий твой:
Он будет светел, озаренный
Тебя хранящею звездой,

И будет ясен и спокоен
И вечно радостен твой взор,
И каждый день твой будет строен,
Как звезд расчисленный собор.

И жизнь твоя пройдет сияя,
Как мы на небе голубом
Проходим, взор обворожая
Своим магическим огнем.

ВЕДЬМА

(Верхом на помеле)

Я в Киеве узнала,
Что пирушка здесь в селе;
Вот коня я оседлала,
Завизжала, засвистала,
Поскакала, поскакала —
Прискакала на метле.

Помнишь, барышня-шалунья,
Ты духо́в к себе звала?
Прилетела я, летунья,
Испугалась ты, шалунья:
«Ах, колдунья! Ах, колдунья!»
И креститься начала.

То-то, барышни, смотрите,
Не играйте волшебством!
С нашей братьей не шутите!
Если ж вызвать нас хотите,
Не гоните, не гоните,
Не гоните нас крестом!

Вот теперь не испугаю —
Я пришла поздравить вас:
В день рожденья вам желаю
Благ, каких сама не знаю;
Поздравляю, поздравляю,
Поздравляю в добрый час!

ТРУБАДУР

Из счастливого Прованса,
Где царем был сам Амур,
Где отечество романса,
Я — бродящий трубадур.
На живых брегах Дюранса
Помню я, что вас видал:
Там вы песни запевали,
Хороводы заплетали,
И оттуда приезжали
Вы к Голицыну на бал.

Как знакомый, в день рожденья
Вам приносит поздравленье
Ваш покорный трубадур:
От живых брегов Дюранса,
Из отечества романса,
Из счастливого Прованса,
Где царем был сам Амур.

АМУР С МЕШКОМ

Знаком я вам иль нет? — Того не знаю,
Хоть ревностно служу у вас в стрелках,
И, егерь ваш, без промаху стреляю
И в юношу и в старика в очках.

И много жертв сразил во имя ваше,
Их тысячи сидят в мешке моем;
Один старик, чуть жив, пищит в ягдташе:
«Ах, сжальтеся над бедным стариком».

ПАПА С КЛЮЧАМИ

И я пришел в день вашего рожденья,
Подобно сим языческим богам;
Я вам принес мое благословенье,
Чего они принесть не могут вам.

Мне донесли, что ваша кладовая
В исправности и взаперти всегда,
Так вот же вам за то ключи от рая,
Но только с тем, чтоб не спешить туда.

Начало августа 1831

* * *

Про графа Строганова слава
    Останется одна:
Что им в Москве учреждена
    Литературная застава.

1845 или январь 1846

СКАЗКИ,
ДРАМАТИЧЕСКИЕ
СЦЕНЫ,
ПОЭМЫ

СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

(Дм. Ник. Свербееву)

Дай, напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,
И не влюбляться. — Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда

Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.
Ну, милая! гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу;
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь и стал
Шалить в лесах и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал,
Безлюдели торговые дороги,
Всё вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги;
Но не было в них пользы ничего:
Вотще в лесах зык рога раздавался,
И лаял пес, и бухало ружье;
Свирепый зверь, казалось, посмевался

Придворным ловчим, продолжал свое,
И наконец встревожил он ужасно
Всё королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего
И объявил: что, кто вепря́ погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужество — королевну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И, сверх того, красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил,
И жениха ей выжидал такого
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был.
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря́:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся,

И хвастают, и ерофеич пьют;
А нет им счастья. — Месяц гарцевали
В отъезжем поле, здесь и тут и там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам —
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух,
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «Ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря́! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать,
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, что́ будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград,
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул. — Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил,
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю́ перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря́
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него;
И молодые зажили счастливо.

Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.

Готова сказка! Весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал и что бессмертен я.
Я совершил не шуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1835

ЖАР-ПТИЦА

Драматическая сказка

1

Царь Выслав и министр его.
Министр держит блюдо с яблоками.

Царь Выслав

Вот яблоки так яблоки, на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи. А вкус! Не то что сахар
Иль мед, — гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо
Из милых уст в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(Кушает яблоко.)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму

И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час
Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же, — прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

Министр

Их было больше, государь!

Царь Выслав

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе,
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом;
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю,
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,
В блистательных чертогах богача,
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах;
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко, и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю

Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Всё-таки поймать!

Министр

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец, я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И всё напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предысторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха,
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост —
Он закипит лучами, словно солнце;
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем всё это от нее ж,
И тишина, такая тишина
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

Министр уходит.

2

Царь Выслав один.

Царь Выслав

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос!
(Ходит по комнате.)
Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как
Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек, —
Ну человек такой, чтобы природа
Могла сказать об нем: «Вот человек!» —
И глуп и мал, как мой последний раб.

3

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует

И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,
Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она дотла опустошит
Наш сад. Да мне, царю, и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий-царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад
И яблоки ворует дорогие;
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий-царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван-царевич?

Иван-царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,

Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но всё напрасно.

Иван-царевич

Что же.
Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван-царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол, и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семечке!.. Авось
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи, ходите
В наш царский сад, по брату кажду ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван-царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

4

Царевичи Димитрий и Василий.

Димитрий-царевич

Ты правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула
Так и влечет и клонит человека:
Шелкóвый луг, весенняя прохлада
И тишина заповеднóго сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий-царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблонью и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь, меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал, и право уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий-царевич

Всё это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица
Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: как нам быть, когда
Иван-царевич...

Василий-царевич

Ты мне странен, брат;
Куда ему! и он проспит, как мы!

Димитрий-царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

5

Те же и царь Выслав.

Царь Выслав

Мне, право, жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим, — что-то скажет
Иван-царевич?

Димитрий-царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий-царевич

Да,
Оно нетрудно, если прилетала...

Димитрий-царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван-царевич! как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

6

Те же и Иван-царевич.

Иван-царевич

Перо Жар-Птицы.

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли!

Иван-царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван-царевич

Очень просто:
Я взлез на яблонь и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился;
Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.
Вдруг вижу, что-то на краю небес,
Как звездочки, заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Всё ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблони — и листья зашумели;
Однако ж я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон,
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав

(рассматривая перо)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! знать, цельно-золотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад Жар-Птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По-прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,
Что ты, Димитрий... Ну, Иван-царевич!

А я грешил: я думал, ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(Целует Ивана-царевича.)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный! Позови

(Василию)

Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

7

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Итак, Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и всё у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: всё как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты —
В бессонницу они празднолюбивы, —
Мои мечты пестрелись и кипели,
Как ярмарка, — и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,

Как юноша, доверчиво и страстно:
Мне хочется, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,
Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван-царевич

Не нужно мне полцарства твоего!
А просто так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван-царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий-царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

*

Царь Выслав

Я это знал, друзья;
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час
Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радошен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу
Под утренним сиянием небес,
При веяньи прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет,
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гульливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорных же бесед и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите как чумы;
Велите ваши сабли наточить
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют пятьдесят два раза прямо в цель!

Прехитрые! .. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты Кизляр-Агу,
Иль Мустафу, а ты, Василий, — Негра!

Димитрий и Василий-царевичи уходят.

8

Царь Выслав и Иван-царевич.

Царь Выслав

Мой друг, Иван-царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды
Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван-царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?
А я сиди прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван-царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука

Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.
Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний — я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;
Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где, что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать...

Иван-царевич

Всё это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что, ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь!

Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови, ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?
Так, я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван-царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто незаметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван-царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван-царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,

Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу!..

Иван-царевич

Так я умру с тоски,
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Всегда, везде, во сне и наяву
И думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван-царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких немного в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;
А в высоте, над пышною столбницей
Заблещут в ярких, золотых лучах
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван-царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма-тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;
Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек без умолку
И потчевать бесчисленных гостей
Обедом, яствами сахáрными, медами,
Вином и пивом, вдоволь, до упаду;
А вечером — музы́ка роговая,
Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск, и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав
(подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван-царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно,
И привезу ее тебе живую!
Царь-батюшка, прощай же, я недолго. . .
Не стану медлить, я готов в дорогу,
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Ухòдит.)

9

Иван-царевич

(в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес,
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,
Несносно скучен! Еду третьи сутки,
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой
И забренчит опущенной уздой,
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь! повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет.)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает.)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, тот будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону,

тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Идти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой верный, добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они.

10

Иван-царевич
(в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?
И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал
И громко топал бурными ногами.

Что растревожил самого тебя
И всё твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк! осиротил меня.

11

Из лесу выходит Серый волк.

Серый волк

Прости меня, Иван-царевич!

Иван-царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван-царевич.

Иван-царевич

Поздно
Ты обо мне жалеешь.

Серый волк

Право жаль,
И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко непреложный.
Ты помнишь, чтó предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,
Но будь спокоен: я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня
И поезжай на мне куда угодно,
Как на коне на самом удалом.

Иван-царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!

Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка.)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

12

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись; а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их нимало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси, а клетку золотую
Оставь как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее
Звончáтые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

13

Царь Долмат и сказочник.

Царь Долмат лежит на кровати, перед ним на полу сидит сказочник.

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ, привыкший в захолустье жить,
Почти бескнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?

Царь был премудр и начал он с начала:
Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось не довольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольный,
Пошел узнать в далеких сторонах
Всё нужное для своего народа;
И всё узнал он собственным трудом,
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:
Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял
Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственно своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут — и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает,
И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!

Нет, погоди! Я слышу... Так, звонят!
И крик и шум, неужели пожар?
Ох! я боюсь пожара как огня!

14

Те же и стража с Иваном-царевичем.

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Всё слава богу! Поймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

Вводят Ивана-царевича.

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван-царевич

Я сын царя Выслава,
Иван-царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Адроновича, что ли?

Иван-царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван-царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные, и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван-царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то
Иван-царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим хоть десяток,
Ученых и бессовестных мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,
Опишут с головы до ног, и всё,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, всё узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!

Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там
Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью;
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван-царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься как с другом,
И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван-царевич

Я согласен.
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь — нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван-царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван-царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван-царевич!

Иван-царевич уходит.

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец,
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов, —
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил, —
Тот... подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный;
А между тем . . . .

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику.)

Мне кажется, тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

15

ТРАКТИР

Хозяйка и двое гостей.

Хозяйка сидит у окна за книгой.
Гости перестают играть в карты.

1-й

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно,
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

2-й

Сегодня
Тебе несчастие: как же быть, мой друг!
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал.

1-й

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капля в море
В сравнении с моими векселями.

2-й

Вольно ж тебе играть на векселя!

1-й

А где мне взять наличных, если нет их!

2-й

Известно где: именье заложи!

1-й

Заложено.

2-й

Продай его.

1-й

Задаром?

2-й

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

1-й

Да чище ли?

2-й

Ты шутишь очень мило.

1-й

Я не шучу.

2-й

Ну, вот уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг, — ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться.
Сыграемся хоть завтра же.

1-й

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

2-й

(записывает и показывает ему книжку)
Смотри же сам. Так, кажется?

1-й

Так точно!

(Встает.)

Как я устал, и голова болит!

2-й

(встает и подходит к хозяйке, припевая)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой».

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый, что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет,
Всегда одета чисто, новомодно,
И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

1-й

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

2-й

Неправда!

1-й

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко

На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри: какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,
Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно —
И поутру и вечером.

2-й

Он проигрался и сердит на всех:
Не обижайся! Это ненадолго!

Входит еще гость.

3-й

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

1-й

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

3-й

Как шла у вас игра?

1-й

Что нового?

3-й

В газетах ничего.

1-й

А в письмах?

3-й

В письмах то же, что в газетах!
Однако ж есть и новость: говорят,

Что будут к нам, на этой же неделе,
И проживут у нас до белых мух,
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денег не жалеют;
А странствуют incognito:[1] один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист, и по большой!

2-й

А в банк?

3-й

Об этом я не знаю; но, конечно,
И в банк играют; ездят же они,
Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем <и> время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде.)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми по-прежнему. Я слышал,
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно, простудились.
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

2-й

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться
С своим здоровьем несколько скромнее, —
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

[1] Инкогнито (лат.). — *Ред.*

3-й

(к первому, смотря на часы)

Для вас же лучше. — Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

Димитрий и Василий-царевичи входят.

Димитрий-царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий-царевич

Шампанского!

(Садится.)

Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

3-й

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий-царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно где гати...

3-й

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий-царевич

Из Дувра.
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем, — приехали и к вам.

3-й

Какая цель поездок ваших?

Димитрий-царевич

Всё,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь

Едва ли есть такие птицы: здесь
Климáт холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

3-й

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

2-й

Дрозды, сороки, воробьи...

1-й

Грачи...

3-й

Тетерева и прочие простые...

Приносят вино и бокалы.

Василий-царевич

(наливая)

Угодно вам шампанского?

3-й

Позвольте
Поздравить вас с приездом!

(К первому и второму)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

1-й и 2-й

(пьют)

С приездом!

3-й

Вино недурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные!

2-й

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

В а с и л и й - ц а р е в и ч

Прекрасное вино!

Х о з я й к а

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

3-й

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Х о з я й к а

Я не знаю,
Все хороши!

3-й

Какое лучше всех?

Х о з я й к а

Ей-ей, не знаю. Я не пью вина.

3-й

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Д и м и т р и й - ц а р е в и ч

Подать рейнвейну!

2-й

И зеленых рюмок!

Д и м и т р и й - ц а р е в и ч

Скажите мне, здесь весело живут?

3-й

Порядочно: умеют есть и пить;
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий-царевич

Всё это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

3-й

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя
И требовать, чтобы так скоро; впрочем,
И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,
Полушампанским, ромом; три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы...

Димитрий-царевич

Есть у вас театр?

3-й

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

Приносят вино.

Вот рейнвейн!

(Смотрит на бутылку.)

Тот самый.

Пьют.

Не правда ли, отличное вино?

Димитрий-царевич

Да, хорошо, хотя и молодое!

3-й

К нам не доходит старое вино.

1-й

А молодое здесь недолговечно.

3-й

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Димитрий-царевич

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

3-й

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий-царевич

Говорите,
Я очень рад...

3-й

Вот вместе с нами — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный, — я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок;
И хлебосол, и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц, — есть премилые, — решайтесь!
Все вас полюбят, примут как родных.

Василий-царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

3-й

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василий-царевич

Я почти согласен.

Димитрий-царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

Димитрий-царевич и Василий-царевич уходят.

3-й

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

1-й

Мне они
Понравились, — особенно вот этот,
Что потчевал шампанским.

2-й

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

3-й

Как умны,
Учены, до́бры, ми́лы!

2-й

Не жеманны:
Я полюбил их, только что они
Вошли.

3-й

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора.
Ведь хорошо я сделал...

1-й

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

3-й

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,
Богатые; их надобно ласкать,
Уметь ценить их.

1-й

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

2-й

Мы гостеприимны.

3-й

Не должно врать...

1-й

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

3-й

Нет, извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

2-й

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

Димитрий-царевич и Василий-царевич приходят.

3-й

(подает им шляпы)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем
Как следует, не рано и не поздно.

Все уходят.

16

Серый волк один.

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила
В нем весело играет и кипит;
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить. Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,

Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван-царевич

Прости меня, мой добрый Серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван-царевич

Я со стены спрыгну́л благополучно,
Всё было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды! не брать узды!» и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул: а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя, —
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи! —
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон и крик, и страшная тревога!
Меня схватили, молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,

Когда ему я службу сослужу.
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,
Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый Серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван-царевич

Эге-ге-ге!

Серый волк

Ну, мой Иван-царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену, — а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство. Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом.
Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекрасною Еленой, и тебе
Отдам ее руками.

Иван-царевич

Добрый волк!
А мне было хотелось самому...
Да всё равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(Садится верхом на волка.)

Пошел же поскорее!

Иван-царевич.

Иван-царевич

(под зеленым дубом)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир;
Журчат ручьи и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем
Под сводом неба ясно-голубым!

А что со мною будет, если волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь, под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малый,
Смел и проворен, служит мне охотой,
Достанет он прекрасную Елену.
Верх совершенства! Стало быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!
Я буду волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену,
Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу,

И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

18

Иван-царевич и Серый волк с Еленой.

Серый волк

Иван-царевич! принимай руками
Прекрасную Елену — вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве.)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:
Я так незапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А в прочем я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван-царевич
(смотрит на Елену)

Жесток ты, волк!

Серый волк

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(Смотря на нее)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых

Подробностей, оттенков и частей
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван-царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи,
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые.
Глаза у ней! Ах, мой Иван-царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,
И светятся они таким огнем
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена

(смотрит кругом себя)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная... Куда
Меня... Так точно, всё это не сон,
Меня разбойники украли, я умру...

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив ни мертв, стоит, как полоненый,
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Всё оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван-царевич тих и благонравен,
Застенчив даже; отвечай скорее,
Иван-царевич, не робей, мой витязь!

Иван-царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка!

Елена улыбается.

Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

Иван-царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, понаслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвавшись с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым; но зато
Преопытным и мудрым, как Уллис.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван-царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту,
Как серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван-царевич

Мне досадно,
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван-царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы
Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты

Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел
Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное
Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души
И каждым чувством сердца вас люблю;
Всё, чем живу и движусь, чем я мыслю,
Желаю, верю и надеюсь, всё,
Всё это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье;
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван-царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменять коня?

Иван-царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван-царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель,
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван-царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону: он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,
Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит
Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной что надобно судьбе!
Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,
Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван-царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван-царевич

Добрый волк!
Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван-царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван-царевич

Как ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак,
Ни за табун коней золотогривых
И ни за что на свете не могу,
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван-царевич
(задумывается)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да, я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,

На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет.)

Серый волк

Не плачь, Иван-царевич!

Иван-царевич

Ах, мой добрый волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

Елена плачет.

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих, — успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван-царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

19

Иван-царевич, Елена и Серый волк. В лесу.

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван-царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им
Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев, — царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным
И мимолетным вешним облакам,
Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!

Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердо
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В унынье, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть, — и наконец решился!
Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван-царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван-царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко,
Игрой души, влюбленной через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —
И я зевнула; он заметил это,
И замолчал и потихоньку вышел,
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь

Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном,
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов
С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.
Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск!
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:

«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг
К потоку чистых вод».

Иван-царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что, право, уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван-царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:

«Я рад сердечно, что у вас характер
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван-царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах,
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями, — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И всё ему не впрок?

Серый волк

Всё суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Что́, почему и для чего; потом
Спросил меня, что́ более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
«Молоденькие шленские барашки».
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась,
И трепетно и робко отвечала:
«Я не противна...» Мы пришли домой,
И он тотчас <же> отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.

День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю, — он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали: прямо в лес!
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель,
Скорее ветра прибежал ваш волк,
По-прежнему готовый вам служить.

Иван-царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и, верно, перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляться заочно...

Иван-царевич

Милый волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван-царевич, я готов на всё
Тебе в угоду: буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу <и> от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый серый волк.

Иван-царевич, Елена и Серый волк.

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу,
И вздыбился и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал, как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «Помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался, — и мигом
К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван-царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня,
И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал,
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван-царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах. Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное;*
Единственно и крепко будьте вы,
Всегда здоровы, радостны; цветите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана-
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.
Иван-царевич! я тебе служил
Усердно; вам, прекрасная Елена,

Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; не долги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван-царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил,
Прости меня и позабудь о том.
А ежели я был тебе полезен
Моею службою — ах, Иван-царевич,
Не поминай же лихом ты меня,
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови их, не вели им гнаться
За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван-царевич, добрый мой,
Прощайте...

(Убегает.)

Иван-царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил, — мой верный
Слуга, какого мне уж не найти...
Я им доволен.

(Плачет.)

Мы домой поедем;
Здесь недалеко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
«Царь-батюшка! я вам привез Жар-Птицу,
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите

Ее, она прекрасна и душой!
А этот конь — он златогривый конь, —
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он недурен,
А резвоног и крепок, добрый конь!»
Ах милая Елена! мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его, — и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.
И что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

21

Иван-царевич убитый, Елена, Димитрий-царевич и Василий-царевич.

Димитрий-царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная, чудесная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?
Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий-царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий-царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий-царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий-царевич

(смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий-царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий-царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий-царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий-царевич

А в Кунигунду?

Димитрий-царевич

Неправда.

Василий-царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий-царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,

Я говорил... Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий-царевич

Так жеребий, — пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий-царевич

Пожалуй!

Василий-царевич

Вот сейчас.

(Делает жеребьи.)

Димитрий-царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий-царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий-царевич

(вынимает)

Резвый мой!

Василий-царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий-царевич

(вынимает)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий-царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий-царевич

Ты помни же, Елена...

Уезжают.

22

Царь Выслав, Димитрий-царевич, Василий-царевич и Елена *обедают.*

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,
Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,
А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий-царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас всё внове,
Всё будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони
И чтоб скорей обрадовать тебя

Жар-Птицей, — что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий-царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий-царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван-царевич?

Василий-царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий-царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий-царевич

Знать, он заехал чересчур далеко,
Иль заплутался.

Димитрий-царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь! я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу; он дитя!

Ну мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг, Иван-царевич!

(Плачет.)

Елена плачет.

Димитрий-царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий-царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

Входит Иван-царевич, Елена бросается ему на шею.

Елена

Иван-царевич! мой Иван-царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена

Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван-царевич. Он достал для вас
Жар-Птицу, златогривого коня
И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

Василий-царевич

(на коленях)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван-царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Димитрий-царевич

Зависть нас смутила.

Царь Выслав

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

Иван-царевич

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Димитрий и Василий-царевичи

Иван-царевич, добрый, милый брат!
Иван-царевич! будь великодушен!

Иван-царевич

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил

В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович! —
Сказал ему мой добрый волк, — слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым». — «Принесу», —
Сказал ему проворно старый ворон,
И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал,
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они злодеи!
Братоубийцы!..

Василий-царевич

Брат, Иван-царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий-царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван-царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий-царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван-царевич. Встаньте!

Димитрий-царевич и Василий-царевич
(встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван-царевич

Всё забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невеста!

Елена

Ты мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий-царевич и Василий-царевич
(с бокалами в руках)

Да здравствует Иван-
Царевич и прекрасная Елена!

Иван-царевич
(берет бокал)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван-царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза
Как две звезды востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван-царевич

Да здравствует Жар-Птица!

Между 1836 и 1838

СЕРЖАНТ СУРМИН

(Быль)

Был у меня приятель, мой сосед,
Старик почти семидесяти лет,
Старик, каких весьма немного ныне,
Здоровый; он давно уж заплатил
Свой долг отчизне: в гвардии служил
Еще при матушке Екатерине;
При Павле он с Суворовым ходил
Противу галлов. Мой сосед любил
Поговорить, и говорил прекрасно,
О прошлом веке, жарко, даже страстно!
Ко мне в деревню по воскресным дням
Он приезжал, не скучно было нам!
Я вообще выслушиваю жадно
Изустные преданья, в них у нас
Для будущей истории запас,
И мой сосед рассказывал так складно,
Что хоть куда! Один его рассказ
Я повторю стихами, как сумею,
Употребляя в нем прозопопею.
«Вот то-то же! Вы спорите всегда!
В наш век ничуть не хуже люди были!
И что бы вы об нем ни говорили,
А жить нетрудно было нам тогда!
Согласен я, что чересчур любили
Роскошничать и денег не щадили
Тогдашние большие господа!
Зато они гораздо проще были,

Они добрее, мягче были к нам,
Неименитым, маленьким чинам;
В наш век вельможа важный и почтенный
Был неприступен, крут между вельмож,
А с прочими был тих обыкновенно
И миловал полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ее грехов, а ради исправленья!
У нас в полку служил сержантом сын
Какого-то степного дворянина,
Саратовской губернии, Сурмин.
Я знал его, собой он был картина:
Высок и статен, боек и умен,
И не буян, и всем хорош был он;
Лишь та беда, что молодец дружился
Со всякой дрянью, неразборчив был
По этой части; только и ходил
Что на картеж, и к банку пристрастился
Он всей душой и службу позабыл!
И день и ночь, бывало, с игроками,
Как бы прирос к зеленому столу,
Растрепан, безобразен, весь в мелу,
Угрюмый, сонный, с красными глазами!
Мы думали, погибнет наш Сурмин!
А каково отцу, когда он знает,
Как сын живет и время убивает!
Еще гвардеец! Он срамит свой чин!
Однажды он, поутру, занимался
Игрою в банк, вдруг стук шагов раздался,
И шасть курьер: «Кто здесь сержант Сурмин?»
Он боек был, однако же смешался:
«Меня... я...» — «Вы? К светлейшему сейчас
Пожалуйте! Со мною же! Есть дело!»
К Потемкину? Не сон ли? Вот-те раз!
Что ж, так и быть! Сурмин поехал смело
К светлейшему. Роскошных комнат ряд
Сержант проходит; мраморные залы,
Как царские, убранствами блестят,
Полны гостей: вельможи, генералы,
В звездах и лентах, в красных, голубых,
Стоят и ждут! Сержанта мимо их
Ведет лакей учтивый и проворный,

И в кабинет. — «Сюда-с, прошу покорно,
Светлейший здесь, сюда!» Сурмин вошел
И видит: сам Потемкин на кровати
Сидит в пунцовом бархатном халате,
Пьет кофе; возле приготовлен стол
И карты. Князь было взглянул сурово,
Но вдруг сказал: «Ах, это ты! Здорово,
Сурмин! Ты в банк играешь?» — «Точно так,
Играю, ваша светлость, почему же
И не играть? — ответствовал смельчак. —
Мне от того на свете жить не хуже!»
— «Садись! играй со мной, да не робей!»
Потемкин стал метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выиграл сержант пятьсот рублей.
Князь отдал деньги. На другой день тоже
Сурмин был позван к первому вельможе,
Играл с ним в банк, и выиграл опять,
Так и потом история тянулась;
Он рад ее хоть вечно продолжать:
Ему Фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! — Еще и то сказать:
Когда Сурмин по комнатам проходит
Из кабинета князя, как герой,
Сановники кругом его толпой:
Тот руку жмет ему, другой заводит
С ним разговор, и стал Сурмин знаком
Со знатью, стал на балы, маскерады
Он ездить; там ему все рады
И все его ласкают, он в большом
Ходу в кругу высоком; раздружился
Со сволочью, стал книги покупать,
И об чинах, о будущем мечтать,
Процвел душой, совсем переменился!
Стал ездить он в один семейный дом,
Понравился красавице, влюбился
И, верно, скоро будет женихом,
Она согласна! .. Целый город знает,
Что сватовство на лад уже пошло,
А между тем Потемкин продолжает
Играть с ним в банк. Однажды повезло
Светлейшему, и стал он бить жестоко

За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другого утра, нет далеко!
Что будет, будет! Пан или пропал!
Сержант еще играет, — проиграл
Еще и много, денег недостало;
Он проиграл часы и перстень — мало!
Еще играет, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочего, и вот беднее Ира
Сурмин, увы! Спустил всё догола!
Тут князь сказал: «Я больше не играю!
А ты разденься, мне отдай свой долг,
Да и ступай домой». Сурмин примолк,
Глаза потупил. Я воображаю
Его досаду, страх и стыд! Хорош
Он вылетит теперь из кабинета
Потемкина, как раз в толпу вельмож!
И что об нем молва большого света
И там, и там — везде заговорит?
Он счастье знал, и вдруг неосторожно
Всё потерял! Оно, как призрак ложный,
Исчезло, сам он навсегда убит
И для чинов, и для невесты милой,
И для всего, чем сердце полно было.
Беда, беда и только! Князь сердит,
И пристает, и требует ужасно:
Сурмин чуть жив, так и дрожит несчастный!
Весь побледнел, и слезы в два ручья!
«Ах, ваша светлость! Ах, не будьте строги!
Помилуйте! Приходит смерть моя!
Помилуйте!» И повалился в ноги
Светлейшему. «Ну, полно же, вставай! —
Сказал Потемкин, — я твой долг забуду,
Прощу тебе, ты мне лишь слово дай
Не браться век за карты!» — «Век не буду,
Клянусь вам, ваша светлость, никогда
Играть не буду в карты!» Побожился,
И с той поры он бросил навсегда
Картежные беседы, он женился
Превыгодно и службу продолжал;
Украшенный чинами, орденами,

В отставку вышел. Тут он рассказал,
Уж бригадир, какими он судьбами
Исправился и человеком стал:
Он молод был, связался с подлецами,
И в шайке их он вовсе бы пропал...
Отец услышал про его несчастье,
И написал письмо чрез одного
Старинного знакомца своего
К светлейшему, прося принять участье
В житье-бытье заблудшего сынка,
И князь исполнил просьбу старика!»

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Скачков, Власьев, Хворов, Дрянской, Пронской.
Все навеселе в разных градусах.

Скачков

Уж пить, так пить. Держаться середины
Я не могу: оно и мудрено,
Здесь, например, когда такие вины
Нам предстоят, как вот мое вино!
Кипучее, разгульное, живое,
И светлое, и светло-золотое!
Люблю его и пью его давно,
Как верный друг ему не изменяя
С младенчества. Ах, юность удалая!
Друзья мои, зачем она прошла!
А хороша, как хороша была!
Пора надежд, восторгов и желаний!..
Да, господа, хочу я предложить
Один закон для наших заседаний —
Закон равенства: поровну всем пить,
Чтоб не было различных состояний
В кругу друзей, и были б все равно...
Согласны вы?

(Пьет.)

Прекрасное вино!

Хворов

Согласны.

Дрянской

Я согласен, утверждаю,
Закон премудрый!

Скачков

Я провозглашаю
Торжественно, теперь же укрепим
И навсегда...

Пронской

Нет, нет, мы не хотим,
Мы отрицаем.

Власьев

Думаем иначе;
Я докажу, что этакий закон,
Закон равéнства, вреден и смешон,
Всегда, везде, в кругу друзей тем паче.
Где всякий дома, всякому должно
Быть весело.

Дрянской

И всякий пей свободно,
Как, и когда, и что ему угодно:
Вот наш закон!

Скачков

(пьет вино)

Вкуснейшее вино!
Я им доволен: утешений много
В нем нахожу, им освежаюсь я.
Друзья мои! Идя земной дорогой,
Мы охаем под ношей бытия,
Мы устаем, трудяся до упаду;
Так нам, ей-ей, отрадно иногда
Освободить плеча из-под труда
Жестокого, прилечь под тень, в прохладу,
И скушать две-три кисти винограду!

Хворов

Ты говоришь, Скачков, как бы поэт...
Мысль не нова, а выражена мило.

Скачков

Я не поэт, однако ж время было,
Я писывал то песню, то сонет
Красавице; я предавался мрачно
Своей любви и гордо воспевал
Тоску, луну и всё...

Хворов

Ты подражал...

Скачков

Кому это?

Хворов

И подражал удачно
Кубенскому, который в свой черед
Сам подражал, сам корчил он Викто́ра
Гюго.

Скачков

Ты прав. Я избегаю спора:
Вы, критики, несноснейший народ!
А впрочем, как бы вы ни рассуждали,
Кубенской был решительно поэт,
Каких еще немного мы видали;
Умен, учен и, двадцати трех лет,
Он понял жизнь, на мир глядел глубоко,
Великое и доброе постиг,
Трудолюбив, прочел он груды книг,
Знал языки; стоял бы он высоко
В словесности. Ах, братцы, жаль его!
Нежданная, ужасная утрата!
Мы все его любили так, как брата,
Как гения, поэта своего!
И вдруг он умер. Помню очень ясно,
Как вместе мы встречали Новый год,
Все вместе у Кубенского. Прекрасный
Тогда был пир! И новый настает,
А лучший друг к своим уж не придет!

Хворов

Прилично бы в его поминовенье
Всем по стакану. Выпьем же, друзья!

Пьют.

Скачков

Кубенской был нам честь и прославленье,
Роскошный цвет привольного житья,
Он сочетал в себе познанье света
С ученостью, свободу юных дней
И верный взгляд на жизнь и на людей
С веселостью и пылкостью поэта!
Был чист душой, да встретит радость там...
Хвала ему, и мир его костям!

Встают и чокаются.

Власьев

Чтобы у нас об нем воспоминанье
Хранилось свято, сладостное нам!

Дрянской

И каждый год такое ж возлиянье
Свершать по нем.

Хворов

И чаще я готов.

Дрянской

Как молод был и был всегда здоров,
И вдруг он умер!

Хворов

Бренное созданье,
Каков бы ни был человек, наш брат!

Дрянской

И то сказать, он сам же виноват:
Он странен был, зачем он не жил с нами,
У нас, в Москве? Погнался за чинами,
Переменил род жизни и климáт,
Стал день и ночь работать через силу
И заболел, взял отпуск, и скорей
В тамбовскую деревню, там в могилу,
При помощи уездных лекарей.

Хворов

Не помню кто... нет, помню, точно, Тленской
Мне сказывал, что он письмо читал

*

И шесть стихов, которые Кубенской
Перед своею смертью написал
Какой-то тетке...

Власьев

Я прошедшим летом
Не раз ему говаривал: зачем
Москву и нас бросаешь ты совсем?
Останься здесь, займись своим предметом;
Перед тобой великий мир души;
Работай в нем на воле, будь поэтом
Возвышенным и драму напиши!
Он пренебрег тогда моим советом;
Он был упрям.

Дрянской

Он Гегеля не знал
И не любил Кузеня...

Скачков

А читал.

Хворов

И вообще был чрезвычайно странен,
Хотел служить...

Скачков

Да, службу знаю я!
Легко сказать. Послушайте, друзья,
Послушай, Пронской, что ты так туманен?
Нахмурился, в себя препогружен,
Исполнен думы, будто сочиняешь
Закон природы... Кстати б ей закон
На новый год. Нет, знаю, ты мечтаешь
Об Олиньке Варлянской...

Пронской

Всё ты знаешь!
И вот ошибся, вовсе не об ней;
И что тебе? Ведь ты не понимаешь
Ее достоинств.

Скачков

Мрак в душе моей:
Звезда любви когда-то мне светила,
Твоя звезда, но только что манила,
И вот не к ней летят мои мечты!

Пронской

Так и должны...

Скачков

О чем же думал ты?
О чем-нибудь общественном и важном?
Скажи, о чем?

Пронской

Я думал... как в наш век
Усовершился, вырос человек,
В своем быту, в развитии отважном
Своих идей какую бездну сил
Природы он себе поработил!
И как легко и верно правит ими
Теперь уже, а что еще вперед,
Что сделает он силами такими,
Когда им даст повсюдный, полный ход?
Лет через сто — какой переворот!
Гражданственность, науки, всё пойдет,
Когда везде железные дороги...

Скачков

Везде они, о милосерды боги!..
А знаешь ли ты, Пронской, что твоя
Звезда, любовь и радость бытия
Прекрасная прочь от тебя склонила
Свое лицо, весь жар лучей своих
К другому...

Власьев

Как, ужели изменила?

Скачков

Почти что так: у ней уж есть жених.

Пронской

Вот вздор! Когда?..

Скачков

А в эти две недели,
Которые так мимо пролетели
В твоей тиши, в сидении твоем
За книгами и письменным столом,
В живительных, несуетных беседах
С главнейшими светилами времен.

Хворов

Я слышал сам.

Дрянской

Везде, на всех обедах
Уж говорят...

Хворов

Жених в нее влюблен
До бешенства.

Дрянской

Вчера мы поздравляли
Варлянскую. Какие серьги, шали
Он ей дарит!

Власьев

А кто ее жених?

Скачков

Он молодец, проворнее других,
Известный, преизвестный Загорецкий.

Власьев

Вот чудеса! Нашла же за кого...

Хворов

А почему ж не выдти за него?
Он человек богатый, прямо светский,
Чиновный, умный, вовсе ей под стать.

Власьев

Другая бы...

Хворов

Как эдак рассуждать!
Согласен я, другая бы, конечно...
Да в наши дни смешно любить беспечно;
Везде расчет.

Дрянской

А может быть, и вкус;
Простительно...

Пронской

Я, право, не сержусь,
А грустно мне. Я предался сердечно,
Я предался вполне моей любви!
Чистейшие желания мои
Сливались в ней. Мои труды, заботы,
Мои печали, радости и сны
И смелых дум свободные полеты —
Все были ей одной посвящены!
А мир мечты светлее, выше, краше,
Отраднее существенности нашей!
Чудесный мир, он мне знаком, друзья.
В него меня, как в небо, уносила
Моей любви таинственная сила,
И где же он? И нет его! Где я?
Кругом меня опять и мрак и холод
Земных сует, опять я праха сын!
Куда иду? Несчастлив и один...

Хворов

Не плачь, мой друг.

Скачков

Ах, братец, как ты молод!
Вот на и пей! Тоска твоя пройдет.
Поверь ты мне, в вине такая ж сила,
Как и в любви; оно ей антидот.
Я сам любил, мне также изменила
Волшебница, и не твоей чета,

И не в Москве, и чудо-красота,
И немочка, в Германии, на Рейне,
Эмилия; я так же пылок был
И тосковал, но скоро утопил
Огонь любви на месте же, в рейнвейне,
И весел стал, как прежде: вот любовь!

Дрянской

Кубенской прав:
«Не знаю, что любовь?
Стакан вина иль дым священный?
Души припадок вдохновенный,
Иль разыгравшаяся кровь?»

Хворов

Не унывай, садись за книги смело,
Пересмотри Гиббона своего:
Ты сделаешь полезнейшее дело,
Ты мастерски переведешь его.

Дрянской

На что Гиббон? Вот есть над чем трудиться.
Он устарел, прошла его пора...

Власьев

Советую покрепче углубиться
В историю России до Петра
И наконец решить вопрос великой.

Скачков

Который окончательно решен.

Власьев

Не для меня.

Скачков

Ах, Власьев, ты умен
И всё читал, а судишь слишком дико.
Пора же нам оставить нашу старь,
Как ветхий, давнолетний календарь,
И перестать напрасно шевыряться
В родной пыли; пора идти вперед
И нам.

Дрянской

Нет, за Европой гнаться
Нам тяжело; мы не такой народ...

Скачков

Прикажешь нам сидеть, поджавши руки,
Бессмысленно и мертво ко всему,
Что́ движет всех, что́ делают науки
И там и там. Нет, мы по-твоему́
Давно уже погибли бы со скуки.

Власьев

А согласись, что пища есть уму,
Прекрасная, питательная пища —
Уединяться от живых людей
В священный мрак давно минувших дней,
На тихие, смиренные кладбища
Исчезнувших народов и царей!
Ум творческой способностью своей
Влагает жизнь в могилы молчаливы,
И перед ним они красноречивы,
И перед ним века, за рядом ряд,
Встают, идут и внятно говорят;
Как наяву он видит их и слышит,
Он судит их и величаво пишет
Свой суд, в урок позднейшим временам.

Хворов

И я люблю и занимался сам
Историей, особенно Нибуром;
Я начинал его переводить.

Пронской

Мне кажется, что можно бы сравнить
Великого историка с авгуром:
Историк также должен уходить
От шума и приличий современных
На светлый луг холмов уединенных,
Чтоб наблюдать с свободных их высот
Судьбу веков, их вещий крик и лёт...

Скачков

Ну, полно, брат, я не терплю сравнений.

Дрянской

За что это?

Скачков

Нетрудно их набрать.

Хворов

Сравнения до ложных заключений
Доводят нас, и странно б основать
На них науку или вывод целый.

Дрянской

В поэзии...

Хворов

Тогда другое дело:
Там место им, они там хороши.

Дрянской

Как, например, сравнение души
С огнем лампады...

Хворов

Или жизни нашей
С несвязным сном...

Скачков

А молодости — с чашей
Вина. Друзья! давайте ж пить вино,

(пьет)

Пока еще так чисто и прекрасно
Кипит, блестит и пенится оно!

Власьев

(смотрит в окно)

Луна взошла и сыплет свет свой ясный
На белый снег! Серебряная ночь!

(Задумывается.)

Вы помните: такая же точь-в-точь

Она была, когда мы любовались
На вид Кремля, Кубенской с нами был...

Дрянской

И на своих пегасах...

Власьев

Говорил
Торжественно; мы долго восхищались
Величием и славою Кремля!
И где поэт? Его взяла земля
И не отдаст...

Скачков

Скажи ты мне, мой милый,
Ты, Пронской, полно! Ты опять уныло
Задумался, скажи свой приговор:
Ведь ты читал ту книгу? Мир явлений
Из-за могилы, право, сущий вздор!

Дрянской

Однако же, друзья, и до сих пор
Не решено...

Пронской

Об этом много мнений;
Защитники таких духовидений
Зашли уже чрезмерно далеко,
Предположив решительно возможность...

Дрянской

А для ума почти равно легко
Доказывать неложность их и ложность,
Не испытав на деле.

Хворов

Так, ты прав,
Весьма легко, когда не испытав...
Я думаю: обман воображенья...
Иль выдумка, ведь Кернер сам поэт.

Скачков

Невежество иль сумасшедший бред.

Дрянской

Но ежели достойный уваженья
И всем известный человек с умом,
Правдивости и честности примерной,
Как дядя мой, и человек притом
Ученый и ничуть не суеверный,
Сам Тимофей Петрович Волховской...

Хворов

Всё пустяки!

Пронской

Так что же дядя твой?

Власьев

Послушаем.

Скачков

Пожалуйста, недолго.
Рассказывай! Пора нам новый год
Встречать, не то не встреченный придет...

(Смотрит на часы.)

Одиннадцать.

Дрянской

Мой дядя жил за Волгой,
В деревне; был он вообще любим
Соседами, особенно ж с одним
Ближайшим всех, с майором отставным,
С Курковым был он дружен. Сам почтенный
Майор был очень стар и домосед,
Так дядя мой езжал, обыкновенно
По вечерам, к нему играть в пикет;
Они всегда садились в кабинете
Куркова, где висел большой портрет
Хозяина. Майор был на портрете

И в орденах, и в пуклях, и с косой,
И так похож, так дяде полюбился,
Что наконец он выпросить решился
Его себе в подарок. «Нет, друг мой, —
Сказал майор, — нельзя. Помилуй, что ты?
Такой портрет прекраснейший! Работы
Левицкого, тебе какая стать?
Сам посуди, картина дорогая!»
— «Так дай же мне его хоть срисовать», —
Сказал мой дядя. — «Это речь другая!
Возьми, срисуй; однако ж уговор,
Чтоб мой портрет через полгода снова
Был дома!» Дядя взял портрет Куркова
И у себя повесил; а майор
Чрез три дни умер, и его картина
Осталась дяде, другу на помин.
И быть бы так, да сделалась причина!
Раз дядя мой был дома и один;
Была уж ночь; лакеи спать ложились,
А он сидел за книгой... Слышит: вдруг
По комнате пронесся шум и стук
Шагов, идут, и двери отворились!
Вошел Курков, к стене приставил стул,
Портрет достал, со всех сторон обдул,
Под мышку взял и с ним проворно вышел.
Не струсил дядя: тут же он вскричал
Людей и дворню, дом весь обыскал:
Нигде никто не видел и не слышал,
Кто взял портрет, и как пропасть он мог?
Тут вспомнили, что в эту ночь был срок
Послать портрет, по силе уговора,
В майорский дом. Мой дядя съездил сам
В село Куркова, в кабинет майора
Вошел: портрет покойника был там
На прежнем месте. Я вас уверяю...
Не верю сам, а дядя...

Скачков

Знаю, знаю,
И сам могу... Пожалуй, и у нас
В семье хранится этакий рассказ,
Еще от деда, также достоверный...

Хворов

Мы слушаем.

Скачков

У бабушки моей
Был человек, слуга ее, лакей,
Старик Мирон; слуга он был примерный,
Любил мести полы, и мел он их всегда
Так смирно, тихо мел, что господа,
Весьма остро, за то его прозвали
Мироном тихим. Умер он. Так что ж!
Теперь таких усердных не найдешь:
Ленивее и хуже люди стали!
В полночный час Мирон и мертвецом
Ходил мести полы в господский дом
И мел, как прежде. Многие видали
И много раз, и дед мой видел сам,
И бабушка ходила со свечами
В гостиную и наблюдала там,
Как по полу пыль ехала рядами
К дверям сама, а щетки не видать!
Вот вам, друзья, извольте рассуждать!

Хворов

Всё это вздор.

Скачков

А я божиться буду,
Что дед не лгал.

Власьев

Я никакому чуду
Не верю.

Скачков
(садится за стол)

Братцы, новый год встречать
Пора. Друзья, садитесь, начинаю
Желания... Да слушайте ж, друзья,
Садитесь все. Во-первых, я желаю —
Начну с себя, — себе желаю я,

Чтоб я, Скачков, побольше занимался
Делами службы; чтоб любил труды
Полезные; чтоб реже я влюблялся
И реже бы в Армидины сады
Ходил ловить обманчивые взгляды
Сирен; вперед чтоб не был я сердит,
Когда моим товарищам награды,
Места, кресты и всё так и летит;
Чтоб я сидел за важною работой,
А не вертелся в мелочных чинах.
Теперь, мои друзья...

Слышен скрып саней.

Власьев

Подъехал кто-то
К крыльцу... нет, нет...

Хворов

На пегих лошадях.

Скачков

Да слушайте ж! Теперь, друзья, желаю,
Тебе, мой милый Пронской...

Власьев

Нет, сюда
Приехал кто-то.

Скачков

Сядьте, господа,
И слушайте меня, я продолжаю:
Тебе, мой Пронской, на твоем веку
Довольно ты любовных треволнений
Препобедил, тебя твой добрый гений...

Входит Кубенской и обращается к Хворову.

Хворов

Ах, батюшки!

(Вылетая в дверь.)

Артемий, табаку!

Кубенской

Здорово, Пронской! Вот и я с друзьями
Опять...

Все от него отворачиваются в испуге.

Друзья, Скачков!

Скачков

Поди ты! Нет, не я...

Кубенской

Что это вы?.. что делается с вами?
Помилуйте, послушайте, друзья!

Хворов
(вбегает)

Кубенской жив, он жив!

Кубенской

Смотрите сами,
Вот я, Кубенской, тот же...

Власьев

Здравствуй, друг!

Пронской

Ты не сердись, Кубенской: нам сказали,
Что умер ты, так мы не полагали...

Дрянской

Вольно ж пугать нас. Этакой испуг!

Хворов

Все думали... а ты явился вдруг,
Все думали...

Кубенской

Я болен был опасно,
Отчаянно...

Дрянской

Да можно бы дать знать...

Кубенской

Был при смерти, однако ж умирать
Не умер.

Власьев
(обнимает его)

Друг, ты поступил прекрасно!

Кубенской

Я к вам спешил, и вот всего-то с час,
Как я в Москве. Я приглашаю вас,
Друзья, ко мне: мы встретим, как бывало,
Студенчески и этот новый год,
Разгульно, шумно!

Дрянской

Звонко, разудало!

Хворов

Как следует.

Кубенской

Веселый пир пойдет,
Как прошлый раз.

Власьев

И даже веселее
У мертвеца...

Кубенской

Поедем же скорее!
Пора, друзья.

Власьев

Поедем и пойдем.

Дрянской

Подумаешь, вот слухи...

Хворов

Что ж такое!
Не мы...

Кубенской

В Москве прибавят вечно втрое!

Власьев

Какая ночь!

Пронской

Идем же...

Скачков

И поем:
Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus...[1]

Все подтягивают.

1840
Ницца, предместье Мраморного креста

[1] Итак, будем веселиться, пока мы молоды... (лат.). — *Ред.*

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

Комната в трактире.

1

Власьев

Войди! Ах! здравствуй...

Скачков

Здравствуй, брат!

Власьев

Откуда и куда ты?

Скачков

Возвращаюсь
Из дальних стран в Россию.

Власьев

Как я рад
Тебе! Садись.

Скачков

Давно уж я толкаюсь
Меж немцами; пора мне ко своим,
В отечество: отечественный дым...
А ты, здоров? Не так ли?

Власьев

Поправляюсь...
Я хоть куда!

Скачков

Карлсбад тебе помог:
Чудесный ключ!

Власьев

Я им весьма доволен.

Скачков

И есть за что: ты словно не был болен,
Стал молодцом, от головы до ног
Включительно, ты потолстел прекрасно,
Свеж и румян. Ты явишься домой,
Мил и любезен телом и душой.
А между тем ты ездил не напрасно
И для ума, ты бросил высший взгляд
На разные предметы, освежился
От жизни вялой, сонной, прокатился
В Германию. И знаешь ли что, брат?
Женись-ка ты. Покинь свой быт келейный,
Бесплодные работы и мечты
Студентских лет, да смело в мир семейный,
В объятия любви и красоты!
Ты верно счастлив будешь; мне, как другу,
Поверь ты: одинокое житье
Нехорошо, особенно твое,
Сидячее, найди себе подругу
Хариту.

Власьев

Я от этого не прочь
И был бы рад...

Скачков

Давно ты здесь?

Власьев

Недавно,
Однако ж я всё осмотрел исправно:
«Мадонну» и Корреджиеву «Ночь»,
Зеленый свод, — всё видел.

Скачков

И отсюда
Назад, в Москву?

Власьев

Конечно.

Скачков

И когда?

Власьев

Не знаю сам.

Скачков

Кто ж знает?

Власьев

Да покуда
Еще никто.

Скачков

Так у тебя всегда —
Да нет! Скорей в Москву, и я с тобою:
Мы едем вместе, едем, и скорей!
Мне срок уже, мы завтра же...

Власьев

Ей-ей,
Я не могу, готов бы всей душою:
Я должен здесь остаться, а потом
И зимовать, быть может.

Скачков

Я, брат, знаю
Тебя: ой, ой! тяжел ты на подъем,
А впрочем, я надежды не теряю
Сегодня же тебя уговорить...

Власьев

Здесь у меня есть дело...

Скачков

А какое?
Могу ли знать? И полно: всё пустое!
Уж не любовь ли? Ты готов любить...
Ты крайне мягок сердцем.

Власьев

Так и быть:
Тебе открою тайну...

Скачков

Обещаюсь
Хранить ее, и будь уверен, брат,
Что можешь смело...

Власьев

Здесь я дожидаюсь:
Вот видишь ты, любезнейший, хотят
Женить меня.

Скачков

И женят непременно,
И сделают весьма умно, и я
Советую...

Власьев

Хотят женить меня;
И тетки — так у нас обыкновенно —
Племяннику на всем лице земли
Невесту ищут.

Скачков

И уже нашли
Любезную, богато-молодую,
Красавицу?

Власьев

Уж верно, не дурную!
Так дело в том, что здесь теперь я жду
Приезда Кемских: познакомлюсь с ними
И сближуся, и ежели найду
Одну из них согласною с моими

Надеждами, то дело поведу
Скорей к концу; имею повеленье
Особенно принять в соображенье
Зизи, меньшую; впрочем, выбирать
Могу и сам! Как будущее знать?
Быть может, мне судьба определила
Ее; они здесь будут зимовать.
Вот почему, вот, милый мой, в чем сила!

Скачков

Однако же зима уж настает,
А Кемских нет; пошли снега, морозы:
Пора б на место...

Власьев

Северные розы
Не очень хлипки: место не уйдет.
Признаться, брат, и тайное влеченье
К ним есть во мне, мое воображенье
Уже кипит желанием любви.

Скачков

Кипение похвальное, благое.
Влюбись, мой друг: прекрасное земное
Чарует жизнь, лови его, лови...
Носи в груди тот пламень благородный,
Которым вспыхнешь; береги его
Сохранно, свято, как залог того
Небесного... Итак, судьбе угодно,
Чтобы в Москву скакал я одинок.
Путь холоден, и грязен, и далек
Мне предлежит: помчусь нетерпеливо
И ночь и день, и этак доберусь...

Власьев

А я когда-то на святую Русь!

Скачков

Еще успеешь, ты теперь счастливо
Останешься, желанное найдешь
И, верно, славно зиму проведешь

В мечтах любви, в магическом тумане,
В восторге чувств!

(*Смотрит в окно.*)

Какой прекрасный вид!
Трактир хорош?

Власьев

Зато битком набит,
Зато его и любят англичане.

Скачков

Почтеннейший, единственный народ.
Особенно когда их знаешь дома,
У них — как там всё хорошо идет!
Всё крепко, стройно, дельно, всё цветет!
Я в Лондоне жил долго, мне знакома
Великая владычица морей.
Ах, брат, не нам и говорить об ней!
Ты знаешь ли? Ведь я было пустился
В Америку — мне кстати бы и там
Уж побывать; да просто поленился;
Притом же путь по скачущим волнам,
По океану, я и не решился;
И то сказать: ведь я тогда спешил
На Рейн, его видами насладиться,
Как водится; полазить по горам,
По древним башням, каменным тычкам;
Всё это мило! Тут же прокатиться
Хотелось мне по вольным городам:
Хотелось видеть, что такое там?
Зато теперь я знаю совершенно,
Как добрый немец, рейнские края,
И если б не родные и друзья,
Я жить бы там остался непременно
По крайней мере на десяток лет.
Да, Рейн река! У нас подобной нет.

Власьев

Ты говоришь, как будто бы ты знаешь
Россию...

Скачков

Ты меня не понимаешь.
Я думаю, что нет реки у нас
Классической, хоть матушка Россия
И велика: у нас места другие!
Я помню, я приехал в первый раз
На Рейн; была уж ночь; остановился
Я в домике на самом берегу,
Я ехал долго, очень утомился,
Лег спать; ну не могу да не могу
Заснуть, всю ночь я безо сна пробился,
Я был взволнован, голова моя
Так и горела; мысль, что вот и я,
И я на Рейне! — эта мысль глубоко
Во мне кипела, и заря взошла,
Торжественно-спокойна и светла;
Гляжу в окно: сверкает Рейн широкой
В картинных и веселых берегах;
За Рейном горы в утренних лучах,
И там, и там, далеко и высоко,
Старинны башни, замки на горах,
Развалины и прах красноречивый!

Власьев

А ты до них охотник?

Скачков

Не совсем:
Не ревностный, как человек ленивый,
Обозреватель, занятый не тем,
Что он обозревает, хоть иные
Развалины люблю я, но большие,
Изящные, каких не может быть
Там...

Власьев

На тебя не шутка угодить:
Ты был везде.

Скачков

И вправду! Кто подобно
Мне странствовал и видел всё подробно,

Кто видел Рим, и Тибр, и Колизей,
Венецию, Неаполь, кто два года
Таскался по Италии по всей,
Тому вся эта рейнская природа,
Все эти горы, замки, острова
С каштанами и липками, — всё мало,
Безвкусно, пошло, дико, трын-трава!

Власьев

А почему же?

Скачков

Да! Им недостало
Той сладости, той неги, так сказать,
Той мягкости, которые понять,
Почувствовать заочно иль словами
Изобразить решительно нельзя.
Италия — вот сторона моя
Любимая, богатая следами
Великого былого, чудесами
Изящного, веселье и краса
Земли. И что, брат, там за небеса!
Прозрачные и темно-голубые,
И облака румяно-золотые,
Летучие и тонкие... Как жаль,
Что от Москвы до Рима эта даль
Чертовская! Не то бы можно было
Нам ежегодно уезжать туда
От наших зим и жизни преунылой.
Однако же ты не поверишь, милый!
Что даже там я тосковал всегда
По родине, и сам не понимаю,
Как это, отчего бы? Полагаю,
От слишком частой перемены мест
Да от езды без дела и без цели,
И я ж таков, что всё мне надоест,
И скоро, — так-то мне и надоели:
Во-первых, пресловутая страна
Премудрости, науки, вся сполна:
Старинная и новая, пивная
И винная, такая и сякая;
Потом и сам туманный Альбион,

Потом Париж, хотя его соблазны
Невыразимо как разнообразны!
Италия и южный небосклон,
И все картины сладостного юга —
Всё не по мне, всё это не мое!
Хочу к себе, мне только там житье!
Хочу туда, где завывает вьюга,
Стучит мороз; пора и мне пожить
Порядочно, и было б бестолково,
Грешно весь век в чужбине прогостить,
Где для меня уже ничто не ново.
Теперь в Москву покуда. А весной
Переселюсь в деревню — на покой,
На волю и простор уединенья!
Из толкотни мирской и треволненья
В родную глушь, там крепко углублюсь
В свои дела, привыкну постепенно
Любить хозяйство, сельские труды.
Ах, братец! плуг, взрывающий бразды,
Полезнее меча...

Власьев

О, несравненно!

Скачков

Так еду. Что ж прикажешь ты в Москву
Твоим друзьям?

Власьев

Поклоны, рукожатья!
Скажи, что я не праздно здесь живу,
Что у меня есть разные занятья
Ученые, что скоро возвращусь
Домой; скажи друзьям, что я сержусь
На них за то, что пренесносно мало
В них письменной деятельности.

Скачков

Да,
Я то же думал, говорил всегда.
Вот, например, хоть Пронской, славный малый,
Душой, умом возвышенный поэт,
А проку в нем большого также нет!

Его таланта верно бы достало
На важный исторический предмет,
На драмы, на большие сочиненья!
А что же он? Два-три стихотворенья
Коротеньких Парнасу подарит
И целый год потом живет их славой,
Покоясь так почтенно-величаво,
Как будто львом Немейским он покрыт!
Да, я с тобой согласен совершенно:
У нас талант всегда весьма ленив
И много спит.

Власьев

И видеть предосадно,
Как сам себя он губит беспощадно
Бездействием, хотя самолюбив.

Слышен звонок.

Скачков

Звонят к обеду?

Власьев

Да.

Скачков

Я рад сердечно:
Я голоден порядком.

Власьев

Мы пойдем
За общий стол.

Скачков

Хорош он здесь?

Власьев

Конечно.
Прекрасный и с прекраснейшим вином.

Скачков

А то немецкий стол бесчеловечно
Безвкусен. Я известный гастроном.

Уходят.

2

Скачков

О нет, мой друг, любовь моя была
Не высока, телесная, земная,
И вдаль увлечь меня бы не могла,
Мне только что приятно оживляя
Вечерние прогулки, и прошла
Она, как сон, игра воображенья!
А я весьма доволен этим сном,
И лучшего, иного развлеченья
В тогдашнем положении моем
Я не нашел бы; лето жарко было,
И, как нарочно, в окнах у меня
Стояло солнце половину дня
После обеда и меня палило
Неумолимо, вечера я ждал,
Как радости или свиданья с милой,
И чуть лишь вечер, я уж покидал
Свое жилье, летел вкушать прохладу
В соседний сад, тем паче что она
С красавицей была сопряжена;
И находил я верную отраду
В тени дерев, в дыхании любви.
Так прожил я спокойно, беззаботно
Два месяца, потом дела мои. . .

Власьев

Ты будешь пить шампанское?

Скачков

Охотно,

А ты?

Власьев

Нет, я не пью.

Скачков

И, полно, братец, пей!

Власьев

Запрещено.

Скачков

Боишься лекарей?
Поверь ты мне, я это лучше знаю,
Шампанское здоровью не вредит:
Я пью его давно и выпиваю
Помногу, что же у меня болит?
Мне подражай.

(Пьет.)

Почтеннейший, желаю
Тебе, мой друг, чтобы всегда вперед
Ты был далек от горькой чаши вод,
Как я теперь, и пил бы безопасно
Вино, как я.

Власьев

Вино к водáм ведет.

Скачков

О нет! Да, впрочем, на водах прекрасно
Проводят время: там больной народ
Не унывает, лечится гуляя;
Там царствует свобода золотая;
Все запросто, все вместе, все равны:
Там самые высокие чины
Пред малыми чинами не спесивы,
Напротив, тихи, ласковы, игривы
Со всеми, там все пить осуждены
Одну волну, людей нужда смиряет!
Подобная история бывает
И у зверей: ты знаешь, милый мой,
Что точно так в невыносимый зной
И барс и тигр смиренны как ягнята
И с кроткими зверьми за панибрата
На зелени прохладных луговин
Аравии!

Власьев

Как тонко изощряет
Вино твой ум!

Скачков

Оно лишь возбуждает
Его; итак, я буду пить один,
И не спеша. Я чашу наслажденья
По капле пью, как Батюшков велит
Весьма умно; ведь он почти забыт,
А я люблю его стихотворенья:
Прекрасны, нежны, пламенны они,
В них сладость меда, благовонье розы
И жар любви; конечно, в наши дни
Иначе пишут, нынче время прозы,
. . . . Проперций и Парни
Из моды вышли, милые созданья!
Желаю я, чтобы твои желанья
Исполнились! Узнай ее, влюбись
В нее, зачем тебе терять напрасно
Дни юности? Немедленно женись;
Ах, что же я, да это ведь ужасно!
Какой же я рассеянный! Едва
Не позабыл: что, братец, какова
Та с пышными, летучими кудрями,
Что за столом, как раз против тебя...

Власьев

Мила!

Скачков

Мила? А я так вне себя
От этих глаз под черными бровями
И длиннотенными ресницами...

Власьев

И взгляд
У ней как радость.

Скачков

Ясность молодая
В лице, улыбке.

Власьев

Целый мир отрад
Пленительных.

Скачков

Прелестный ангел рая,
Цвет совершенства.

Власьев

Впрочем, и другая,
Ее соседка, очень недурна
И на нее похожа, — знать, меньшая
Сестра ее.

Скачков

Жаль, что она бледна
Как снег и смотрит как-то вяло,
Не ласково, бессмысленно, в ней мало
Огня и жизни, это не по мне,
Не хорошо!

Власьев

Но если бы прибавить
Румянец к этой чистой белизне
Ее лица?..

Скачков

Да кое-что поправить
В ее лице; кроме того у ней
Ни пышных плеч, ни мраморных грудей,
Той сильной, увлекательной приманки
Для вожделений...

Власьев

Говорят они
По-áнглийски...

Скачков

Должны быть, англичанки,
И портер пьют, тем паче милы мне!

(Пьет.)

Да здравствуют прелестные британки!
Да процветают нежные цветы
Высокой и чистейшей красоты!
Откуда едут Кемские?

Власьев

Не знаю:
Они сперва поехали в Париж,
В Марсель и в Ниццу, их не сноследишь;
Итак, я их оттуда ожидаю,
Откуда только ветры могут дуть,
Хоть мне тоска.

Скачков

И полно, друг мой, будь
Неколебим. Бывают ожиданья
И тяжелы и горьки для сердец,
Зато легóк и сладок их венец.
Тебе любовь свои очарованья
Предназначает, много впереди
Тебе отрад; великодушно жди
Грядущего своей судьбы прекрасной!
Мой друг, в тиши семейного житья,
От бурь мирских далеко безопасной,
Прямое счастье. Часто, брат, и я
О нем мечтаю, только что мечтаю:
Не мне оно! Люблю я блеск и шум
И прелесть мира, и везде скучаю!
Живя и наслаждаясь наобум,
Я чрезвычайно скоро пресыщаюсь
Всем вообще и потому скитаюсь
Из края в край, мой беспокойный ум
Всегда чего-то ищет; мне с ним мука
Всегда и всюду, так уже давно...
Так и теперь... Зачем? Куда я? Скука,
Одно и то же, то же и одно,
Томит меня, гнетет и гонит чудно
Домой, зачем? Скучать о тех землях,
Где я скучал недавно. Право, страх
Мне и подумать, как я безрассудно,
В каких я пошлых, явных пустяках
Теряю дни, и месяцы, и годы!
На всем раздолье счастья и свободы
Как расцветала молодость моя
Беспечная! Теперь, когда глубоко
В себя вошел я, вижу, как жестоко,
Но праведно судьбой наказан я!

Я чувствую: я жизнию моею
Пренебрегал, я забавлялся ею,
Шалил я ею, как дитя шалит
Премудрыми, священными листами
Небесной книги.

Власьев

Слишком горячит
Тебя вино.

Скачков

Я истинно сердит
Сам на себя и мрачными глазами
Гляжу на всё, и более всего
На будущность мою, где ничего
Отрадного, несчастная картина!
В ней мысли нет! Что ж этому причина?
Увидишь ты: всё так и быть должно
Со мной, как есть. Причина: не дано
Мне ровно никакого направленья
Первоначально, и в душе моей
Нет ничему приюта, утвержденья
Достойного; от самых юных дней
Высокие, святые впечатленья
Ей нипочем: они блеснут на ней —
И прочь и прочь, следов не оставляя,
Лишь пустоту! Вот, милый друг, какая
Досталася мне доля бытия
Страннейшая! Вот как воспитан я
Бессмысленно! Не только не развиты
Хорошие способности во мне
Природные, они совсем убиты,
Немилосердо в самой их весне!
Вся жизнь моя одно большое горе,
И я не силен горю пособить!
Решительно могу себя сравнить
Теперь с ладьей на треволненном море;
В туманном небе ни одна звезда
Не светит, страшным ревом непогоды
Наполнен воздух, хлещут бурны воды,
Несут ладью и черт знает куда!

И эта мысль меня сопровождает
Везде, как тень, а я ли виноват?
Ты видишь!

Власьев

Вижу, хмель в тебе играет,
Но хмель пройдет.

Скачков

О! счастлив много крат
Тот, кто края чужие покидает
Не горестно и в то же время знает,
Зачем свои родимые края
Он покидал...

Власьев

Вот, например, как я
Покинул их; ты смотришь слишком строго
Сам на себя и на земной свой путь:
Живи на свете просто, как-нибудь,
Как многие, не занимаясь много
Вопросами о жизни и судьбе.
Иначе ты себя лишь раздражаешь,
А пользы нет! И пей.

Скачков

Скажу тебе,
Ты знаешь, нет, ты этого не знаешь!
Ты очень плох и слаб по части вин...
Я думаю, да и не я один,
И многие так думают, что вина,
Когда желаешь всю их прелесть знать,
В виду тех мест и должно распивать,
Где вина те родятся, что картина
Долин, рек, гор, пригорков им родных
Важна при этом деле, украшая
Их действие и дивной силе их
Содействуя и душу восхищая
Невыразимо. Точно так читать
Поэта должно там, где развивался
И возрастал он, там, где, так сказать,
Талант его бродил и разливался.

Немудрено всё это испытать
При случае: так, помню я, бывало,
Ах, как меня вино воспламеняло!
Я разумею рейнское вино,
Бывало, пью, а сам гляжу в окно,
И старец Рейн роскошно предо мною
Блестит, и черный лебедь рейнских вод —
Так величают немцы пароход
На Рейне — пенит волны под собою!
Далече горы, зáмки на горах,
И небосклон в златистых облаках, —
Сильнее вдвое душу восхищает
Живая сладость доброго вина,
Когда в виду прелестная страна...

Власьев

(смотрит в окно)

Красавица британка уезжает!

Скачков

(подбегает к окну)

Не может быть. И точно, ведь она!
Вот хорошо! А я еще не знаю,
И кто они? О! надобно узнать!
Они того достойны.

(Выходит и тотчас возвращается.)

Поздравляю
Тебя, мой милый, можешь перестать
Здесь дожидаться Кемских! Это были
Оне.

Власьев

Оне? Неýжели оне!

Скачков

Из Лондона и скачут в Рим!

Власьев

Жаль мне!

(Задумывается.)

Скачков

Так и тебя, мой друг, воспламенили
Глаза.

Власьев

Ничуть! Ах я чудак, чудак!

Скачков

Теперь тебе не гнаться же за ними.

Власьев

И вот я здесь с надеждами моими,
Как на мели...

Скачков

О, нет! совсем не так.
Утешься, брат! Ведь не с одним с тобою
Случаются невзгоды: такова
Земная жизнь, смирись перед судьбою!
Ей хочется, чтоб ехал ты со мною.

Власьев

Так еду же.

Скачков

(пьет)

Да здравствует Москва!

6 марта 1841
Ганау

ОТРОК ВЯЧКО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Руальд — старый воин.

Вячко }
Бермята } отроки.

Действие в 968 году, в Киеве, на городской стене.

1

ВЕЧЕР

Руальд и Бермята.

Руальд

Ты прав, Бермята, больно худо нам:
Есть нечего, пить нечего, и голод
И жажда долго и жестоко нас
Томят и мучат, и, вдобавок к ним,
Еще и та невзгода, что Изок
Стоит у нас необычайно жарок,
И тих, и сух, и душен невтерпеж.
Из края в край, небесный свод над нами
Безветрен и безоблачен, и блещет,
Как золотой, и солнце так и жжет
Луга и нивы. С раннего утра
До поздней ночи бродишь сам не свой;
И ночью нет тебе отрады: ночь
Не освежит тебя, не успокоит
И спать тебе не даст, вертись и бейся
Ты хоть до слез. . . такие ж точно дни,
Такие ж ночи, помню я, бывали
В земле Сиканской. Уф! какой там жар,
И вспомнишь, так едва не задохнешься, —

Нет, мне мороз сноснее: от него
Уйдешь к огню и спрячешься в одежду.
Не осовеешь; если ж летний жар
Проймет тебя, так от него и в воду
Ты не уйдешь: и в ней прохлады мало,
И весь ты слаб и вял. Да, худо нам,
И больно худо.

Бермята

И реку у нас
Отрезали злодеи печенеги.

Руальд

Всё — ничего, лишь уповай на бога,
Да не плошай, да не робей и сам.

Бермята

Оттерпимся, либо дождемся князя
К себе домой из дальнего похода.

Руальд

Досадно мне, что Претич за Днепром
Стоит и ждет того же. Что б ему
Решиться и ударить, всею силой,
На ратный стан поганых печенегов
И к нам пробиться б. Что тут долго думать?
Бог весть, когда дождемся Святослава?

Бермята

Поди, ему и невдомек про то,
Как мы сидим в осаде, еле живы. . .

Руальд

А князь далеко и не может знать
О нашем горе.

Бермята

Князю что́ до нас;
Он Киева не любит, он его
Забыл совсем, он променял свой Киев
На чужеземный город, и живет
Там весело — и хорошо ему!
Ох, не люблю я князя Святослава.

Руальд

За что это?

Бермята

За то и не люблю,
Что он живет не в Киеве.

Руальд

Ты молод,
И многого нельзя тебе понять
Своим умом; а я старик, я вижу
Подалее, чем ты, молокосос!
Что Святослав не нравится тебе,
Так это, брат, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Он молодец!

Бермята

Мне что́, что молодец!
У нас их вдоволь: всякой рус — не трус!
Ни ты, ни я нигде мы не уроним,
Не выдадим отцовской славы... Солнце
Давно за лес зашло, а нам на смену
Никто нейдет...

Руальд

Знать, сходка задержала.
Чья очередь?

Бермята

Да Вячки.

Руальд

Это он,
Что приходил вчера сюда на стену?
Он мне не полюбился: больно горд он,
Его не тронь, — вишь, он новогородец,
Так и спесив, и с ним не сговоришь;
А парень бойкий!

Бермята

Это был не Вячко,
А Спиря. Вячко тоже парень бойкий;

Его ты, верно, знаешь: он тот самый
Кудрявый, белокурый, быстроглазый,
Что у Ильи-пророка, в расписной
Избе, живет у тетки. Вячко мне
Друг и названый брат; он родом
Из-за Мещеры, из села Рязани.

Руальд

Так, помню, знаю, как его не знать?
Я сам учил его стрелять из лука,
Метать копьем; он малый хоть куда,
Рязанец. Я всегда любил рязанцев,
У нас в походе пятеро их было,
И живо я их помню и теперь:
Народ высокорослый, здоровенный,
Народ мачтовый, строевой, люблю их.

Бермята

Вот Вячко! Ты, брат, легок на помине,
Здорово!

Вячко

Я замешкался, я был
На сходке. Слушай-ко, Бермята,
Ведь ты мне брат, так сделай мне услугу.

Бермята

Изволь, готов и рад я хоть на смерть
За своего.

Вячко

Останься на сторóже
Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я к утру ворочусь.

Бермята

Куда ж ты это?

Вячко

Вот куда! На сходке
Судили и рядили старики
О том, что-де нельзя ли как-нибудь
За печенежский стан, к Днепру, а там

Уж и за Днепр, и Претичу словцо
Сказать, что нам давно уж силы нет
Терпеть беду, — я вызвался; отец
Виссарион благословил меня
На славный подвиг. Я иду — прощай...

Руальд

Ах ты мой милый, ах ты удалец,
Мой ученик! Дай мне тебя обнять;
Храни тебя господь!

(Обнимает Вячко.)

Бермята

Иди, мой Вячко!
Смотри же ты...

Вячко

Не бойся! Я, брат, знаю,
Что делаю, прощай.

(Уходит.)

Руальд
(кричит вслед Вячке)

Прощай, ты встретишь
Фрелафа, так скажи ему, что мне
Не надо смены.

Бермята

Что? каков мой брат?

Руальд

Надежный парень! и поверь ты мне,
Ему удастся... Все они такие...

Бермята

Добрыня тоже родом из Рязани.

(Помолчав.)

Ты говорил про князя Святослава...

Руальд

И говорю, что люб мне Святослав,
Он молодец; он со своей дружиной

Запанибрата; ест, что мы едим,
Пьет, что мы пьем, спит под открытым небом,
Как мы: под головой седло, постеля —
Седельный войлок. Ветер, дождь и снег
Ему ничто. Ты сам, я чаю, слышал,
Как он — тогда он был еще моложе, —
Когда ходили наши на древлян,
Бросался первый в битву. Ты увидишь:
В нем будет прок; он будет государь
Великий — и прославит свой народ.
Да, Святослав совсем не то, что Игорь,
Отец его, — будь он не тем помянут, —
Князь Игорь был не добрый человек:
Был непомерно падок на корысть!
Ведь люди терпят, терпят, — наконец
Терпенье лопнет...

Бермята

Мне княгиня Ольга
Тем по сердцу, что бискупа Лаберта
Из Киева прогнала...

Руальд

Слава ей,
Что приняла она святую веру
От греков.

Бермята

Почему же Святослав
Не принял той же веры?

Руальд

Он бы рад,
Да как ему? Нельзя ж ему перечить
Своей дружине! Праведно и верно
Ему дружина служит; за него
Она в огонь и воду; крепко
Стоит она за князя, так еще б он
С ней ссорился... Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здесь
И сторожи: не спи и не зевай.
Давно уж ночь. Какая ночь, как день!

2

РАССВЕТ

Руальд и Бермята.

Руальд

Прекрасный остров, дивная земля,
Всем хороша. Не слушаешь, товарищ?
Кажись, тебя осиливает сон.

Бермята

Нет, я не сплю, я слушаю тебя;
Я никогда не пророню и слова
Из твоего рассказа: сладко мне,
Мне весело душой переноситься
С тобой в твои отважные походы —
В толпы бойцов, в тревоги боевые,
В разгульный стан и братский шум и пир,
В прохладные войнские ночлеги;
В чужих полях, при блеске новых звезд,
Летать с тобой в ладьях ветрокрылатых
По скачущим, сверкающим волнам
Безбрежного лазоревого моря,
Или, в виду красивых берегов
И городов невиданной земли,
Причаливать — и тут же прямо в бой...
Я слушаю.

Руальд

Сиканская земля
Всем хороша: кругом ее шумит
И блещет море, чисто и светло,
Как синий свод безоблачного неба;
На ней оливы, лавры, виноград
И яблоки с плодами золотыми!
И города из тесаного камня
Обведены высокими стенами,
Богатые и людные; и села,
И села — все из тесаного камня,
Богатые и краше, крепче наших
Родимых деревянных городов
И сел. — Одним она нехороша:

Стоит на ней, на самой середине,
Огромная, престрашная гора,
Высокая-высокая, такая,
Что верх ее до самого до неба
Достал, и облака не залетают
На верх ее, и в той горе огонь, —
И есть жерло́, и черный дым выходит
Из той горы, и с той горой бывает
Трясение — и молнию и жупел
Она бросает из себя. В ту пору
Находит страшный мрак на землю; ужас
И трепет обнимает человека
И зверя; люди вон из городов
И сел бегут и, словно как шальные,
Шатаются, и падают, и во́пят!
А из горы огонь столбом встает,
Горячий пепел сыплется, и камень
Растопленный течет, и потопляет
Он целые долины и леса,
И города и села; вся земля дрожит
И воет; и подземный гром и гул
Ревет; и нет спасенья человеку,
Ни зверю...

Бермята

Как же там живут?

Руальд

Живут себе...

Бермята

Не весело ж там жить!

Руальд

Не весело там — ах ты голова!
Ведь не всегда ж бывает там такое
Трясение. Беды́, брат, есть везде,
И нет от них пощады никаким
Странам; одно от всяких бед спасенье,
Одно, везде, для всех людей одно
Спасение: святая наша вера!
Вот и на нас нашла теперь невзгода!
Как быть, терпи...

Бермята

А Вячки нет как нет!
Давно уж рассветало — где ж он?..

Руальд

Ты, чай, слыхал, как на Царьград ходили
Аскольд и Дир?

Бермята

Как не слыхать! А что?..

Руальд

Свирепая, неслыханная буря
Рассеяла и в море потопила
Почти что всю ладейную их рать.

Бермята

И это знаю.

Руальд

Отчего ж та буря
Взялась?

Бермята

Не знаю, не могу и знать.

Руальд

А я так знаю! — Вот как было дело:
В то время был у греков царь негодный...
Как бишь его? Василий? не Василий...
Лев? нет, не Лев — какой он лев! Никифор?
И не Никифор, — так вот и вертится
На языке, а нет, не вспомню, — царь
У греков был негодный, и такой
Беспутный и смертельный лошадинник,
И был он так безумен, что, бывало,
Война уже под самые под стены
Пришла к его столице, а ему
И горя мало; он о том и слышать
Не хочет; знай себе на скачке, у него
Там день-деньской потеха: тьма народу,
И шум, и пыль, и гром от колесниц —
Беспрестанно...

Бермята

Посмотри: бежит!
Ведь это Вячко! Точно, это он,
Мой друг и брат мой...

Входит Вячко.

Вячко

Знай же наших!
Конец беде, уходят печенеги!

Руальд

Рассказывай!

Бермята

Рассказывай скорее!

Вячко

Я запыхался, я бежал сюда
Что стало силы, — дайте мне вздохнуть...
Ну, отдышался, — вот и хорошо...
Вчера я в руки взял узду... и вышел
Из города; тихонько я пробрался
В стан печенегов и давай по стану
Ходить; хожу, встречаю печенегов,
Кричу им их собачьим языком:
«Не видел ли кто моего коня?»
А сам к Днепру, — и к берегу, и скоро
Долой с себя одежду! — Бух — и по́плыл.
Злодеи догадались, побежали
К Днепру толпами, и кричат, и стрелы
В меня пускают. Наши увидали!
И лодку мне навстречу, я в нее
Прыгну́л да был таков! И вышел
Я на́ берег здоров и цел. Господь
Спас и сберег меня. Сегодня,
Как только что забрезжилась заря
На небе, Претич поднял стан свой,
И трубы затрубили; печенеги
Встревожились, встревожился их князь
И Претича встречает: что такое?
«Веду домой передовой отряд,

А вслед за мной со всей своею ратью
Сам Святослав!» — сказал наш воевода.
Перепугался печенежский князь
И прочь идет от Киева со всею
Своей ордой. Чу! трубы! Это наши!
Идем встречать их.

Бермята

Славно, славно, брат!

Руальд

Спасибо, Вячко! Ты спасенье наше,
Счастливый отрок, честь родной земли!

27 ноября 1844

ЛИПЫ

> И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.
>
> *Карамзин*

1

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Петр Ильич Хрулев уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово, думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчетисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блистает он чинами и звездами,
Он и богат, и знатен, и силен,
Чего ж ему, о чем же думал он?
Быть может, он воспоминал тоскливо
Прекрасные, былые дни свои
И молодость, когда он цвел счастливо
Избытком сил, для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался
В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умен, и мил, и ловок, и остер,

И привлекал к себе огнистый взор
И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он воспоминал те дни
И думал: «Ах, зачем прошли они!»

Они прошли как сон пустой; а ныне
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один, и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит
И знает, что добра из них не выдет;
Тоска ему, невыносимо дик
Его большой Бузанский пашалык:
Сама его столица как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нем кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.

И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. «Крумахера ко мне!»
Лакей ушел. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где всё еще и пошло и уныло,
Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая,
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?
Где я возьму такую тьму людей?
Бульвар велик; нет, это слишком скоро!
Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день, — да где их столько и набрать?

Лес за семь верст! И лес какой же? Хвойный!
А липы редки в этой стороне,
А нужны липы; что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно,
И мысли в нем, одна другой черней,
Как волны вод, когда ревет Борей.

Вошел Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объяснил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело —
И чтоб оно без устали кипело:
Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьем из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,
И для поливки буду высылать
Моих пожарных». — «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара», —
Заметил князь. — «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые; ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»
И князь сказал: «Поди же торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».

Ушел Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лег, и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То, ясная и яркая, сияет

В лазурном небе; то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет,
И лунный свет в стекле ее живом
Рассыплется огнем и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задернута налетным облачком.
Земля уснула будто райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи;
Сон видит князь: с министром он сидит,
И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,
В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своем
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь, и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданью своему:
Министр доволен, весело он ходит,
Всё хорошо, всё нравится ему,
Всё сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражен приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощен —
И три разá он видит тот же сон.

2

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такою ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.
Его жена любила так же нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно,
И процветал Алинин сад, предмет
Ее живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной, и сама,
Еще при ней, деревья в нем садила —
Не просто; нет, она была весьма
Замысловата: при саженьи сада
Не только что прогулка иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в ее саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб легкий шум густых его ветвей,
При месячном сияньи тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Ее семью и дружбу и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иваныч Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж ее Петр Федорыч Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,

Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер —
Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны
Мстиславские: Елена и Полина, —
Красавицы! А вот семейный мир
Хозяйки: вот ее мама́, Кристина
Егоровна; папа́, аптекарь Шмир,
Иван Иваныч; дядя Карл Иваныч;
Вот муж, аптекарь Николай Богданыч
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюбленная, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених ее гулял
И в первый раз ее поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна
Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лип, и сетчатые тени
Падут на луг, — Алина здесь блуждать
Любила и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенен горой
От северного ветра, многотенен
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда ее семейная картина
И двое-трое милых ей гостей

В ее саду, в тени его ветвей,
Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрад
Блехшмидт, портной, его табачный брат;
С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Миною фон Флит
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной,
Сидел у растворенного окна.
Он занимался важно медициной
И рылся в толстой книге, а жена
Чулок вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах боже мой! Крумахер к нам идет!
Что это значит?» — жалобно сказала
Алина и хотела выдти вон;
Но в дверь стучат. Так точно, — это он.
И муж ее немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился
И сел. Сначала он заговорил
О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливмя льет;
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевел к бульвару
Свои слова, и наконец довел
Их и до лип, а тут он перешел
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар, и скоро, перевесть,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил! — Эта весть
Хозяину пришлася не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву

Он видел в ней; Алина же чуть-чуть
Не обмерла, не смела и дохнуть;
Но Николай Богданыч приободрился,
Вскочил со стула, выступил вперед
И объявил, что лип он не дает,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»
Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним нимало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил,
И то сказать — Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят, и честный,
И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить или над ним
Ругаться! Пусть живет благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад — его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.
Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный,
Он этого не сделает. О нет,
Ты лжешь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошел ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

3

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея: он курил
Гаванскую сигару, раздевался
Прохладно и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правою рукой
Крумахера): «Послушай ты, косой,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:
Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное, смотри,
Чтобы всё шло без шума, тихомолком.
Пожалуйста, получше всё уладь!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими и вырой сотню лип —
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы, и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще, — наш народ лентяй, —
Ступайте же». Крумахер потянулся,
Прилег к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно — и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся
До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;
Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Еще дымились; рощи и поляны
Сверкали переливною росой
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрени протяжно приглашая

Благочестивый православный люд...
Крумахер встал, и глядь: к нему ведут
Купца Жернова. «Это что такое?»
— «Лип не дает, кричит и гонит вон!»
— «Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уймем».
(И ну его гордовым чубуком!)
«В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему...»
(И отвели несчастного в тюрьму.)
«А ты, Мордва, ты, право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный, — ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки, — плох ты, брат!
И больно плох, и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,
Как я велел, всё сделай поскорей,
Да, ради бога, будь ты посмелей!»
Мордва ушел. Работою живою
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нем и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густою
Играл прохладный, вешний ветерок
И падала роса их на песок.

Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина; дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,
Как он пойдет и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут, и плачут и кричат:
«Папа́, папа́, иди скорее в сад;
Мама́ больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». Он бежит,
И что ж он видит: замертво лежит

Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла:
Несчастный муж! — Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: всё делается живо.
Помехи нет ни в чем, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова, —
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле,
Бульвар, еще до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,
Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

9 апреля 1846

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собой полное собрание произведений Языкова.

При жизни поэта стихотворения его (далеко не полностью) были изданы тремя отдельными сборниками: «Стихотворения Н. Языкова». СПб., 1833; «56 стихотворений Н. Языкова». М., 1844; «Новые стихотворения». М., 1845.

Первая попытка собрать воедино произведения Языкова была сделана уже после его смерти П. Перевлесским при участии брата поэта А. М. Языкова («Стихотворения Н. М. Языкова», тт. 1—2. СПб., 1858). Сюда вошли не только стихотворения Языкова, включавшиеся ранее в сборники, но и часть из того, что было рассеяно по журналам и альманахам или вообще не печаталось. «Стихотворения» были снабжены биографическим очерком и краткими, главным образом библиографическими, примечаниями. В 1-м томе были собраны критические отзывы о произведениях Языкова. Помимо неполноты, достоинства издания снижает небрежная подготовка текста и грубые ошибки в датировке.

Несколько большей полнотой и исправностью отличается собрание стихотворений Языкова, вышедшее в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина («Стихотворения», чч. 1—2. СПб., 1898), подготовленное А. А. Флоридовым, хотя и оно не охватывает полностью даже публиковавшиеся в периодических изданиях произведения, не говоря уже о рукописном наследии.

Первое полное собрание и вместе с тем первое научное издание стихотворений Языкова вышло лишь в советское время под редакцией М. К. Азадовского («Полное собрание стихотворений». М.—Л., «Academia», 1934). Для этого издания было обследовано большинство журналов и альманахов 1820—1840-х годов, использованы позднейшие публикации и накопленные к этому времени в архивных хранилищах страны рукописные материалы. В книгу вошло 80 стихотворений, не включавшихся ни в одно предшествующее собрание, и 25 ранее не опубликованных. В Примечания к сборнику вошли сведения библиографического, текстологического, историко-литературного и реального характера.

Хотя М. К. Азадовский при выборе источника текста не всегда обоснованно отдавал предпочтение рукописям, «Полное собрание

стихотворений» до сих пор является основополагающим для издания и изучения поэтического наследия Языкова.

В 1948 г., также под редакцией М. К. Азадовского, вышло избранное «Собрание стихотворений» («Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1948), где были пересмотрены некоторые текстологические решения издания 1934 г., устранен ряд вкравшихся туда неточностей. Состав произведений Языкова был пополнен здесь пятью новыми стихотворениями (4 — напечатано впервые).

В настоящем собрании печатаются еще 4 новых стихотворения Языкова (3 — впервые). В то же время из состава произведений поэта выведен «Дом сумасшедших в Дерпте», принадлежащий И. Вилламову (обнаружен черновой автограф).

При подготовке сборника были снова обследованы журналы и альманахи 1820—1840-х годов (что позволило выявить несколько первых публикаций); тексты — заново проверены по имеющимся печатным и рукописным источникам.

В отличие от издания 1934 г., в основу текста, как правило, положены последние авторские редакции произведений, освобождаемые, в случае надобности, от посторонних вмешательств (цензура, редакторские смягчения и т. п.).

Особенностью текстов Языкова, которую необходимо учитывать при установлении основного источника текста, является большое количество автографов, авторизованных и авторитетных списков одной редакции, отличающихся друг от друга мелкими разночтениями. Это явление объясняется тем, что Языков, написав стихотворение, тут же вписывал его по памяти в ряд альбомов, сообщал в письмах, давал переписывать или диктовал друзьям. Часто эти автографы и списки датированы, однако считать рукопись, помеченную более поздним числом, более поздней редакцией текста нет оснований, принимая во внимание причину появления разночтений.

Рукописное наследие Языкова рассредоточено по разным архивохранилищам. Большая часть рукописей хранится в Ленинграде, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В Пушкинском доме находится архив Языковых (переписка, автографы, списки), там же альбом А. М. Языкова, альбомы А. А. Воейковой, А. Н. Очкина и ряд автографов и списков, находящихся в других собраниях.

В Публичной библиотеке рукописи Языкова находятся главным образом в бумагах и альбоме М. Н. Дириной, в письмах Языкова к А. Н. Вульфу. Отдельные автографы и списки стихотворений есть в бумагах М. Н. Погодина, С. П. Шевырева, в собрании автографов и других фондах.

В Москве наибольшее количество языковских материалов собрано в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина и в Центральном Государственном архиве литературы и искусства. В Библиотеке им. В. И. Ленина находятся бумаги Н. Д. Киселева, архив Елагиных, письма М. П. Погодина и др. Особый интерес представляют бумаги Н. Д. Киселева, содержащие письма Языкова, автографы и списки его стихотворений дерптского

периода. Копии с бумаг Н. Д. Киселева, сделанные В. И. Шенроком (не вполне точные), хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (бумаги Бартенева). Там же хранятся и другие рукописи Языкова, в частности автографы и списки, находящиеся в альбоме М. Н. Дириной и в коллекции С. А. Рачинского (Татевский архив).

И В. И. Шенрок, и М. К. Азадовский называют среди бумаг Н. Д. Киселева его альбом с автографами и списками стихотворений Языкова, хранившийся у Н. П. Киселева и переданный затем в Библиотеку им. В. И. Ленина.[1] В настоящее время обнаружить этот альбом не удалось, хотя все поступившее в Библиотеку им. В. И. Ленина от Н. П. Киселева (внучатый племянник Н. Д. Киселева) в настоящее время разобрано и описано. Переданная из этого собрания в Пушкинский дом записная книжка Н. Д. Киселева под названием «Альбом Н. Д. Киселева» не содержит языковских текстов. В издании 1934 г. и в издании 1948 г. М. К. Азадовский условно называет альбомом Н. Д. Киселева «Альбом и бумаги Н. Д. Киселева». Неясность этого указания затрудняет поиски альбома (материалы, имеющиеся в настоящее время в архиве Н. Д. Киселева, не вполне совпадают с находившимися, по указанию М. К. Азадовского, в альбоме Киселева. Возможно, однако, что эти несовпадения вызваны тем, что в процессе подготовки текста М. К. Азадовский пользовался копиями Шенрока; с подлинными материалами ему удалось ознакомиться уже в то время, когда книга была в печати).

Произведения Языкова расположены в настоящем собрании по хронологическому принципу. Сказки, драматические сцены, поэмы — выделены в особый раздел.

Датировки уточнены по переписке Языкова, выявленным первым публикациям, по вновь найденным рукописным источникам. Альбомные даты (под автографом или списком), при отсутствии прямых противопоказаний, принимаются за точные (хотя и есть известная опасность, что некоторые из них указывают на время записи в альбом, а не на время написания стихотворения). Датировка издания 1833 г., как правило, неверная (Языков, видимо, нарочно смещал здесь даты, не желая прикрепления целого ряда стихотворений к определенному времени и лицам), принимается во внимание только в случае отсутствия других, прямых или косвенных, указаний на время написания (в примечаниях датировка издания 1833 г. оговаривается).

Даты первой публикации (или год, не позднее которого написано произведение) заключены в угловые скобки; даты предположительные отмечены вопросительным знаком.

Как и в изданиях М. К. Азадовского, в настоящем издании унифицированы заглавия посланий Языкова: расшифрованы (если адресат несомненен, без угловых скобок) буквенные обозначения сборника 1833 г. («П — ру» — «Пельцеру»; «А. Н. В — у» — «А. Н. Вульфу») и заменены инициалами имена и отчества сборника 1845 г.

---

[1] См.: М. К. Азадовский. Судьба литературного наследства Н. М. Языкова. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 357.

(«Каролине Карловне Павловой» — «К. К. Павловой»). В примечаниях первоначальное название оговаривается.

Как правило, не воспроизводятся в тексте, но оговариваются в примечаниях указания на место написания произведения (в большинстве случаев неверные), имевшиеся в прижизненных сборниках. Исключение делается для стихотворений заграничного периода: здесь эти указания соответствуют действительности и важны для понимания текста.

В примечаниях указывается первая публикация, последующие изменения текста и основной источник, по которому печатается текст. Сведения о простых перепечатках не даются. Ссылка на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст более не перепечатывался или перепечатывался без изменений.

Ссылки на автографы и списки произведения, идентичные указанному печатному тексту или близкие к нему, даются непосредственно после этого источника. Наличие разночтений оговаривается. Если рукописный источник с разночтениями был опубликован, ссылка на публикацию дается тут же, в скобках. Если при указании на рукописный источник нет сведений о месте хранения, это означает, что он известен только по сведениям, имеющимся в печати.

Указание на список дается в случае отсутствия автографа или при наличии в авторитетном списке разночтений.

Настоящее издание не дает полного свода вариантов. Приводятся лишь наиболее интересные и значительные (иногда другая редакция целиком). Разночтения печатных источников даются по отношению к основному источнику текста (последней авторской редакции).

Подпись Языкова в печатных источниках указывается в случае, если она не совпадает с двумя видами обычной подписи поэта: «Языков», «Н. Языков».

Исправление явных опечаток не оговаривается.

При ссылках на «Языковский архив» страницы указываются лишь в том случае, если не указывается дата письма.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным; сохранены только те индивидуальные и исторические особенности правописания и произношения Языкова, которые имеют произносительное или ритмическое значение.

Пояснение мифологических имен, устаревших и малоупотребительных слов вынесено в словарь.

В разысканиях в области немецкой литературы существенную помощь оказал Л. Е. Генин.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

А. М. Я. — Александр Михайлович Языков, брат поэта.

Альбом Воейковой — альбом А. А. Воейковой (1821—1825 гг.), с автографами и списками стихотворений Языкова (Пушкинский дом).

Альбом Воейковой (Бреверн де ла Гарди) — Альбом А. А. Воейковой из архива гр. Н. А. Бреверн де ла Гарди, содержащий списки стихотворений Языкова (Пушкинский дом).

Альбом А. М. Я. — альбом А. М. Языкова с копиями его рукой и автографами стихотворений Языкова 1822—1846 гг. (Пушкинский дом). В каталог ошибочно включен под названием: «Альбом Н. М. Языкова».

Архив Дириной — Бумаги и альбом М. Н. Дириной (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Архив Киселева — Бумаги Н. Д. Киселева (Государственная библиотека им. В. И. Ленина).

Архив Октябрьской революции — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР в Москве.

Б — «Благонамеренный».

БЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Изд. 1833 — Стихотворения Н. Языкова. СПб., 1833.

Изд. 1844 — 56 стихотворений Н. Языкова. М., 1844.

Изд. 1845 — Н. Языков. Новые стихотворения. М., 1845.

Изд. 1858 — Стихотворения Н. М. Языкова, тт. 1—2. СПб., 1858, под ред. Перевлесского.

Изд. 1898 — Н. М. Языков. Стихотворения. «Дешевая библиотека» А. С. Суворина, чч. 1—2. СПб., 1898.

Изд. 1934 — Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. М.—Л., «Academia», 1934. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского.

Изд. 1948 — Н. М. Языков. Собрание стихотворений. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1948. Вступительная статья, редакция и примечания М. К. Азадовского.

ИОРЯС — «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук».

М — «Москвитянин».

МВ — «Московский вестник».

МН — «Московский наблюдатель».

НА — «Невский альманах».

НЛ — «Новости литературы».

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

ПЗ — альманах А. Бестужева и К. Рылеева «Полярная звезда».

РБ — «Русский библиофил».

С — «Современник».

«Соревнователь» — «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды вольного общества любителей российской словесности»).

Ст. — стих.

Стих. — стихотворение.

СЦ — «Северные цветы».

Тетрадь 1846 — тетрадь со списками стихотворений Языкова и поэмы «Липы», составленная, по всей вероятности, уже после смерти Языкова для издания 1858 г. Списки (кроме «Лип») изобилуют грубыми описками переписчика.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ЯА — Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К Ал. Кулибину («Не часто ли поверхность моря...»). Впервые — «Соревнователь», 1819, № 4, стр. 90, под названием «Послание к К...у». Печ. по НА на 1831 г. СПб., 1831, стр. 87, подпись: Н. Я., с исправлением опечатки в заголовке. В «Соревнователе» редакция сопроводила стихотворение примечанием: «Общество <т. е. Вольное общество любителей российской словесности> в поощрение возникающих дарований молодого поэта, воспитанника Горного кадетского корпуса, помещает стихи сии в своем журнале». Датируется по содержанию 1819 г. *Кулибин* Александр Иванович (1800—1837) — сын изобретателя И. П. Кулибина; земляк Языковых и соученик их по Горному корпусу (кончал вместе с П. М. Языковым в 1820 г.). Писал стихи и печатал их в «Соревнователе». Языкова сближала с ним общность литературных взглядов и вкусов. По окончании курса в Горном корпусе Кулибин должен был ехать на службу в Сибирь. «Соревнователь» (1819, № 1) поместил его «Послание к А. Н. О...у» (вероятно, А. Н. Очкину, см. о нем стр. 581), в котором молодой поэт жаловался на отсутствие истинного поэтического дара, на жребий, сулящий ему «жестокую разлуку» с друзьями и безвестное прозябание «за Рифеем». Данное стихотворение Языкова, как и следующее, возможно, является прямым откликом на послание Кулибина к О...у. *Полет Сатурна* — полет времени. *Оссиан* — легендарный кельтский герой и певец. В 1760—1763 гг. шотландский поэт Джемс Макферсон написал по фольклорным мотивам и издал под названием «Песни Оссиана» ряд романтических поэм, выдав их за подлинно народный кельтский эпос. Книга получила широкую известность в мировой литературе. *Фингал* — герой оссиановского эпоса, царь Морвена, отец Оссиана.

А. И. Кулибину («Итак, поэт унылый мой!..»). Впервые — РБ, 1916, № 4, стр. 81, где опубликовано по альбому А. И. Кулибина, датировано: 22 августа 1819. В ст. 29, очевидно, опечатка: «прохладный» вместо «прохладней». О *Кулибине* и обстоятельствах написания стихотворения см. выше.

Послание к А<дамо>ву («Прощай, А<дамо>в! Я довольно...»). Впервые — «Комета на 1830 г.». М., 1830, стр. 202, под названием «Послание к А***ву». Датируется по содержанию (см. ниже) 1820 или 1821 г. На экземпляре «Кометы», хранящемся в ГПБ, неизвестной рукой карандашом написано: «Адамову». М. К. Азадовский датирует стихотворение 1828 г. (первым годом после окончания Языковым университета) и допускает, что оно могло быть обращено к кантонисту Антонову, которого Языков знал в Дерпте (см. изд.

1948, стр. 403). Между тем текст стихотворения противоречит этой датировке. Языков покидает не Дерпт, где он прожил до 1829 г. (посвятив два последних года приготовлениям к экзамену), а «мирный круг» «ученых инженеров», среди которых «мертвой скуке... почти год целый посвятил». Очевидно, что речь идет об Институте инженеров путей сообщения, куда Языков поступил в 1819 г. и откуда был уволен в 1820 г. за нехождение в классы, после чего было решено, что он для получения гуманитарного образования поступит в университет. И обращено стихотворение не к Антонову, а к Юрию Адамову, соученику Языкова по институту (окончил его 28 мая 1824 г., см. «Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения за 100 лет» [СПб., 1910]; курс в институте был четырехлетним, и, следовательно, Адамов поступил туда одновременно с Языковым — в 1819 г.).

В альбом А. Н. Очкину («Было время, мой приятель...»). Впервые — Б, 1822, № 15, стр. 75, с опечаткой в ст. 4: «Я им» вместо «Им я», под названием «В альбом А. Н. О.», подпись: — въ. Автограф, датированный 6 мая 1821, — ПД, альбом А. Н. Очкина. *Очкин* Амплий Николаевич (1791—1865) — петербургский приятель Языковых, второстепенный литератор, журналист, одно время цензор.

К брату («Столицы мирный житель...»). Впервые — Б, 1822, № 2, стр. 77, подпись: ...въ. Список, с разночтениями, рукой А. Н. Вульфа, — по указанию М. К. Азадовского — находился в ПД среди бумаг Л. Н. Майкова (см. изд. 1948, стр. 7). *Подругою докучной.* Очевидно, имеется в виду математика, которую Языкову приходилось изучать в Институте инженеров путей сообщения (см. выше, примеч. к «Посланию к А<дамо>ву»).

Послание к А. Н. Очкину («О ты, с которым я, от юношеских лет...»). Впервые — НЛ, 1822, № 15, стр. 29. Список, рукой А. М. Я., без ст. 39—42 и с разночтением, — ПД. *Очкин* — см. выше. *Арминиева лира. Арминий* — поэт-изгнанник, герой баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа».

Песня короля Регнера. Впервые — Б, 1823, № 13, стр. 8, под названием «Песнь Регнера», подпись: Н. Я. ...въ. Затем — НЛ, 1823, № 33, под названием «Песнь Регнера (В альбом NN)», без 3-й строфы и с посвящением А. А. Воейковой в виде постскриптума («Прошу стихи мои простить...»), датировано: 18 мая 1823, Дерпт. Последние два стиха посвящения изменены Воейковым по цензурным соображениям (см. стр. 585). Более исправно и без цензурных смягчений — «Вестник Европы», 1823, № 19, под названием «Песнь Рогнера» и с примечанием издателя: «Стихи сии, напечатанные с неисправного списка в другом журнале, помещаются здесь по желанию г-на сочинителя» (стр. 161), датировано: 18 мая 1823, Дерпт. Автограф — ПД, альбом А. А. Воейковой, вместе с постскриптумом, датирован: 18 мая 1823, Дерпт. Список, с разночтениями, — ПД, альбом А. М. Я. Под названием «Песня короля Регнера (В альбом А. А. Воейковой)» и без постскриптума — изд. 1833, датировано:

1824, Д<ерпт>. Печ. по изд. 1844, стр. 17. Датируется по письму Языкова к А. М. Я. от 19 ноября 1822 г.: «К этому письму прилагается небольшая пьеса; я читал историю Дании Маллета и почерпнул оттуда заглавие этим стихам» (ЯА); 18 мая 1823 г. — видимо, дата постскриптума. «Песня» — переложение скандинавской саги о датском короле Регнере Лодброке (XI в.), приведенной во 2-м томе книги Г. Маллета «Введение в историю датскую», СПб., 1785. По преданию, во время набега на Англию Регнер был взят в плен королем Нортумберленда и брошен на съедение змеям. Сага представляет собой его предсмертную песню. По форме и стилю «Песня» перекликается с «Песнью Гаральда Смелого» Батюшкова (1816). Известно, что Языков был не удовлетворен первой редакцией «Песни» (см. ЯА, стр. 37), однако значительные изменения были внесены Языковым в стихотворение только при подготовке изд. 1833. *Потомок Одина* — здесь: скандинавский воин, викинг.

Моя родина. Впервые — НЛ, 1822, № 26, стр. 204, датировано: 23 ноября 1822, Дерпт. Список без последних двух строф — ПД, альбом А. М. Я. Печ. по изд. 1833, стр. 32. Вошло в изд. 1844. В изд. 1833 датировано: 1824, Д<ерпт>, что явно не соответствует действительности, стихотворение опубликовано в 1822 г., и, кроме того, Языков упоминает о нем в письме к А. М. Я. в середине ноября 1822 г. (между 13 и 19 ноября): «К этому письму прилагается мое новое стихотворение... Вот что надобно заметить об этом произведении. 1. Заглавие «Моя родина», кажется, ему неприлично: итак, перемени как угодно, ежели bene <хорошо>. 2. Не должно разуметь меня самого под этим певцом, ибо нет никакой в этом необходимости; то же самое может отвечать всякий русский стихотворец» (ЯА). Датируется на основании этого письма. Композиционная схема стихотворения подсказана Языкову стих. Теодора Кернера «Mein Vaterland» («Wo ist des Sängers Vaterland?..», 1813), которого Языков с увлечением читал в это время и пытался переводить (см. ЯА, стр. 25, 30). *Альбион* — старинное название Англии. *Арминий* (17 г. до н. э. — 21 г. н. э.) — древнегерманский герой, победитель римлян в битве в Тевтобургском лесу. *Туискон* — древнегерманское божество, считался родоначальником германских племен; здесь: Германия. *Бард* — Оссиан (см. стр. 580). *Вы, страшные грекам* — древнерусские князья: Олег (ум. 912 или 922), Игорь Рюрикович (ум. 945), Святослав Игоревич (ум. 972 или 973), Владимир Святославич (ум. 1015), совершавшие походы на Византию. *Наш Арминий* — возможно, Александр Невский (1220—1263). *Сокрушитель татарских цепей* — Дмитрий Донской (1350—1389); разбил татар в Куликовской битве. *Победивший врагов и пустыни* — вероятно, Владимир Мономах (1053—1125).

Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих («Тебе, который с юных дней...»). Впервые — НЛ, 1822, № 23, стр. 156, под названием «К Я. М. А., при посвящении ему стихов моих», с цензурной заменой в ст. 15: «Любовь к изящ-

ному в душе моей зажгла», повторяющейся во всех прижизненных публикациях. Печ. по Б, 1822, № 37, стр. 417, название: «Я. А. М. при посвящении ему тетради стихов моих», подпись: — въ. Ст. 15 восстанавливается по списку ПД, в альбоме А. М. Я., озаглавленному «Посвящение А. М. Языкову» и имеющему незначительные разночтения; датировано: 1822, СПб. (изд. 1934, стр. 95). В 1828 г. текст Б был точно (только без эпиграфа) перепечатан в «Славянине» (№ 1). Издатели НЛ сопроводили стихотворение примечанием: «Сердечно благодарим молодого поэта за сей прекрасный подарок отечественной публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще словесности». К ст. 32 в журнале также издателями было сделано пояснение: «При Олеге и Владимире Великом». К ст. 36 — «При Дмитрии Донском и двух Иоаннах, Великом и Грозном». *Языков* Александр Михайлович (1799—1874) — любимый брат Н. М. Языкова (средний из братьев Языковых), с которым поэт всю жизнь был особенно близок. Окончил Горный кадетский корпус и во время пребывания Языкова в Дерпте служил в Петербурге в Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя. Позднее поселился в своем имении. А. М. Я. был человеком умным и образованным, живо интересующимся литературой и имеющим широкие связи в литературной среде. *Гибель греческих полков.* Речь идет о походах Олега, Игоря, Святослава и Владимира (см. стр. 582) на Византию. *И первый родины удар* — Куликовская битва (1380), положившая начало освобождению Руси от татарского ига.

Рецепт. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 45. Автограф — ПД, альбом Воейковой. Языков писал А. М. Я. 5 февраля 1823 г.: «Скажи Вас<илию> Вас<ильевичу> <Любарскому>, что я варю инбирное пиво с женою Борга» (ЯА). О «жене Борга» см. стр. 610. Датируется по письму Языкова. *Ученый химик* — В. В. Любарский, горный инженер; учился с Языковым в Горном кадетском корпусе.

Рок. Впервые — ЯА, стр. 61. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 23 марта 1823 г., без заглавия (включено непосредственно в текст письма, см. ниже). Список рукой А. М. Я., под названием «Рок» и пометой (карандашом) «На смерть М. А. Мойер» — ПД. По свидетельству А. С. Полякова (запись, вклеенная в экземпляр первого тома изд. 1858 г., хранившийся в библиотеке В. В. Вересаева), которое приводит в изд. 1934 М. К. Азадовский (стр. 713), стихотворение «Рок» было запрещено цензурой в НЛ на 1830 г. «как заключающее в себе несогласное с началами христианского учения» (Поляков цитирует цензурные материалы, хранившиеся в Библиотеке АН СССР). Текст НЛ имел разночтения. Написано на смерть Марии Андреевны Мойер, урожд. Протасовой (1800—1823), племянницы В. А. Жуковского, сыгравшей большую роль в его жизни; впоследствии вышла замуж за профессора Дерптского университета И. Ф. Мойера. Языков познакомился с семейством Мойеров через А. Ф. Воейкова, женатого на сестре М. А., и часто бывал в их доме. После смерти ее (19 марта 1823 г.) он писал брать-

ям 21 марта: «Здесь случилось происшествие, неприятное почти целому городу: умерла от родов сестра Воейковой, жена профессора Мойера... она была женщина чрезвычайно хорошо образованная и совершенно счастливая; все, кто ее знали, любили, уважали ее — и вдруг и проч. ... Не правда ли, что этакие случаи заставляют думать об том, что почти всегда нами забыто? Я пишу стихи на ее смерть, но, может быть, одни вы будете их видеть и читать: причину этому найдете в их точке зрения» (ЯА). 23 марта 1823 г. он посылает это стихотворение А. М. Я.: «Смерть сестры Воейковой совершенно расстроила здесь многое, многих и, может быть... нет, лучше угадай. Точно жаль, что рок слеп и что он беспрестанно и повсюду доказывает это. Вот что было хотел я написать на смерть этой особы, которой я никогда не забуду, потому что в первый раз видел в женщине столько доброты, познаний — вообще великолепную совокупность. Это начало пьесы, которая не должна быть кончена и не будет; прочти из любопытства» (ЯА).

Чужбина. Впервые — НЛ, 1823, № 12, стр. 189 (ценз. разреш. 23 марта 1823 г.). Печ. по изд. 1833, стр. 131, датировано: 1823, Д<ерпт>.

Мое уединение. Впервые — НЛ, 1823, № 20, стр. 108 (ценз. разреш. 29 мая 1823 г.). Печ. по изд. 1833, стр. 87; датировано: 1823, Д<ерпт>. Подражание «Моим пенатам» Батюшкова. В письме к А. М. Я. от 26—28 января 1823 г. Языков пишет: «Ты просишь описать мерным языком мою обитель: первое, что я буду писать стихами, это будет это» (ЯА). Таким образом, стихотворение датируется периодом между 28 января и 23 мая 1823 г. *Фебов сын* — поэт. *Снегов полярных сын* и т. д. — Ломоносов. *Кумир поэта* и т. д. — Державин. *Сын фантазии чудесной* и т. д. — Жуковский.

В. М. Княжевичу («Они прошли и не придут...»). Впервые — «Русский архив», 1871, № 6—7, стлб. 1304; опубликовано В. М. Княжевичем по автографу из его альбома, под названием «В. М. К...у», датировано: 11 мая 1823. *Княжевич* Владислав Максимович (1798—1873) — товарищ Языкова по университету, родственник М. Н. Дириной (см. о ней стр. 591), второстепенный литератор, журналист. В 1820-х годах сотрудничал в Б, издавал с братьями «Литературные прибавления к „Сыну отечества"» («Библиотека для чтения»). Языков писал братьям 10 апреля 1823 г.: «Может быть, я приеду к вам вместе с Княжевичем, с которым очень близко подружился я: вместе делаем визиты, гуляем и проч., хотя очень редкие и очень редко, но все-таки вместе; он очень добрый человек и довольно образованный» (ЯА).

<В. М. Княжевичу> («Простите мне простое «ты»....»). Впервые — «Русский архив», 1871, № 6—7, стлб. 1305; опубликовано В. М. Княжевичем по автографу из его альбома, в заголовке: «В...ъ М...ъ»; датировано: 12 мая 1823. *Простите мне простое «ты»*. См. 41 ст. предыдущего стихотворения.

«Прошу стихи мои простить!..». Впервые — НЛ, 1823, № 33, стр. III в качестве постскриптума к «Песне короля Регнера», с цензурной заменой последних двух стихов. Печ. по «Вестнику Европы», 1823, № 19, стр. 162, где напечатано также в виде постскриптума и датировано: 18 мая 1823, Дерпт. Автограф, датированный 18 мая 1823, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой (постскриптум). Список, под названием «Посвящение А. А. Воейковой „Песни короля Регнера“», — ПД. 26 сентября 1823 г. Языков писал братьям: «Воейков перепечатал в своих листках мою «Песню Регнера» с припискою к его супруге; эта приписка, как он ко мне пишет, им самим очень худо переправлена в конце, — как кажется, по причине слова «божественный», там бывшего и ныне запрещенного... Я еще не видал этого листка, но там должно быть что-нибудь не слишком мне приятное, судя по незапному письму Воейкова и по его сильному восстанию на самого себя за поправку» (ЯА). Поправка Воейкова действительно была очень неудачна:

Но музою не вдохновенный,
Перед высоким он немел.

«Я не виноват, — писал Языков брату 10 октября 1823 г., — что ты нашел, Ал<ександр>, в моей приписке к Воейковой противоречие: оно произошло единственно от поправки Воейкова» (ЯА). Об А. А. Воейковой см. стр. 603.

Чувствительное путешествие в Ревель. Впервые — неисправно, без ст. 53—65, исключенных цензурой, — Б, 1823, № 17, стр. 291, под названием «Отрывки из описания путешествия. Из Д*** в Р***, сделанного от безделья (Посвящено М. Н. Д.)», подпись: Н. Я., в конце помета: «Продолжения не было». Печ. по «Славянину», 1829, № 9—10, стр. 329. Беловой автограф с эпиграфами и обращением к М. Н. Дириной, датированным 20 июня 1823 г., а также с примечаниями и эпилогом, принадлежащими В. Княжевичу, — ЦГАЛИ. Эпиграфы автографа ЦГАЛИ: первый — «Тише едешь, дальше будешь»; второй — «Ecrive qui voudra! Chacun à ce métier Seul <описка, следует: Peut> perdre impunément de l'encre et du papier. *Boileau!*» За эпиграфами в автографе ЦГАЛИ следует обращение к М. Н. Дириной (см. стр. 591):

Вам, Николаевна Мария,
Я при отъезде обещал
Прислать мой путевой журнал! *
Гораций, кажется, сказал,
Что приключения простые
Писать поэту мудрено;
А я прибавлю: даже скучно.
Мы ехали благополучно,
Но всюду то же и одно
Нам повторялося дорогой.

К стр. 80

И я, что было, записал;
Вы извините, что немного,
Что делать? Я не вымышлял.

Н. Я.

1823, июня 20

К стиху, отмеченному звездочкой, сделано примечание:

Как худо я переписал:
Чернила, перья предурные,
Хоть сам К<няжеви>ч мне их дал.

Затем, без названия, следует текст «Чувствительного путешествия». Датируется июнем или июлем 1823 г., так как неизвестно, до или после обращения к Дириной создан самый текст путешествия. Эта датировка подтверждается и пометой «Reval» (т. е. Ревель) на не дошедшем до нас автографе из архива М. Н. Дириной, о котором сообщал Юкельсон (см. «Исторический вестник», 1901, № 10, стр. 364). Автограф имел заглавие: «Путешествие на чухонской паре из Дерпта в Ревель, в стихах лирико-романтических, а пуще всего разномерных. Сочинил пребывающий на помочах у дерптских муз, но намеревающийся со временем водить их самих за нос Негуляй Язвиков, а примечаниями пополнил Дилетант Петербургского Парнаса Велиглав Кузинон. Reval, 1823». Языков ездил в Ревель (Таллин) в июне 1823 г. с университетским профессором словесности В. М. Перевощиковым и В. М. Княжевичем (см. выше). Выехал он 10 июня, а 16-го писал братьям: «Я в Ревеле... Дорога наша досюда была очень, очень скучна: сторона чухонская, изредка где встретишь жилище — и то замаранная корчма, где ни стать, ни сесть, ни пить, ни есть. Мы же ехали на долгих: каждую ночь ночевали и не спали, по причине господ комаров и госпож мошек» (ЯА). Стихотворение пародировало жанр «чувствительного путешествия», распространенный в литературе сентиментализма и ставший в России уже в 1810-е годы достоянием эпигонов этой школы (см., например, «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова, «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова и др.). Жанр этот усиленно пародировался и высмеивался противниками сентиментализма и гипертрофированной чувствительности (А. А. Шаховским, П. А. Вяземским, П. Л. Яковлевым и в том числе, в качестве издателя, А. Е. Измайловым). В «Благонамеренном» была помещена, например, пародия П. Л. Яковлева «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту». Языков не предназначал первоначально «Путешествия» для печати и согласился на это только под нажимом В. М. Княжевича (см. его письма братьям от 22 августа и 9 сентября — ЯА). *Дом.* В журнале примечание: «Так наз. гора в. Д<ерпте>»; имеется в виду Домберг, или Соборная гора (теперь — Тооммяги). *Ливония* — см. стр. 596. *Гогарт* Вильям (1697—1764) — английский художник, преимущественно сатирик. *Оберпален* (Пыльтсамаа) — ливонская

крепость, несколько раз упоминаемая в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; первый раз — среди крепостей, добровольно сдавшихся Ивану Грозному после взятия Дерпта (1558), впоследствии — как резиденция датского принца Магнуса, которого Грозный одно время прочил в короли Ливонии. *Сам Лафонтен сказал.* Имеется в виду басня Лафонтена «Le Lion et le Moucheron» (у И. А. Крылова — «Лев и комар»).

Песнь барда во время владычества татар в России. Впервые — НЛ, 1823, № 46, стр. 94, с опечаткой в ст. 40: «оглашает» вместо «оглушает», с примечаниями издателя. К ст. 10: «Поэт разумеет здесь славные в «Летописях» наших времена Олега, Святослава и Владимира Великого». К ст. 25: «Татарское иго бременило Россию почти три столетия: от несчастного сражения при реке Калке до сражения при реке Непрядве, где храбрый Дмитрий Донской разбил Мамая». К ст. 35: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их (Карамзин. «История государства Российского», т. 4, стр. 16)». «От времени Василия Ярославича (период самый ужаснейший) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство (там же, т. 2, стр. 370)». Автограф, под названием «Песнь», с разночтением, датированный 6 августа 1823, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой; другой, под названием «Песнь Баяна» и с новыми разночтениями — БЛ, архив Киселева. Видимо, именно об этом стихотворении и примечаниях к нему (другого стихотворения с примечаниями издателя в 1823 г. не было напечатано) Языков писал братьям 5 августа 1823 г.: «Я написал еще стихи; ты увидишь их у Воейкова в журнале, ежели цензор позволит. Для последнего Воейков сделает много глупых примечаний» (ЯА). В таком случае «Песнь» написана в конце июля — начале августа 1823 г. Эта датировка подтверждается упоминанием песни в письме от 29 августа: «Есть слух, что ему <Перевощикову> не слишком нравятся мои, в его смысле, либеральные мысли во время Татарского ига. . .» (ЯА).

Баян к русскому воину при Димитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве. Впервые — НЛ, 1824, июль, стр. 42, датировано: 20 августа, 1823, Дерпт. Автограф, под названием «Баян к воину», с примечанием Языкова: «Второе издание, исправленное» — БЛ, архив Киселева. Последние стихи здесь имеют иное, более общее звучание:

Где нет рабов — там нет тиранов,
Ужасен наш мучитель был,
Но русский меч его убил.

Там же — автограф первоначальной редакции, с пометой Языкова «Первое издание», имеющий очень существенные разночтения:

К стр. 90

Песнь Баяна

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война губительного мщенья?
Давно ль рука твоя слаба?
Давно ль в тебе душа раба?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой,
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Чей меч удар твой отразит?
Чье копие пробьет твой щит?

Рука отмстителя сильнее
Руки, измученной ярмом, —
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так щит, сзывающий бойцов,
Гремит ужаснее оков.

И наши предки не узнали,
Как власть тирана тяжела:
Когда отчизна их звала,
Они и жизнь позабывали —
И греки с битвы роковой
Не возвращалися домой.

Возьми ж свой меч, да мщенье, мщенье
Смертельно грянет на татар,
Да им докажет твой удар,
Что за свободу — провиденье!
И что славян геройский дух
В сердцах потомства не потух.

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Где нет рабов — там нет тиранов,
Ужасен наш мучитель был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

Так как автографы первой и второй редакций кончаются одинаково, можно предположить, что концовка в журнальной публикации была смягчена издателем по цензурным соображениям (снят ст. «где нет рабов — там нет тиранов» и «тиран» вообще заменен «татарским ханом»).

ПЕСНИ

Впервые весь цикл полностью — изд. 1934, стр. 123—131, где опубликовано по автографам и спискам архива Киселева и по изд. 1833 (песня 3). В виде цикла песни сохранились, кроме архива Киселева, в тетради 1846 г. (списки дефектные). В письме к братьям от 9 сентября 1823 г. Языков писал: «Я написал еще около десятка студентских песен; они, ей-богу, не стоят ни переписания, ни весовых денег <за почтовую пересылку>, как ни малозначительны последние. Впрочем, ежели вам любопытно видеть мою музу и в бархатной шапке, с дубовою ветвию, то напишите только: пришли, и пришлю» (ЯА). В ПД сохранился список А. М. Я. четырех первых песен, сделанный с автографов альбома Ф. К. Бруна (учился в Дерпте в 1821—1825 гг., потом — ученый историк, филолог, профессор Новороссийского университета), все эти песни датированы 21—22 августа 1823 г. М. К. Азадовский считает, что один из ст. 5-й песни («Наш Август смотрит сентябрем. . .») был процитирован в письме Пушкина от октября 1822 г. (из Кишинева), и на этом основании допускает возможность, что некоторые песни цикла были написаны ранее августа 1823 г. Однако вряд ли Пушкину в Кишиневе были известны песни Языкова, которые он не решался пересылать даже братьям в Петербург, боясь почтовой цензуры. Всего вероятнее, что Пушкин, как и Языков, приводит распространенный в это время каламбур. Песни Языкова были широко распространены среди дерптского студенчества. Об этом свидетельствует, например, в своих воспоминаниях А. Н. Татаринов: «На всех пирушках всегда пелись с особенным восторгом и песни Языкова; их клал на музыку тот же немецкий москвич Науман. Некоторые из них были переведены на немецкий язык и доселе поются в Дерпте не только русскими, но и немецкими буршами. Иногда вновь сочиненная Языковым песня служила поводом к пирушке. Вообще своею поэзиею он облагораживал наши часто грубые и однообразные оргии» (ЯА, стр. 398).

1. «Полней стаканы, пейте в лад! . .». Впервые — неисправно — изд. 1858, т. 2, стр. 292, где опубликовано (так же, как 2, 4, 5-я песни) со списка, присланного из Парижа Н. Д. Киселевым. Автограф — БЛ, архив Киселева. Список с альбома Бруна, датированный 21 августа 1823, — ПД.

2. «Страшна дорога через свет. . .». Впервые — изд. 1858, т. 2, стр. 289. Автограф, под названием «Песня», — БЛ, архив Киселева. Список с альбома Бруна, датированный 21 августа 1823, — ПД.

3. «Кто за бокалом не поет...». Впервые — изд. 1833, стр. 248, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, под названием «Песня», — БЛ, архив Киселева. Список с альбома Бруна, без последней строфы и с датой 22 августа 1823, — ПД.

4. «Душа героев и певцов...». Впервые — изд. 1858, т. 2, стр. 290. Два автографа (идентичны) — БЛ, архив Киселева. Список с альбома Бруна, датированный 22 августа 1823, — ПД.

5. «Мы пьем — так рыцари пивали...». Впервые — неисправно — изд. 1858, т. 2, стр. 291. Список — БЛ, архив Киселева; там же — черновой автограф начала ранней редакции. После первой строфы, поделенной на двустишия, в нем следуют еще 4 стиха:

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,

У нас и Бахус уж не тот;
Он благородней: он поет.

Поет, как Гете приказал и т. д. Очевидно, имеется в виду «Песнь содружества» Гете («Bundeslied»).

6. «Мы любим шумные пиры...». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 4, где опубликовано с дефектного списка. Печ. по изд. 1934, стр. 127. Автограф, под названием «Песня», — БЛ, архив Киселева. *Наш Август смотрит сентябрем* — по-видимому, намек на беспокойство, которое внушало Александру I в начале 1820-х годов политическое положение в России и Европе. Август — римский император (I в. до н. э.).

7. «Счастлив, кому судьбою дан...». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 6. Автограф — БЛ, архив Киселева. *Святой триумвират* — «Священный союз», т. е. реакционный союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в 1815 г. для подавления революционных и национально-освободительных движений в Европе. *В Испании воюют* и т. д. Имеется в виду испанская революция 1820—1823 гг.

8. «Налей и мне, товарищ мой...». Впервые — изд. 1934, стр. 129. Автограф — БЛ, архив Киселева.

9. «От сердца дружные с вином...». Впервые — изд. 1934, стр. 130. Автограф — БЛ, архив Киселева. *Права людские* — формула, намекающая на «Декларацию прав человека и гражданина» (1789), важнейший документ французской буржуазной революции конца XVIII в.

10. Гимн. Впервые — неисправно — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 36. Печ. по изд. 1934, стр. 131. Автограф — БЛ, архив Киселева. Пародия на «Народный гимн» В. А. Жуковского.

Песнь Баяна («Люблю смотреть на месяц ясный...»). Впервые — Б, 1824, № 2, стр. 131, подпись: Θ. Список А. М. Я., датированный: 1824, Д<ерпт>, — ПД. Автограф ранней редакции, датированный 10 октября, — БЛ, архив Киселева (изд. 1934, стр. 138). Так же датирован совпадающий с ним список ГПБ из архива Дириной (ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 4). Датируется на основании письма Языкова от 18 декабря 1823 г.: «Если есть в Симбирске «Благонамеренный», то вы найдете в нем мои «Песни Баяна»; они плохи, напечатаны без моего согласия и инкогнито; но вы примите их к сведению» (ЯА). В Б были напечатаны две «Песни Баяна»: первая («Война, война! прощай, Сияна!..») — в конце 1823 г. (№ 22), вторая («Люблю смотреть на месяц ясный...») — в начале 1824 г. (№ 2), обе «инкогнито» (подпись: Θ). Вероятно, Измайлов получил их в ноябре — декабре 1823 г., и Языков предполагал, что обе они уже напечатаны; на самом же деле Измайлов успел опубликовать только первую. Образ Баяна, слушающего соловья, по указанию М. К. Азадовского, навеян гравюрой в издании Карамзина «Пантеон российских авторов» (М., 1801—1802).

«Скучает воин — без войны...». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 7, где опубликовано по списку М. Н. Дириной (ГПБ, архив Дириной), датированному: 13 октября 1823. Автограф, с той же датой и незначительным разночтением, — БЛ, архив Киселева. Список, под названием «Ответ на присланный табак», с той же датой, — ПД, тетрадь 1846 г. (изд. 1934, стр. 139). Одна из записок к А. С. Дириной (см. стр 592).

Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские наслажденья...»). Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 32, датировано: 2 октября 1823, Дерпт. Печ. по изд. 1934, стр. 135. Автограф — БЛ, архив Киселева, датирован: 20 октября 1823, имеет эпиграф: «Не всякому слуху веруйте, но испытуйте духи: есть бо дух божий и дух льстечь». *Киселев* Николай Дмитриевич (1800—1869) — товарищ Языкова по университету (окончил его и уехал из Дерпта в 1824 г.). Впоследствии сделал блестящую дипломатическую карьеру, быстро утратив свой студенческий либерализм. Языков сблизился с Киселевым в 1823 г. и после его отъезда из Дерпта поддерживал с ним дружескую переписку.

«Моя богиня молодая...». Впервые — ЯА, стр. 421, где опубликовано по автографу альбома М. Н. Дириной, датировано: 22 октября 1823, Дерпт. Список, рукой А. М. Я., под названием «К М. Н. Дириной», датированный 1823, — ПД. Обращено к Марии Николаевне Дириной (в замужестве — фон Рейц), молодой девушке, жившей в 1820-х годах со своей матерью А. С. Дириной в Дерпте. Их дом охотно посещался русскими студентами. Языков не был увлечен Дириной, но бывал в этом доме и писал ей в альбом комплиментарные стихи, иногда с целью привлечь к ним внимание А. А. Воейковой (см. стр. 603).

К стр. 104—108

<ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ>

Впервые — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 477—479. Автографы — ГПБ, архив Дириной. Адресованы Анне Сергеевне Дириной, матери М. Н. Дириной (см. стр. 591). В доме Дириных в Дерпте Языков часто бывал вместе с другими русскими студентами.

1. «Обедать я у вас готов...». *Киселев* — см. стр. 591.

Песнь Баяна («Война, война! прощай, Сияна! ..»). Впервые — Б, 1823, № 22, стр. 265, с посвящением М. Н. Д<ирин>ой, подпись: Ѳ. С новыми разночтениями и под названием «Песнь Баяна при начатии войны» — НЛ, 1823, № 52, датировано: 11 ноября, Дерпт. Автограф, под названием «Песнь», — БЛ. Печ. по изд. 1833, стр. 263, датировано: 1824, Д<ерпт>. Датируется 11 ноября 1823 (стихотворение не было написано в 1822, судя по тому, что оно появилось в печати в конце 1823, а в это время Языков публикует свои стихотворения почти сразу, не позднее нескольких месяцев со времени написания). Набросок к неосуществленной поэме о Баяне. В письме от 2 марта 1824 г. Языков сообщает братьям план ее: «Начало <т. е. «Песню» и стих. «Услад», см. стр. 108> вы читали; за ним должно следовать сражение: герой поэмы — певец и воин — остался раненый на поле битвы; его берут в плен, везут в Византию; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после, венчанный славою, в Киев, где находит свою любезную изменницей, он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать нравы тогдашних греков, Сицилии и проч.» (ЯА). *Святослав* — см. стр. 582 и 677, примеч. к стих. «Моя родина» и «Отрок Вячко».

Услад. Впервые — НЛ, 1823, № 51, стр. 188, под названием «Баян (Отрывок из большой поэмы)» и посвящением А. А. Воейковой; дата: 12 декабря 1823, Дерпт. Печ. по изд. 1833, стр. 219, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, под названием «Отрывок (Посвящ. А. А. В—ой)» и с разночтением, — БЛ, архив Киселева, датирован: 11 декабря 1823, Дерпт. Другой автограф, также под названием «Отрывок», с датой: 9 декабря 1823, по описанию Е. В. Петухова, находился в альбоме М. Н. Дириной (ЯА, стр. 418). Датируется по журналу и автографам. В письме братьям от 18 декабря 1823 г. Языков пишет: «Не критикуйте строго стихов, при сем письме прилагаемых: они имеют некоторую цену по месту, для которого писаны, т. е. в альбоме Д<ириной>; они же мой первый опыт в пятистопных ямбах — в размере, употребляемом немецкими трагиками и, как слышно, самом способнейшем для трагедии; в нем-то и хочется мне натореть. Это отрывок из целого, нигде не существующего и существовать не имеющего. . .» (ЯА). Таким образом, первоначально Языков не предполагал продолжения «Услада» (речь в письме идет именно о нем, так как в 1823 г. пятистопным ямбом напи-

сано только это стихотворение). Однако, очевидно позднее, у него возникает на этой основе план романтической поэмы о Баяне (см. стр. 592, примеч. к «Песне Баяна»). Этому способствовали, вероятно, похвалы и советы А. А. Воейковой (см. о ней стр. 603) и профессора словесности В. М. Перевощикова (см. ЯА, стр. 116, 119). *Смирители болгара* — воины Святослава, ведшего победоносные войны с Болгарией, см. стр. 582 и 677, примеч. к стих. «Моя родина» и «Отрок Вячко». *Олег* и *Игорь* — см. стр. 582, примеч. к стих. «Моя родина». *Цимиский* (Цимисхий) Иоанн — византийский император (969—976); возглавлял греческие войска в битве со Святославом.

Элегия («О деньги, деньги! для чего. . .»). Впервые — изд. 1858, т. 1, стр. 26. Автограф — БЛ, архив Киселева, в письме от 25 декабря 1823 г. Датируется на основании этого письма: «Вот тебе стихи, — пишет Языков, — которые написал я вчера, возвратившись домой».

К халату. Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 35, датировано: 2 декабря 1823. Печ. по ЯА, стр. 108. Автограф — ПД, в письме от 18 декабря 1823 г. Другой, датированный 2 декабря 1823, — БЛ, архив Киселева. Так же датировано в тетради 1846. *Современный Герострат* — вероятно, Александр I. Герострат — грек, который с целью прославиться совершил преступление: сжег великолепный храм Дианы в Эфесе. *Занд* Карл (1795—1820) — немецкий студент, убивший агента русского правительства А. Коцебу. *Лувель* (1783—1820) — французский рабочий; убил герцога Беррийского в ответ на террор Бурбонов во время Реставрации.

Платонизм. Впервые — изд. 1934, стр. 132. Автограф — БЛ, архив Киселева. Список А. М. Я. с альбома Бруна (см. стр. 589), с разночтением, — ПД. Датируется 1823 предположительно, так как в списке А. М. Я. с автографов альбома Бруна предшествует точно датированным 1823 г. песням.

Н. Д. Киселеву («Посланник будущих веков! . .»). Впервые — изд. 1934, стр. 148, где опубликовано по автографу архива Киселева (БЛ). *Киселев* — см. стр. 591.

«От света светлость происходит. . .». Печ. впервые по черновому автографу в письме к Н. Д. Киселеву (БЛ, архив Киселева), датирующемся 1823 или 1824 г. На обороте двойного листа написано Языковым: «Посылаю тебе в вечное, потомственное владение стихи. . .»; далее следует данная эпиграмма и стихотворение «Гонки». Адресат не установлен.

Гонки. Печ. впервые по тому же источнику, что и предыдущее стихотворение. Адресат не установлен. *Бютинги, Минервы, Дианы, Актеоны* — здесь: лошадиные клички.

Валдайский узник. Впервые — изд. 1934, стр. 183, где опубликовано по автографу из бумаг Н. Д. Киселева. Список ру-

кой Н. Д. Киселева, с разночтением, — БЛ, архив Киселева. Датируется не позднее 1824 г. В письме братьям от 23 марта 1824 г. Языков писал: «На сих днях проехал здесь достопочтенный Лукин в Ригу... вспомнил старину; скрытно показывал неудовольствие на моего «Валдайского узника», которого читал у Головинского» (ЯА). Лукин, о котором идет речь в письме, судя по прежним письмам Языкова, — его земляк; учился в Институте инженеров путей сообщения, который окончил в 1821 или 1822 г. В 1822 г. Языков писал брату: «Лукин уже от нас уехал на дорогу, оставив здесь очень много льстящего его жажде к наслаждениям. Долго Лукин противился судьбе, гнавшей его отсюда, но наконец получил приказ от Бетанкура <Главный директор Института инженеров путей сообщения> выехать в 24 часа из Петербурга — и с сокрушенным <сердцем> прянул в дорожную бричку... Сколько счастливых связей, сколько интриг любовных он должен был разорвать! Кажется, он намерен оставить свою придорожную службу и жить в Симбирске частным человеком» (ЯА, стр. 11). Герой «Валдайского узника» также несет придорожную службу (см. «здесь мне на сердце налегла» и т. д.), и возможно, что Языков имел здесь в виду именно Лукина (чем и объясняется недовольство последнего поэмой). «Валдайский узник» — пародическое использование «Шильонского узника» Байрона в переводе В. А. Жуковского. Ст. 181—192 очень близки к тексту Жуковского (гл. 9).

То не было ни ночь ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистной для очей:
То было тьма без темноты;
То было бездна пустоты...
и т. д.

З и м а п р и ш л а. Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1829, стр. 334, подпись: ***. Автограф, с разночтениями на трех разных листах, — ГПБ, архив Дириной; на одном листе — первая строфа, датированная «декабрь», с пометой: (Продолжение впредь); на другом — две последующие строфы, датированные «генварь 1824», с пометой: (Продолжение может быть); на третьем — окончание. В записке А. С. Дириной от 5 января 1824 г. Языков спрашивает: «Не прислать ли еще „Зима пришла“» (ГПБ, архив Дириной), — имея, вероятно, в виду 2-ю или 3-ю часть стихотворения. *Воспитанник лесной Дианы* — охотник. *Казны служитель* — кабатчик.

Э л е г и я («Скажи, воротишься ли ты...»). Впервые — НЛ, 1824, № 3, стр. 46, с пометой: Дерпт. Вошло в изд. 1833, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, в письме Языкова к А. Ф. Воейкову, датированный 2 января 1824, — ГПБ, собрание П. Л. Вакселя. М. К. Азадовский, ссылаясь на описание В. И. Шенрока, указывает еще идентичный первому автограф в альбоме Н. Д. Киселева (изд. 1934, стр. 726).

Элегия («Не улетай, не улетай...»). Впервые — НЛ, 1824, № 13, стр. 16, с пометой: Дерпт. Автограф в письме Языкова А. Ф. Воейкову, датированный 2 января 1824, — ГПБ, собрание П. Л. Вакселя. Второй — ПД, альбом Воейковой. Печ. по изд. 1833, стр. 31, датировано: 1824, Д<ерпт>. М. К. Азадовский, ссылаясь на описание В. И. Шенрока, указывает еще автограф поздней редакции, датированный 11 января 1824, в альбоме Н. Д. Киселева (изд. 1934, стр. 727). Датируется по автографу ГПБ.

Еще элегия («Как скучно мне: с утра до ночи...»). Впервые — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 480, датировано: 5 января 1824. Автограф — ГПБ, архив Дириной. *Управа* — Управа благочиния, городское полицейское управление.

Элегия («Свободы гордой вдохновенье!..»). Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 37, без названия. Печ. по изд. 1934, стр. 152, где опубликовано по автографу альбома Н. Д. Киселева. Список — БЛ, архив Киселева. Другие списки: первый, К. Е. Шокальской с альбома М. И. Осиповой, — ПД, архив Бестужевых, датирован: 24 января 1824, Дерпт; второй — ГПБ, фонд М. К. Азадовского (рукой В. И. Гаевского, 1850-х годов). В списке Гаевского существенно отличается строфа 2:

Под тяжким игом самовластья,
Покорны рабскому ярму,
Сердца не сознают участья
И ум не верует уму.

Датируется по списку ПД. Долгое время приписывалось К. Ф. Рылееву. На авторство Языкова впервые указал П. А. Ефремов (см.: «Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева». СПб., 1872, стр. 375).

Слава богу. Впервые — СЦ на 1826 г. СПб., 1826, стр. 34. Списки — ПД: первый — рукой А. М. Я., датирован: 1824, Д<ерпт>; второй — в тетради 1846, датирован: 24 февраля 1824. М. К. Азадовский указывает еще автограф в альбоме Н. Д. Киселева, датированный 21 февраля 1824.

Н. Д. Киселеву («Скажи, как жить мне без тебя?..»). Впервые — с цензурными купюрами — изд. 1858, т. 1, стр. 48. Печ. по изд. 1934, стр. 161, где опубликовано по автографу альбома Н. Д. Киселева. Список, без ст. 15—16, под названием «Н. Д. К—у», датированный 18 февраля 1824, — ПД, альбом А. М. Я. Другой, без изъятий, но дефектный, — тетрадь 1846, с той же датой. *Н. Д. Киселев* — см. стр. 591.

К ... («Твоя прелестная стыдливость..»). Впервые — изд. 1934, стр. 163, где опубликовано по автографу альбома Н. Д. Киселева, датированному 22 февраля 1824. Список, рукой А. М. Я., с разночтением, датированный 1826, Д<ерпт>, — ПД.

Муза («Богиня струн пережила...»). Впервые — в другой редакции — «Соревнователь», 1824, № 6, стр. 320. Печ. по изд. 1833, стр. 84, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автографы с не совпадающими полностью разночтениями: первый — ПД, в письме к А. М. Я. от 1 июня 1824 г. (ЯА); второй — БЛ (карандашом); третий — ПД, альбом Воейковой (РБ, 1915, № 8, стр. 51). Список, рукой Н. Д. Киселева, идентичный автографу ЯА, с датой: февраля 1824, — БЛ, архив Киселева. Ст. 3—6 звучат в журнальной редакции менее остро:

Она прекрасных рук в железы не дала
Векам убийства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
Всё рушит дерзостная сила;

Датируется по списку Н. Д. Киселева. Судя по письму Языкова от 1 июня 1824 г., «Муза» была задержана цензурой (ЯА). Она была разрешена к напечатанию 1 июня 1824 (ценз. разреш. шестого номера) только в смягченном виде.

Мечта. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 46. Автограф, датированный 20 марта 1824, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой. Отрывок, начинающийся стихом: «Ужасен глас военной непогоды...», судя по упоминанию Дуная, — вариация на тему о Баяне, певце-воине, сражающемся против греков (см. стр. 592, примеч. к «Песне Баяна»). *Чего-то белого* — т. е. снега, зимы.

Ливония. Впервые — «Мнемозина». М., 1825, ч. 4, стр. 156, с посвящением Е. Б. Я. Список, без посвящения, — ПД, альбом А. М. Я. Печ. по изд. 1833, стр. 117, датировано: 1824, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. Автограф, под названием «Предисловие к ...» и с датой: 2 апреля 1824, по указанию Е. В. Петухова, — в альбоме М. Н. Дириной. В письме братьям от 6 апреля 1824 г. Языков писал: «Я уже отправил к Дельвигу небольшую пьесу с посвящением Е<лизавете> П<етровне> И<вашовой>; она, ежели поспеет, будет, вероятно, напечатана в вышенаименованном альманахе <т. е. в СЦ>, а ежели он уже вышел в свет, то в какой-нибудь журнале... Стихи, о которых здесь ведутся слова, составляют предисловие к еще не существующей повести о ливонских рыцарях; ее напишу, когда будет у меня более времени, и напишу непременно... Теперь занимаюсь чтением Ливонских историй, чтоб поближе познакомиться с нравами и обыкновениями рыцарей, долженствующих явиться в свет русской литературы в стихах моей музы» (ЯА). Е. П. Ивашова — невеста, а вскоре жена старшего брата Языкова — Петра Михайловича. Посвящение в «Мнемозине» напечатано с ошибкой, следовало: Е. П. Я. (т е. Е. П. Языковой). Возможно, является предисловием к повести «Меченосец Аран» (см. стр. 172 и 607). *Ливония* — в средние века название территории Латвии и Эстонии. *Рорбах* — см. стр. 610. *Смирители Казани* и т. д. Имеется в виду завоевание Иваном Грозным Казани (1552) и Ливонская война (1558—1583).

К *** («Кому достанется она...»). Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 38. Печ. по изд. 1934, стр. 164. Автограф — в письме Языкова Н. Д. Киселеву от 6 апреля 1824 г., датированный «Великий четверток!», — БЛ, архив Киселева. Датируется по автографу БЛ (в 1824 г. «Великий четверток <четверг>» приходился на 3 апреля). Относится к М. Н. Дириной (см. о ней стр. 591). То же уподобление Дириной «пречистой деве Марии» см. в письме Языкова к А. М. Я. от 21 мая 1826 г. (ЯА). Неоднократно включалось в сборники потаенной литературы в качестве антирелигиозного стихотворения.

«Когда в моем уединенье...». Впервые — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 481, датировано: 3 апреля 1824. Автограф — ГПБ, архив Дириной. Обращено к А. С. Дириной (см. о ней стр. 592).

Романс («Конрад одевается в латы...»). Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 248, подпись: Н. Я. Список, рукой А. М. Я., датированный 1824, Д<ерпт>, — ПД. По описанию Е. В. Петухова (ЯА, стр. 418), автограф в альбоме М. Н. Дириной датирован 4 апреля 1824.

Евпатий. Впервые — НЛ, 1824, № 24, стр. 189, с посвящением А. Н. Т<ютчеву>, датировано: 12 апреля 1824, Дерпт. Автограф, датированный 11 апреля 1824, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. С разночтениями и под названием «Эвпатий» — «Соревнователь», 1824, № 8. С новыми разночтениями, под названием «Евпатий», — изд. 1833, датировано: 1824, Д<ерпт>. Печ. по изд. 1844, стр. 15. Список — ПД, альбом А. М. Я. Датируется по автографу. *Евпатий* Коловрат — некий «вельможа» рязанский, герой летописного предания о нашествии Батыя на Рязань. Евпатий был в отъезде, когда Батый напал на Рязань. Вернувшись и застав пепелище, он собрал из оставшихся в живых рязанцев небольшую дружину (1700 человек) и кинулся за Батыем. Внезапное нападение вызвало панику среди не ожидавших погони татар, и Евпатию, прежде чем он погиб в неравном бою, удалось нанести им значительный урон. Мужество Евпатия и рязанцев восхитило даже Батыя, который отпустил захваченных в плен рязанцев, выдав им тело Евпатия. Об Евпатии упоминает и Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (т. 3, гл. 8).

Островок. Впервые — отрывок (ст. 1—35), в другой редакции — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 8, с пометой Языкова: «Продолжения не было» и датой: 16 марта 1824. Автограф — ГПБ, архив Дириной. Печ. по ЯА, стр. 426. Автограф, датированный 14 апреля 1824, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. Список рукой А. М. Я., с разночтением, датированный 1823, Дер<пт>, — ПД; сверху надпись карандашом: «Слабо. Подраж. Жуковскому». Первая редакция содержит значительные разночтения.

Ст. 12—20:

Ведут к ручейку.
Там столик дубовый
С софою дерновой
Стоит у воды;
В ней рыбки играют,
Играя, мелькают
Туды и сюды.

После ст. 28 следует иное окончание:

Когда же поляны
Оденутся сном
И ночи туманы
Ложатся кругом,
Там Скотта романы
Читает *она,*
Тиха — и одна!

Поэт Светланы — В. А. Жуковский. *Парни* Эварист-Дезире де Форж (1753—1814) — французский поэт, представитель так называемой эротической поэзии.

Романс («„Ты видишь ли, барин, вдали дерева?..“»). Впервые — изд. 1934, стр. 164. Автограф, в письме к Н. Д. Киселеву от 6 апреля 1824 г., — БЛ, архив Киселева. По предположению М. К. Азадовского — пародия.

Отъезд («Прощай, краса чужого края...»). Впервые — ЯА, стр. 427. Автограф, датированный 3 июня 1824, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. В первых числах июня Языков уехал из Дерпта на летние каникулы (сначала в Петербург, затем в Симбирск). *Дань священного обета.* Уезжая, Языков обещал М. Н. Дириной описать свое путешествие (см. стр. 602, примечание к стих. «Корчма»).

Элегия («Поэту радости и хмеля...»). Впервые — НА на 1826 г. СПб., 1825, стр. 280, датировано: 1824, С<имбирск>. С разночтениями, в составе «Моего Апокалипсиса» (см. стр. 613), — ИОРЯС, 1911, № 2. Вошло в изд. 1833 в редакции НА; датировано: 1825, Д<ерпт>. Датируется по НА.

Элегия («Еще молчит гроза народа...»). Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 39, без названия. Печ. по изд. 1934, стр. 153, где опубликовано по автографу альбома Н. Д. Киселева, датированному 1824. Список — БЛ, архив Киселева.

Элегия («Зачем божественной хариты...»). Впервые — ПЗ на 1825 г. СПб., 1825, стр. 107, под названием «К ***». Список — без ст. 13 — ПД, альбом Воейковой (РБ, 1915, № 8, стр. 59). С разно-

чтениями и под названием «К. N.N.» — НЛ, 1825, август. Печ. по изд. 1833, стр. 35; датировано: 1824, С<имбирск>. В ПЗ значительные разночтения.

Ст. 6—16:

Возвышенных, изящных дум,
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Как дочь невежества простая,
Она не любит пиерид,
Она очами не сверкая
Поэта имя говорит!
Слуге сует, слуге забвенья
Ее любовь обречена!
Но жизнь любимца вдохновенья
Поймет и скрасит не она:

А л а. Впервые — СЦ на 1826 г. СПб., 1826, стр. 5, под названием «Отрывок из повести „Ала“». Печ. по изд. 1833, стр. 62; датировано: 1824, Д<ерпт>. Список (видимо, с альбома М. Н. Дириной) с поправками Языкова — ПД, альбом Воейковой. В РБ, 1915, № 8 опубликовано с припиской, представляющей собою стихотворное обращение к М. Н. Дириной и не являющейся органической частью повести, типа, например, лирического отступления (см. стр. 144 и 600). В альбоме Воейковой наиболее отличаются от текста изд. 1833 ст. 5—8:

Там, где Албертова рука
Лишила княжеского права
Неосторожного Всеслава;
Где после Грозный Иоанн

Публикуя отрывок из повести, Языков первоначально назначил для печати только ст. 32—90 (см. ЯА, стр. 226) и был недоволен, когда А. М. Я. не исполнил его просьбы: «Напрасно ты отдал Дельвигу «Алу» целиком; начало не годно — чувствую» (ЯА, стр. 229). Однако в 1833 г. он печатает его в том же составе. *В стране* и т. д. — в Ливонии. *Воины Христовы* — меченосцы, см. стр. 602. *Казнил за Магнуса граждан.* Во время Ливонской войны датский принц Магнус, которому Иван Грозный обещал ливонский трон, изменил России, присягнул Польше и начал занимать города и крепости, обещая им защиту от русских. Так, он занял крепость Венден и заперся в ней, услыхав о приближении Грозного (1577). Русские после кровопролитных боев взяли Венден. Магнус сдался; Грозный пощадил его, но жесточайшим образом расправился с оставшимися в живых жителями города. *В соседней стороне* — в Швеции. *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — ливонский дворянин, возглавивший борьбу ливонского дворянства против Швеции; был осужден Карлом XI и, спасаясь от преследований, бежал сначала в Саксонию, потом в Россию, где поступил на службу к Петру I. В качестве начальника русского отряда действовал во время Северной войны в Польше и

Саксонии, был выдан саксонцами Швеции и казнен. *Удалого короля* — Карла XII (см. ниже).

<Приписка к отрывку «Ала»>. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 39, по авторизованному списку альбома Воейковой, без названия, в качестве непосредственного продолжения отрывка из повести «Ала». Список ст. 1—12, рукой А. М. Я., с разночтением, под названием «Приписка к отрывку „Ала“» и с датой: 1824, Д<ерпт>, — ПД. Там же список, рукой А. М. Я., ст. 13—32, с разночтениями, под названием «К нему же» (т. е. к отрывку «Ала»), с той же датой. *Карл* — Карл XII, шведский король (1697—1718). *Ливанон* — Ливан.

Катеньке Мойер («Как очаровывает взоры...»). Впервые — неисправно — «Альбом северных муз на 1828 г.». СПб., 1828, стр. 193. Печ. по изд. 1833, стр. 41; датировано: 1824, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844, под названием «К... М...». Список, с разночтениями и под названием «К К... Мойер», — ПД, альбом А. М. Я. *Катенька Мойер* (р. 1821) — Екатерина Ивановна Мойер, дочь М. А. Мойер (см. примеч. к стих. «Рок», стр. 583).

К П. Н. Дирину. Впервые — Б, 1824, № 4, стр. 354, под названием «В альбом П. Н. Д.» и с пометой: Дерпт. Печ. по изд. 1833, стр. 202; датировано: 1824, Д<ерпт>. *Дирин* Петр Николаевич — брат М. Н. Дириной; впоследствии военный историк.

Романс («Красой небесною прекрасна...»). Впервые — ЯА, стр. 422, где опубликовано по автографу альбома М. Н. Дириной. Рядом с этим стихотворением, по описанию Е. В. Петухова, «в альбоме помещен рисунок: плачущая женщина, на плечо которой склоняется мальчик, ее сын» (ЯА, стр. 419). Список, рукой А. М. Я., датированный 1824, Д<ерпт>, — ПД.

Разбойники. Впервые — ПЗ на 1825 г. СПб., 1825, стр. 150, под названием «Отрывок из повести „Разбойники“». Печ. по изд. 1833, стр. 280; датировано: 1824, С<имбирск>. 25 января 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «Посылаю Бестужеву же отрывок из повести «Разбойники»: пусть она никогда существовать не будет целиком, но мне легче было написать несколько стихов к началу, сделанному в Симбирске, чем писать вовсе новые, притом же мне хочется поскорее начать вышеупомянутое <т. е. повесть о меченосцах>» (ЯА). М. К. Азадовский считает повесть отражением «легенд и рассказов о разбойниках, которыми всегда было богато Поволжье» (изд. 1934, стр. 735).

А. С. Пушкину («Не вовсе чуя бога света...»). Впервые — С, 1837, т. 6, стр. 374, с отточиями в ст. 15 и вместо ст. 17—19. На экземпляре С, приобретенном Н. О. Лернером, неизвестной рукой вписаны недостающие стихи.

Ст. 15:

И дерптских дев и дерптских вин

Ст. 17—19:

Как тороватому царю
За чин почетный благодарен
Его не стоящий боярин

(Н. О. Лернер. Недостающие стихи в первом послании Н. М. Языкова к Пушкину. — «Пушкин и его современники», вып. 19—20. Пг., 1914, стр. 8). Лернер отметил сходство вписанных стихов с началом записки к А. С. Дириной (см. стр. 592). Датируется концом 1824 или началом 1825 г. Стихотворение — ответ на послание А. С. Пушкина Языкову 20 сентября 1824 г. «Издревле сладостный союз...». Пушкин получил его в письме А. Н. Вульфа и, очевидно, сразу же откликнулся: «Послание его <Языкова> и чувствительная Элегия — прелесть — в послании, после «тобой хранимого певца» стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его» (Пушкин. Сочинения, т. 13. М.—Л., 1937, стр. 162—163). *Бог света* и *парнасское божество* — Аполлон. *Плешивый косец* — смерть. *Носитель Зевсовых огней* — орел.

ЭЛЕГИИ

Впервые — изд. 1934, стр. 153—158, по автографам альбома Н. Д. Киселева. Списки 2-й, 4-й элегий — ГПБ, фонд М. Ю. Лермонтова (из бумаг А. А. Краевского); там же еще две элегии, неудобные для печати. Список 5-й, в другой редакции, под названием «Лила», — ПД (судя по описанию М. К. Азадовского, список принадлежал Ф. А. Кони). В письме А. С. Пушкина к А. Н. Вульфу от конца августа 1825 г. есть упоминание об эротических стихах Языкова: «Кланяюсь Языкову. Я написал на днях подражание „Элегии“ его „Подите прочь“» (Пушкин. Сочинения, т. 13, стр. 219). Это упоминание позволяет приблизительно датировать элегии периодом между 1823 и 1825 г. Так как именно в 1823 г. Языков по-настоящему вошел в студенческую, «бурсацкую» среду — к данному времени относятся его первые произведения, рассчитанные на эту аудиторию. В изд. 1934 г. цикл без мотивировки датируется 1824 г. *Мой Саваоф* — т. е. мой бог. *«Тилемахида»* — стихотворный перевод В. К. Тредиаковского прозаического романа Фенелона «Похождения Телемака», написанный тяжеловесным гекзаметром.

Романс («Что делал с Евою Адам...»). Впервые — изд. 1934, стр. 158. Автограф — БЛ, архив Киселева. Датируется периодом между 1823 и 1825 г., так как примыкает к эротическим элегиям Языкова и создано, по-видимому, в это же время (см. выше). В изд. 1934 г. без мотивировки датируется 1824 г. *Питомцы Эпикура* — поклонники наслаждения. *Богородица Амура* — Венера.

Романс («„Зачем изорванный сертук...“»). Впервые — изд. 1934, стр. 159. Автограф — БЛ, архив Киселева. Датируется периодом между 1823 и 1825 г. (в изд. 1934 г. отнесено к 1824 г.); основание для датировки см. в предыдущем примечании. *Лик Феба* — солнце. *Илья гремучий.* По народным поверьям, гром — это грохот колесницы, на которой едет по небу Илья-пророк.

Родина («Краса полуночной природы...»). Впервые — ПЗ на 1825 г. СПб., 1825, стр. 31, подпись: **. Вошло в изд. 1833, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автографы первых трех строф ранней редакции: первый — ПД, в письме к сестре, П. М. Языковой, от 25 января 1825 г., с пометой в конце: (Так и далее, будет напечатано в «Полярной звезде») (ЯА); второй, с разночтениями, без последней строфы, с пометой в конце: (Так и далее) и эпиграфом: «Wie bin ich froh, daß ich weg bin. Goethe <Как я рад, что я уехал. *Гете*>», датированный 26 января 1825, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной (ЯА, стр. 498). 25 января 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «Еще на прошлой почте послал я Бестужеву мое первое чувство по прибытии в Дерпт...» (ЯА). И в тот же день сестре, сообщая ей три строфы стихотворения: «Вот тебе... мои первые стихи из Дерпта: это нечто о моем пребывании в Симбирске...» (ЯА). *Меченосцы* — немецкий духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 г. на восточном побережье Балтийского моря (в Ливонии) с целью распространения христианства.

Корчма («Несется тройка удалая...»). Впервые — ЯА, стр. 147. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 4 февраля 1825 г. Другой автограф, с разночтениями, под названием «Отрывок из путешествия из Д<ерпта> в Пе<етер> б<у>рг», с эпиграфом: «Мечты, повсюду вы меня сопровождали. *Батюшков»* и датированный 1 февраля 1825, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной (ЯА, стр. 428); после текста помета: (Продолжение впредь). Список, датированный 1825, Дерпт, — ПД, альбом А. М. Я. Посылая брату «Корчму», Языков писал: «Ты, верно, не знаешь, любезный брат, что я в прошлом годе, оставляя Дерпт, обещал — окаянный! — известной Марии <Дириной> описать стихами мое путешествие; теперь она требовала исполнения — я отвечал, что его нет, но по просьбе ее должен был написать хоть что-нибудь в этом уродливом роде» (ЯА, стр. 146).

А. А. Воейковой («На петербургскую дорогу...»). Впервые — «Альциона на 1831 г.». СПб., 1831, стр. 34, под названием «А. А. В — ой». Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 29 февраля 1825 г. (ЯА). Список, с разночтениями, под условным названием «К Д. П — — — е», — ПД, альбом Воейковой, приписка Языкова: «Честь имею сообщить, что не я сочинитель стихов сих. Н. Языков». Список, рукой А. М. Я., под названием «Александре Андреевне Воейковой», датированный 1824, Дерпт, — ПД. Во всех рукописных источниках слово «трубадур» выделено, что подчеркивает заключающийся в нем каламбур (трубадур//труба дур). Еще

в письме от 2 марта 1824 г. Языков писал брату, П. М. Языкову: «Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для других красавиц, но они редко меня понимают или совсем меня не понимают и всегда хвалят, между тем как я чувствую, что они не чувствуют, — и тогда я не трубадур, а труба дур!» (ЯА). Посылая стихотворение А. М. Я., Языков писал: «Вот еще стихи, которые посылаю сегодня же к Булгарину; им дало существование известие, что Воейкова скоро сюда будет. . .» (ЯА). *Воейкова* Александра Андреевна, урожд. Протасова (1797—1829) — племянница В. А. Жуковского (воспетая им под именем Светланы), жена писателя и журналиста А. Ф. Воейкова; часто приезжала в Дерпт, где жили ее мать и сестра (М. А. Мойер). Увлечение Воейковой оставило заметный след в творчестве Языкова.

К Тютчеву («Каким восторгом ты пылаешь. . .»). Впервые — НА на 1826 г. СПб., 1825, стр. 327, под названием «К Т—ву», подпись: Н. Я. Автографы, с разночтениями, без названия, — ПД, в письмах к братьям от 1 и 5 апреля 1825 г. (ЯА). Список, совпадающий с автографом письма от 1 апреля, под названием «Перчатка», — ПД, альбом А. М. Я. Автограф другой редакции, под названием «Сон. К NN (Перевод с немецкого)» и с датой: 2 апреля 1825, — ПД, альбом Воейковой.

Смысл последних 4 ст. в альбоме значительно смягчен:

Дай руку! с гордостью поэта
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Слова жестокого обета.

Сообщая стихотворение брату, Языков писал: «В<оейкова>, не знаю, каким из духов подземного царства возбужденная, подарила в знак памяти Тютчеву, которого ты знаешь заочно, перчатку; к моему солюбовнику написал я следующие стихи» (ЯА). *Тютчев.* С Языковым учились в университете два брата Тютчевы — Алексей и Андрей. Здесь имеется в виду, очевидно, наиболее близкий к Языкову Андрей Николаевич (1805—1831); А. Н. Тютчев писал стихи и, после Языкова, был одним из наиболее видных поэтов в русской студенческой среде в Дерпте. Уехал из Дерпта в 1829 г.

М. Н. Дириной («Счастливый милостью судьбины. . .»). Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 129, под заглавием «М. Н. Д — й», с опечаткой в ст. 76 («не виноват» вместо: «а виноват»). Список, рукой А. М. Я., под названием «Марье Николаевне Дириной» и с датой: 1824, Д<ерпт>, — ПД. Список, с разночтениями, под заглавием «М. Н. Д.» и с датой в подзаголовке: 1 апреля 1825, — ГПБ, архив Дириной (изд. 1934, стр. 203). Тексту предпослан эпиграф: «An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzen angewohnt. *Goethe. Egmont.* <В верности и повиновении я прежний, но люблю поболтать. *Гете. «Эгмонт»*>». После ст. 98 в списке Дириной следует:

Теперь сердечно признаюсь —
Я для Парнаса не гожусь!
И будь не ваши именины,
Я промолчал бы, как молчу,
Когда без цели и причины
Распространяться не хочу.
Довольно! Нет! еще мой гений
и т. д.

14 апреля 1825 г. Языков писал брату: «1 апреля именины Дириной; на этот случай я написал пространное поздравление имениннице. . .» (ЯА). *М. Н. Дирина* — см. стр. 591. *Сад Ратсгофский* — парк около имения Ратсгоф (Раади), в полуверсте от Дерпта, по дороге в Петербург. Излюбленное место прогулок студентов. *Я видел свадьбу* — очевидно, свадьбу П. М. Языкова, женившегося в 1824 г.

Элегия («Она меня очаровала. . .»). Впервые — НЛ, 1825, май, стр. 132, под заглавием «К N.N.». Автографы — ПД, в письмах к братьям от 7 и 8 апреля 1825 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 57, датировано: 1824, Д<ерпт>. Список — БЛ, архив Киселева. По указанию М. К. Азадовского, автограф, с разночтением, — альбом Н. Д. Киселева. Автограф, с разночтениями, под названием «Волна», датированный 1 апреля 1825 г., — ПД, альбом Воейковой. Тексту предпослан эпиграф: «Ich kann mich auch verstellen. *Rammler* <И я могу притворяться. *Рамлер*>». В альбоме Воейковой «Элегия» помечена: 1-е. (2-е — «Настоящее», 3-е — «Дерпт», 4-е — «Как яркий луч божественного света. . .»). Написано на заданное Воейковой слово (см. ЯА, стр. 169); то же, вероятно, и все пронумерованные стихотворения. *Искра Зевсова огня* — электрическая искра.

«Напрасно я любви Светланы. . .». Впервые — ЯА, стр. 167, в письме к А. М. Я. от 5 апреля 1825 г. Автограф — ПД, другой — БЛ. М. К. Азадовский указывает третий автограф, под названием «К. . .» в альбоме Н. Д. Киселева (изд. 1934, стр. 743). «На прошлой почте, — писал Языков брату, — послал я тебе стихи об анекдоте <см. стих. «К Тютчеву»>, — вот еще продолжение: может быть, здесь много преувеличения — ничего, все равно!» (ЯА). *Светлана* — А. А. Воейкова.

Настоящее. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 48. Автограф с пометой: Дерпт — ПД, альбом Воейковой. Возможно, написано на заданное А. А. Воейковой слово. См. выше примеч. к стих. «Элегия» («Она меня очаровала. . .»). *Сибирская пищуха* — лесная птица, известна также под названием пищухи-сверчка.

Дерпт. Впервые — «Полярная звезда», 1859, кн. 5, стр. 41. Затем — «Санктпетербургские ведомости», 1866, 22 июня, с разночтением, без названия, без ст. 11 и с цензурной купюрой в ст. 17. Печ. по ЯА, стр. 171. Автографы — ПД, в письмах к А. М. Я. и сестре

П. М. Языковой от 7 апреля 1825 г. Третий автограф, с разночтением, датированный 7 апреля 1825, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой (РБ, 1915, № 8, стр. 54). Написано на заданное А. А. Воейковой слово (см. ЯА, стр. 170, 171). В письме к сестре Языков поясняет слово «филистимляне»: «Студенты называют филистимлянами всех, кроме себя самих» (ЯА, стр. 172).

Воскресенье. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 49. Автограф, датированный 7 апреля 1825, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой. В альбоме помечено: «7-е». *Рамлер* Карл Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт, прозванный «немецким Горацием».

Сон («Всё негой сладостной объемлет. . .»). Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 49 Автограф, датированный 8 апреля 1825, — ПД, альбом Воейковой. Выражение *богородица Амура* Языков употребил также в стих. «Романс» («Что делал с Евою Адам. . .»). *Сибирская летопись* — «Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествующих оному событий». СПб., 1821.

Элегия («Счастлив, кто с юношеских дней. . .»). Впервые — «Соревнователь», 1825, № 7, стр. 98, в составе цикла из 4 элегий (см. стр. 606, примеч. к циклу элегий). В другой редакции — НЛ, 1825, октябрь. Автограф, с разночтением, под названием «Жизнь», датированный 8 апреля 1825, — ПД, альбом Воейковой (РБ, 1915, № 8, стр. 59). Список, с новым разночтением и под названием «Элегия», — БЛ, архив Киселева. Печ. по изд. 1833, стр. 67; датировано: 1824, Д<ерпт>. В НЛ, альбоме Воейковой и списке Н. Д. Киселева между ст. 8 и 9 еще 4 ст.:

Ему Киприда не отравит
Непобедимой головы
И ниже века не поставит
Его надежд, его молвы.

Молитва («Молю святое провиденье. . .»). Впервые — НЛ, 1825, июнь, стр. 180, с рассчитанным на цензуру редакционным примечанием к ст. 4: «Разумеется, против страстей и бурь света». Автограф, датированный 12 апреля 1825, — ПД, альбом Воейковой (Н. В. Соловьев. История одной жизни, т. 1. Пг., 1915, между стр. 104 и 105). Другой — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. Вошло в изд. 1833, датировано: 1824 Д<ерпт>, и в изд. 1844.

Прощание с элегиями. Впервые — НА на 1828 г. СПб., 1828, стр. 329, подпись: Н. Я. Вошло в изд. 1833; датировано: 1824, Д<ерпт>. Автографы — ПД, в письмах к А. М. Я. и сестре П. М. Языковой от 26 апреля 1825 г., последний с разночтением (ЯА). Другой автограф, с разночтениями, датированный 24 апреля

1825, — ГПБ, архив Дириной. «Вот и прощание с моими еремиадами», — писал брату Языков, посылая стихотворение (ЯА, стр. 179).

Нечто. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 50, датировано: 28 апреля 1825, Дерпт. Автограф — ПД, альбом Воейковой. Эпиграф — из стихотворения Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из „Экклезиаста"» (1796).

ЭЛЕГИИ

Впервые — в составе цикла из четырех элегий (вместе с элегией: «Счастлив, кто с юношеских дней...») — «Соревнователь», 1825, № 7, стр. 98—99. Две первых элегии («Свободен я: уже не трачу...» и «Я знал живое заблужденье...») вне цикла — НА на 1826 г. СПб., 1825; 1-я с разночтениями, 2-я — без 3-го стиха, подпись: Н. Я. Все три элегии вне цикла — НЛ, 1826 (февраль, март). Печ. по изд. 1833, стр. 111—112, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф цикла — ПД, в письме к А. М. Я. от 26 апреля 1825 г. (ЯА); список — ПД, альбом Воейковой, где элегии пронумерованы: II, III, IV и датированы 8 апреля 1825. В альбоме М. Н. Дириной (ГПБ, архив Дириной, — ЯА, стр. 423) цикл в ином составе: 1. «Поэт свободен. Что награда...», 2. «Свободен я; уже не трачу...», 3. «Я знал живое заблужденье...» (последняя элегия с разночтениями). Автограф 3-й элегии («Моя камена ей певала...»), под названием «Последняя элегия» и вместе со стих. «Прощание с элегиями», — ГПБ, архив Дириной; дата под обоими стихотворениями: 24 апреля 1825. Датируется апрелем 1825 г., так как дата альбома Воейковой сомнительна: в письме к А. М. Я. от 26 апреля Языков утверждал, что цикла элегий «нет у Воейковой» (ЯА). Вероятно, этот цикл был записан в ее альбоме позднее, а дата поставлена произвольно. Посылая брату стихотворение, Языков писал: «Вот тебе еще несколько элегий; они писаны для Д<ирин>ой и ее очень обрадовали: понимаешь военную хитрость?» (ЯА, стр. 178).

Новгородская песнь 1-я. Впервые — «Северная пчела», 1825, от 19 мая, под названием «Военная новгородская песня 1170 года» и подписью: Дерпт. Н. Я. Печ. по РБ, 1915, № 8, стр. 57. Автограф — ПД, альбом Воейковой. Список, с разночтениями, — БЛ, архив Киселева. По указанию М. К. Азадовского, другой автограф — альбом Н. Д. Киселева (изд. 1934, стр. 746). В изд. 1833, куда включено по настоянию В. Д. Комовского, вошло в журнальной редакции (Языков разрешил печатать стихотворение, но не прислал текста, поэтому Комовской воспользовался текстом «Северной пчелы», которым Языков был недоволен и в котором, возможно, были сделаны исправления цензурного порядка). Первая попытка Языкова напечатать стихотворение натолкнулась на сопротивление цензуры. 19 мая 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «У меня готово канвы еще на три новгородские песни, но писать их незачем: если уже первая не прошла сквозь тиски цензуры, то следующие и подавно»

(ЯА). Однако песня все же была напечатана, причем совершенно неожиданно для Языкова: «Как попала к Булгарину «Новгородская песня»? — спрашивает он брата в следующем письме (от 24 мая). — Он ее напечатал с ошибкою, по которой можно подумать, что я не знаю русского стопосложения» (ЯА). Несмотря на некоторые смягчения, сделанные в тексте, вероятно, из цензурных соображений (например, слово «вольность» в ст. 7 было заменено «славой» и т. п.), после напечатания песни кто-то сделал донос в министерство народного просвещения, что в песне говорится о современном Новгороде и Аракчееве. Цензору А. И. Красовскому было сделано представление, где говорилось, что «таковые статьи могут давать место превратным толкованиям и применениям к обстоятельствам и лицам нашего времени, чего всемерно избегать должно» (ЦГИАЛ, ф. 735). Красовский вынужден был давать подробные объяснения, защищаясь статьями цензурного устава 1804 г., который предписывал «удаляться» «от всякого пристрастного толкования». Дело было оставлено без последствий. Датируется по записи в альбоме Воейковой (альбом относится к 1825 г.) началом 1825 г. В 1170 г. новгородцы одержали победу над *Андреем* Боголюбским (ок. 1111—1174), который с большим войском осадил Новгород, пытаясь подчинить его своей власти. *Ярослав* — Ярослав Мудрый (978—1054); княжил сначала в Новгороде, а затем захватил Киевский стол и стал Великим князем.

«Поэт свободен. Что награда...». Впервые — ЯА, стр. 423, в составе цикла из трех элегий (см. стр. 606, примеч. к циклу элегий). Автограф — ГПБ, архив Дириной. Автограф отрывка, в другой редакции, в качестве одного из фрагментов стих. «К Г. Д. Е.» (см. стр. 176 и 610), — ПД, альбом Воейковой (РБ, 1915, № 8, стр. 44). Печ. по списку А. М. Я. (ПД), дающему редакцию, близкую к автографу альбома Дириной, но без цензурного смягчения в ст. 3 (в альбоме: «Не жар чарующего взгляда»); датирован: 1824, Д<ерпт>. Другие списки: первый — БЛ, архив Киселева, под названием «К О» (м. б., Очкину?) и разночтениями, неудобными для печати; второй — ПД, тетрадь 1846, под названием «К ...», близкий к киселевскому, но с разночтениями. По указанию М. К. Азадовского, автограф, под названием «К ...» и в измененной по сравнению с альбомом Дириной редакции, — в альбоме Н. Д. Киселева. Датируется, как и цикл элегий (см. стр. 606), началом 1825 г.

Меченосец Аран. Впервые — отрывок, ст. 37—62, неисправно, — НЛ, 1825, май, стр. 141, под названием «Отрывок из стихотворной повести „Меченосец"», с посвящением А. А. В<оейков>ой. Автограф этого отрывка, под названием «Весна» и с пометой Языкова: «Отрывок из повести, посв. А. А. В.», — ПД, альбом Воейковой. Впервые полностью — «Альбом северных муз на 1828 г.». СПб., 1828, стр. 269, под названием «Меченосец Аран, ч. 1», датировано: 1824, Дерпт. Авторизованный список — ПД. Печ. по изд. 1833, стр. 255, датировано: 1824, Д<ерпт>. Готовя отрывок для изд.

1833, Языков произвел большие сокращения, главным образом исключая из него все намекающее на дальнейшее развитие сюжета. Так, в «Альбоме северных муз» после ст. 8 шла строфа:

Винанд любил и уважал Арана:
Его всегда убийственный удар,
Среди мечей неутомимый жар,
Усердие к законам Ватикана,
Железное презренье к суетам,
Высокий нрав, решительность деяний —
Все красоты воспитанника брани
Казалися магистровым очам
Посланием небесной благодати
Для слабого владения Христа,
Где не смирял враждебных предприятий
Недавний гром крестового щита.

После ст. 58:

Не то ему на подвиг бытия
Назначило отцовское желанье:
Он полетел в ливонские края
Свершить одно и страшное деянье.
Обманутый любимою мечтой,
Лишен отрад надежды величавой,
Кляня судьбу и перед нею правый,
Он мог разить нещадною рукой,
Он мог нести всю тяготу условий,
Предписанных для рыцарей меча, —
И на него надета епанча,
Где крест и меч, как вылиты из крови,
Являлися на светлой белизне;
Он в них узнал свое знаменованье,
Сокрыл свой род, отчизну и названье
И стал служить магистру и войне!

Задумчивый, угрюмый, молчаливый,
Как часто, длань простерши на кинжал,
Аран души ужасные порывы
Насильственным упорством побеждал.
«Я совершу безжалостное мщенье!
Передо мной родителев кинжал;
Но седины, но доблесть, но смиренье! . .» —
Так думал он — и плакал, и дрожал.

После ст. 125:

Сшибаются; воинственные крики,
То слабые, то яростны и дики,
Разносятся на поле боевом,
Ужасный вид! там рыцаря пронзает
Смертельная ливонская стрела:

Его рука на стали замирает,
Холодный пот на бледности чела,
Воитель стих и падает с седла;
Свободный конь бежит между толпами,
Ржет, прядает, могучими ногами
Разит и рвет кровавые тела.

«Не убивай меня, великодушный воин!
Мне подари остаток бытия,
Счастлива мной прекрасная семья,
Я крест приму и буду вас достоин! —
Старик бойцу, спасаяся, кричит, —
Ах, удержи неправедное мщенье.
Не убивай меня! Смотри: бросаю щит, —
Жесток же ты! постой, еще мгновенье
На небеса, на землю дай взглянуть!»
Не слушает боец освирепелый,
Летит, настиг, и в старческую грудь
Орудие злодейства заскрипело.

После ст. 165:

Бурливый лес, чернея, утихает,
Певец зари, умолкнул соловей,
И ночь свои покровы расстилает,
И тьма легла на поприще мечей.

Датируется началом 1825 г. Первое упоминание об этой повести у Языкова в письме от 25 января 1825 г. к А. М. Я.: «Теперь я сильно занимаюсь Ливонскою историей: читаю, выписываю, справляюсь и, кажется, скоро буду в состоянии писать о меченосцах как господин своего предмета. У меня готов план для одной повести, и между главными достоинствами его есть и то, что не надобно видеть места, где было происшествие, т. е. Вендена, ибо замок, которого развалины там еще живы, построен уже гораздо позже героя моей повести» (ЯА). А в письме от 18 февраля 1825 г. он уже сообщает «образчик метра» «воздвигаемой повести» (цитирует 10 ст. из «Арана», начиная со ст. «Как яркий луч божественного света. . .») и сообщает, что в повести «не будет ни главною, ни даже посредственной причиною любовь» (ЯА). 18 марта первая часть «Арана» уже написана, и Языков посылает ее брату (ЯА). Языков продолжает думать о завершении повести почти вплоть до 1826 г., но затем он постепенно остывает к этому замыслу и решает оставить повесть без продолжения (см. ЯА, стр. 230). *Меченосец* — см. стр. 602. *В стране... где Везер льет серебряные воды* — т. е. в Германии. *Арминий* — см. стр. 582. *Где божий свет крестом преображен* и т. д. — т. е. в Палестину (здесь названы места, упоминаемые в Библии и Евангелии). «Божий свет крестом преображен» — реминисценция из стих. Батюшкова «Переход через Рейн» («Мир крестом преображен»). *При ратных знаменах, Наместником Петра*

благословенных — т. е. в крестовом походе, благословенном римским папой (считался наместником апостола Петра). *Магистр* — глава духовно-рыцарского ордена; здесь имеется в виду Винанд, или Винно, фон Рорбах (XIII в.) — первый гроссмейстер ордена Меченосцев.

К Г. Д. Е. Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 43. Автограф — ПД, альбом Воейковой; около даты (3 мая 1825, Дерпт) фигурная скобка и помета Языкова: «Переписано» (т. е. эта дата является датой записи в альбом). 3-й фрагмент стихотворения — отрывок (в другой редакции) элегии «Поэт свободен. Что награды...», записанный Языковым в альбом М. Н. Дириной в качестве первого стихотворения цикла элегий (см. ЯА, стр. 423, а также стр. 172 и 607 наст. издания). Стихотворение обращено, видимо, к А. А. Воейковой, название условно.

В альбом Ш. К. («Доверчивый, простосердечный...»). Впервые — изд. 1833, стр. 191; датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, без названия, — ПД, в письме к А. М. Я. от 3 мая 1825 г. (ЯА). Другой, также без названия, — БЛ, архив Киселева, в письме от 3 мая 1825 г. («Это последняя дань Воейковой — она сегодня же отъезжает»). Третий, под названием «Элегия», датированный 1 мая 1825, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой. *Ш. К.* — инициалы Шарлотты Карловны фон дер Борг, жены К. фон дер Борга, синдика Дерптского университета и переводчика русских поэтов на немецкий язык; в его доме Языков жил по приезде в Дерпт. По поводу ритмического рисунка стихотворения Языков писал брату 19 мая: «Не понимаю, почему Амплий Очкин так сильно изумляется прибавке одного слога, против обыкновения, в стихах, о которых ты меня спрашиваешь: это не новость; Жуковский то же делал с хореями, почему же не делать этого и с ямбами? и почему не делать так, как я попробовал? Оно может разнообразить метр и не может мешать его сладкозвучию» (ЯА).

Эпилог («Когда-нибудь, порою скуки...»). Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 45. Автограф, датированный 3 мая 1825, Дерпт, — ПД, альбом Воейковой. Написано в день отъезда А. А. Воейковой из Дерпта.

В альбом Ш. К. («Не часто ль тягостною мукой...»). Впервые — «Санктпетербургский вестник», 1831, № 5, стр. 132, под названием «В альбом». Печ. по изд. 1833, стр. 193, датировано: 1824, Д<ерпт>. Авторизованный список ст. 1—10 и ст. 11—18 — ПД, альбом Воейковой, в составе двух разных стихотворений. Ст. 1—10, с разночтением, входят в качестве ст. 5—14 в стихотворение «Сон», имеющее подзаголовок: «С 8-е на 9-е или 10-е апреля» и эпиграф из «Эпиграммы» И. И. Дмитриева: «Когда же складны сны бывают? *Дмитр*». (Заглавие, подзаголовок, эпиграф — рукой Языкова.) Ст. 11—18 представляют собой самостоятельное стихотворение («Любовь, любовь! я помню живо...»), расположенное в альбоме

сразу вслед за стих. «Сон» (вошло в «Мой Апокалипсис»); далее в альбоме идут еще два отдельных стихотворения: «Не жив поток под сумраком туманов...» и «Теперь мне странны и смешны...». В РБ (1915, № 8, стр. 42) все эти тесно связанные тематически стихотворения были ошибочно опубликованы в качестве частей одного произведения под общим названием «Сон». В изд. 1934 М. К. Азадовский воспроизвел публикацию РБ, но в изд. 1948, познакомившись с записью в альбоме Воейковой, исправил свою ошибку, выделив как самостоятельные произведения стих. «Не жив поток под сумраком туманов...» и «Теперь мне странны и смешны...», а также напечатав вместо двух первых стихотворений — стих. «В альбом Ш. К.», что соответствовало воле автора, выраженной в изд. 1833 (первая публикация Азадовскому известна не была). Решение это представляется правильным, так как достаточно ясная запись в альбоме, факт включения стих. «Любовь, любовь! я помню живо...» в «Мой Апокалипсис» и прижизненные публикации указывают на то, что Языков первоначально написал 4 отдельных произведения, связанных между собою лишь тематически; впоследствии на основе двух первых стихотворений возникло новое произведение («В альбом Ш. К.»), которое и было дважды напечатано Языковым. При объединении двух стихотворений Языков отбросил 4 первых стиха стих. «Сон»:

Я видел сон — чудесный сон!
Но с робкой музою моею
Пересказать его не смею:
Уж я таиться приучен!

Ш. К. — см. стр. 610. Датируется периодом между 10 апреля и 3 мая 1825 г. (последняя дата — день отъезда Воейковой); дата же, указанная в подзаголовке к стих. «Сон», означает, вероятно, число, когда «приснился» этот сон.

«Не жив поток под сумраком туманов...». Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 42. Авторизованный список (см. предыдущее примеч.) — ПД, альбом Воейковой; 3-е стихотворение из четырех, переписанных А. А. Воейковой в альбом (1. «Сон»; 2. «Любовь, любовь! я помню живо...»; 4. «Теперь мне странны и смешны...»). Датируется апрелем или началом мая 1825 г.

«Теперь мне странны и смешны...» Впервые — РБ, 1915, № 8, стр. 43. Авторизованный список — ПД, альбом Воейковой. См. предыдущее примеч. и примеч. к стих. «В альбом Ш. К.» («Не часто ль тягостною мукой...»). Датируется апрелем или началом мая 1825. *«Всё суета, всё суета!..»* — видоизмененное изречение из «Екклезиаста», одной из библейских книг, приписываемой царю Соломону (X в. до н. э.).

Гений. Впервые — НЛ, 1826, январь, стр. 39. Под названием «Зависть гения» было первоначально набрано в альманахе Бесту-

жева и Рылеева «Звездочка» (см.: «Русская старина», 1883, № 7), но так как альманах не вышел, Языков напечатал стихотворение в НЛ. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 19 мая 1825 г. (ЯА). Другие — БЛ и ЦГАЛИ. Печ. по изд. 1833, стр. 37; датировано: 1825, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. Датируется периодом между 10 и 19 мая 1825, так как, во-первых, стихотворения нет в альбоме Воейковой, где есть почти все написанное Языковым за весну 1825 г. (последняя запись — 3 мая, день отъезда Воейковой из Дерпта); во-вторых, «Гений», видимо, не был еще написан и 10 мая, когда Языков сообщал брату: «Очкин мне писал о какой-то «Звездочке»; я не понимаю, что это за явление, а жалею, что теперь ничего ровно не могу прислать ее издателям — впрочем, надеюсь, ежели еще не скоро она выдет в свет» (ЯА). В письме же от 19 мая он уже посылает брату текст «Гения», сообщая, что отправляет его в «Звездочку» (ЯА). *Елисей* — один из библейских пророков, ученик Ильи-пророка; бестрепетно говорил правду царям. По преданию, Елисей присутствовал при вознесении Ильи на небо и унаследовал от него пророческий дар.

<ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ>

Об А. С. Дириной см. стр. 592.

1. «Мне очень жаль, что я сегодня...». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 21. Автограф — ГПБ, архив Дириной, без даты (относится к весне 1825, так как находится среди записей, датированных 1825 г.) *Киселев — см.* стр. 591.

2. «Как цвет небесного эфира...». Впервые — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 482. Автограф, датированный 15 мая 1825, Дерпт, — ГПБ, архив Дириной.

3. «В последний раз в семестре этом...». Впервые — там же, стр. 483. Автограф, датированный 9 июня 1825, — ГПБ, архив Дириной.

М. Н. Дириной («Я обещал — и был готов...»). Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 10. Автограф, датированный 9 июня 1825, — ГПБ, архив Дириной. *М. Н. Дирина* — см. стр. 591. *Мой рай, моя звезда* — автоцитата из «Элегии» («Она меня очаровала...»), см. стр. 164. *Я вам доставлю объясненье.* Исполнением этого обещания явился «Мой Апокалипсис» (см. стр. 184 и 613).

Две картины. Впервые — СЦ на 1826 г. СПб., 1826, стр. 125. Первоначально, с разночтениями, было набрано в альманахе Бестужева и Рылеева «Звездочка» (см. «Русский архив», 1883, № 7), но так как альманах не вышел, Языков передал стихотворение в СЦ. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 16 августа 1825 г.

(ЯА). Автограф, датированный 16 августа 1825, Дерпт, по описанию Е. В. Петухова (ЯА, стр. 418), — в одном из альбомов М. Н. Дириной (16 августа — возможно, дата записи в альбом). Печ. по изд. 1833, стр. 26; датировано: 1825, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. Датируется периодом между 2 и 16 августа. В конце июля Языков вернулся из Петербурга в Дерпт; 2 августа писал брату: «Стихов еще никаких писать я не начал» (ЯА).

Мой Апокалипсис. Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 12. Автограф — ГПБ, архив Дириной. 4-е стихотворение цикла («Поэту радости и хмеля. . .») впервые — НА на 1826 г. СПб., 1825, под названием «Элегия»; вошло в изд. 1833. Для того чтобы не печатать в настоящем издании этого стихотворения дважды, в тексте «Моего Апокалипсиса» оно опускается с отсылкой к стр. 140, где напечатана элегия. Приводим полностью все разночтения текста элегии в «Моем Апокалипсисе»:

Ст. 2—4:

И мне судил всесильный рок
Узнать практического Леля
Нравоучительный урок.

Ст. 8:

Заманчив был мой идеал!

Ст. 15:

Я на парнасскую дорогу

В «Примечания» вошла значительная цитата (ст. 11—18) из стихотворения «В альбом Ш. К.» («Не часто ль тягостною мукой. . .») — см. стр. 178 и 610. Первоначально эти стихи в качестве самостоятельной пьесы были записаны А. А. Воейковой в ее альбоме, вслед за стих. «Сон» («Я видел сон — чудесный сон! . .»), также впоследствии вошедшим в стих. «В альбом Ш. К.» (без 4 первых стихов). Языков писал брату А. М. Я. 19 августа 1825 г.: «Теперь пишу стихи для Дир<иной> — те, которых не прислал из П<е>т<ер>б<урга>» (ЯА). 27 августа он пересылает брату стихи, посвященные М. Н. Дириной, которым «она чрезвычайно обрадовалась» (очевидно, что речь идет о «Моем Апокалипсисе»), а 2 сентября обещает послать со следующей почтой «и комментарии к стихам для Д<ирин>ой», «уже полученным» братом (ЯА). Датируется по этим письмам периодом между 16 августа (дата письма, предшествующего первому упоминанию цикла) и 2 сентября 1825 г. *Апокалипсис* — буквально: «откровение» (греч.); название одной из наиболее мистических и темных книг Нового завета, содержащей в себе пророчества о конце света. *Я обещал вам тогда* и т. д. — см. стр. 182, стих. «М. Н. Дириной». *Сын Давида* — царь Соломон (см. примеч. к стих. «Теперь мне странны и смешны. . .», стр. 611). *И там-*

то место, где она. А. А. Воейкова жила в это время в Петербурге. *Эмбах* (Эмайыги) — река, на которой стоит Дерпт. *Фомина неделя* — первая неделя после святой, пасхальной (иначе: Красная горка). *Дарленкур* Шарль-Виктор Прево (1789—1856) — французский писатель, автор аллегорических поэм и псевдоисторических романов. Наибольшей известностью пользовались в 1820-х годах его романы «Пустынник», «Чужестранка», «Ипсибое» и др. *В посланье гордом и живом.* Имеется в виду послание «К Тютчеву» («Каким восторгом ты пылаешь. . .»), см. стр. 161. *Матери харит.* Языков имеет в виду в этом сравнении не Евриному или Геру (та и другая по различным мифам считались матерями харит), а просто женщину, наделенную всеми прелестями, олицетворяемыми харитами. *Священный союз* — см. стр. 590. *Как М. . . .нова жена.* Кто имеется в виду — не установлено; очевидно, кто-либо из дерптских знакомых Дириных и Языкова. *Дельфический бог* — Аполлон. *Кипридины дети* — здесь, вероятно: влюбленные, любящие.

Элегия («Меня любовь преобразила. . .»). Впервые — «Календарь муз на 1826 г.». СПб., 1826, стр. 124. Автограф, с разночтениями, датированный кем-то карандашом «1824», — ГПБ, архив Дириной. Другой, с новыми разночтениями, — ПД, в письме к П. М. Языкову от 2 декабря 1825 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 144, датировано: 1824, Д<ерпт>. Посылая «Элегию» брату, Языков пишет: «Как и прежде бывало не раз и не два, я пишу теперь элегии на заданные слова. Вот одна из них».

Поэт («Искать ли славного венца. . .»). Впервые — «Московский телеграф», 1826, № 7, стр. 81, датировано: 4 апреля 1826. Автограф, датированный 6 ноября 1825, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной (ЯА, стр. 421). Печ. по изд. 1833, стр. 77; датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 8 ноября 1825 (ЯА). Датируется по автографу ЦГАЛИ.

Элегия («Прощай, красавица моя! . .»). Впервые — в другой редакции — «Московский телеграф», 1826, № 8, стр. 131, под названием «Прощание». Автограф, под названием «Элегия», — ПД, в письме А. М. Я. от 8 ноября 1825 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 139, датировано: 1824, Д<ерпт>. Журнальная редакция значительно отличается от окончательной:

Прощай, прелестница моя!
Он мне знаком, любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь сладкие ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Манил тебя ко храму славы,
Я вдохновенные забавы
Означил именем твоим;
Я счастья ждал: иную долю
Мне провидение дает;

Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю, —
Так я, забыв любовь мою,
Души безумную неволю,
Теперь и весел, и пою.

Датируется на основании писем Языкова. 1 ноября он жаловался брату: «Вот уже недель осемь, как я не писал ни стиха...», а 8 ноября, посылая «Поэта», «К А. Н. Вульфу» и «Элегию», сообщал, что муза его наконец «проснулась» (ЯА).

К А. Н. Вульфу («Скажу ль тебе, кого люблю я...»). Впервые — в другой редакции — «Московский телеграф», 1827, № 4, стр. 132, под названием «А. Н. В—у». Автограф, под названием «К В—у», с незначительными разночтениями, — ПД, в письме к А. М. Я. от 8 ноября 1825 г. (ЯА). См. примеч. к стих. «Поэт» и «Элегия» («Прощай, красавица моя!..»), стр. 614. Другой автограф, с разночтениями, по указанию М. К. Азадовского (изд. 1934, стр. 753), — в альбоме Н. Д. Киселева. Печ. по изд. 1833, стр. 85; название: «К А. Н. В—у», датировано: 1825, Д<ерпт>. Наиболее отличаются в журнальной редакции ст. 9—12:

За песни страстные, за слезы
Она холодностью дарит;
Но пламенны живые розы
Ее пленительных ланит.

Датируется началом ноября 1825, на том же основании, что и предыдущее стих. *Вульф* Алексей Николаевич (1805—1881) — один из наиболее близких товарищей Языкова по Дерптскому университету (изучал военные науки на физико-математическом факультете); приятель А. С. Пушкина, сын владелицы Тригорского П. А. Осиповой. Через него Языков познакомился с Пушкиным. Вульф уехал из Дерпта в 1825 г., Языков до конца жизни переписывался с ним.

К А. А. Воейковой («Забуду ль вас когда-нибудь...»). Впервые — в другой редакции — Б, 1826, № 9, стр. 165, под названием «К А. А.», подпись: Н. Я. В редакции, близкой к окончательной, под названием «К В***», с датой: 14 ноября 1825, — «Славянин», 1827, № 21. Печ. по изд. 1833, стр. 7, датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, под названием «К А. А. В — ой», — ПД, в письме к А. М. Я. от 18 ноября 1825 г. (ЯА). Наиболее существенно отличаются в редакции Б ст. 3—15:

Надежде гордой покорили
Мою застенчивую грудь
И поэтических усилий
Мне вольный указали путь?
Как славы светлая награда,
Как весть любви, в тяжелый час

Мне животворная отрада
Воспоминание о вас.
Златые дни, когда, внимая
Желанью неги и похвал,
И ярко — вами пробужденный
Во мне — свободный и священный
Огонь поэзии пылал...

(Ст. 13—14, вероятно, напечатаны неверно: очевидно, что их следует поменять местами.)
И ст. 30—34:

Взываю к ней без вдохновений:
Мне скучно в поле бытия!
Да воскресит она мой гений,
Да вновь почувствую, кто я.

Датируется по «Славянину». *А. А. Воейкова* — см. стр. 603.

Присяга («Потупя очи, к небесам...»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 716, где опубликовано по альбому М. Н. Дириной, под названием «Клятвенное обещание», с разночтениями и цензурными купюрами. М. И. Семевский указывает, что в другом рукописном сборнике стихотворений датировано 7 августа 1825. Печ. по ЯА, стр. 227 и 230. Автографы — ПД, в письмах к А. М. Я. и П. М. Языковой от 16 декабря 1825 г. Список, под названием «Клятвенное обещание», датированный 10 декабря 1825, — ЦГАЛИ. Список К. Е. Шокальской с альбома М. И. Осиповой, под названием «Клятвенное обещание», датированный 7 августа 1825, — ПД, архив Бестужевых. Другой список, рукой А. М. Я., с разночтением, датированный 1824, Д<ерпт>, — ПД; третий список, с другим разночтением, под названием «Клятвенное обещание», — ГПБ. Датируется по списку ЦГАЛИ. Языков писал сестре: «На прошлой неделе мы присягали новому государю Константину; форма, по которой это делается, дала мне случай написать следующее к одной особе...» (ЯА, стр. 230). Стихотворение записано «в два альбома вдруг», по выражению Языкова, — Дириной и Воейковой (ЯА, стр. 227).

А. Н. Вульфу («Мой брат по вольности и хмелю!..»). Впервые — изд. 1858, т. 2, стр. 293, под названием «К ...», датировано: 1824. Печ. по изд. 1934, стр. 242. Автограф, датированный 16 декабря 1825, Дерпт, — ПД. Другой автограф, с разночтением, по указанию М. К. Азадовского (изд. 1934, стр. 756), — в альбоме Н. Д. Киселева. Список, под названием «К ...», — ПД, в тетради 1846. Датируется по автографу ПД. *А. Н. Вульф* — см. стр. 615. *Мария Дирина* — см. стр. 591. *Моя красавица* — А. А. Воейкова (см. стр. 603), которой посвящали стихи многие поэты. *Тайный Глинка* — Федор Николаевич Глинка (1787—1880), поэт, известный религиозно-мистическими стихами. *Евгений* — Баратынский (см. стр. 655).

Извиненье. Впервые — отрывок (ст. 1—10) — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 716, датировано: 20 сентября 1825. Печ. по изд. 1948, стр. 94, где впервые напечатано полностью по списку А. Н. Вульфа, хранившемуся, по указанию М. К. Азадовского (изд. 1948, стр. 392), в ПД, в бумагах Л. Н. Майкова. Список, датированный 20 декабря 1825, по описанию Е. В. Петухова, находился в одном из альбомов М. Н. Дириной (ЯА, стр. 419). Написано по поводу вступления на престол Николая I.

Н. Д. Киселеву («Я знаю, друг, и в шуме света...»). Впервые — изд. 1833, стр. 209, под названием: «К К. Н. Д.», с цензурными изъятиями и заменами (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 95); датировано: 1825, Д<ерпт>. Список, под тем же названием и с поправками, приближающими текст к изд. 1833, датированный: 1824, Д<ерпт> (первоначальная, зачеркнутая дата: 29 марта 1825), — ПД, альбом А. М. Я. Другой список, с пропуском неудобочитаемых мест, под названием: «Н. Д. К — у. Отчет о любви», — ПД, тетрадь 1846. Печ. по автографу БЛ, из архива Киселева (не вполне точно — изд. 1934, стр. 200); датировано: 25 декабря 1825. На обороте автографа БЛ рукою Языкова надписано: «Николаю Дмитриевичу Киселеву (вместо поздравления)». Таким образом, автограф свидетельствует, что стихотворение было написано не 29 марта, а 25 декабря 1825 г. (т. е. на Рождество), во время пребывания Языкова в Петербурге на праздничных каникулах. *Н. Д. Киселев* — см. стр. 591. *Картуш* (1693—1721) — парижский разбойник.

Видение. Впервые — изд. 1833, стр. 59; датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 16 декабря 1825 (ЯА). Автограф другой редакции — ГПБ, архив Дириной. Датируется на основании письма.

«Увы! я убежден решительно и верно...». Впервые — ЯА, стр. 430. Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева. Другой список, рукой А. М. Я., датированный 1825 г., — ПД, альбом А. М. Я. Третий — также рукой А. М. Я. и с той же датой, но под названием «К», — ПД. Адресат не установлен.

Дума. Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 746, без заглавия, без ст. 8. Печ. по изд. 1934, стр. 244. Автограф — ГПБ, архив Дириной. В альбоме М. Н. Дириной находится среди стихотворений конца 1825 — начала 1826 г.

Элегия («Мечты любви — мечты пустые!..»). Впервые — «Подснежник на 1829 г.». СПб., 1829, стр. 240. Автограф — ГПБ, архив Дириной. В альбоме М. Н. Дириной находится среди стихотворений конца 1825 — начала 1826 г.

«Как живо Геспер благосклонный..». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 22. Автограф — ГПБ, архив Дири-

ной. Находится в ее альбоме среди стихотворений 1825 — начала 1826 г. (за ним сразу следует «Вторая присяга», см. стр. 203). *Безумных дней воспоминанье* и т. д. — воспоминание о встречах с А. А. Воейковой, проведшей весну 1825 г. в Дерпте.

К Шепелеву («Ты мой приятель задушевный...»). Впервые — «Санктпетербургский вестник», 1831, № 2, стр. 61, под названием «К Ш — ву». Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 14 февраля 1826 г. (ЯА). Другой автограф, с разночтением, — ГПБ, архив Дириной. По указанию М. И. Семевского, в рукописном сборнике стихотворений А. Н. Вульфа датировано: 13 февраля 1826 («Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 718). *Шепелев* Петр Николаевич — товарищ Языкова по университету, как и А. Н. Вульф, изучал в Дерпте военные науки (в 1824—1827 гг.).

Вторая присяга («Когда, печальная от страха...»). Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 23. Автограф, датированный 14 февраля 1826, — ГПБ, архив Дириной. Другой автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 14 февраля 1826 г. (ЯА). *Князь-удалец* — великий князь Константин Павлович. *А прежняя присяга — вздор.* После смерти Александра I присягали дважды: сначала Константину, а затем, когда он отказался от престола, — Николаю I.

К А. Н. Вульфу («Мой друг, учи меня рубиться...»). Впервые — в другой редакции — Б, 1826, № 10, стр. 204, под названием «К В — у». Печ. по изд. 1833, стр. 230; название (с опечаткой) «К Н. Н. В—у», датировано: 1826, Д<ерпт>. Автографы с не совпадающими разночтениями: первый — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 27 февраля 1826 г.; второй, датированный 28 февраля 1826, — ГПБ, архив Дириной; третий — ПД, в письме к А. М. Я. от 28 февраля 1826 г. (ЯА). М. К. Азадовский в изд. 1934 (стр. 251), ссылаясь на автограф письма к А. Н. Вульфу, опубликовал какой-то другой текст (ближе всего к редакции Б), не совпадающий полностью ни с одним из известных печатных и рукописных источников. В журнальной редакции после ст. 9 следовало:

Киприды приторную сладость,
Да пробудительные сны,
Да усыпительную радость.
И что я пел? Любовь, мечты!
Я подносил рукой безбожной
Цветы поэзии подложной
Очам подложной красоты.
Теперь служу иному чувству
и т. д.

А. Н. Вульф — см. стр. 615.

М. Н. Дириной («Не в первый раз мой добрый гений...»). Впервые — в другой редакции — НА на 1828 г. СПб., 1828, стр. 15,

под названием «К М. Н. Д.». Печ. по изд. 1833, стр. 226, название «М. Н. Д — ой», датировано: 1824, Д<ерпт>. Автограф, с незначительным разночтением, — ПД, в письме родным и А. М. Я. в Симбирск от 4 апреля 1826 г. (ЯА). Редакция НА очень значительно отличается от окончательной:

К М. Н. Д.

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Всегда с улыбкой благосклонной
Вы слушали приветный глас
Моей души, нередко сонной,
Но вечно ревностной для вас;
Теперь, по-прежнему, с поклоном,
Веселый вами, вам несу
Мою любовь, мою красу —
Мой фимиам пред Аполлоном.

Но что же петь моим стихам?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И непритворные моленья
Я воссылаю к небесам.
Желать ли, да украсит вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да не встречается вам скука,
Да любят вас — богиня звука
И стихотворческий Парнас?
Да процветают ваши годы
Под сенью мирной тишины,
Как мир божественной свободы,
Как утро сладостной весны?
Желаю, но мои желанья —
Они излишни, вижу я;
И ныне ваши достоянья
Все эти блага бытия.

Посылая стихотворение, Языков писал: «1 апреля именинница тебе известная Мария, мне, яко давнишнему ее воспевателю, нельзя было поздравить бесстиховно, и вот что вышло» (ЯА, стр. 245).

Воспоминание («Я не забуду никогда...»). Впервые — «Альбом северных муз на 1828 г.». СПб., 1828, стр. 108. Автограф, под названием «Pot-pourri», с разночтениями, датированный 24 апреля 1826, Дерпт, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. Печ. по изд. 1833, стр. 148, с восстановлением ст. 16 (в изд. 1833: «Вельможи гордые дарят») по авторизованному списку альбома А. М. Я. (ПД),

так как этот стих был изменен в изд. 1833 из цензурных соображений (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 94). В изд. 1833 датировано: 1824, Д<ерпт>. Датируется по автографу. В автографе ЦГАЛИ ст. 15—16 звучат более остро:

Какими рабского поэта
Цари и жены их дарят

Элегия («Любовь, любовь! веселым днем...»). Впервые — Б, 1826, № 9, стр. 168. Автограф, датированный 2 мая 1826, Дерпт, — ПД, собрание В. И. Яковлева. Печ. по изд. 1833, стр. 291; датировано: 1824, Д<ерпт>.

К Шепелеву («В делах вина и просвещенья...»). Впервые — в другой редакции — НА на 1827 г. СПб., стр. 100, под названием «К Ш....ву», подпись: ***. Автографы, с несовпадающими (кроме последних 4 ст.) разночтениями: первый, датированный 15 мая 1826, — ГПБ, архив Дириной; второй — ПД, в письме к А. М. Я. от 21 мая 1826 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 51; название «К Ш — у», датировано: 1825, Д<ерпт>.

В редакции НА и автографах после ст. 36 следует:

Вот всё, товарищ; дай мне руку!
Не позабудь: скорее к нам,
Да снова мы любовь, науку,
Вино и горе пополам!

Датируется по автографу архива Дириной. Языков писал брату: «Вот тебе новейшие стихи мои — послание к Шепелеву, ехавшему и уже уехавшему в Петерб<ург> и далее в Москву, и проч.» (ЯА, стр. 252). *Шепелев* — см. стр. 618. *Кому работала полгода.* Речь идет об А. А. Воейковой (см. о ней стр. 603).

Эпилог («Смотрю умильными глазами...»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 720, где опубликовано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа. Датировано: 29 мая 1826; по указанию Вульфа — относится к М. Н. Дириной. Автограф, с той же датой, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной.

К Татаринову («Хвалю тебя, мой спутник новый...»). Впервые — НА на 1832 г. СПб., 1832, стр. 117; название «К Т — ву», датировано: 1826, подпись: Н. Я. Автограф, под названием «А. Н. Татаринову», датированный 4 августа 1826, — ПД, альбом А. М. Я. Другой автограф, с разночтением, под названием «А. Н. Т.» и с датой 6 августа 1826, — ГПБ. Датируется по автографу альбома А. М. Я. *Татаринов* Александр Николаевич (1810—1862) — земляк Языкова и его дерптский приятель, приехал в Дерпт в 1825 г., а поступил в университет в 1826 г.; автор воспоминаний о Языкове (ЯА, стр. 393—400).

П. Н. Шепелеву («Счастлив, кому дала природа...»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 719, где опубликовано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа, датировано: 6 августа 1826. Печ. по изд. 1934, стр. 258. Автограф, датированный 7 августа 1826, — ПД, альбом А. М. Я. *П. Н. Шепелев* — см. стр. 618. *Моей Елены.* Речь идет об А. А. Воейковой, которую Языков сравнивает с Еленой Прекрасной, героиней «Илиады» Гомера.

«Не вы ль убранство наших дней...». Впервые — «Атеней», кн. 3. Л., 1926, стр. 11. Список К. Е. Шокальской с альбома М. И. Осиповой, датированный 7 августа 1825 (явная ошибка в годе), — ПД, архив Бестужевых. Написано после казни К. Ф. Рылеева (13 июля 1826). По всей вероятности, Языков был лично знаком с Рылеевым. Он печатался в альманахе Рылеева и Бестужева и мог познакомиться с ними в Петербурге в один из своих приездов к брату. Известно также, что Рылеев рекомендовал Языкова в члены Вольного общества любителей российской словесности.

Виленскому («Не робко пей, товарищ мой!..»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 717, под названием «К В — му», где опубликовано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа. Печ. по изд. 1934, стр. 259. Автограф, под названием «Виленскому», датированный 16 августа 1826, — ПД, альбом А. М. Я. *Виленский* Николай — один из товарищей Языкова по Дерптскому университету, где в 1826—1830 гг. изучал камеральные науки. В «Рутении», русской студенческой корпорации, основанной Языковым, заведовал хозяйственной и финансовой частью.

А. С. Пушкину («О ты, чья дружба мне дороже...»). Впервые — с цензурными купюрами (ст. 33—36) — «Санктпетербургские ведомости», 1866, от 17 июня, с датой: 19 августа 1826. Полностью, но с цензурными смягчениями, — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 722, где опубликовано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа, с той же датой. Печ. по «Переписке Пушкина», т. I. СПб., 1906, стр. 365. Автограф — ПД, в письме Языкова к Пушкину от 19 августа 1826. В автографе рядом с наиболее острыми в политическом отношении стихами предложены Языковым цензурные варианты:

Ст. 4:

Святее папской головы
Святее всякой головы

Ст. 13:

Певец изящного, забуду ль

Ст. 24:

Зовем искусства в нашу Русь

Ст. 25:

И я на тридевятом небе

Ст. 33:

И наша древняя Москва
И наша добрая Москва

Другой автограф, под названием «Пушкину», датированный 16 августа 1826, — ПД, альбом А. М. Я. В ст. 4 предложен цензурный вариант: «Милее всякой головы». М. К. Азадовский, опираясь на сообщение Н. Ф. Бельчикова, указывает еще автограф (у М. В. Берг), датированный 16 августа 1826, с заменой ст. 25: «И я на небе, я на небе». В списке Н. Д. Киселева (БЛ, архив Киселева), датированном тоже 16 августа 1826, ст. 4: «Святее барской головы». В бумагах А. А. Краевского (ГПБ) сохранился список, датированный: 1826, Дерпт, где вместо ст. 4 дана строка отточий, карандашом сверху написано: «Святее царской головы», ст. 24: «Зовем искусство в нашу Русь», ст. 33: «И наша добрая Москва»; конец, начиная со ст. 30, зачеркнут чернилами и помечен NB (карандашом); после стихотворения написано карандашом: «Окончание допустить нельзя, а без него пиеса, кажется, не будет удобна для напечатанья. А. Краевский». Датируется 16 августа 1826, так как 19 августа — видимо, дата отсылки письма. *Где и когда мы — ты да я* и т. д. Лето 1826 г. Языков провел в Тригорском, имении матери своего товарища А. Н. Вульфа. Здесь состоялось его знакомство с Пушкиным. *Плоды сладостной Мессины* — лимоны или апельсины. *Творим обеты нашей Гебе.* Речь идет о Е. Н. Вульф, в замужестве Вревской (см. о ней стр. 669). *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — бездарный стихотворец, писавший напыщенным, «надутым» слогом; излюбленным жанром его были торжественные оды. *День царевенчанья* — коронация Николая I (26 августа 1826 г.). *Сороть* — река в Тригорском; над нею, на горе, стоял господский дом.

К П. А. Осиповой («Аминь, аминь! Глаголю вам...»). Впервые — с цензурными купюрами (ст. 1 и ст. 61—65) — «Подснежник на 1830 г.». СПб., 1830, стр. 22, под названием «К П. А. Ос — й», подпись: ***. Авторизованный список (частично автограф), датированный 25 августа 1826, — ГПБ, архив Дириной. Автограф — ПД, альбом А. М. Я., датирован 25 августа; другой, с разночтениями, датированный 26 августа 1826, — ГПБ, в бумагах А. Н. Вульфа. Также с изъятиями цензурного характера (ст. 1, 32—33, 61—65) — изд. 1833, под названием «К П. А. Ос — й»; датировано: 1827, Д<ерпт>. Печ. по изд. 1934, стр. 261, где впервые восстановлены по автографу ПД цензурные изъятия изд. 1833. Датируется по автографу альбома А. М. Я. *Осипова* Прасковья Александровна (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, владелица Тригорского, соседка Пушкина (по Михайловскому) и его приятельница. *Река, где Разин воевал* — Волга. *Знаменитая жена* — А. А. Воейкова, воспетая Жуковским, Баратынским, Козловым и др. *Вольномыслящий поэт* — Пушкин.

К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву. Впервые — в другой редакции — НА на 1827 г. СПб., 1826, стр. 50, под названием «К друзьям». Авторизованный список, под названием «Друзьям», с разночтениями, — ГПБ, архив Дириной (см. предыдущее примеч.). Автограф, с новым разночтением, датированный 27 августа 1826, — ПД, альбом А. М. Я. Под названием «К В — у, Т — у и Ш — у», с разночтениями и без ст. 18, замененного из цензурных соображений точками (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», М., 1935, стр. 91—92), — изд. 1833; датировано: 1826, Д<ерпт>. Печ. по изд. 1844, стр. 50, с восстановлением ст. 18 по автографу и НА. В редакции НА, авторизованного списка и автографа между ст. 20 и 21 следует:

Во мне рождалось вдохновенье,
Возвышен им, я воспитал
Мое спокойное презренье
Ко гласу ветреных похвал;
Я поклялся: молвы приветов
Не слушать в подвиге святом
И по ристалищу поэтов
Промчаться с громом и огнем!

Датируется по автографу альбома А. М. Я. *Вульф* — см. стр. 615. *Тютчев* — см. стр. 603. *Шепелев* — см. стр. 618. *Походы воинства Христова* и т. д. — походы ливонских рыцарей, «меченосцев», против Новгорода и Пскова. *Теперь не праздничаем мы.* Языков в 1826 г. начал подготовку к университетскому экзамену, в частности — по истории. *Давно ли наши знамена* и т. д. Речь идет об Отечественной войне 1812—1814 гг.

Аделаиде. Впервые — в другой редакции — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 238, подпись: ***. В ранней редакции — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 746, где опубликовано по списку А. Н. Вульфа. Автограф, с разночтениями, датированный 12 сентября 1826, — ПД, альбом А. М. Я. (изд. 1934, стр. 274). Список, с разночтениями, рукой А. А. Елагина, — БЛ, архив Елагиных. В воспоминаниях А. Н. Татаринова (ЯА, стр. 396) приводится конец ранней редакции стихотворения (10 ст.), близкий списку БЛ; однако текст не внушает доверия, так как Татаринов цитирует по памяти и некоторые стихи явно им забыты (нарушена рифмовка). Печ. по изд. 1833, стр. 152, датировано: 1825, Д<ерпт>. Различные редакции стихотворения существенно отличаются друг от друга. Наиболее полный текст дает редакция ПД:

Я твой, я твой, Аделаида!
Тобой узнал я, как сильна,
Как восхитительна Киприда,
И как торжественна она!
Ланит и персей жар и нега,

Живые груди, блеск очей,
И волны ветреных кудрей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся мне: любви забавы
Я песнью громкой воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою.

А ты, кого душою страстной
Когда-то я боготворил,
Кому поэзии прекрасной
Я звуки первые дарил, —
Прощай! Меня твоя измена
Иными чувствами зажгла:
Теперь вольна моя камена,
И горделива, и смела,
Я отрекаюсь от закона
Твоих очей и томных уст
И отдаю тебя — на хлюст
Учебной роте Геликона.

В редакции НА нет стихов, обращенных к А. А. Воейковой («А ты, кого душою страстной...» и т. д.) и иначе звучат первые 4 стиха:

Как мысли творческой созданья,
Как сладострастная мечта,
Светла, полна очарованья
Твоя девичья красота

В списке БЛ, по сравнению с текстом автографа ПД, отсутствуют ст. 5—9, есть незначительное разночтение и иначе звучат 4 первых ст. обращения к Воейковой:

А ты, кого моим светилом
И божеством я познавал,
Кому в восторге нежном, милом
Стихи и сердце посвящал

Редакция РА наиболее отличается от автографа ПД во второй части стихотворения, где отсутствует четверостишие, начинающееся ст. «Прощай! Меня твоя измена...», и изменены 2 начальных стиха. *Аделаида* Турниер — цирковая наездница, выступавшая в Дерпте. См. о ней в воспоминаниях А. Н. Татаринова (ЯА, стр. 396). Языков писал впоследствии Вульфу: «Видел ли ты Аделаиду Турниер, известную фиглярку. Она снова наделала здесь много шуму, воспла-

менила сердца, взъерошила головы молодежи. Я нарочно не смотрел ее представление: es war zu risquant <это было слишком рискованно>» (изд. 1934, стр. 773). *Альфа и Омега* — первая и последняя буквы греческого алфавита; здесь: начало и конец.

К Виню. Впервые — изд. 1833, стр. 293; название «К В. Ю.», датировано: 1826, Д<ерпт>. Автограф, датированный октябрем 1826, — ПД, в письме к А. М. Я. от 2 марта 1827 г.; список под названием «К Виню», датированный 1825, — ПД. Датируется сентябрем или октябрем 1826. Адресовано дерптскому студенту де Виньи (изучал экономические науки в 1825—1826 гг.), который был исключен из университета и выслан полицией из Дерпта за то, что во время празднования коронации Николая I (11—13 сентября) оскорбил в пьяном виде какую-то даму. Языков отзывается о нем в письме к А. М. Я. весьма неодобрительно, хотя и просит принять Виньи в Петербурге и обласкать его.

Тригорское. Впервые — с пропусками и искажениями — МВ, 1827, № 2, стр. 83, с подзаголовком «К А. С. П.» (т. е. к А. С. Пушкину). Все изменения и подзаголовок принадлежали редактору журнала М. П. Погодину. Автографы: первый, с посвящением П. А. Ос<ипов>ой, — ПД, из письма к А. М. Я. от августа — ноября 1826 г. (ЯА); второй, без подзаголовка, — ГПБ, архив Цириной. Печ. по изд. 1833, стр. 11, с восстановлением по автографам ст. 3, в котором была сделана цензурная замена («Где гордо именем граждан») (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 93). В изд. 1833 датировано: 1826, Д<ерпт>. *Тригорское* — см. о нем стр. 622. *В стране, где вольные живали.* Имеются в виду древние Новгород и Псков. *Великая Ганза* — торговый и политический союз северонемецких городов (XIV—XVII вв.). *Пока московская гроза не пересиливала веча.* В конце XV — начале XVI в., при московских князьях Иване III и Василии III, вече в Новгороде и Пскове было разогнано Москвой, а вечевой колокол снят. *Душа геройская водила.* Вероятно, имеется в виду Вальтер Плеттенберг (ум. 1535) — магистр Ливонского ордена, затем протектор Ливонии. При нем Ливонский орден достиг наивысшего расцвета. Вел успешные военные действия против Московского великого князя. *Стефан* — Стефан Баторий (1533—1586), польский король. Воевал с Иваном Грозным из-за Лифляндии. Одним из значительных эпизодов этой войны была осада Пскова, который долго сопротивлялся Баторию. Ставка Батория при осаде Пскова была в городище Ворониче, на месте которого расположено Тригорское. *Сороть* — см. стр. 622. *Свободный поэт* — Пушкин. *Богини кастальских берегов* — музы. *Наяда* — здесь: вода, волна. *Там на горе* — в тригорском парке. *Жилище граций* — дом в Тригорском, где жили сестры Вульфа (Александра, Анна, Евпраксия). *Дары Эвтерпы* — музыка.

К Пельцеру. Впервые — НА на 1828 г. СПб., 1828, стр. 332, под названием «К П — ру», подпись: ***. Автограф, с разночтениями,

датированный 23 декабря 1826, — ПД, в письме А. М. Я. от 26 декабря 1826 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 261; название «К П — ру», датировано: 1826, Д<ерпт>. *Пельцер* (Пельтцер) Карл (1801—1863) — университетский товарищ Языкова (в университете числился с 1821 по 1824 г.; оставался в Дерпте, готовясь к экзаменам, до 1828 г.).

Вечер («Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод. . .»). Впервые — «Славянин», 1827, № 26, стр. 457. Список — ПД, альбом А. М. Я. Вошло в изд. 1833, датировано: 1826, Д<ерпт>, и в изд. 1844.

Сомнение. Впервые — «Альбом северных муз на 1828 г.». СПб., 1828, стр. 248. Список — ПД, альбом А. М. Я. Автограф, с разночтением, — ГПБ, архив Дириной. Вошло в изд. 1833, где датируется: 1826, Д<ерпт>.

Олег. Впервые — «Северная пчела», 1827, от 12 февраля. Список, с разночтениями, рукой А. М. Я., — ПД. Автограф последней строфы, с незначительным разночтением, — ПД, в письме к А. М. Я. от января 1827 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 43, датировано: 1826, Д<ерпт>. Наиболее отличаются в журнальном тексте и в списке ПД ст. 88—101:

Как шли по стремнинам бушующих вод,
По высям днепровского брега;
Как в море порывистый ветер носил
Проворные русские челны,
Летела, шумела станица ветрил
И прыгали челны чрез волны;
Как бурно, как смело на бреге чужом
Сражалась, гуляла дружина.
По градам и селам, с мечом и огнем
До града царя Константина;
Как там победитель прибил к воротам
Свой щит, знаменитый во брани,
И как возвратился к своим племенам
С богатством и славы и дани.

Олег (ум. 912 или 922) — великий князь Киевский, прозванный Вещим. Совершил удачный (морской и сухопутный) поход на Византию и, по летописному преданию, прибил свой щит на воротах Царьграда (град Константина, т. е. Константинополь). *Игорь* (ум. 945) — великий князь Киевский, преемник Олега. *Как первый он громом войны огласил Древлян вековые дубравы.* Племя древлян, жившее по правую сторону Днепра, до Олега не знало власти киевских князей. Олег, укрепляя Киевское государство, «примучил» древлян и заставил их платить себе дань.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Первые девять четверостиший впервые — НА на 1827 г. СПб., 1827, стр. 167, подпись: ***. Три последних («Общая судьба», «Безвредная ссора», «Закон природы») впервые — НА на 1828 г. СПб., 1828, стр. 59—60, с нумерацией: 1, 2, 3, подпись: ***. Автограф второго четверостишия («Удел гения») — ПД, в письме к А. С. Пушкину от 19 августа 1826 г. («Отчет имп. публичной библиотеки за 1889 г.». СПб., 1893, стр. 43). М. И. Семевский сообщал в 1867 г., что, «по свидетельству Вульфа», пародии эти сочинены были «среди шуток Языковым вместе с Пушкиным в бытность их летом в Тригорском» («Русский архив», № 5—6, стлб. 741). На основании этого сообщения стихотворения приписывались Пушкину. М. К. Азадовский доказал их принадлежность Языкову (см. изд. 1934, стр. 762—763). Девять первых стихотворений датируются летом — осенью 1826 г., три последних — 1826 или 1827 г. Четверостишия пародируют «Апологи в четверостишиях» (М., 1826) И. И. Дмитриева. В предисловии к книге Дмитриев писал: «Я не забочусь о том, признают ли их баснями или апологами. Соглашаюсь даже и сам назвать их просто „нравоучительными четверостишиями“». Еще Н. О. Лернер определил, какие апологи были пародированы Языковым: «Мораль» и «Верное предсказание» — пародии на «Стихийно жизни путь свершает добродетель...», «Кто любит помогать, тот всякому сродни...», «Что в пользу, то не тяжело...» И. И. Дмитриева; «Мстительность» — на «Мщение пчелы»; «Мартышка» — на «Чадолюбивую мать»; «Закон природы» — на «Репейник и фиалка». О пародиях Языкова см. также в сборнике «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.)». Л., 1960, стр. 722—723. *Пчела ужалила медведя в лоб* — цитата из басни Баркова.

К Музе («Мой ангел милый и прекрасный...»). Впервые — «Славянин», 1827, № 5, стр. 80. Автограф, с разночтениями, — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 21 января 1827 г. Печ. по изд. 1833, стр. 5; датировано: 1826, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. Датируется январем 1827 г., так как, посылая письмо Вульфу, Языков писал: «Вот тебе несколько стихов моей работы: самые свежие» (ГПБ).

Песня («Всему человечеству...»). Впервые — неисправно — изд. 1898, т. 1, стр. 89. Печ по ЯА, стр. 311. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 20 февраля 1827 г.

К Вульфу («Теперь я в Камби, милый мой!..»). Впервые — изд. 1858, т. 1, стр. 104. Автограф — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 19 апреля 1827 г. как первая часть большого послания; вторая его часть («Поверь, товарищ, сладко мне...») позднее была напечатана как самостоятельное стихотворение (см. след. примеч.). Список, рукой А. М. Я., под названием «К ...» и с датой: 1827, Камби, — ПД. Языков писал Вульфу в ответ на приглашение приехать снова в Тригорское: «Третьего дня получил я письмо твое, мой почтенней-

ший и любезнейший Аякс, и отвечаю на него вот так» («Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 728). Датируется, как и след. стихотворение, периодом между 17 и 19 апреля 1827. *Камби* (Камбья) — деревня генерала Кноринга под Дерптом; здесь проводила лето 1823 г. А. А. Воейкова; а в 1827 г., по приглашению хозяина, поселился на лето Языков. *Взгляни, как Федоров Борис Срамит Бориса Годунова.* Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — второстепенный поэт и журналист, опубликовавший в своем альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 г.» (СПб., 1827) «Сцену из трагедии „Годунов“». *Рубикон* — река в Италии, которую Юлий Цезарь перешел вопреки приказу сената; это означало, что Цезарь решился на войну с сенатом и захват власти. Выражение «перейти Рубикон» стало нарицательным.

К Вульфу («Поверь, товарищ, сладко мне...»). Впервые — изд. 1833, стр. 271; название «К В — у», датировано: 1827, Д<ерпт>. Автограф — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 19 апреля 1825 г. (см. предыдущее примеч.). *Возвеселюся, как Сион* — т. е. как иудейский народ после избавления от вавилонского плена.

К П. А. Осиповой («Благодарю вас за цветы...»). Впервые — отрывок (ст. 1—38) — «Санктпетербургские ведомости», 1866, от 17 июня. Полностью — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 733, датировано: 1 мая 1827. Автограф, датированный 1 мая 1827, — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу («Санктпетербургские ведомости», 1866, от 17 июня). *Осипова* — см. стр. 622. *Вдохновенный поэт* — Пушкин. *Сороть* — см. стр. 622. *Тригорское* — см. стр. 622. *Политических сует* — т. е., в словоупотреблении Языкова, суетных занятий, необходимых для человека, живущего в государстве, в обществе (Языков постоянно противопоставляет мир политический миру поэзии).

Катеньке Мойер («Благословенны те мгновенья...»). Впервые — «Славянин», 1827, № 27, стр. 35, под названием «В альбом Катеньке Мойер», датировано: 15 мая 1827, Дерпт. Вошло в изд. 1833. Список, датированный 15 мая 1827, — ПД, альбом А. М. Я. *Катенька Мойер* — см. стр. 600.

К няне А. С. Пушкина («Свет Родионовна, забуду ли тебя?..»). Впервые — СЦ на 1828 г. СПб., 1827, стр. 43, под названием «К няне». Автограф, с разночтениями, датированный 17 мая 1827, Дерпт,— ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 18 мая 1827 г. Печ. по изд. 1833, стр. 115, с исправлением первого ст. по СЦ; название «К няне А. С. П — а», датировано: 1826, Д<ерпт>. В автографе и, по недосмотру, в изд. 1833, в первом ст. няня была названа «Васильевна» («Васильевна, мой свет, забуду ли тебя?»). Посылая стихотворение, Языков писал: «Это обещанное послание к няне (сколько помню, ее зовут Васильевна), это шутка стихотворная,

плод раздумья сердечного и умственного, — прими с улыбкой, мой друг!» («Санктпетербургские ведомости», 1866, от 17 июня). И, узнав о своей ошибке, 6 июня 1827 г.: «Мне очень жаль, что няня не Васильевна! Вот новое доказательство той великой истины, что поэту необходимо знать совершенно предмет своего славословия, прежде нежели примется за перо стихотворное» (там же). *Родионовна* — Арина Родионовна Матвеева (1758—1828). *Град профессоров и скуки* — Дерпт. *Ареевых наук питомец* — А. Н. Вульф, изучавший в Дерпте военные науки и затем поступивший в гусары.

К А. М. Языкову («Теперь, когда пророчественный дар...»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 735, где напечатано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа. Список, рукой А. М. Я., — ПД. В письме от 1 июня 1827 г. Языков писал А. М. Я.: «Для услаждения же твоего ожидания моего приезда написал я к тебе послание, здесь прилагаемое» (ЯА). И в приписке к этому письму: «Покажи оное послание Илличевскому — новизны рифм ради». Датируется на основании этого письма. *К искусствам творческим, высоким и прекрасным* — стих из «Горя от ума» (д. II, явл. 5).

Графу Д. И. Хвостову («Почтенный старец Аполлона!..»). Впервые — «Славянин», 1827, № 36, стр. 388, датировано: 29 июля 1827, Камби. Вошло в изд. 1833, где датировано: 1828, Д<ерпт>. 14 сентября 1827 г. Языков писал родным: «Посылаю вам послание в стихах ко мне Хвостова. Вот в чем дело. Сюда дошли слухи, что в пятом томе его стихотворений, недавно изданном, содержатся самые галиматьистые; желание иметь оный том — и притом безденежно — побудило меня написать послание Хвостову: я получил и послание и пятый том!» (ЯА). *Д. И. Хвостов* (см. стр. 622) отвечал Языкову посланием: «Пускай летал иль только лазил...» *Благословенный царь* — Александр I. *Кубра* — речка в имении Хвостова, воспетая им в ряде стихотворений, Хвостов любил называть себя «певцом Кубры». *Ужас невской непогоды.* Имеется в виду «Послание к *** о наводнении Петрополя» (1824) Хвостова.

К **** («Во имя Руси, милый брат...»). Впервые — изд. 1833, стр. 265; с цензурной заменой в ст. 43: «мишура» вместо «немчура» (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1835, стр. 95); датировано: 1827, Д<ерпт>. Автограф, с разночтениями, под названием «Д. Н. С — у», — в письме к А. М. Я. от 12 июня 1827 г. (ЯА). Обращено к Дмитрию Николаевичу Свербееву (1799—1874) — родственнику и другу Языковых; он был особенно близок с А. М. Я., с которым одно время служил в канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя. В 1820-е годы путешествовал за границей, был в Швейцарии. Впоследствии поселился в Москве, где дом его был одним из центров московской интеллигенции. Написано в связи с его женитьбой на кн. Е. А. Щербатской. Языков писал брату: «Здесь прилагается послание мое к Свербееву; знаю, что в нем

много, очень много недостатков, но главный из них есть, конечно, следствие того, что я не имею чести не только лично, но даже из достоверных преданий знать его почтенную супругу» (ЯА).

Ночь («Померкла неба синева...»). Впервые — МВ, 1827, № 20, стр. 367, датировано: 15 августа 1827, Камби. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 19 августа 1827 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 68, датировано: 1827, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844.

Ручей. Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 231. Печ. по изд. 1833, стр. 9, датировано: 1827, Д<ерпт>. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 1 сентября 1827 г. (ЯА).

На скамейке. Впервые — ЯА, стр. 342. Автограф — ПД, в письме к родным от 14 сентября 1827 г. *Камби* — см. стр. 628. *Изменница Аглая* — возможно, намек на А. А. Воейкову.

К П. А. Осиповой («Плоды воспетого мной сада...»). Впервые — «Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 739, под названием «К П. А. Ос.», датировано: 8 декабря 1827; напечатано по рукописному сборнику А. Н. Вульфа. Автограф, датированный 8 декабря 1827, Дерпт, — ГПБ. *Как Мельпомена Ростовцева иль Княжнина.* Имеются в виду трагедии Я. И. Ростовцева (1803—1860) «Персей» и «Князь Пожарский» и драматические произведения А. Я. Княжнина (1771—1829), сына Я. Б. Княжнина.

Кудесник. Впервые — НА на 1828 г. СПб., 1828 (ценз. разреш. 9 декабря 1827 г.), стр. 345. Печ. по изд. 1833, стр. 141, с исправлением ст. 2 по списку альбома А. М. Я. (ПД), так как в изд. 1833 этот ст. был смягчен по требованию цензуры (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 94). В НА ст. 2: «По праву наследной свободы»; в изд. 1833: «Счастливый дарами природы». В изд. 1833 датировано: 1827, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. В основе лежит летописный рассказ («Новгородская летопись) о событии второй половины XI в. Этот же сюжет использовал в стих. «Эстонский кудесник» и В. Н. Олин («Славянин», 1827, № 21).

Песня («Из страны, страны далекой...»). Впервые — изд. 1833, стр. 276, датировано: 1827, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844.

Элегия («Вы не сбылись, надежды милой...»). Впервые — НА на 1828 г. СПб., 1828 (ценз. разреш. 9 декабря 1827 г.), стр. 212. Список — ПД, альбом А. М. Я. Вошло в изд. 1833; датировано: 1828, Д<ерпт>. Написано, вероятно, как и предыдущее стихотворение, в конце 1827 г., после отъезда А. А. Воейковой в Италию.

К Тихвинскому («Любимец музы и науки!..»). Впервые — изд. 1934, стр. 287. Список, рукой А. М. Я., — ПД. Датируется пред-

положительно, так как написано, судя по содержанию, во время пребывания в Камби. *Тихвинский* Алексей Васильевич был учителем русского языка в Дерптской гимназии, а затем лектором в Дерптском университете (1825—1837). В 1828 г. Языков писал А. М. Я.: «В гимназиях вместо одного теперь будет по два учителя русского языка... Сюда приедет младший учитель, а старшим соделается Тихвинский, который (не тем он будь помянут!) на это дело не годится: слаб характером, туп умом и всегда подвержен насмешкам, шуткам и шалостям своих молодых учеников» (ЯА, стр. 359).

<НОВОГОДНИЕ ЭКСПРОМТЫ>

Впервые — ЯА, стр. 398, в воспоминаниях А. Н. Татаринова. Татаринов рассказывает, что собравшиеся у него в канун 1828 г. русские студенты захотели «встретить Новый год каким-нибудь особенным образом... Решили, что я должен представлять Новый год и декламировать стихи, тут же почти экспромтом продиктованные мне Языковым, и каждому из присутствующих раздать по записочке с шуточным предсказанием судьбы его в наступающем году. Эти предсказания почти все также были написаны Языковым... За несколько минут до 12 часов, когда Старый год, в изношенном халате, с длинною седою бородою, начал уже декламировать стихи свои, Языков, разгоряченный вином, срывает с меня сделанную из золотой бумаги корону, надевает ее на себя, сбрасывает панталоны и рубашку, утверждая, что Новый год не знает моды, и, совершенно голый, шатаясь, врывается в другую комнату к изумленным товарищам. Гомерический хохот и рукоплескания его приветствуют, и он тоном пьяного мужика начинает: „Свободно, весело пируя...“» (ЯА, стр. 398). Процитировав стихотворение Нового года, Татаринов добавляет: «Не помню всего стихотворения, также и всех предсказаний. Нам особенно понравилось четверостишие к В<иленско>му, который часто не мог выходить из дому за неимением панталон, но к Новому году сшил себе новые» (стр. 399). После ст. 4 Татаринов делает ремарку: «(Показывая с презрением на согбенного старца Петерсона)». *С Европы я раздумье сброшу* и т. д. В 1827 г. обострились отношения между Турцией и Россией, поддерживавшей национально-освободительное движение в Греции. В этом конфликте участвовали и европейские страны: Австрия выступала против освобождения греков; Франция и Англия были склонны поддержать требования греков, но пытались добиться урегулирования вопроса мирным путем. Однако в 1828 г. Турция открыла военные действия против России и англо-французского флота, крейсировавшего у берегов Греции. Языков перекликается в этих стихах с одой Державина «На счастье» (1784). Виленский — см. стр. 621.

К А. Н. Вульфу («Помнишь ли, мой друг застольный...»). Впервые — в другой редакции — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 41, подпись: ***. Автограф — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 21 апреля 1828 г. Печ. по изд. 1833, стр. 297, с исправлением по авто-

графу ст. 39, искаженного в печатных текстах цензурой (в НА и изд. 1833: «Право, славная игра»). В изд. 1833 название: К А. Н. В—у», датировано: 1828, Д<ерпт>. Редакция НА и автографа ГПБ существенно отличается от окончательной.

Ст. 5—22:

Хмеля сладостного полны,
Мы лежали, а вдали
Двух костров живые волны
Разливались и росли;
Мы смотрели ярким оком
На товарищей, они
В состязании высоком,
Буйно-смелы, легким скоком
Пролетали чрез огни!
В нас кипела, в нас бурлила
Чародейственная сила
Дум разгульных, удалых,
Чистых, гордых и святых!
Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь *божественной* вдвоем
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

В стихотворении описывается традиционный студенческий праздник 21 апреля — день основания Дерптского университета (см. стр. 417 и 671).

Ст. 40—48:

Разговор небрежно-сонный;
Хохот, спор и крик. . . но вот
На лазурный неба свод,
Светоч мрака благосклонный,
Месяц пышно восстает;
Все уйдут — и я на ложе
Повергаюсь в тишине,
И надежда: завтра то же —
Усладительна ли мне?

Воейкова — см. стр. 603.

А. М. Языкову («Ты прав, бой брат: давно пора. . .»). Впервые — ЯА, стр. 360. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 27 мая 1828 г. Список, под названием «К брату», датированный 1828, Д<ерпт>, — ПД. В марте—апреле 1828 г. А. М. Я. посетил Языкова в Дерпте. Вскоре после его отъезда Языков писал: «Польза твоего посещения относительно меня без сомнения очевидна даже и близорукому рассудку; главное в этом деле богоугодном то, что тут еще сильнее, разительнее представилась вся несообразность, даже, в нравственном смысле, неблагопристойность моего долгопребывания

или долготерпения в Дерпте. Пора опомниться!» (письмо от 5 мая 1828 г., ЯА). Первое письмо, отправленное к А. М. Я. после его отъезда, датировано 21 апреля, на этом основании стихотворение датируется концом апреля или маем 1828 г. *Яко пруги* (церковнослав.) — как саранча. В последние годы жизни в Дерпте постоянное окружение Языкова составляли Пельцер (до отъезда в 1828 г. в действующую армию, см. о нем стр. 626), Степанов (до отъезда за границу, см. стр. 634), Хрипков (см. стр. 664), Тютчев (см. стр. 603), Виленский (см. стр. 621), Наумов (см. стр. 635), Петерсон (см. стр. 647). Некоторыми из этих приятелей (ближе прочих стоял к нему Петерсон) Языков часто тяготился. Когда, например, Наумов ехал в Симбирск, Языков предупреждал А. М. Я. (20 ноября 1828): «Не показывай Наумову стихов: «яко пруги» — понимаешь?» (ЯА).

А. Н. Вульфу («Не называй меня поэтом!..»). Впервые — без ст. 67—79 — «Эхо на 1830 г.». М., 1830, стр. 213, под названием «Послание к А. Н. В—у» и без подписи. Печ. по изд. 1934, стр. 308. Автограф — ГПБ, в письме А. Н. Вульфу от 7 июня 1828 г. Другой автограф, в иной редакции, под названием «А. Н. В—у», с вариантами ст. 36—39, — ПД (из письма от 6 июня 1828 г.). Варианты надписаны поверх текста и подчеркнуты, под стихотворением примечание: «Или то, что подчеркнуто или неподчеркнутое: verschiedene Learten! <различные варианты!>». Послание вызвано неодобрительным отзывом Н. А. Полевого о Языкове в рецензии на СЦ на 1828 г., где Языкову, наряду с третьестепенными поэтами — Плетневым, Ободовским, Туманским, посвящено несколько строк: «Прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах, старание выискать новый оборот для старой мысли г-на Языкова... все это, положим, высказанное в самых гладких стихах, но вечно одно и то же, приговорится и прислушается» («Московский телеграф», 1828, № 1, стр. 127). Языков писал 7 июня А. Н. Вульфу: «На сих днях привел меня бог увидеть, как ничтожил издатель «Телеграфа» еще в начале текущего года мою музочку. Поэты раздражительны вообще, а мне надобно же хоть чем-нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентские. Молва гласит, что Полевой ополчился на меня Дмитриева старца ради, за апологи <см. стр. 627, примеч. к «Нравоучительным четверостишиям»>. Да будет это послание только излиянием души моей, по части полемики, не пускай его по рукам» («Русский архив», 1867, № 5—6, стлб. 741). Эпиграф из оды «К счастию» французского поэта Жана-Батиста Руссо (1671—1741). *«Телеграф»* — «Московский телеграф» (1825—1834), журнал, издававшийся Н. А. Полевым. *Р. А., канастер, вакштаф* — названия сортов табака. *Киммерион.* У Гомера в «Одиссее» северный город, покрытый облаками и туманом; солнце не озаряет этой печальной страны, где беспрестанно царствует ночь. *Одна в пределах дальных.* Больная А. А. Воейкова была в это время за границей. *Прежний доброхот* — Н. А. Полевой, хваливший ранее стихотворения Языкова. *«Славянин»* — военно-литературный журнал (1827—1830), издаваемый в Петербурге А. Ф. Воейковым. *«Северная пчела»* — по-

литическая и литературная газета (1825—1859), издававшаяся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. В ней, как и в «Славянине», неоднократно помещались стихотворения Языкова. *«Московский вестник»* — историко-философский и литературно-художественный журнал (1827—1830), издававшийся М. П. Погодиным. Поначалу журнал поддерживал Пушкин, который усиленно приглашал Языкова сотрудничать в нем. Однако Языков сблизился с Погодиным только в начале 1830-х годов, когда вошел в кружок Киреевских—Елагиных. *Парнасский демагог* — здесь: предводитель народного движения, революционер на Парнасе. *«Афеней»* — «Атеней, журнал наук, искусства и изящной словесности...» (1828—1830); издавался М. Г. Павловым. *Отступник Пушкина.* В 1828 г. в № 4 «Атенея» была помещена статья, посвященная 4-й и 5-й главам «Евгения Онегина». Мелочные придирки этой статьи вызвали почти общее негодование и возбудили оживленную полемику в печати. *«Благонамеренный»* — литературно-художественный журнал (1818—1826), издававшийся в Петербурге А. Е. Измайловым. Языков, хотя и печатался в нем, но считал его малосодержательным. «Славянин», «Северная пчела», «Атеней» и «Благонамеренный» — стояли на правом фланге журналистики.

А. Н. Степанову. Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 12, под названием «А. Н. С — у», подпись: ***. Печ. по изд. 1833, стр. 273; название: «А. Н. Ст — у», датировано: 1828, Д<ерпт>. *Степанов* Александр Николаевич (1807—1848) — студент-филолог, товарищ Языкова по университету, в 1828 г. был отправлен университетом в заграничную командировку. Первое упоминание в письмах Языкова об отъезде Степанова относится к 28 мая, таким образом, стихотворение можно датировать летом 1828 г.

А. Н. Вульфу («Прощай! Неси на поле чести...»). Впервые — СЦ на 1829 г. СПб., 1828, стр. 65. Автограф — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 25 сентября 1828 г. Другой автограф — ПД, в письме к П. М. Языкову от 26 сентября 1828 г. (ЯА). Печ. по изд. 1833, стр. 278; название «А. Н. В—у», датировано: 1829, Д<ерпт>. «Здесь снова ходит слух, — писал Языков А. Н. Вульфу, — что ты отправляешься под знамена войны и славы... у меня есть твое собственное уверение в противоположном, но, может быть, ты снова передумал передуманное, снова воспылал жаждой чести воинской, снова летишь за Дунай? Так вот же тебе на всякий случай послание...» (ПД). А. Н. Вульф отправился в действующую армию только весной 1829 г. *За свободу Геллады пламенных сынов* — т. е. за освобождение Греции от турецкого ига; в 1829 г. по Адрианопольскому договору Греция получила независимость. *Пожар Чесмы.* Чесма — бухта в Эгейском море, где русская эскадра в 1770 г. уничтожила турецкий флот. *Кагул* — приток Дуная; в 1770 г. русские войска одержали здесь победу над турками.

«Вот вам Наумов — мой предтеча...». Впервые — ЯА, стр. 376. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 20 ноября 1828 г.

Стихотворение, по-видимому, не является незаконченным: «и проч.», которым кончается стихотворение в ЯА, относится к тщетным «надеждам» Языкова на близкое возвращение домой — т. е. к постоянным мотивам в его письмах этого времени. *Наумов* Владимир М. (род. 1810) — земляк Языкова, дерптский студент в 1826—1830 гг. После отъезда Языкова стал председателем русской студенческой корпорации «Рутения». Языков относился к Наумову более чем сдержанно: в письме от 26 июня 1828 г. он называет его, цитируя В. К. Тредиаковского, «юноша пыщ, или дутик <т. е. надутый напыщенный>» (ЯА) и относит его к числу надоедающей ему студенческой саранчи (см. стр. 632, примеч. к стих. «А. М. Языкову»). В конце ноября 1828 г. Наумов поехал на свадьбу сестры в Симбирск. *Мой предтеча* и т. д. Языков принял решение уехать из Дерпта и готовился к отъезду; в городе его удерживали только многочисленные долги.

Барону Дельвигу («Иные дни — иное дело!..»). Впервые — СЦ на 1829 г. СПб., 1828, стр. 134. Вошло в изд. 1833, датировано: 1829, Д<ерпт>. Датируется на основании записи в дневнике А. Н. Вульфа от 9 ноября 1828 г. Языков познакомился с Антоном Антоновичем *Дельвигом* (1798—1831) в 1822 г. Дельвиг первый приветствовал его в печати, поместив в 1823 г. в «Соревнователе» стих. «Младой певец, дорогою прекрасной...». Языков постоянно печатался в СЦ и «Подснежнике» Дельвига. *Непроходимо-беспокойно Служенье Фебу в наши дни* и т. д. Выпад против «буйной толкотни» в литературной жизни продиктован, вероятно, отрицательным отзывом Н. Полевого о стихотворениях Языкова, резкими нападками в журналах на Дельвига, на Пушкина (см. стр. 634) и вообще недовольством торговым направлением в русской журналистике.

Развалины. Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828. стр. 7. Печ. по изд. 1833, стр. 53, датировано: 1828, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. 8 ноября 1828 г. Языков писал братьям в Симбирск: «Справедливо извещают вас из Петербурга, что в альманахе Аладьина <НА> будут некоторые мои вам еще неизвестные штуки; их можно назвать междуумками, признаком неустойки моей на пути трудов возвышенных, следствием скуки душевной, утомления сил поэтических — и причиною бог знает чего... (впрочем, вам неизвестного там, кажется, только и есть, что мое «Послание к Степанову» и мои «Развалины»)» (ЯА).

Дева ночи. Впервые — НА на 1829 г. СПб., 1828, стр. 277, подпись: ***. Вошло в изд. 1833. Время написания уточняется письмом издателя НА Е. В. Аладьина от 11 октября 1828 г., в котором он благодарил Языкова за присылку стихотворения. *Родан* — древнее название р. Роны, протекающей через Женевское озеро (древнее название — *Леман*). А. А. Воейкова жила в это время за границей: в Швейцарии, потом Италии.

Песня («Пусть свободны и легки...»). Впервые — ЯА, стр. 424, где опубликовано по автографу альбома М. Н. Дириной, без ст. 13—14, датированному 2 марта 1829, Дерпт. Автограф — ЦГАЛИ. Ст. 13—14 восстановлены, как и в изд. 1934, по тексту студенческой песни, приведенной в гл. 8 романа П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу», СПб., 1864 (см. изд. 1934, стр. 323 и стр. 789). *Волхов, Тибр и Иппокрена* — здесь: свобода и вдохновение. На Волхове стоит Новгород, на Тибре — Рим, города, с которыми связывалось представление о свободе и народовластии. *София* — по-гречески мудрость; св. София считалась покровительницей древнего Новгорода.

Песня («Когда умру, смиренно совершите...»). Впервые — в другой редакции — «Денница на 1830 г.». М., 1830, стр. 120, под названием «Прощальная песнь», подпись: *. Список, рукой А. М. Я., — ПД. Автограф, под названием «Завещание», датированный 22 марта 1829, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной (ЯА, стр. 426). Список ранней редакции, с нотами, с разночтениями, — ПД, альбом Воейковой (Бреверн де ла Гарди). Список последней строфы в ранней редакции, с разночтением, датированный 30 мая 1829, Москва, — ГПБ, фонд М. К. Азадовского. Печ. по изд. 1833, стр. 217; датировано: 1829, Д<ерпт>. Вошло в изд. 1844. В ранней редакции наиболее отличаются:

строфа 2:

Но там, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит свободна и шумна

строфа 4:

Всё тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну пропировать дано,
Чья грудь полна свободой удалою
И любит жизнь за песни и вино!..

Датируется по автографу альбома М. Н. Дириной.

Песня («Дороже почестей и злата...»). Впервые — ЯА, стр. 425. Автограф, датированный 23 марта 1829, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной.

Песня («Разгульна, светла и любовна...»). Впервые — изд. 1833, стр. 269, датировано: 1829, Д<ерпт>. Список, датированный 23 марта, — ПД, альбом А. М. Я. Автограф, с разночтениями, датированный 23 марта 1829, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. П. Красовский в книге «Родной край» (Рига, 1902) пишет, что *Марья Петровна,* воспетая Языковым, была невестой дерптского студента

Филомафитского (впоследствии профессора Московского университета). См. об этом подробнее изд. 1934, стр. 790. В воспоминаниях А. Н. Татаринова также упоминается Марья Петровна: «Воспетая в нескольких стихотвореньях «Марья Петровна» была очень хорошенькая, молоденькая дочь русского купца, с которой Языков едва ли когда-либо говорил. Товарищи, и в особенности неразлучный с ним Петерсон, старались уверить его, что он влюблен в эту красавицу, беспрестанно превозносили ее прелести, водили его мимо ее окошек, и мы все в вакхическом восторге повторяли хором довольно плохую песню: «Да здравствует Марья Петровна, И ручка и ножка ея» и пр. Страсть Языкова ничем не выказывалась, кроме как пустой и притом чужой болтовней, хотя в прекрасном своем стихотворении «Пожар», описав, как мы отстаивали дом М. П — ны, он говорит: „...в тот час Могущество любви познал я в первый раз“» (ЯА, стр. 396).

Отъезд («Недолго мне под этим небом...»). Впервые — «Подснежник на 1829 г.». СПб., 1829, в качестве двух отдельных стихотворений: ст. 73—80 — стр. 160, под названием «А. Н. В — у на отезд его в армию»; весь остальной текст стихотворения, с пропуском ст. 73—80, замененных строками отточий, — стр. 241, под названием «Эпилог», подпись: ***. Печ. по изд. 1833, стр. 167, датировано: 1829, Д<ерпт>. Автограф ст. 73—80 — ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 9 февраля 1829 г. В «Подснежнике» в стих. «Эпилог» к отточиям, заменявшим ст. 73—80, было сделано примечание: «Пропущенные здесь восемь стихов доставлены были прежде, отдельно, издателям «Подснежника», и помещены на 160 стр.». По-видимому, ст. 73—80 были переданы в альманах А. Н. Вульфом. *День великой* — 21 апреля, день основания Дерптского университета (см. стр. 417 и 671). *Когда в порфиру облачилась* и т. д. — т. е. во время коронации Николая I в 1826 г. *Герой любви, рапиры и бутылки* и т. д. — П. Н. Шепелев (см. стр. 620). После окончания университета собирался отправиться с Грибоедовым в Тегеран, но не поехал. В 1828—1829 гг. жил у себя на родине, в Козельске. В письме к Вульфу от 9 февраля 1829 г. Языков писал: «Благодарю тебя за известия о Шепелеве... неужели вся его судьба — настоящая и грядущая — ограничилась околицей Козельска и непозволительными объятиями красотки, как видно легковерной и ветреной» (ГПБ). *И ты!.. Тебя благословляю* и т. д. Речь идет о самом А. Н. Вульфе. *Страдалец скуки томной* и т. д. — А. Н. Тютчев (см. стр. 603). 12 марта 1829 г. Языков писал родным: «Тютчев, мой товарищ по части несовершившегося приготовления к экзамену, он, изленившийся, как я, как я — свободно-бездипломный, уже оставил суеты жития дерптского...» (ЯА, стр. 383). *Ливонские Афины* — Дерпт с его университетом. *Муж государственных наук.* Имеется в виду не профессор государственного права Х. Х. Дабелов, которого называет М. К. Азадовский (Дабелов умер только в 1830 г.), а профессор по камеральным наукам, финансам и торговле Фридрих Эбегард Рамбах (1767—1826), очень любимый Языковым (см. ЯА, стр. 395); умер и похоронен в Ревеле (Таллин).

Песня («Я жду тебя, когда вечерней мглою...»). Впервые — ЯА, стр. 424. Автограф, датированный 9 мая 1829, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. Список, с разночтениями, — Архив Октябрьской революции, коллекция С. П. Мельгунова, в письме от 18 мая 1829 г. О поводе написания рассказывает в своих воспоминаниях А. Н. Татаринов: «Однажды Н — в <Наумов?>, всегда коверкавший стихи, запел вместо: «Я жду тебя, когда зефир игривый...» — «Я жду тебя, зефир игривый...», Языков хохотал почти до истерики и на другой день написал Н — ву миленькое стихотворение, начинавшееся стихом «Я жду тебя, зефир игривый!..» (ЯА, стр. 395).

Прощальная песня («В последний раз приволье жизни братской...»). Впервые — НА на 1830 г. СПб., 1829, стр. 485, подпись: ***. Список ранней редакции с разночтениями, вместе с нотами, — ПД, альбом Воейковой (Бреверн де ла Гарди). Печ. по изд. 1833, стр. 295; датировано: 1829, Д<ерпт>. Автограф, с разночтениями, датированный 10 мая 1829, — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной. Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, — ПД; другой, также с разночтениями, — Архив Октябрьской революции, коллекция С. П. Мельгунова, в письме А. Н. Татаринова к родителям от 31 июля 1829 г. Вошло в изд. 1844. Датируется по автографу.

А. В. Тихвинскому («Как знать, куда моя дорога...»). Впервые — изд. 1833, стр. 128; название «А. В. Т — у», датировано: 1829, Д<ерпт>. Ст. 21 и 40, искаженные цензурой («И процветает мишура»; «Науки, слава, ум и Русь»), восстанавливаются на основании письма В. Д. Комовского от 26 января 1833 г. (см: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 93). Датируется началом 1829 г. (не позднее 11 мая, дня отъезда Языкова из Дерпта). *А. В. Тихвинский* — см. стр. 631. *Дельфический бог* — Аполлон. *Жены хромого кузнеца* — т. е. Венеры, считавшейся женой хромоногого бога-кузнеца Вулкана. *Клянусь тем вечным промыслом, тем богом, Который правит нашу Русь И помогает ей во многом* — автоцитата из стих. «Присяга» (см. стр. 194). *В стране, где богу просвещенья* и т. д. Имеется в виду основание Дерптского университета (1802) Александром I.

«Украины некогда свободной...». Впервые — изд. 1934, стр. 393, под названием «В альбом Маркевичу». Печ. по автографу ЦГАЛИ, датированному 1 июня 1829, Москва. *Маркевич* Николай Андреевич (1804—1860) — украинский поэт и общественный деятель. В 1831 г. выпустил «Украинские мелодии», поэтическое переложение народных украинских преданий и поверий. Судя по стихотворению, Языков был знаком с произведениями Маркевича еще в 1829 г.

К. К. Яниш («В былые дни от музы песнопений...»). Впервые — «Литературная газета», 1830, от 30 июня, под названием «Кар. Кар. Ян... (В альбом)». Печ. по изд. 1833, стр. 146, датировано: 1829, М<осква>. *Яниш* (Павлова) Каролина Карловна

(1807—1893) — поэтесса и переводчица, с которой Языков познакомился в 1829 г. в Москве и продолжал поддерживать хорошие взаимоотношения почти всю жизнь. В 1832 г. он писал братьям о К. К. Яниш: «Вышепоименованная дева есть явление редкое, не только в Москве и России, но и под луною вообще. Она знает чрезвычайно много языков: русский, французский, немецкий, польский, испанский, итальянский, шведский и голландский, — все эти языки она беспрестанно высовывает, хвастаясь ими. Любит громогласить стихи свои, владеть разговором. Довольно недурна лицом: черноокая, пышноволосая, но тоща...» (ПД, письмо от 20 января). В 1844 г. добрые отношения К. Павловой с Языковым были нарушены грубыми выпадами поэта по адресу Чаадаева, Герцена, Грановского (см. стр. 410 и 669).

Элегия («Тот не поэт, в ком не пробудит...»). Впервые — МВ, 1830, № 1, стр. 8. Автограф — БЛ, в письме М. П. Погодину от 3 декабря 1829 г. Вошло в изд. 1833, датировано: 1829, С<имбирск>.

Элегия («Язык души красноречивый...»). Впервые — МВ, 1830, № 4, стр. 335. Вошло в изд. 1833, датировано: 1829, С<имбирск>.

Элегия («Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь...»). Впервые — в другой редакции — НА на 1830 г. СПб., 1829, стр. 155. Список, рукой А. М. Я., — ПД. Печ. по изд. 1833, стр. 103, датировано: 1829, С<имбирск>. Вошло в изд. 1844. В тексте НА наиболее отличаются ст. 15—26:

Он мил твоей душе: он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет;
И в дни, как зимний снег долины устилает
И зеркалом блестит недвижимый залив,
Он, легкие стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж темными брегами,
Летает с края в край отважными кругами!
О нем мечтаешь ты, твой одинокий сон
Неотразимо им украшен и смущен,
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух сумрачный уста твои целуют.

А. И. («Влюблен я, дева-красота...»). Впервые — «Денница на 1831 г.». М., 1831, стр. 94, под названием «Анне Ивановне». Печ. по изд. 1833, стр. 197, датировано: 1829, С<имбирск>. Вошло в изд. 1844. Обращено к *Анне Ивановне* Готовцевой, в замужестве Корниловой, костромской поэтессе. Кроме Языкова, Готовцевой посвятили стихотворения Вяземский и Пушкин.

Графу Д. И. Хвостову («Итак — мне новая награда...»). Впервые — МВ, 1830, № 3, стр. 234, с подзаголовком «При получе-

нии от его сиятельства трех первых томов полного собрания его творений». Автограф, без подзаголовка, — ГПБ. Печ. по изд. 1833, стр. 244; датировано: 1829, С<имбирск>. (В ст. 22 здесь, очевидно, опечатка: «великих дней», по смыслу следует: «веселых», как в МВ и автографе.) 20 сентября 1828 г. Языков писал П. М. Языкову: «Хвостов печатает новое издание всех своих стихотворений, прислал мне первую часть; я уже не рад, что с ним связался — надоест, окаянный!» (ЯА). *Д. И. Хвостов* — см. стр. 622. Хвостов отвечал Языкову посланием «В ответ Николаю Михайловичу Языкову на послание его стихами, напечатанное в 1-й книжке «Московского вестника» 1830 г., в феврале месяце».

Памяти А. Д. Маркова. Впервые — НА на 1830 г. СПб., 1829, стр. 339, под названием «А. Д. М — у». Список, рукой А. М. Я., под названием «Покойному А. Д. М — у», — ПД. Печ. по изд. 1833, стр. 105, с исправлением опечатки в ст. 37 («За мною много красных дней»); датировано: 1829, С<имбирск>. Наиболее отличаются в НА ст. 26—30:

Как сладко мне твои заботы
Питали чувство красоты!
С какою нежностию ты
Лелеял первые полеты
Едва развившейся мечты!

Марков Алексей Дмитриевич — преподаватель русского языка в Горном кадетском корпусе. С Языковым Марков занимался русским языком приватно. Он первый предугадал в нем поэта и старался развивать его поэтические способности. Именно Марков, по выражению М. К. Азадовского, заставил Языкова «основательно пройти школу русского классицизма» (изд. 1934, стр. 793). По его требованию Языков читал, переписывал, учил наизусть стихотворения Ломоносова и Державина. Воспоминания учеников Маркова рисуют его добрым чудаком. (См.: «Воспоминания бывших питомцев Горного института». СПб., 1873, стр. 121.)

Пловец («Нелюдимо наше море. . .»). Впервые — «Денница на 1830 г.». М., 1830 (ценз. разреш. 12 декабря 1829), стр. 65. Список, рукой А.М.Я., — ПД. Печ. по изд. 1833, стр. 79; датировано: 1829, С<имбирск>. Вошло в изд. 1844. Стихотворение было восторженно встречено современниками (см., например, отзыв И. Киреевского, — изд. 1934, стр. 794).

К А. Д. В — у. Впервые — изд. 1948, стр. 286, где опубликовано по списку А. Н. Вульфа, находившемуся в ПД, в архиве Л. Н. Майкова. Адресовано кому-то из симбирских знакомых Языкова; может быть, по очень вероятному предположению И. Д. Гликмана, — Александру Дмитриевичу Валуеву, мужу старшей сестры Языкова — Александры Михайловны (см. Н. М. Языков. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. Л., 1959, стр. 476. При-

ятель, которого рекомендует Языков, по предположению М. К. Азадовского (изд. 1948, стр. 420), — А. Н. Очкин (см. стр. 581), однако это маловероятно, так как в стихотворении «К А. А. Р—у», в котором Языков, очевидно, рекомендует то же самое лицо (судя по портрету), говорится, что Языков «вместе с ним учился». По содержанию и стилю относится к 1820-м годам.

К А. А. Р — у. Впервые — изд. 1948, стр. 287, где опубликовано по списку А. Н. Вульфа, находившемуся в ПД, в архиве Л. Н. Майкова. Адресовано, как и предыдущее послание, кому-то из симбирских знакомых Языкова и рекомендует то же самое лицо. *Измайлова журнал* — «Благонамеренный». *Аруэт* — Вольтер. *В пафосе* — в страсти.

Элегия («Мне ль позабыть огонь и живость...»). Впервые — МВ, 1830, № 13, стр. 8, подпись: «У» (может быть, лат. «у»). Автограф, по указанию Б. Л. Модзалевского, — в альбоме А. Е. Шиповой, урожд. Комаровской («Пушкин и его современники», вып. 11. СПб., 1909, стр. 83).

А. Н. Татаринову («Здорово, брат! Поставь сюда две чаши...»). Впервые — в другой редакции — МВ, 1830, № 5, стр. 6, под названием «Ал. Ник. Тат — ву», датировано: 30 января 1830. Печ. по изд. 1833, стр. 214; название «А. Н. Т — у», датировано: 1829, С<имбирск>. В МВ наиболее отличаются ст. 21—30, составляющие отдельную строфу:

И мнится мне: исполнен вдохновенья
Тебя со мной соединивший час;
О! да хранит десница провиденья
Сады наук, взлелеявшие нас!
Будь нашею отрадою счастливой
Могущество надежды горделивой,
Что станет нам на переход земной
Душевных сил, своих и неизменных,
Веселою свободой пробужденных
На праздниках у младости живой!

А. Н. Татаринов — см. стр. 620. *Наш лучший друг* — Федоров Василий Федорович (1802—1855), товарищ Языкова по университету; в 1829 г. принимал участие в астрономической экспедиции на Арарат *(патриарх гор)*.

К А. Н. Татаринову («Не вспоминай мне, бога ради...»). Впервые — «Литературная газета», 1830, от 12 марта, под названием «К Ал. Ник. Тат — ву». Вошло в изд. 1833, датировано: 1829, Д<ерпт>. Датируется на основании воспоминаний А. Н. Татаринова: «Было время, что он, Языков, ничего не мог написать, не коснувшись Воейковой. Так, по возвращении моем из Дерпта в Симбирск, он написал мне послание, напечатанное на стр. 214 в 1-й части его стихотворений <«Здорово, брат! Поставь сюда две ча-

ши. . .»>, но вскоре принес мне другое, говоря, что первое не полно, потому что забыл упомянуть о В<оейков>ой. Под обоими этими посланиями ошибкой напечатано: 1829, Д<ерпт>, вместо 1830, С<имбирск>» (ЯА, стр. 397). *Душа, одетая в черты* и т. д. — А. А. Воейкова.

<ДОРОЖНЫЕ ЭКСПРОМТЫ>

Стихотворения написаны во время пешей «экспедиции» в Троице-Сергиевскую лавру (см. следующее примеч.). По свидетельству М. А. Максимовича, «Языков в должности «походного виршеписца» слагал стихи на все примечательные места по пути от Москвы к Сергиевской лавре» («Парус», 1859, от 3 января). Дорожных экспромтов Языкова было значительно больше, чем известно в настоящее время, так как, по воспоминаниям М. П. Погодина, «Языков на каждой станции оставил по стихотворению». Погодин приводит запомнившееся ему начало экспромта на с. Алексеевское.

«В древни годы царь премудрый
Здесь судил народ свой Алексей;
Он русский был, он жил без пудры...

Последнего стиха, очень удачно объясненного Пушкиным, не помню» (М, 1850, № 10, стр. 60).

1. На громовые колодцы в Мытищах. Впервые — «Киевлянин», кн. 3. М., 1850, стр. 216, датировано: 1830. Автограф — ПД. Стихи были, по указанию Максимовича, первым экспромтом из написанных в этой экспедиции Языковым. См. также ниже, примеч. к стих. «М. В. Киреевской».

2. <Село Воздвиженское>. Впервые — «Парус», 1859, от 3 января, без заглавия. Содержание экспромта составляет, по словам М. П. Погодина, «воспоминание о казни Хованских во времена стрелецких мятежей, которые погибли двойной смертью, еще в нелепой трагедии Раупаха» (М, 1850, № 10, стр. 60). *Раупах* Эрнест (1784—1852) — немецкий драматург и ученый, ряд лет проживавший в России; был профессором педагогического института; речь идет о его пьесе «Die Fürstin Chovansky» (1818).

3. <При посылке К. К. Яниш ложки деревянной на колесцах, из Троице-Сергиевской лавры>. Впервые — изд. 1898, стр. 193. К. К. Яниш — см. стр. 638. *День чудотворца Николая* — 9 мая, день именин Языкова.

М. В. Киреевской. Впервые — отрывок (ст. 1—20, 30—53) — «Парус», 1859, от 3 января, без подзаголовка, с указанием, что написано 11 мая, по возвращении Языкова в Москву. Впервые полностью — «Русская старина», 1887, № 10, стр. 224, где опубликовано по автографу, принадлежавшему В. Н. Поливанову. Списки, рукой

А. М. Я., датированные 11 мая 1830, — ПД (один среди писем Языкова 1830 г.). Автограф, идентичный тексту «Русской старины» и спискам А. М. Я., по указанию М. К. Азадовского, находился в ПД (изд. 1934, стр. 350 и стр. 800). Стихотворение посвящено «экспедиции» в Троице-Сергиевскую лавру, в которой принимал участие Языков. Относительно состава этой «экспедиции» М. А. Максимович сообщает следующее: «Спутниками А. П—ны Елагиной и дочери ее М. В—ны Киреевской были, кроме Погодина и Языкова, А. О. Армфельд и А. П. Петерсон. Каждый из них исправлял особую должность, принятую на время этой „экспедиции"» («Парус», 1859, от 3 января). Языков писал брату 16 мая 1830 г.: «Шли двое суток, осмотрели почти все и возвратились посредством наемной езды, зане нас настигло ненастье...» (ПД). *Киреевская* Мария Васильевна (1811—1859) — дочь А. П. Елагиной, сестра И. В. и П. В. Киреевских. М. Гершензон называет ее «ревнительницей древнего благочестия» («Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия». М., 1911, стр. V—VI). *Там, где рука императрицы* и т. д. Водопровод в Мытищах, питающий водой Москву, был построен по приказу Екатерины II в конце XVIII в. В 1823 г. он обрушился и в 1830—1834 гг. был восстановлен вновь. *Историк нашего пути* — Михаил Петрович Погодин (1800—1875), историк, литератор, журналист (издатель МВ и М), апологет официальной народности. *Дом жены, которой белы руки* и т. д. — по указанию М. А. Максимовича: «Дом государевой кормилицы Авдотьи Гавриловой Карцевой в с. Больших Мытищах» («Парус», 1859, от 3 января); Погодин же называет ее кормилицей «его высочества цесаревича» (М, 1850, № 10, стр. 60). Очевидно, речь идет о кормилице Николая I.

«Готовяся прилично выдать в свет...». Впервые — изд. 1934, стр. 353. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 26 мая 1830 г. *Селивановской.* М. К. Азадовский считает, что здесь, возможно, высмеивается Семен Аникиевич Селивановский (ум. 1835) как издатель энциклопедического словаря (вышли только 3 тома в 1822—1826 гг.). Однако Селивановский не объявлял заранее о своем намерении издать словарь и о количестве предполагавшихся томов (см.: И. М. Остроглазов. Библиографические заметки. — «Русский архив», 1890, № 11, стлб. 338). Вероятнее, что он назван здесь как владелец типографии, а эпиграмма направлена на другое лицо.

«Вам нравится обычай амазонской...». Впервые — изд. 1934, стр. 353. Список — ПД, альбом А. М. Я. Другой, датированный 8 августа 1830, — ПД; сверху надпись рукой А. М. Я.: «Неизвестной». Возможно, обращено к К. К. Яниш (см. стр. 638), которая любила верховую езду.

Подражание псалму XIV («Кому, о господи! доступны...»). Впервые — «Денница на 1831 г.», М., 1831, стр. 1. Автограф, с разночтениями, датированный 3 сентября 1830, Москва, по указанию Б. Л. Модзалевского, — в альбоме Ю. Н. Бартенева (ИОРЯС, 1910, № 4, стр. 212). Печ. по изд. 1833, стр. 3; датировано: 1831,

М<осква>. Список, рукой А. П. Елагиной, — БЛ, архив Елагиных. Вошло в изд. 1844. В «Деннице» в ст. 19 было сделано редакторское исправление. Языков писал об этом А. М. Я. 18 марта 1831 г.: «В «Деннице» в мною переложенном псалме (XIV) напечатано вместо «свободы» — «природы», галиматья, родившаяся из глупой трусости Максимовича» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 529). *Сионски высоты* — см. следующее примеч.

Подражание псалму CXXXVI («В дни плена, полные печали. . .»). Впервые — в другой редакции — МВ, 1830, № 11, стр. 191, под названием «Псалом 136». Список ст. 1—20, рукой А. П. Елагиной, с разночтениями, — БЛ, архив Елагиных. Печ. по изд. 1833, стр. 135; помета: М<осква>. Дата (1830) снята цензурой из опасения нежелательных применений (вероятно, к революции 1830 г. во Франции). (См.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 94.) Вошло в изд. 1844. В МВ наиболее отличаются: строфа 1:

Там, где Евфрата светлы волны
Шумят в отлогих берегах,
Там восседали мы безмолвны,
С слезами скорби на очах.

строфа 3:

Мы ль оскверним воспоминанье
О славной родине своей,
Предав врагу на посмеянье
Святые песни наших дней

Сион — гора в Иерусалиме, а также крепость и храм, построенные на ней. В Библии Иерусалим и Сион часто означают иудейский народ или даже царство божие. В 588 г. до н. э. Иерусалим, по преданию, был разрушен вавилонским царем Навуходоносором, а жители его были уведены в плен. *Эдом* — древняя страна, упоминаемая в Библии; враждовала с *Израилем* (Иудеей). При разрушении Иерусалима жители Эдома ликовали.

Хор, петый в Московском благородном собрании по случаю прекращения холеры в Москве. Впервые — Объявление о благотворительном концерте в пользу сирот, приложенное к «Московским ведомостям», 1831, от 28 февраля. Автограф, без названия, — БЛ, в письме М. П. Погодину от 1830 г. Вошло в изд. 1833.

Рассвет. Впервые — «Денница на 1831 г.». М., 1831, стр. 120. Вошло в изд. 1833, датировано: 1830, М<осква>, и в изд. 1844.

На смерть няни А. С. Пушкина. Впервые — СЦ на 1831 г. СПб., 1830, стр. 53, под названием «Элегия». Черновой авто-

граф, без последней строфы, под названием «Ирине Р<одионовне>», — БЛ, архив Елагиных. Печ. по изд. 1833, стр. 204; датировано: 1830, М<осква>. См. стих. «К няне А. С. Пушкина», стр. 240 и примеч. к нему, стр. 628. *Там было трое* — Пушкин, Языков, А. Н. Вульф.

Водопад. Впервые — «Литературная газета», 1830, от 10 июня, под названием «Пловец». Список — ПД, альбом А. Н. Вульф. Печ. по изд. 1833, стр. 307; датировано: 1830, М<осква>. Вошло в изд. 1844. В тексте «Литературной газеты» наиболее отличается предпоследняя строфа:

Мирно гибели послушный,
Прибрал он свое весло,
Он потупил равнодушно
Безмятежное чело,
Сжал крестом усталы длани,
И мелькает малый челн
На краю ужасной грани,
Над громадой скал и волн!

Весенняя ночь. Впервые — «Одесский альманах на 1831 г.». Одесса, 1831, стр. 225, с посвящением: «Посвя. Т. . .е Д. . .е», датировано: 25 марта 1831. Список, рукой А. М. Я., — ПД, в письме к В. Д. Комовскому от 28 мая 1831 г. Автограф, с разночтениями, — БЛ, архив Елагиных. С разночтениями и подзаголовком «(Татьяне Дмитриевне)» — изд. 1833; датировано: 1831, М<осква>. Печ. по изд. 1844, стр. 67. Посвящено знаменитой в конце 1820-х — начале 1830-х годов цыганке Тане (Татьяна Дмитриевна, или Демьяновна). В 1832 г., в письме от 30 марта, Языков писал А. Н. Вульфу: «Да! знаешь ли ты мои песни в честь примадонны здешнего цыганского табора? Если нет, то я пришлю их тебе. Да будет тебе известна и новейшая история моего сердца — во всем разнообразии вольной его влюбчивости!» («Литературно-библиографический сборник». Пг., 1918, стр. 69). Татьяной Дмитриевной был увлечен и Пушкин. По преданию, она пела ему свадебную песню накануне его венчания. В 1870-х годах были записаны воспоминания «цыганки Тани» о Пушкине и Языкове, из которых явствует, что ее отношения с Языковым были очень далекими (Н. П. «Цыганка Таня о Пушкине и Языкове». — «Санктпетербургские ведомости», 1875, от 15 мая).

Элегия («Блажен, кто мог на ложе ночи. . .»). Впервые — «Одесский альманах на 1831 г.», Одесса, 1831, стр. 258, датировано: 26 марта 1831. Список, рукой А. М. Я., — в письме к В. Д. Комовскому от 28 мая 1831 г. Печ. по изд. 1833, стр. 242, датировано: 1831, М<осква>. *Т. Д.* — Татьяна Дмитриевна, см. предыдущее примеч.

Перстень. Впервые — «Одесский альманах на 1831 г.». Одесса, 1831, стр. 308, датировано: 26 марта 1831. Список, рукой А. М. Я., датированный 4 июля 1831, без подзаголовка, — ПД. Вошло в изд.

1833; датировано: 1831, М<осква>. Датируется по «Одесскому альманаху». Ценз. разреш. альманаха 17 марта 1831 г.; все стихотворения о Татьяне Дмитриевне, написанные в конце марта, были, очевидно, вставлены в последний момент, уже после общего разрешения цензуры, но трудно предположить, чтобы в этот альманах успело попасть стихотворение, написанное только в июле. *Сей перстень, данный мне тобой.* По воспоминаниям Татьяны Дмитриевны (см. предыдущее примеч.), Языков отнял у нее кольцо, которое потом с большим трудом, через общих знакомых, ей удалось получить обратно.

И. В. Киреевскому («Молод ты! Ну что, что молод?..»). Впервые — изд. 1934, стр. 370. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 23 сентября 1831 г. («Я написал К<иреевскому> следующий мадригал»). *Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856) — критик, публицист, один из крупнейших теоретиков будущего славянофильства. В 1832 г. издавал журнал «Европеец», закрытый после № 3 за либерально-политические тенденции, усмотренные в статьях Киреевского. Начав с либеральных воззрений, Киреевский логикой развития идей о самобытности и особом развитии русского народа был подведен к признанию православия и самодержавия. Языков в Москве жил в доме Киреевских — Елагиных, куда его ввел Петерсон (см. стр. 647), родственник Елагиных.

«Поэт, вхожу я горделиво...». Впервые — «Русская старина», 1886, № 7, стр. 171, датировано: 21 ноября 1831. Автограф, датированный 21 ноября 1831, — ПД, альбом И. В. Киреевского. Об И. В. Киреевском см. выше. *И пересмотришь их архивы.* И. В. Киреевский служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, был одним из «архивных юношей», как называли тогда в Москве талантливую, мыслящую молодежь, собравшуюся в этом архиве; служба в нем была весьма необременительна.

М. А. Максимовичу. Впервые — «Парус», 1859, от 3 января, датировано: 29 ноября 1831, Москва. *Максимович* Михаил Александрович (1804—1873) — издатель альманаха «Денница», историк, фольклорист-этнограф, филолог, деятель украинского национального движения; был профессором ботаники в Московском университете, а с 1834 г. — профессором русской словесности в Киевском. Языков познакомился с Максимовичем у Елагиных.

Е. А. Свербеевой («Мысль неразгульного поэта...»). Впервые — «Европеец», 1832, № 1, стр. 85, под названием «Екатерине Александровне Свербеевой» (на обложке: «Е... А.. С..»). Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, — ПД, в письме к В. Д. Комовскому от 9 декабря 1831 г. Печ. по изд. 1833, стр. 253; название «Е. А. С—ой», датировано: 1831, М<осква>. Автограф, с разночтениями, — ПД, в письме к П. М. Языкову от 18 ноября 1831 г. «Вот тебе стихи, — писал Языков, — по которым ты можешь возыметь некоторое понятие о Свербеевой: в них больше и гораздо больше неправды обо

мне самом, чем об ней». *Свербеева* Екатерина Александровна, урожд. кн. Щербатская (ум. 1892) — жена Д. Н. Свербеева (см. примеч. к стих. «К ****», стр. 629.

Пожар. Впервые — «Телескоп», 1831, № 17, стр. 11. Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, помеченный кем-то 4 июля 1831, — ПД. Вошло в изд. 1833; подзаголовок «А. П.», датировано: 1831, М<осква>, и в изд. 1844. *Петерсон* Александр Петрович — товарищ Языкова, дерптский студент, родственник Елагиных (побочный брат А. П. Елагиной). В последний год своего пребывания в Дерпте Языков жил с Петерсоном и вместе с ним готовился к экзаменам. Петерсон, по мнению вспоминавшего это время А. Н. Татаринова, был «вял, фантазер, с каким-то таинственным, мистическим направлением и потому несколько шарлатан. Но на Языкова имел он большое влияние» (ЯА, стр. 395). В стихотворении, по утверждению Татаринова, описывается, «как мы отстаивали дом Марии Петровны» (стр. 396). О Марии Петровне см. стр. 636.

На смерть барона А. А. Дельвига («Там, где картинно обгибая...»). Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 184, под названием «А. А. Дельвигу». Под названием «А. А. Дельвиху» перепечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» на 1832 г.», № 3. Печ. по изд. 1833, стр. 236, с восстановлением искаженных в печатных текстах цензурой ст. 7—11 по письму Языкова к В. Д. Комовскому (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 62). В изд. 1833 датировано: 1831, М<осква>. Ст. 7—11 в печатных текстах:

Ни в чем не видел он кумира
Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстям земным

А. А. Дельвиг (см. о нем стр. 635) умер 14 января 1831 г. *Олимпа чашница младая* — Геба. *Душой и лирой древний грек.* Дельвиг славился своими идиллиями и стихами в духе античных лириков. *Студент и русский человек* — Языков. *Бог света* — Аполлон.

Песня («Он был поэт: беспечными глазами...»). Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 56. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>. Как и предыдущее стихотворение, посвящено памяти А. А. Дельвига.

Им. Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 79. Печ. по изд. 1833, стр. 153; датировано: 1831, М<осква>. Вошло в изд. 1844.

Бессонница. Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 103. Список, рукой А. М. Я., с разночтением, — ПД. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>.

К. К. Яниш («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»). Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 116, под названием «К — е К—е Я—ь». Список, датированный: 1831, — ПД, архив А. Ф. Кони. Печ. по изд. 1833, стр. 163; название «К — е К — е Яниш», датировано: 1831, М<осква>. *К. К. Яниш* — см. стр. 638. *Два венка.* К. Яниш-Павлова была не только интересным оригинальным поэтом, но и талантливым переводчиком. *Вы на златых струнах переиграли* и т. д. К. Яниш перевела несколько стихотворений Языкова на немецкий язык. Переводы включены в ее сборник «Das Nordlicht», вышедший в 1833 г.

И. В. Киреевскому («Щеки нежно пурпуро́вы...»). Впервые — СЦ на 1832 г. СПб., 1831, стр. 145, под названием «И. В. К.», с подзаголовком «(Об П. В.)». Печ. по изд. 1833, стр. 93; название «И. В. К.», датировано: 1831, М<осква>. Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, под названием «И. В. К — у», — ПД. Вошло в изд. 1844.

Ау! Впервые — «Европеец», 1832, № 1, стр. 86, с цензурным исключением ст. 51—54. Печ. по изд. 1833, стр. 302; датировано 1831, М<осква>. О цензурном изъятии в «Европейце» Языков писал В. Д. Комовскому 29 декабря 1831 г. (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1835, стр. 60).

Воспоминание об А. А. Воейковой («Ее уж нет, но рай воспоминаний...»). Впервые — «Европеец», 1832, № 2, стр. 187. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>, и в изд. 1844. *А. А. Воейкова* — см. стр. 603.

Конь. Впервые — «Европеец», 1832, № 2, стр. 201. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>, и в изд. 1844.

Элегия («Ночь безлунная звезда́ми...»). Впервые — «Европеец», 1832, № 2, стр. 203. Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, — ПД. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>.

С. С. Тепловой. Впервые — «Европеец», 1832, № 3, стр. 370, с опечаткой в названии: «С. С. П — ой». Так как этот номер журнала был конфискован (часть номеров сохранилась), перепечатано — «Телескоп», 1832, № 1, стр. 61. Список, рукой А. М. Я., с той же ошибкой в названии, — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 2 апреля 1832 г. Печ. по изд. 1833, стр. 165; датировано: 1831, М<осква>. *Теплова* Серафима Сергеевна (ум. 1861) — третьестепенная поэтесса 1820-х годов, сестра поэтессы Н. С. Тепловой.

Поэт («Радушно рабствует поэту...»). Впервые — «Европеец», 1832, № 3, стр. 336. Перепечатано — «Телескоп», 1832, № 1, стр. 191. Список, рукой А. М. Я., с разночтением, — ПД. Вошло в изд. 1833; датировано: 1831, М<осква>.

Кубок. Впервые — изд. 1833, стр. 95; датировано: 1831, М<осква>. Вошло в изд. 1844.

Камби. Впервые — изд. 1833, стр. 100, датировано: 1831, М<осква>. Печ. по изд. 1844, стр. 59. *Камби* — см. стр. 628. *Хранительный мой гений* — А. А. Воейкова.

Пловец («Воют волны, скачут волны!..»). Впервые — 1833, стр. 121; датировано: 1831, М<осква>. Вошло в изд. 1844.

На смерть А. Н. Тютчева («Огнем и силой дум прекрасных...»). Впервые — изд. 1833, стр. 250; название «На смерть А. Н. Т — а», датировано: 1831, М<осква>. *А. Н. Тютчев* (см. стр. 603) умер в апреле 1831 г. от скоротечной чахотки.

Мечтания («Поэта пламенных созданий...»). Впервые — «Комета Белы на 1833 г.». СПб., 1833, стр. 154, под названием «Деве». Список, рукой А. М. Я., — ПД. Печ. по изд. 1833, стр. 137, датировано: 1831, М<осква>. Вошло в изд. 1844. В альманахе вместо ст. 14—19 следует:

И вся глубоко ты забылась
В очаровании своем.

Вино. Впервые — «Комета Белы на 1833 г.». СПб., 1833, стр. 178. Список, рукой А. М. Я., — ПД. Вошло в изд. 1833, датировано: 1831, М<осква>.

Поэту («Когда с тобой сроднилось вдохновенье...»). Впервые — «Комета Белы на 1833 г.». СПб., 1833, стр. 213, с цензурным искажением в ст. 13—14. Затем с другим вариантом цензурной замены — изд. 1833; датировано: 1831, М<осква>. С новым вариантом цензурной замены — изд. 1844, с той же датой. Печ. по изд. 1934, стр. 394. Автограф — ПД, в письме Языкова к В. Д. Комовскому от 16 декабря 1831 г. (Н. М. Языков и В. Д. Комовской. Переписка 1831—1833 гг. — «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 55). Другой автограф, датированный 3 марта 1832, Москва, по описанию Б. Л. Модзалевского, — в альбоме Ю. Н. Бартенева (ИОРЯС, 1910, № 4, стр. 215). Цензурная замена в ст. 13—14 в печатных прижизненных текстах:

«Комета Белы»:

Приветно ли взойдет тебе денница,
Ужасен ли судьбины произвол

Изд. 1833:

Приветно ли сияние денницы,
Ужасен ли судьбины произвол

К стр. 323—327

Изд. 1844:

Приветно ли сияет багряница,
Ужасен ли Саулов произвол

Сохранился текст стих. «Поэту», представленный в цензуру 9 февраля 1832 г., в котором рукой цензора Гаевского сделаны изменения (ГПБ, фонд Министерства народного просвещения, т. 5). Стихотворение в качестве программного открывало изд. 1833 г. *Саул* — библейский царь, которого мучил злой дух; муки Саула утихали, когда пастух Давид, будущий царь иудейский, играл на гуслях.

Утро («Пурпу́рово-золотое...»). Впервые — изд. 1833, стр. 126; датировано: 1831, М<осква>.

Стансы. Впервые — изд. 1833, стр. 228; датировано: 1831, М<осква>. Список, рукой А. М. Я., — ПД.

В. А. Елагину. Впервые — изд. 1845, стр. 327, датировано: 1831, Москва. *Елагин* Василий Алексеевич (1818—1879) — брат И. В. и П. В. Киреевских по матери (старший сын Авдотьи Петровны от брака с А. А. Елагиным).

«Виновный пред судом парнасского закона...». Впервые — изд. 1934, стр. 393. Автограф — ПД, в письме Языкова к А. М. Я. от 21 октября 1831 г. Адресат неизвестен.

А. П. Елагиной («Таков я был в минувши лета...»). Впервые — «Парус», 1859, от 3 января. Список, датированный 12 сентября 1832, Москва, — ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, с пометой Одоевского: «Получил от Авдотьи Петровны Елагиной». Другой список, под названием «При портрете», датированный 1 марта 1832, — ПД, альбом А. М. Я. Список, с разночтением, датированный 1 марта 1832, Москва, — ПД. *Елагина* Авдотья Петровна, по первому браку Киреевская (1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских, родственница и друг Жуковского, радушная хозяйка дома, бывшего в 1830-е годы одним из центров московской интеллигенции. А. П. Елагиной Языков посвятил впоследствии свои «Новые стихотворения» (М., 1845). Стихотворение подарено А. П. Елагиной в день ее именин вместе с портретом Языкова работы А. Д. Хрипкова (1829).

Е. А. Тимашевой. Впервые — «Комета Белы на 1833 г.». СПб., 1833, стр. 327, под заглавием «К ***». Печ. по изд. 1833, стр 123, с восстановлением пропущенного ст. 18 по альманаху; название «Е. А. Т — й», датировано: 1832, М<осква>. *Тимашева* Екатерина Александровна (1798—1881) — московская поэтесса. Ей посвящали стихи и посещали ее салон Пушкин, Вяземский, Баратынский, Е. П. Ростопчина и др.

К ...(«Милы очи ваши ясны...»). Впервые — М, 1848, № 9, стр. 8, под названием «Послание». Печ. по изд. 1934, стр. 245, где опубликовано по списку А. М. Я. (ПД). Идентичный список, но без названия, — ПД, альбом А. М. Я. Третий список без названия, — ЦГАЛИ, Татевский архив, коллекция С. А. Рачинского. Авторизованный список, без названия, — ПД, архив С. П. Шевырева. По предположению М. К. Азадовского (изд. 1948, стр. 421), относится к К. К. Павловой. Может быть датировано предположительно 1829 — началом 1830-х годов.

К *** («Живые нежные приветы...»). Впервые — М, 1849, № 5, стр. 70, под названием «Послание». С разночтением и под названием «К ...» — «Раут». М., 1851, с указанием, что за доставку этих стихов следует благодарить К. К. и Н. Ф. Павловых. Список — ЦГАЛИ, Татевский архив, коллекция С. А. Рачинского. Печ. по изд. 1934, стр. 246, где опубликовано по автографу ГПБ (не обнаружен). Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева; другой, рукой А. М. Я., — ПД (сверху красным карандашом Языковым надписано: «Так себе, молодо»). Список, с разночтением, — ПД, альбом А. М. Я.; другой, с иным разночтением, — ПД. Стихотворение относится, вероятно, к К. К. Павловой (см. изд. 1948, стр. 420) и может быть датировано предположительно 1829 — началом 1830-х годов.

«Вы скоро и легко меня очаровали...». Впервые — М, 1849, № 2, стр. 188, под названием «Послание». Печ. по изд. 1934, стр. 246, где опубликовано (с опечаткой) по списку альбома А. М. Я. (ПД). Идентичный авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева. По предположению М. К. Азадовского, относится к К. К. Павловой (изд. 1948, стр. 421). Может быть датировано предположительно 1829 — началом 1830-х годов.

«На праздник ваш принес я два привета...». Впервые — «Русская литература», 1961, № 4, стр. 131, где опубликовано В. Коровиным по списку С. А. Рачинского, подписанному «Языков» (ЦГАЛИ, Татевский архив, коллекция С. А. Рачинского). По убедительному предположению В. Коровина, относится, как и следующее стихотворение («Увенчанный и пристыженный вами...»), к К. К. Павловой; датируется предположительно 1829 — началом 1830-х годов (подробнее см.: В. Коровин. Неизвестный сонет Н. М. Языкова. — «Русская литература», 1961, № 4). *Принес я два привета.* Имеется в виду данный сонет и стих. «Увенчанный и пристыженный вами...».

«Увенчанный и пристыженный вами...». Впервые — «Е. А. Баратынский. Материалы для биографии. Под ред. Ю. Н. Верховского». М., 1916, стр. 18. Автограф — ЦГАЛИ, Татевский архив, коллекция С. А. Рачинского. По предположению В. Коровина, относится к К. Павловой; может быть датировано 1829—началом 1830-х годов (см. предыдущее примеч.).

Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...»). Впервые — Д. В. Давыдов. Сочинения, т. 3. М., 1860, стр. 181, датировано: 17 апреля 1833, с. Языково. Автограф, с той же датой, — БЛ. *Давыдов* Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, герой войны 1812 г. После 1831 г. Давыдов, оставив службу, поселился в своем симбирском имении. В 1831—1832 гг. и происходит сближение Языкова с Давыдовым. Посылая Давыдову первый сборник своих стихотворений (изд. 1833), Языков сопроводил его этим стихотворением.

А. Н. Вульфу («Прошли младые наши годы!..»). Впервые — «Денница на 1834 г.». М., 1834, стр. 87, под названием «А. Н. В — у», с цензурными искажениями, датировано: 15 мая 1833. Печ. по изд. 1845, стр. 16, с восстановлением ст. 26—27, 34, 54, пострадавших от цензурного вмешательства, по списку А. М. Я. (ПД) и на основании переписки Языкова с М. А. Максимовичем. «Мне очень жаль, — писал Максимович, — что нельзя напечатать двух стихов противоцензурных: «академической свободы» (уж не природы ли опять курсивом!) и «как раба не угнетай». Проповедник свободы академической есть контрабанда в нашей литературе, особенно в текущую минуту... да уж и поступитесь мне и словом «ночные» — это уж для меня собственно, ибо я помешался на целомудрии, как вы на гомеопатии» (письмо от 11 октября 1833 г.). Языков отвечал на это 28 октября: «В стихах можно поставить «природы» вместо «свободы» вот как, если вы сами не придумаете лучшей выправки:

Ты провозвестник и герой
Моих стихов и друг природы

Вместо: «а как раба не угнетай» — хоть: «и по возможности читай». Впрочем, во всем этом да будет воля ваша, особенно же в слове «ночные», которое вовсе предаю вашему литературному целомудрию». Цит. по изд. 1934, стр. 818—819; датировано: 1833, Языково. *А. Н. Вульф* — см. стр. 615. Отсылая Вульфу первый сборник своих стихотворений (изд. 1833), Языков сопроводил его этим посланием.

А. А. Фукс. Впервые — МН, 1835, август, кн. 2, стр. 476, под названием «Александре Андреевне Фукс»; датировано: 1834, Языково. Вошло в изд. 1845. *Фукс* Александра Андреевна (ум. 1852) — казанская писательница, этнограф-любительница, жена профессора и ректора Казанского университета К. Ф. Фукса.

Д. П. Ознобишину. Впервые — МН, 1835, сентябрь, кн. 2, стр. 194, под названием «Дмитрию Петровичу Ознобишину», датировано: 1835, Елань. Печ. по изд. 1845, стр. 285; название «Дмитрию Петровичу Ознобишину», датировано: 1835, Елань. Датируется 1834 г. на основании ответного послания Ознобишина («В былые

дни поклонник Феба...»), датированного ноябрем 1834 (ПД). *Ознобишин* Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик, земляк Языкова. *Где ты странствуешь.* Ознобишин много путешествовал за границей и изъездил всю Россию. *Полиглот.* Ознобишин знал языки: греческий, арабский, персидский, немецкий, французский, английский.

Е. Н. Мандрыкиной. Впервые — МН, 1835, сентябрь, кн. 2, стр. 197, под названием «Елене Николаевне Мандрыкиной», датировано: 1834, Языково. Печ. по изд. 1845, стр. 133; название «Елене Николаевне Мандрыкиной», датировано: 1834, Языково. *Мандрыкина* Елена Николаевна — казанская знакомая Языкова.

Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...»). Впервые — в другой редакции — МН, 1835, август, кн. 2, стр. 471, датировано: август 1835, Елань. Автограф — БЛ. Другой, с разночтениями, датированный сентябрем 1835, Елань, — ЦГАЛИ. С изменениями — изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 5; название «Денису Васильевичу Давыдову», датировано: 1835, Елань. В тексте МН наиболее отличаются ст. 46—56:

Где же вы, незванны гости?
Серебристый русский снег
Покрывает ваши кости,
Ваш погибельный побег;
Долго, знать, запировались
Вы в московских теремах,
Как бежали, как сражались,
Так вы пали — и остались
На холодных пустырях!
Знайте крепость нашей силы!
Вы зачем сюда пришли?

Послание было высоко оценено современниками. Давыдов отвечал Языкову восторженно: «Вы меня мчите в поднебесную, как орел голубя. Что за стих! Что за прелесть! И мощно и торжественно...» (Д. В. Давыдов. Соч., т. 3. М., 1860, стр. 152—153). Огромное впечатление произвело стихотворение, по рассказу Гоголя, и на Пушкина: «Живо помню восторг его в то время, когда прочитал он стихотворение к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. Л., 1952, стр. 387—388). *Два венка* — поэтическая и военная слава Дениса Давыдова (см. стр. 652). *Суворов... грудь тебе перекрестил.* Из «Автобиографии» Давыдова известно, что Суворов предсказал тринадцатилетнему Давыдову военную славу и благословил его. *Фениксов костер.* Птица Феникс (егип. миф.) после смерти возрождалась из пепла костра, на котором ее сжигали. *Удальцов твоих налетом.* В войне 1812 г. Давыдов был одним из организаторов и руководителей партизанского движения.

П. В. Киреевскому («Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я...»). Впервые — МН, 1836, март, кн. 1, стр. 72, под названием «П. В. К — у»; «Петр» в тексте заменен: «П...», датировано: 1835, Языково. Авторизованный список, с той же датой, — БЛ, архив Елагиных. Вошло в изд. 1845; название «Петру Васильевичу Киреевскому». *Киреевский* Петр Васильевич (1808—1858) — младший брат И. В. Киреевского, известный славянофил, собиратель народных песен. Языков был очень близок с П. В. Киреевским и находился под его сильным идейным влиянием. Позднее П. В. Киреевский сопровождал больного Языкова за границу. *А что-нибудь большое.* К 1835—1836 гг. относится работа Языкова над «Сказкой о пастухе и диком вепре» и драматической сказкой «Жар-птица». *Карлсбад* — курорт в Австрии (теперь — в Чехословакии). *Ты древлерусские обходишь города.* Речь идет о занятиях П. В. Киреевского историей и бытом древних славян. В 1834 г. он ездил в Новгород, Старую Руссу и другие места, изучая древнюю вечевую Русь.

К ... («Вами некогда плененный...»). Впервые — МН, 1836, май, кн. 2, стр. 217, датировано: 1835, Елань. Вошло в изд. 1845. Адресат не установлен.

Молитва («Моей лампады одинокой...»). Впервые — изд. 1845, стр. 102, датировано: 1835, Елань. Посвящено сестре поэта Екатерине Михайловне Языковой (1817—1852), впоследствии, в 1836 г., вышедшей замуж за славянофила А. С. Хомякова (см. о нем стр. 668).

«Я помню: был весел и шумен мой день...». Впервые — «Русская беседа», 1859, т. 5, стр. 1. Черновой автограф — ПД, в одной тетради со стих. «Сияет яркая полночная луна...». Список (до половины — рукой А. М. Я.) — ПД, альбом А. М. Я. (ЯА, стр. 430). В черновом автографе еще одна строфа, оставшаяся незаконченной, из которой явствует, что это послание предназначалось одной из сестер Языкова. М. К. Азадовский предположительно датирует стихотворение 1834—1836 гг., временем пребывания Языкова на родине в Симбирске (см., например, ст. 18: «Вот милое небо родное»).

Н. А. Языковой. Впервые — МН, 1836, апрель, кн. 2, стр. 694, датировано: 25 марта, Языково. Список — ПД, в письме К. С. Аксакова к М. П. Карташевской от апреля 1836 г. Вошло в изд. 1845, датировано: 1836, Языково. *Языкова* Наталия Алексеевна, урожденная Наумова, — жена А. М. Я. К. Аксаков пишет в своем письме: «Мне хочется непременно написать вам здесь стихи Языкова, недавно им присланные и нигде еще не напечатанные. Языков живет в деревне, не хочет ехать в город и так пишет к своим родным, которые теперь в Москве и которых он зовет к себе опять в деревню...» (ПД).

П. Н. Шепелеву («Он прищурился спесиво. . .»). Впервые — МН, 1836, март, кн. 2, стр. 239, под названием «К. . .», датировано: 1836. Печ. по изд. 1845, стр. 105; название «Петру Николаевичу Шепелеву», датировано: 1836, Языково. *П. Н. Шепелев* — см. стр. 618. 28 марта 1836 г. Языков пишет А. Н. Вульфу: «Поздравляю Шепелева с гусарскими эполетами, неужели он втянется в службу надолго? Желаю ему во всем благого поспешения» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 487).

Е. А. Баратынскому. Впервые — МН, 1836, апрель, кн. 1, стр. 433, датировано: 3 марта 1836. Печ. по С, 1846, № 11, стр. 224, датировано: 4 марта 1836. Вошло в изд. 1845 в редакции МН; название «Евгению Абрамовичу Баратынскому», датировано: 1836, Языково. Языков познакомился с Е. А. Баратынским (1800—1844) 12 июня 1824 г. и сблизился с ним во время пребывания в Москве в 1829—1830 гг. Баратынский был большим поклонником поэзии Языкова. Стихотворение написано в ответ на письмо Баратынского от 28 сентября 1831 г., в котором тот жаловался, что «отстал от стихов», и пересылал Языкову свое стихотворение «Бывало, отрок, звонким кликом. . .» (А. С. Поляков, Н. М. Языков и Е. А. Баратынский (неопубликованные письма). — «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918, стр. 67).

Девятое мая. Впервые — М, 1843, № 7, стр. 1, под названием «9 мая 1839 года», датировано: 1839, Висбаден. Список, рукой Н. В. Гоголя, — ГПБ, архив С. П. Шевырева. Под тем же названием — изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 230; датировано: 1839, Висбаден. *Девятое мая* — день именин Языкова. *Рюмку синюю твою.* Местные вина пили на Рейне из синих хрустальных рюмок. *Висбаден* — немецкий курорт неподалеку от Рейна, славящийся целебными источниками.

Элегия («Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены. . .»). Впервые — М, 1844, № 1, стр. 24, датировано: 3 июня 1839, Theodors-Halle. Вошло в изд. 1844 и в изд. 1845, датировано: 1839, Теодорсгалле. *Сын Брута или Гракха* — т. е. потомок героев древнего свободолюбивого Рима. Брут Марк Юний (79—42 до н. э.) — республиканец, глава заговора против Юлия Цезаря, участник его убийства. Гракхи, Тиберий и Кай (II в. до н. э.), — два брата, знаменитые римские политические деятели-республиканцы. Theodors-Halle — солеварни в Крейцнахе (см. стр. 657).

К стихам моим. Впервые — М, 1842, № 1, стр. 12. Вошло в изд. 1845, датировано: 1839, Теодорсгалле.

Элегия («День ненастный, темный; тучи. . .»). Впервые — С, 1843, № 1, стр. 140, под названием «День ненастный». Печ. по изд. 1845, стр. 140, датировано: 1839, Теодорсгалле. *Медик молодой* — Иван Петрович Постников, врач, сопровождавший Языкова за границу.

Пловец («Еще разыгрывались воды...»). Впервые — М, 1841, № 8, стр. 291. Печ. по изд. 1845, стр. 174; датировано: 1839, Теодоргалле. Список, рукой А. М. Я., под названием «В альбом Постникову», — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 1 октября 1839 г. («Вот вам стихи Н<иколая> М<ихайловича>, присланные сюда его камердинером»). Датируется на основании этого письма. Постников — см. предыдущее примеч.

Ницца приморская. Впервые — М, 1841, № 3, стр. 8, датировано: 10 декабря 1839, Ницца. Список, рукой Е. А. Елагиной, с той же датой, — БЛ, архив Елагиных. Печ. по изд. 1844, стр. 83. Вошло в изд. 1845, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста.

Буря. Впервые — М, 1841, № 1, стр. 58. Автограф — ПД, в письме к П. М. Языковой от 15 декабря 1839 г. Список, рукой А. М. Я., под названием «Начало бури», датированный 15 декабря 1839, — ПД. В списке одно разночтение (возможно, результат неправильного прочтения автографа). Вошло (с опечаткой в ст. 3: «спустились» вместо «спустилась») в изд. 1844 и в изд. 1845; датировано: 1839, Ницца приморская, предместье Мраморного креста.

Морская тоня. Впервые — М, 1841, № 10, стр. 332, датировано: 17 декабря 1839. Список, рукой Е. А. Елагиной, с той же датой, — БЛ, архив Елагиных. Вошло в изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 114; датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста.

Малага. Впервые — С, 1841, т. 24, стр. 74, датировано: 17 декабря 1839, Ницца. Печ. по изд. 1844, стр. 84. Вошло в изд. 1845, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста.

Корабль. Впервые — М, 1843, № 7, стр. 3, без названия, датировано: 18 декабря, Ницца. Список, рукой Н. В. Гоголя, с той же датой, — ГПБ, архив С. П. Шевырева. В качестве второго стихотворения цикла из двух стихотворений (1-е: «Струится и блещет, светло как хрусталь...») под общим названием «Корабль» — изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 229; датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста.

Ундина. Впервые — С, 1841, т. 22, стр. 18, датировано: 26 декабря 1839, Ницца. Список, рукой А. М. Я., с незначительным разночтением, — ПД. Печ. по изд. 1845, стр. 176; датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста. *Жуковского «Ундина»* — поэма В. А. Жуковского, стихотворное переложение прозаической повести де Ламот Фуке (1777—1843). Отдельным изданием «Ундина» Жуковского вышла в 1837 г.

Элегия («Толпа ли девочек крикливая, живая...»). Впервые — М, 1842, № 1, стр. 13. Печ. по изд. 1845, стр. 293, датиро-

вано: 1839, Ганау, «Золотой Сарай». Список, рукой Н. В. Гоголя, — по описанию Б. Л. Модзалевского, в альбоме А. Е. Шиповой, урожд. Комаровской («Пушкин и его современники», вып. 11. СПб., 1909, стр. 89). *На фабрику сучить сигары поспешая.* В Ганау (немецкий город на Майне) было большое количество сигарных и табачных фабрик. *Диц* — хозяин гостиницы и большого сада в Ганау. *«Золотой Сарай»* — видимо, гостиница.

Крейцнахские соловарни. Впервые — изд. 1845, стр. 243, датировано: 1839, Теодорсгалле — Крейцнах. *Крейцнахские соловарни.* Крейцнах (город в Рейнской провинции) известен своими соляными источниками. *Два сарая под горами* и т. д. Имеются в виду приспособления для добывания и очистки соли. *Иксионское колесо* (греч. миф.) — пылающее колесо в преисподней, к которому был прикован наказанный богами царь Иксион. 15 мая 1839 г. Языков писал А. М. Я. из Крейцнаха: «С гор, говорят, вид прекрасный, а за ними нам ничего не видно, кроме длинных сараев, в коих процеживается соленая вода, огромного колеса, вечно движущегося тихо, тихо, тихо, и маленького садика...» (ПД).

Гастуна. Впервые — изд. 1845, стр. 288, датировано: 1839, Ницца приморская, предместье Мраморного креста. *Гастуна* — старинное название Гаштейна, долины близ Зальцбурга (Австрия), где впоследствии был устроен курорт. *Парацельс* Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) — знаменитый немецкий врач и естествоиспытатель.

Иоганнисберг. Впервые — в другой редакции — С, 1841, № 1, стр. 130. Печ. по изд. 1844, стр. 85. Вошло в изд. 1845, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста. Ст. 14—18 в журнальной редакции:

Ивановой горой зовут ее — она
Почтенней всех других и громче во вселенной.
На ней одной растет напиток драгоценный —
Вино, доступное немногим под луной, —
Вино первейшее. Струею золотой

Иоганнисберг — буквально: Иванова гора; знаменитая по виноделию деревня в Пруссии на правом берегу Рейна; известный курорт.

Переезд через приморские Альпы. Впервые — в другой редакции — С, 1842, № 3, стр. 93, под названием «Переезд через Апеннины». Печ. по изд. 1845, стр. 96, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста. Наиболее отличаются в журнальной редакции ст. 4—7:

Судьбой гонимые. Окольною дорогой,
И в ночи темные, и в сумрачные дни
Глубокой осени тащили нас кони,
Дрожа от холода, и тощи и не рьяны

Комские воды — оз. Комо в Италии. *Турин* — провинция *Пьемонта,* области на западе Италии, граничащей с Швейцарией и Францией.

Маяк. Впервые — М, 1841, № 12, стр. 289. Печ. по изд. 1845, стр. 241, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста.

К. К. Павловой («Забыли вы меня! Я сам же виноват. . .»). Впервые — М, 1841, № 2, стр. 348, датировано: 15 февраля. Список, рукою Н. В. Гоголя, — ГПБ, собрание М. П. Погодина. Другой список, рукой М. В. Киреевской, под названием «К К. К. Павловой», — БЛ, архив Елагиных. Вошло в изд. 1845; название: «Каролине Карловне Павловой», датировано: 1840, Ницца приморская, предместье Мраморного креста. *К. К. Павлова* — см. стр. 638. *Ганау* — см. стр. 657, примеч. к ст. «Элегия». *Диц* — см. стр. 657. *Крейцнах* — см. стр. 657. *Черные сараи, колесо* — см. стр. 657, примеч. к стих. «Крейцнахские соловарни». *Гастуна* — см. стр. 657. *Зальцбург* — см. стр. 657, примеч. к стих. «Гастуна». *Комо* — см. выше. *Савона* — город в северной Италии, на берегу Генуэзского залива. *Островок* — о. Эльба в Средиземном море, у западных берегов Италии, куда первоначально был сослан Наполеон. *Какой венок теперь на ней* — см. стр. 648, примеч. к стих. «К. К. Яниш».

Графу В. А. Соллогубу. Впервые — «Утренняя заря на 1841 г.». СПб., 1841, стр. 307, датировано: 25/16 марта, Ницца. Авторизованный список, с той же датой и цензурным разрешением, — ГПБ, фонд М. К. Азадовского (список был послан в подарок В. А. Соллогубу, который и представил его в цензуру). Печ. по изд. 1845, стр. 236; название «Графу Владимиру Александровичу Соллогубу»; датировано: 1839, Ницца приморская, предместье Мраморного креста. В дате альманаха и списка явная ошибка: разница между старым и новым стилем в XIX в. составляла 12 дней, следовательно речь идет о 28/16 марта. Датируется 1840 г., так как Языков был в Ницце зимой 1839 — весной 1840 г. *Соллогуб* Владимир Александрович (1813—1882) — писатель, дерптский студент в 1830—1834 гг., так же как и Языков — симбирский помещик. Соллогуб посвятил Языкову свою знаменитую «Серенаду», перекликающуюся со студенческими песнями последнего. *По способу певца «Вильгельма Телля».* Имеется в виду «способ» приготовления пунша, описанный в «Пуншевой песне» («Силы четыре. . .») Шиллера (1803).

Морское купанье. Впервые — С, 1841, т. 23, стр. 181, без названия, датировано: 17 июня 1840, Ницца. Список — ПД. Авторизованный список, рукой П. М. Языкова, с разночтением, — ПД, в письме Языкова и П. М. Языкова родным от 19/7 сентября <1840>. С разночтением и без ст. 9 — М, 1841, № 6. Печ. по изд. 1844, стр. 42. Вошло в изд. 1845, датировано: 1840, Ницца, предместье Мраморного креста.

К Рейну. Впервые — С, 1841, т. 21, стр. 219. С разночтениями — М, 1841, № 3, датировано: 1 августа 1840, Гастейн. Вошло

в изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 11; датировано: 1840, Ницца приморская, предместье Мраморного креста. В М сделано редакционное примечание, что печатается после С, по тексту, полученному от автора, в котором есть «варианты важные», «особенно это «погодка низовая», которая в «Современнике» заменена „погодой верховой“» (М, 1841, № 3, стр. 3). Однако Языков в изд. 1845 снова вернулся, с некоторым изменением, к первоначальному варианту: «погодка верховая». *Погодка верховая* — северо-западный ветер на Волге. *Тверца, Сура, Свияга, Самара, Черемшан, Иргизы, Сызран* и др. — притоки Волги. *Биармия* — скандинавское название древней северной страны, которая была расположена или на побережье Белого моря (простиралась до Урала), или, по другой версии, — на территории древней Перми (туда входили части Архангельской, Новгородской, Вятской и Пермской областей). *При звоне синих хрусталей* — реминисценция из стих. Батюшкова «Переход через Рейн» («Вино из синих хрусталей»); см. также примеч. к стих. «Девятое мая», стр. 655.

Ниццарке. Впервые — С, 1842, № 3, стр. 109, под названием «К ниццарке». Список, рукой А. М. Я., датированный 15 декабря, — ПД. Печ. по изд. 1845, стр. 312; датировано: 1840, Ницца, предместье Мраморного креста. *Миньона* — героиня романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера».

Альпийская песня. Впервые — М, 1842, № 4, стр. 297, под названием «Гастуна». Печ. по изд. 1845, стр. 290; датировано: 1840, Вильдбад-Гаштейн. *«Мальбрук в поход поехал...»* — «Мальбрук в поход собрался...», французская сатирическая песенка об английском генерале, герцоге Мальборо (1650—1722). *Гастуна* — см. стр. 657. *Вильдбад-Гаштейн.* Одно из трех курортных мест в долине Гаштейн (см. стр. 657), расположено наиболее высоко (Гофгаштейн и Дорфгаштейн расположены ниже). Климат в Вильдбад-Гаштейне холодный, дождливый.

Вечер («Ложатся тени гор на дремлющий залив...»). Впервые — С, 1841, т. 24, стр. 65.

А. А. Елагину. Впервые — «Русская беседа», т. 2. СПб., 1841, без стр., без названия. Затем, под названием «Алексею Андреевичу Елагину» и с датой: март, 1841, Ганау, — М, 1842, № 2. Печ. по изд. 1845, стр. 66; название «Алексею Андреевичу Елагину», датировано: 1841, Швальбах. *Елагин* Алексей Андреевич (ум. 1846) — муж А. П. Елагиной (по первому браку — Киреевской), отчим братьев Киреевских, человек прекрасно образованный, в том числе философски. Языков был с Елагиным в самых дружественных отношениях. В 1831 г. он держал с ним пари, что напишет 2000 ст. за год, и это пари, по собственному признанию Языкова, имело для него сильное побудительное значение.

К. К. Павловой («В те дни, когда мечты блистательно и живо...»). Впервые — «Литературный вечер», М., 1844, стр. 162,

датировано: март, 1841, Ганау. Вошло в изд. 1845, датировано: 1841, Ганау. Ответ на стихотворение К. Павловой «Ответ» («Невероятный и нежданный...», 1840), в свою очередь являющееся откликом на послание Языкова К. К. Павловой 1840 г. («Забыли вы меня! Я сам же виноват...»). На послание 1841 г. К. Павлова ответила стих. «Ответ на ответ» («Приветствована вновь поэтом...», 1842). *У Красных у ворот* — т. е. в доме Елагиных — Киреевских.

Песня балтийским водам. Впервые — М, 1842, № 3, стр. 13, датировано: 20 ноября, 1841, Ганау. Список, рукой Е. А. Елагиной, с разночтениями, — БЛ, архив Елагиных. Вошло в изд. 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 1; датировано: 1841, Ганау. *Песню любви удалого Гаральда.* Имеется в виду «Песнь Гаральда Смелого», произведение древней северной поэзии XIII в., известная русскому читателю главным образом по «Истории Дании» Маллета (см. стр. 582). Многократно подвергалась поэтической обработке (Львов, Богданович, Батюшков). Гаральд Смелый (1015—1066), впоследствии король Норвегии, любил дочь Ярослава Мудрого Елизавету, которая изображена в песне непреклонной; он женился на ней в 1045 г. *Ганзейское братство* — Ганза (см. стр. 625). *Почтенно уважили вы Елагиных.* В 1841 г. Елагины ездили за границу. В пути корабль, на котором они ехали, потерпел аварию и чуть было не погиб со всеми пассажирами.

Элегия («Поденщик, тяжело навьюченный дровами...»). Впервые — «Вчера и сегодня». СПб., 1845, стр. 96. Вошло в изд. 1845, датировано: 1841, Ганау. Список, рукой А. М. Я., с разночтениями, датированный 24 (нов. ст.) декабря 1841, Ганау, — ПД, в письме А. М. Я. родным от 11 февраля 1842 г.

Н. В. Гоголю. Впервые — М, 1842, № 6, стр. 229, под названием «Г***». Печ. по изд. 1844, стр. 74. Вошло в изд. 1845; название «Николаю Васильевичу Гоголю», датировано: 1841, Ганау. С Гоголем Языков познакомился в 1838 г. на курорте в Ганау. Вместе они путешествовали по Италии, зимовали в Риме, и Языков строил планы их совместного житья в России. Гоголь, несомненно, имел определенное влияние на Языкова. Стихотворение, возможно, является ответом на письмо Гоголя от 23 октября 1841 г., в котором он писал: «Я теперь в Москве... Жизнь наша может быть полно хороша и безбурна... У меня на душе хорошо, светло. Дай бог, чтоб у тебя так было светло и хорошо во все время твоего ганавского затворничества» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1952, стр. 351). Строки о *немце* вызвали едкую пародию Некрасова («Послание к другу из-за границы»). *Гальм* Фридрих (1806—1871) и *Ленау* Николаус (1802—1850) — австрийские поэты, драматурги.

Элегия («Бог весть, не втуне ли скитался...»). Впервые — М, 1841, № 11, стр. 5. Вошло в изд. 1844 и в изд. 1845, датиро-

вано: 1841, Швальбах. *Швальбах* — курорт в Германии с железистыми источниками.

Элегия («На горы и леса легла ночная тень...»). Впервые — М, 1845, № 3, стр. 9, датировано: 1840, Ницца, без подписи. Список первоначальной редакции, рукой А. М. Я., — ПД, в письме А. М. Я. родным от 11 февраля 1842 г. Датируется на основании этого письма.

Изречение А. Д. Маркова. Впервые — М, 1842, № 8, стр. 239, под названием «Изречение А. Д. М — а». Автограф — ПД, в письме Языкова к родным от 20 июля 1842 г. Вошло в изд. 1845; название «Изречение Алексея Дмитриевича Маркова», датировано: 1842, Вильдбад-Гаштейн. Датируется на основании письма Языкова. *А. Д. Марков* — см. стр. 640. *Катон* Марк Порций Младший (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, противник Юлия Цезаря. В «Фарсалии» Лукана (36—65) Катон на границе Ливийской пустыни дает своим воинам клятву разделять с ними все тяготы пути: мучения голода и жажды и проч. Этот эпизод был переведен Ф. Глинкой («Сын отечества», 1817, кн. 44).

Гора. Впервые — М, 1842, № 9, стр. 2. Автограф — ПД, в письме Языкова родным от 20 июля 1842 г. Список, рукой А. М. Я., с разночтением, — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 11 августа 1842 г. Вошло в изд. 1844 и 1845, датировано: 1842, Вильдбад-Гаштейн. Датируется на основании письма Языкова.

Море. Впервые — М, 1843, № 9, стр. 17. Список, рукой А. М. Я., — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г. В изд. 1844 — в качестве первого стихотворения цикла из двух стихотворений под общим названием «Корабль». Печ. по изд. 1845, стр. 313, датировано: 1842, Венеция.

Весна. Впервые — М, 1843, № 10, стр. 289. Список, рукой А. М. Я., — ПД, в письме В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г. Вошло в изд. 1844 и в изд. 1845, датировано: 1843, Рим.

Элегия («Опять угрюмая, осенняя погода...»). Впервые — М, 1844, № 9, стр. 2, датировано: 10 июня 1843, Гаштейн. Вошло в изд. 1845, датировано: 1843, Вильдбад-Гаштейн. *Опять угрюмая, осенняя погода.* См. стр. 659, примеч. к «Альпийской песне».

Элегия («В тени громад снеговершинных...»). Впервые — М, 1844, № 7, стр. 1, с подзаголовком: «И. П. П.», датировано: 10 июня 1843, Гаштейн. Печ. по изд. 1845, стр. 145; подзаголовок «Ивану Петровичу Постникову», датировано: 1843, Вильдбад-Гаштейн. *И. П. Постников* — см. стр. 655.

Элегия («В Гаштейне общий стол невыносимо худ...»). Впервые — изд. 1934, стр. 593. Список, рукой А. М. Я., — ПД, в

письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г. *Гаштейн* — см. примеч. к стих. «Гастуна», стр. 657.

Элегия («И тесно и душно мне в области гор...»). Впервые — *М*, 1844, № 11, стр. 9, под названием «Горы», датировано: 16 июня 1843, Гаштейн, без подписи. Печ. по изд. 1844, стр. 76. Автограф, датированный 6 июня 1843, Гаштейн, — ГПБ, архив С. П. Шевырева. Вошло в изд. 1845, датировано: 1843, Вильдбад-Гаштейн.

Князю П. А. Вяземскому. Впервые — С, 1844, № 7, стр. 96; под названием «Князю П. Ан. Вяземскому», датировано: 16 апреля 1844. Печ. по изд. 1845, стр. 329; название «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»; датировано: 1844, Москва. Языков сблизился с П. А. Вяземским (1792—1873), очевидно, в начале 1830-х годов в Москве. До этого времени, судя по письмам Языкова, они были довольно далеки. *Я родину свою и пел и межевал* — шутливый намек на службу Языкова в Межевой канцелярии (1831—1833), где до него служили Вяземский и Баратынский. Все трое в основном только числились в ней. *Торжественно меня приветствовали вы* и т. д. В 1833 г. Вяземский, будучи в Дерпте, написал послание «К Языкову» («Я у тебя в гостях, Языков!..»). *Вы утешительно заботились о мне.* В 1838 г. Вяземский навестил больного Языкова в Ганау.

К. К. Павловой («Тогда, когда жестоко болен...»). Впервые — «Московский сборник на 1847 г.». М., 1847, стр. 701, под названием «Каролине Карловне Павловой», датировано: 18 апреля 1844. Список, с той же датой, — ПД. *К. К. Павлова* — см. стр. 638. *Гомеровы мольбы.* Имеются в виду, вероятно, приписывавшиеся Гомеру гимны, написанные, по выражению Батюшкова, «перебитым» стихом; Гнедич передавал этот перебой ритма двумя полустишиями по три ямбических стопы в каждом. *Столицы трех поэтических времен.* Должно быть, имеется в виду Рим республиканский, Рим императорский и Рим эпохи Возрождения.

Землетрясенье. Впервые — *М*, 1844, № 10, стр. 1, датировано: 1 мая 1844, Москва. Печ. по изд. 1844, стр. 92. Список, рукой А. М. Я., под названием «Трисвятая песнь», датированный 18 апреля 1844, — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 24 июня 1844 г. Вошло в изд. 1845, датировано: 1844, Москва. В основе стихотворения — легенда о происхождении молитвы «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный...» (Житие св. Прокла). *Град Константина* — Константинополь, столица Византии. *Геллеспонтская пучина* — Дарданелльский пролив.

К. К. Павловой («Хвалю я вас за то, что вы...»). Впервые — «Московский сборник на 1847 г.». М., 1847, стр. 704, под названием «Каролине Карловне Павловой», датировано: 21 апреля

1844 г. Список, с той же датой, — ПД; другой, датированный 1845 г., — ПД, архив А. Ф. Кони. На это и предшествующее послание К. Павлова отвечала Языкову в день его именин (9 мая) посланием «Средь праздного людского шума...», в котором вспоминала о стихотворениях, посвященных ей Языковым за время их знакомства. *Шенье* Андре (1762—1794) — французский поэт.

Кн. С. П. Голицыной. Впервые — М, 1845, № 2, стр. 62, датировано: 1844, Москва. Список, рукой Е. А. Елагиной, — БЛ, в письме Е. А. Елагиной к А. А. Елагину от начала мая 1844 г. Другой, с разночтением, датированный 21 апреля, — ПД, собрание П. Я. Дашкова. Вошло в изд. 1845, название «Княгине Софье Петровне Голицыной», датировано: 1844, Москва. Е. А. Елагина пишет в письме, что стихотворение написано по просьбе Д. Н. Свербеева (см. примеч. к стих. «К ****», стр. 629) и А. С. Хомякова (см. стр. 668). Это же подтверждает в своих воспоминаниях Д. Н. Свербеев, который пишет, что Языков написал стихотворение Голицыной «по одному приглашению» его, «никогда ее не видав и не имея о ней никакого понятия» («Записки», т. 2. М., 1905, стр. 96). *Голицына* Софья Петровна, урожденная Балк (род. 1804) — известная московская красавица, писательница.

М. П. Погодину. Впервые — М, 1844, № 6, стр. 190, датировано: 23 апреля 1844, Москва. Печ. по изд. 1845, стр. 179, датировано: 1844, Москва. *М. П. Погодин* — см. стр. 643. Стихотворение вызвало резкий отзыв Белинского, увидевшего в нем «образцовое проявление заживо умершего таланта» («Русская литература в 1844 г.» — Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 460—461) и было пародировано Некрасовым («Послание к соседу»).

Послание к Ф. И. Иноземцеву. Впервые — изд. 1934, стр. 599. Автограф, под названием «Послание к Ф. Ив. Иноземцеву», датированный 27 апреля, — ПД (из Рязанского музея). Авторизованный список, датированный 27 апреля 1844, — ЦГАЛИ. *Иноземцев* Федор Иванович (1802—1869) — врач, учредитель общества русских врачей; в прошлом товарищ Языкова по Дерпту, где учился в 1828 г. в профессорском институте при университете. Последние годы постоянно лечил Языкова. Был близок к славянофильству.

А. П. Елагиной («Я знаю, в дни мои былые...»). Впервые — изд. 1845, стр. I, в качестве посвящения книги, под названием «Авдотье Петровне Елагиной», датировано: 11 ноября 1844, Москва. Список, рукой Е. А. Елагиной, — БЛ, в письме Е. А. Елагиной к А. А. Елагину от начала мая 1844 г. Другой список, с разночтением, по указанию М. К. Азадовского (изд. 1934, стр. 842), который ссылается на сообщение Н. Ф. Бельчикова, — у М. В. Берг. По свидетельству Е. А. Елагиной, было подарено 1 мая А. П. Елагиной (см. о ней стр. 650) А. С. Хомяковым (БЛ, архив Елагиных). Датируется на основании письма Е. А. Елагиной.

А. Д. Хрипкову. Впервые — М, 1845, № 1, стр. 24, датировано: 4 ноября 1844, Москва. Печ. по изд. 1845, стр. 319, название «Александру Дмитриевичу Хрипкову», датировано: 1844, Москва. *Хрипков* Александр Дмитриевич (р. 1799) — художник-пейзажист, дерптский приятель Языкова (в 1815—1820 гг. изучал в Дерпте военные науки). Языков сохранял дружественные отношения с Хрипковым всю жизнь. По воспоминаниям С. П. Шевырева, в 1844 г. в доме Языкова «художник переводил на полотно природу Кавказа, а поэт переносил краски живописца в свои стихи» («Московский городской листок», 1847, от 9 января). Языков писал Гоголю 10 мая 1845 г.: «Ты напрасно думаешь, что Хрипков живописец вроде Мокрицкого. Мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода, стало быть меня обманули чувства, что я восхитился им. Нет! Я с тобой не согласен во мнении о моем кавказском пейзажисте. Спроси о нем Жуковского — он, конечно, помнит его и не назовет дрянью» («Русская старина», 1896, № 12, стр. 636). 13 мая 1844 г. Языков писал А. М. Я.: «Хрипков кроме достоинств живописца имеет еще и другие достоинства — даже доблести гражданские, — редкости в наше неблагословенное, можно сказать, в наше проклятое время! Я воспою его, если нынешнее лето будет мне стиховно!» (ПД). А. Д. Хрипкову принадлежит портрет Языкова в халате (1829), поднесенный поэтом А. П. Елагиной (см. об этом стр. 650). *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г. С 1817 по 1827 — «главноуправляющий» Грузии и командир отдельного Кавказского корпуса.

Подражание псалму («Блажен, кто мудрости высокой...»). Впервые — М, 1845, № 1, стр. 11, с опечаткой в ст. 9 («путь» вместо «пир», как во всех списках). Списки — ПД. Первый, рукой А. М. Я., датирован 19 ноября 1844; второй — 29 ноября 1844; третий, рукой А. М. Я., без заглавия, в письме к В. Д. Комовскому от 19 декабря 1844, — 29 ноября 1844. В основе стихотворения 1-й псалом.

А. В. Киреевой («Сильно чувствую и знаю...»). Впервые — М, 1845, № 2, стр. 56, под названием «Александре Васильевне Киреевой», с цензурным изъятием последних 8 с половиной стихов, замененных строками отточий. Печ. по «Сборнику лучших произведений русской поэзии», СПб., 1858, стр. 438, датировано: 26 ноября 1844; опубликовано Н. Ф. Щербиной по автографу альбома А. В. Киреевой. Списки — ПД. Первый, рукой Н. Ф. Щербины, вместе со стих. «К ней же» и «Я вновь пою вас; мне отрадно...», датировано: 26 ноября 1844. Второй список, рукой А. М. Я., датированный 20 ноября 1844, — в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 19 декабря 1844 г. Языков писал к А. М. Я. в письме от 22 февраля 1845 г. об этом стихотворении: «Мои стихи о Киреевой цензор не пропустил во 2-м № «Москвитянина», потому что этот № выйдет в свет на первой неделе поста, а в стихах говорится о богах языческих» (изд. 1934, стр. 843). *Киреева,* урожд. Алябьева,

Александра Васильевна (1812—1891) — известная московская красавица; Языков, как он писал брату 10 марта 1845 г., в это время знаком с ней не был, а «только раз ее видел, и то мельком» (ПД).

К ней же («Тогда как сердцем мы лелеем...»). Впервые — М, 1845, № 2, стр. 56. Списки — ПД. Первый, рукой Н. Ф. Щербины, датированный 26 ноября 1844 (см. предыдущее примеч.); второй, дефектный, датированный 18 апреля 1844, — в тетради 1846; третий — без описок тетради 1846 г. (с него делался список этой тетради). Обращено к А. В. Киреевой (см. предыдущее примеч.).

К ненашим. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9, стр. 43, в статье М. Жихарева «П. Я. Чаадаев». Список, рукой П. Я. Чаадаева, с разночтением, датированный 6 декабря 1844, — БЛ. Печ. по «Русскому архиву», 1879, кн. 1, стлб. 399, датировано: 6 декабря 1844; опубликовано со списка Н. О. Эмина. Списки: первый, рукой А. М. Я., датированный 6 декабря 1844, Москва, — ПД, альбом А. М. Я.; идентичный список, с той же датой, — ПД, в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 19 декабря 1844 г.; третий список, на отдельном листе, с той же датой, — также ПД, четвертый, с той же датой, — ПД, архив М. П. Лонгинова; пятый, рукой Н. В. Гоголя, с разночтением, — БЛ. *Жалкий... старик* — вероятно, П. Я. Чаадаев (см. стр. 666). *Сладкоречивый книжник* — вероятно, Грановский (см. примеч. к стих. «Константину Аксакову», стр. 666). *Поклонник темных книг и слов* — возможно, А. И. Герцен. В списке Лонгинова примечания; к ст. 6: А. Тургенев (зачеркнуто и надписано: Чаадаев); к ст. 10: С. Т. Аксаков (надписано: Т. Н. Грановский); к ст. 15: П. Я. Чаадаев (надписано: А. Н. Тургенев). Герцен же утверждает, что стих. «К ненашим» обращено к Чаадаеву, Грановскому и к нему самому (Дневник, запись от 17 декабря 1844. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 2. М., 1954, стр. 396). В письме к А. М. Я. от 3 января 1845 г. Языков писал: «В рассуждении моего послания «К ненашим» критики, может быть, и справедливы, — но ведь они вовсе не знают, в чем тут дело и что тут вовсе нет пристрастья: мне не нужно было определять то, что знают те, к кому и для кого писано послание. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский, и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило, воспитало и еще родит и воспитывает именно то, что они называют своим убеждением! Лекции Шевырева возбуждают их злость не тем, что он часто обнаруживает непристойные стороны католицизма, а тем, что в этих лекциях ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не с Кантемира, а возникла вместе с самою Россиею, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитию самой России до Петра. Шевырев в этом смысле просто открыл Америку, а его противники говорят, что они все это знали прежде: они не знали, не знают, не могут и не хотят знать всего,

что было у нас писано до Петра! и проч. и проч. А в защите правого и, могу сказать, чистого и даже святого дела — я никакой партии не вижу, какова бы форма этой защиты ни была: есть бо дух божий и дух льстечь!» (ПД; неточно цит. в изд. 1934, стр. 845—846). Стихотворение, как и послание «К Чаадаеву», вызвало негодование не только в лагере «западников», но и у некоторых славянофилов или близких к этому кругу людей. Оскорбительный характер посланий Языкова чуть было не явился причиной дуэли между Грановским и Хомяковым (который хотел драться вместо больного Языкова).

Элегия («Есть много всяких мук — и много я их знаю...»). Впервые — *М*, 1845, № 2, стр. 88, датировано: 7 декабря 1844. Языков писал по поводу этой элегии Гоголю 10 мая 1845 г.: «Не всякий может оценить ее достоинство, тут нужен взгляд знатока, но ты, мой любезнейший, должен отдать ей должную похвалу, ты, который умеешь крепко ограждать себя от надоедников и который истинно геройски защитился от предмета этой элегии!» («Русская старина», 1896, № 12, стр. 629). *Седовласый врач* — Иоганн Генрих Копп (1777—1858), врач в Ганау, лечивший Языкова; пользовался большой известностью у русских, ездивших на воды за границу.

Константину Аксакову. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9, стр. 44, в статье М. Жихарева «П. Я. Чаадаев». Список, с разночтениями, датированный 20 декабря 1844, — ПД, архив Аксаковых. *Аксаков* Константин Сергеевич (1817—1860) — старший сын писателя С. Т. Аксакова, поэт, критик, историк, один из основоположников славянофильства, не разделявший, однако, крайностей правого крыла этого течения. К полемическим посланиям Языкова К. Аксаков относился отрицательно. *Блистательный лакей* — Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), историк либерального направления, один из видных представителей «западничества». В 1843—1844 г. читал публичные лекции по Истории средних веков, пользовавшиеся большой известностью. В противовес этим лекциям был задуман курс С. П. Шеверыва о древней русской словесности (см. стр. 668). *Вавилонская блудница* — так обычно называли Париж; здесь, возможно, шире: Западная Европа.

К Чаадаеву. Впервые — «Вестник Европы», 1871, № 9, стр. 46, в статье М. Жихарева «П. Я. Чаадаев». С изменениями — «Русский архив», 1876, № 2, стлб. 111, под названием «Послание Н. М. Языкова к П. Я. Чаадаеву» и с датой в подзаголовке: «Декабря 25, 1844, Москва»; опубликовано по тексту, сообщенному А. М. Я. Печ. по изд. 1934, стр. 626. Список, датированный 25 декабря 1844, — ПД, альбом А. М. Я.; другой, идентичный (сделанный, видимо, с альбома), рукой А. М. Я., — ПД; третий, под названием «Ода к ...*» (сноска: «* К Чаадаеву»), с разночтением, — ПД, архив М. Н. Лонгинова. *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, писатель, друг Пушкина. В 1836 г. опубликовал в «Телескопе» «Философическое письмо», в котором высказал чрезвычайно пессимистический взгляд на прошлое, настоящее и будущее России.

По высочайшему повелению был за это объявлен сумасшедшим. *Ты лобызаешь туфлю пап.* Чаадаев отдавал в своем письме предпочтение католической религии перед православием.

В. Н. Анненковой. Впервые — М, 1845, № 3, стр. 8, под названием «Варваре Николаевне Анненковой», датировано: 1844, Москва, без подписи. Вошло в изд. 1845. *Анненкова* Варвара Николаевна (1795—1866) — симбирская поэтесса. *Мне мил прелестный ваш подарок.* В 1844 г. вышел сборник стихотворений Анненковой «Для избранных». Стихотворение Языкова — ответ на поднесение этой книги (см. письмо Языкова родным от 3 мая 1844 г. — ПД). *Мне мил любезный ваш вопрос.* В бумагах Языкова сохранилось стихотворение, без подписи и даты, принадлежащее, по предположению М. К. Азадовского, В. Н. Анненковой и являющееся, очевидно, посланием, которым поэтесса сопроводила свою книгу, даря ее Языкову; каждая строфа этого послания, перекликающегося со стих. Языкова «Весна» (см. стр. 378), кончается вопросом: «Прилично ль вам больное тело с душой, исполненной весны?»

Я. П. Полонскому. Впервые — М, 1845, № 2, стр. 58, датировано: 1844, Москва. Вошло в изд. 1845, название: «Якову Петровичу Полонскому», датировано: 1844, Москва. *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт. В 1844 г. вышли «Гаммы», первая книга его стихов, которую он прислал Языкову. В письме к Гоголю от 14 декабря 1844 г. Языков писал: «Полонский — малый с талантом, жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное; но это, вероятно, пройдет с летами» («Русская старина», 1896, № 12, стр. 629).

А. В. Киреевой («Я вновь пою вас; мне отрадно...»). Впервые — М, 1845, № 3, стр. 7, датировано: 14 января 1845, без подписи. Черновой автограф, с разночтением, с той же датой, — ГПБ, собрание М. П. Погодина. Идентичный список Н. Ф. Щербины, с той же датой, — ПД (см. стр. 664). *Киреева* — см. стр. 665.

П. В. Киреевскому («Ты крепкий, праведный стоятель...»). Впервые — изд. 1934, стр. 629, где неточно опубликовано по списку альбома А. М. Я. (ПД), датированному 11 февраля 1845, Москва. Печ. по авторизованному списку БЛ (архив Елагиных); датировано: 11 февраля 1845. *П. В. Киреевский* — см. стр. 654. С начала 1830-х годов Киреевский приступил к собиранию русских народных песен и посвятил этому всю жизнь. Языков и вся его семья принимали большое участие в сборе песен для Киреевского. *Проповедник Вавилона* — т. е. «западник»; здесь, возможно: Т. Н. Грановский (см. примеч. к стих. «Константину Аксакову», стр. 666). *Пошло-чопорный папист* — П. Я. Чаадаев (см. стр. 666). *Поганый коммунист* — возможно, А. И. Герцен.

С. П. Шевыреву. Впервые — С, 1846, № 4—6, стр. 117, датировано: 1845. Автограф первых 4 ст. — ПД, в письме Языкова к

А. М. Я. от 11 апреля 1845 г. Списки, с разночтением, — ПД. Первый — в альбоме А. М. Я.; второй, рукой А. М. Я., идентичный, — на отдельном листе; третий, рукой А. М. Я., — в письме А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 5 мая 1845 г. Датируется на основании письма Языкова. *Шевырев* Степан Петрович (1806—1864) — профессор истории русской словесности, поэт, критик, представитель правого крыла славянофильства, апологет «официальной народности». Стихотворение — отклик на лекции Шевырева в Московском университете о древнерусской словесности, читанные в противовес знаменитым лекциям Т. Н. Грановского (см. о лекциях Шевырева, стр. 665, примеч. к стих. «К ненашим»).

А. С. Хомякову. Впервые — «Русский архив», 1886, № 9, стлб. 125, без последних четырех ст., под названием «Послание Н. М. Языкова к А. С. Хомякову», датировано: 1 мая, Москва. Полностью впервые — изд. 1934, стр. 634, где опубликовано по списку М. Н. Лонгинова (ПД), датированному 1 мая 1845, Москва. Печ. по списку, рукой А. М. Я. (ПД), датированному 1 мая 1845. *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, публицист, один из крупнейших деятелей славянофильства; был женат на сестре Языкова Е. М. Языковой. *Тот, который смел* и т. д. В списке Лонгинова к ст. 8 сделано примечание: «Грановский», но, может быть, речь здесь идет о Чаадаеве (см. стр. 666). *Союзник беглого портного.* Лонгинов делает примечание к этому ст.: «Герцен». Однако речь идет о Вильгельме Вейтлинге (1808—1871), немецком утопическом коммунисте, по ремеслу — портном. Подвергшись судебному преследованию за пропаганду, он бежал в Америку, где одно время был главой основанной им коммунистической колонии. *Общий наш недоброхот* — В. Г. Белинский, который в статье «Русская литература в 1844 г.» подверг уничтожающему разбору стихотворения Языкова и Хомякова. *1 мая* — день рождения А. С. Хомякова.

В альбом. Впервые — М, 1845, № 4, стр. 1, датировано: 1 мая 1845. Автограф, под названием «К сестре К. М. от Н. М. Языкова», — «Искусство, 1928, № 4, стр. 155. Список, под названием «В альбом К. М. Х.», — архив С. П. Шевырева. Обращено к сестре поэта — Екатерине Михайловне Языковой, в замужестве — Хомяковой (1817—1852). *1 мая* — см. выше.

Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину. Впервые — отдельное издание, СПб., 1845. Печ. по «Московскому сборнику», М., 1846, стр. 1, датировано: 25 октября 1845. Список, рукой А. М. Я., с той же датой, — ПД; второй, с той же датой, — ЦГАЛИ. 23 августа 1845 г. в Симбирске был открыт памятник Н. М. Карамзину как уроженцу Симбирской губ. Открытие происходило очень торжественно и приняло, отчасти вследствие приглашения в качестве докладчика М. П. Погодина, явно славянофильскую окраску. Стихотворение Языкова вызвало первоначально при попытке опубликовать его в Москве сопротивление цензуры. Однако петербургская цензура его

пропустила, причем, когда Строганов (см. стр. 674) пытался опротестовать действия петербургского цензурного комитета, министр народного просвещения С. С. Уваров одобрил решение петербургского цензора (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 8. СПб., 1894, стр. 211). После этого стихотворение было напечатано и в Москве. *Тургенев* Александр Иванович (1785—1846) — историк и литератор; Тургеневы принадлежали, так же как Карамзин и Языковы, к симбирскому дворянству. *Он памятник воздвиг себе чудесный, вечный* — видоизмененная цитата из стих. Державина «Памятник». *Написал для нас он книгу книг* и т. д. Имеется в виду двенадцатитомная «История государства Российского». Далее идет поэтический пересказ событий русской истории, изложенных в труде Карамзина. *Им степь широкая как тесная дорога* — цитата из «Димитрия Донского» (д. V, явл. 2) В. А. Озерова.

И. С. Аксакову. Впервые — С, 1846, № 1—3, стр. 409, с цензурной заменой в последнем ст. («хитрая кошка» вместо «кошка-цензура»), датировано: 31 октября 1845. Печ. по С, с восстановлением последнего ст. по автографу. Автограф, датированный 2 ноября, с разночтениями, — ПД. Датируется по С, так как «2 ноября», видимо, относится к данной редакции текста. *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — младший сын писателя С. Т. Аксакова, поэт, публицист, видный деятель славянофильского движения. И. С. Аксаков отвечал на это стихотворение посланием: «Мне неожидан был и нов...».

К баронессе Е. Н. Вревской. Впервые — «Русская беседа», 1859, № 5, стр. 3, под названием «К баронессе Е. Н. В.», датировано: 11 ноября 1845. Автограф, с той же датой, опубликован в сб. «Пушкин и его современники», вып. 1. СПб., 1903, стр. 120. Список, идентичный автографу, — ПД (изд. 1934, стр. 637, неисправно). *Вревская* Евпраксия Николаевна, урожд. Вульф (1810—1883) — сестра А. Н. Вульфа (см. о нем. стр. 615), воспетая Пушкиным под именем «Зизи» (так называли ее в семье). Стихотворение написано во исполнение обещания, данного Языковым Е. Н. Вульф, видимо, еще в 1826 г., во время пребывания поэта в Тригорском. *Вы угощали нас* и т. д. «Сестра моя Euphrosin, — вспоминает А. Н. Вульф, — бывало заваривает всем нам после обеда жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жженку» («Санктпетербургские ведомости», 1866, от 24 мая).

К. К. Павловой («В достопамятные годы...»). Впервые — С, 1846, № 7—9, стр. 220, под названием «К... К... П — — вой», датировано: 28 апреля 1846. Стихотворение вызвано отрицательным отношением К. Павловой к полемическим посланиям Языкова. К. Павлова отвечала стих. «Нет! Не могла я дать ответа...». *Долефортовская Русь* — т. е. допетровская Русь; Лефорт Франц (1656—1699) — ближайший сподвижник Петра I, поддерживавший

его в стремлении сравняться в экономическом и культурном отношении с западноевропейскими странами. *Я ваше неизменное копье* — т. е. ваш рыцарь.

Сампсон. Впервые — «Московский сборник». М., 1846, стр. 338, датировано: 1 мая 1846. Списки — ПД, на отдельном листе и в тетради 1846. *Сампсон* — древнееврейский герой, отличавшийся огромной силой, секрет которой заключался в его волосах. По Библии, филистимлянка *Далида* (Далила), возлюбленная Самсона, выведала у него эту тайну и, обрезав ему, сонному, волосы, предала врагам. Самсон был ослеплен и посажен в подземелье храма. Когда волосы у него отросли, он разрушил храм и погиб вместе с филистимлянами. *А. С. Хомяков* — см. стр. 668. *Дагон* — верховный бог филистимлян.

Романс («Угрюм стоит дремучий лес...»). Впервые — С, 1846, № 6, стр. 367, датировано: 1846. Дружеская шутка по адресу К. С. Аксакова (см. о нем стр. 666).

«Сияет яркая полночная луна...». Впервые — М, 1848, № 5, стр. 44, под названием «Об ней». Под названием «К...» — «Русская беседа», 1859, т. 3. Черновой автограф, без названия, — ПД (изд. 1934, стр. 659, с отсутствующим в автографе и имеющихся списках названием «К***»). Печ. по авторизованному списку ГПБ (архив С. П. Шевырева). Относится к А. А. Воейковой (см. стр. 603). В. Киреевский писал А. М. Я. 15 июня 1847 г., благодаря за присылку последних стихотворений Языкова: «Поразительно, что его последнее слово и последняя мысль были обращены к отшедшим: к годам студенчества и к Воейковой, как будто он уж подавал голос тому свету» («Русская старина», 1883, № 9, стр. 629). По-видимому, Киреевский имеет в виду именно стихотворение «Сияет яркая полночная луна...», так как это единственное позднее недатированное стихотворение о Воейковой.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ, СОМНИТЕЛЬНЫЕ

<Поздравление М. Н. Дириной> («Сегодня ваши именины...»). Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 9, датировано: 1824, Дерпт, подпись: «Н. Я. и я, Андрей Тютчев». Авторизованный список, рукой А. Н. Тютчева, с той же подписью и датой, — ГПБ, архив Дириной. Хотя опубликовавший стихотворение И. А. Бычков приписывал его одному Языкову, М. К. Азадовский справедливо полагает, что стихотворение, судя по подписи, могло быть коллективно написано Языковым и А. Н. Тютчевым (тоже писавшим стихи; см. о нем стр. 603).

21 апреля. Печ. впервые по списку БЛ, из архива Елагиных, датированному 9 мая 1824, Дерпт, с исправлением явных описок по списку БЛ, из архива Киселева, частично опубликован-

ному С. Г. Исаковым (см.: С. Г. Исаков. Новые материалы о жизни и творчестве Н. М. Языкова дерптского периода. — «Ученые записки Тартуского государственного университета» вып. 139. Труды по русской и славянской филологии, VI. Тарту, 1963, стр. 396). Список Киселева имеет ряд разночтений, датирован: 1824, Дерпт. Третий список, под названием «На 21 апреля», с разночтениями, датированный 1824, Дерпт, — ЦГАЛИ; сразу за списком этого стихотворения, на том же листе и тем же почерком стих. «Клятвенное обещание» (т. е. «Присяга») Языкова. Стихотворение вводится в собрание сочинений Языкова на следующих основаниях. Из переписки Языкова с братьями известно, что он описал стихами традиционный студенческий праздник (день основания университета) 21 апреля 1824 г. 11 мая 1824 г. Языков пишет А. М. Я.: «Я описал стихами тот праздник студентов, о котором давно писал тебе, описание привезу с собой» (ЯА). 22 апреля 1825 г. он пишет: «Вчера был у студентов праздник, которого описание ты имеешь в моих стихах...» (ЯА). В 1855 г. А. Н. Татаринов в своих воспоминаниях о Языкове, написанных по просьбе Д. Н. Садовникова, работавшего над биографией поэта, пишет: «У Вульфа, вероятно, есть много ненапечатанных стихов Языкова; в особенности следует обратить внимание на описание годовщины университета 21 апреля...» (ЯА, стр. 400). К Вульфу и обратился 15 мая 1856 г. А. М. Я., когда начал собирать стихотворения Языкова для изд. 1858 г.: «Приступая к изданию нового, полного собрания стихотворений покойного Вашего друга, а моего брата, Николая Михайловича, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сообщить мне ... если у Вас найдется что-нибудь ненапечатанное, особливо же описание студенческого праздника, которое, помнится, могло бы войти в состав его сочинений, достойных печати» (ГПБ). 28 июля 1856 г. он снова просит А. Н. Вульфа: «Не отыщете ли у Марии Николаевны Рейц <урожд. Дириной>, или у кого-нибудь из тогдашних жителей Дерпта описание студенческого праздника: у меня оно утратилось, а кажется, могло бы быть напечатанным и скрасить рассказ». И тут же: «Описание праздника и неизданных стихов как можно усерднее отыскивайте и мне присылайте» (ГПБ). А. Н. Вульф послал А. М. Я. два обращенных к нему послания Языкова, в одном из которых говорилось о студенческом празднике. 14 ноября 1856 г. А. М. Я. благодарил его за стихотворения: «Примите мою чувствительную благодарность за два послания брата Николая Михайловича: первое, с некоторыми переменами, уже напечатано на стр. 297 издания 1833 года <«Помнишь ли, мой друг застольный...»>, второе нам еще не было известно <вероятно: «Мой брат по вольности и хмелю...», которое впервые появилось в изд. 1858>. Мне кажется, что описание студенческого праздника составляло особое, довольно большое стихотворение, к сожалению утратившееся» (ГПБ). Таким образом, на основании этой переписки мы располагаем следующими сведениями: 1) В 1824 г. Языков описал студенческий праздник 21 апреля, и А. М. Я. был хорошо знаком с этим описанием. 2) Оно представляло собой особое, довольно большое стихотво-

рение. 3) А. М. Я. были хорошо известны стихотворения, вошедшие в изд. 1833, содержащие упоминание праздника («Помнишь ли, мой друг застольный...», 1828; «Отъезд», 1829; «Пожар», 1831), и тем не менее он разыскивал другое стихотворение, посвященное этому празднику. К этому надо добавить, что все известные нам стихотворения, затрагивающие данную тему, написаны позднее 1824 г. (1828, 1829, 1831). Стихотворение, найденное в архивах Елагиных и Киселева и в ЦГАЛИ, именно большое, «особое» стихотворение 1824 г. о празднике 21 апреля. За принадлежность его Языкову говорит, кроме того, то, что оба списка БЛ находятся среди бумаг лиц, близких к Языкову (Н. Д. Киселев, Елагины); а третий — на одном листе со стих. Языкова «Клятвенное обещание», а главное — его несомненная, явная стилистическая близость (типичные выражения, слова, обороты, ритмические ходы и характерный темп) к произведениям Языкова. Сама тема и ее решение — типично языковские: студенческий разгул — это «пир свободы»; все произведение пересыпано вольнолюбивыми намеками (см. последние 2 ст. 4-й строфы, 6-ю строфу, 8-ю, ст. 15—16 10-й строфы и т. п.), по-языковски отлитыми в афористическую форму. Языковскими выглядят по содержанию, освещению, по форме и обращения к ливонской и русской истории. Особенно «по-языковски» звучат строфы 4, 5, 6, 10—19. Другие строфы написаны несколько слабее, в них менее ощущается характерная для этого времени поэтика Языкова. Явление это объяснимо, так как начало 1824 г. — это еще время поэтического становления Языкова. В это время (1823 — начало 1824 г.) в его творчестве мы видим произведения далеко не равноценные по художественным достоинствам, есть и прямо слабые (см., например, «Валдайский узник», «Островок», начало «Мечты»). Однако то, что «21 апреля» написано неровно, что в нем есть слабые стихи и строфы, допускает предположение, что Языков лишь участвовал в написании этого стихотворения, созданного коллективно. С. Г. Исаков вообще полагает, что стихотворение написано кем-либо из поэтов-любителей языковского окружения. Но против этого последнего мнения убедительно свидетельствуют письма Языкова, А. М. Я., а также характерно языковские, неподражаемые темп, ритмика и лексика некоторых строф. Хотя ни Языков, ни А. М. Я. нигде не упоминают, что в написании стихотворения о 21 апреля принимал участие еще кто-то, кроме Языкова, и многое убедительно свидетельствует о том, что стихотворение было написано только им, отсутствие документальных данных, неопровержимо доказывающих авторство Языкова (черновой автограф, например), заставляет поместить стихотворение в раздел коллективных. Эпиграф — из Горация. *Игрушки мнительной державы* — здесь: караульные солдаты у заставы. *Либгарт* — вероятно, Карл фон Липгардт, владелец имения *Ратсгоф* (см. стр. 604). *Рыцари мечей* — меченосцы (см. стр. 602). *Курбский* кн. Андрей Михайлович (1528—1583) — политический деятель, писатель, военачальник. Был приближенным Ивана Грозного (командовал «правой рукой» всей армии при взятии Казани, возглавлял Ливонское вой-

ско, был воеводой в Юрьеве, т. е. Дерпте). Попав в опалу и опасаясь казни, бежал в Литву, откуда писал Ивану Грозному, обвиняя его в неблагодарности и жестокости. *Суета сует* —см. стр. 611.

«Когда б парнасский повелитель...». Впервые — ИОРЯС, 1911, № 2, стр. 21. И. А. Бычков опубликовал стихотворение со следующим примечанием: «Это шутка на 1 апреля (день именин М. Н. Дириной), писана нарочно не рукой Языкова; притом стихи писаны сплошь, как проза, а postscriptum, писанный прозой, написан отдельными строками, как бы стихи». М. К. Азадовский полагает, однако, что шутка эта, так же как и стих. «Сегодня ваши именины...», могла быть написана коллективно (с тем же Тютчевым или с другим приятелем Языкова).

Крамбамбули. Впервые — «Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 40-х гг., русские и латинские, последние с русскими переводами в стихах, с нотами для пения и с аккомпанементом на рояле. Собрал и издал студент того времени Вл. Александров». Харьков, 1891, стр. 32. Введено в собрание стихотворений Языкова М. К. Азадовским (изд. 1934). По свидетельству Ю. К. Арнольда, перевод старинной студенческой песни «Крамбамбули» принадлежит Языкову («Воспоминания», т. 1. М., 1892, стр. 195). Известен еще один перевод «Крамбамбули», но он принадлежит В. А. Борткевичу и помещен в его книге «Арфа подле кружки». Рига, 1891. Вообще Языкову принадлежал ряд переводов студенческих песен, преимущественно с немецкого; это утверждает, например, автор («Э—г—») статьи «Студенческие корпорации в СПб. университете 1830—1840» («Русская старина», 1881, № 2, стр. 369).

Другу. Впервые — «Радуга на 1830 г.». М., 1830, стр. 180, подпись: ***. Введено в собрание стихотворений Языкова М. К. Азадовским (см. в изд. 1934, стр. 797).

«Прочь с презренною толпою!..». Впервые — «Эхо». М., 1830, стр. 81, без подписи, как и все остальные произведения этого альманаха. Введено в собрание стихотворений Языкова М. К. Азадовским. До этого считалось принадлежащим П. А. Вяземскому (см. подробнее изд. 1934, стр. 797—798).

<Куплеты из водевиля «Вавилонская принцесса»>. Впервые — изд. 1934, стр. 661 (с опечатками). Список — БЛ, в письме А. П. Елагиной А. А. Елагину от 6 августа 1831 г. Черновой автограф 1, 3 и 4-го стих., с разночтениями, — ПД, бумаги В. А. Жуковского. Написаны Языковым с Иваном и Петром Киреевскими для домашнего спектакля. А. П. Елагина сообщала мужу, посылая куплеты: «В день отъезда твоего или на другой день играли на театре в Ильинском не выученную комедию, потому что ни один из актеров не знал ни строчки своей

роли, особливо Лазарева, а impromptu <импровизированную> фарсу... теперь другая пьеса, и вся сочиненная Киреевскими и Языковым, будет 8 августа играться в замке... Все разобрали себе роли разных характеров. Ванюша был сперва военным, потом судьею; Петерсон — ученый, Бакунин — и все esprit <остроумно> и забросал каламбурами, я — журналист и пр. и пр. Вот, между прочим, стихи, которые черт будет петь 8 августа». Роль Вавилонской принцессы играла М. В. Киреевская (см. стр. 643). М. К. Азадовский, основываясь на этом письме А. П. Елагиной и сообщении В. А. Елагина в «Материалах для биографии И. В. Киреевского» (М., 1911), считает соавтором Языкова только Ив. Киреевского, однако в письме А. П., непосредственной участницы подготовки водевиля, названы Киреевские, т. е. оба брата. Вероятнее всего, доля участия И. В. Киреевского была более значительной, чем П. В. Трубадур. *Дюранс* — река во Франции, левый приток Роны. *Голицын* — вероятно, Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844), губернатор Москвы с 1820 г.

«Про графа Строганова слава...». Впервые — изд. 1934, стр. 667. Автограф — ПД, в письме сестре от 19 января 1846 г. Введено в собрание стихотворений Языкова М. К. Азадовским (см. подробнее изд. 1934, стр. 857). «Строганов,— писал Языков, посылая эпиграмму, — не пропустил в «Москвитянине» стихи А. Н. Тургенева, уже напечатанные в «Иллюстрациях». Он вообще возбудил сильное против себя негодование здешних литераторов: уже и эпиграммы появляются. Вот первая <следует текст>. Эпиграмма не очень зла и колка, но все-таки» (ПД). *Строганов* Сергей Григорьевич (1794—1882) — попечитель московского учебного округа (1835—1847); именно он запретил печатать в Москве «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» (см. об этом стр. 669).

СКАЗКИ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ, ПОЭМЫ

Сказка о пастухе и диком вепре. Впервые — МН, 1835, сентябрь, кн. 1, стр. 60, датировано: 1835, Языково. Ст. 49—152 (т. е. вся сказка без вступления и заключения), с разночтениями, вошли во вторую редакцию «Жар-Птицы» (изд. 1845 г.) в качестве сказки, рассказываемой царю Далмату. Сюжет заимствован из неоднократно издававшегося в конце XVIII — начале XIX в. лубочного сборника «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих сказок». *Дм. Ник. Свербеев* — см. стр. 629. *Нынче мода на этот род поэзии у нас.* В 1831—1835 гг. были написаны и появились в печати сказки Пушкина и Жуковского.

Жар-Птица. Впервые — в отрывках; сцены 1—7 — С, 1836, № 2, стр. 229, под названием «Драматическая сказка об Иване-царевиче, Жар-Птице и о Сером волке (отрывок)»; сцены 8—12 —

МН, 1836, август, кн. 1, стр. 273, под названием «Отрывок из русской сказки «Жар-Птица», с цензурной купюрой ст. 58—65 в сцене 8. Затем — также в отрывках сцены 1—7, 8—12, 13—14, 16—18 — изд. 1845; сцена 18 дана не полностью (кончается репликой Серого волка: «А рыцарское слово?»); все отрывки пронумерованы и помещены в разных местах сборника под названием «Отрывок из русской сказки „Жар-Птица"». Сцены 15, 18—22 — М, 1849, № 21, стр. 67 и № 22, стр. 113, под названием: сцены 18—22 — «„Жар-Птица". Сказка Н. М. Языкова»; сцена 15 — «Трактир». Впервые полностью — отдельное издание, СПб., 1857. Все журнальные публикации имеют разночтения по сравнению с изд. 1845 и 1857. Текст изд. 1857 совпадает с текстом изд. 1845, кроме сказки, рассказываемой царю Далмату. Текст изд. 1857 является, вероятно, более ранней редакцией, так как здесь сказочник рассказывает царю Далмату о Петре I. Позднее Языков, в соответствии со своими изменившимися взглядами на Петра I и его роль в русской истории, заменил этот рассказ «Сказкой о пастухе и диком вепре» (см. стр. 674, примеч. к этой сказке). Эта редакция отражена в изд. 1845. Толчком к написанию сказки явились, по всей вероятности, сказки Пушкина, написанные и опубликованные в 1831—1835 гг. Непосредственная работа над сказкой велась, видимо, в 1836 г., на что указывают и первые публикации отрывков из сказки и письмо к А. Н. Вульфу от 20 марта 1836 г.: «Я извещу тебя, когда кончатся мои труды, печатать которые поеду в белокаменную, это прежде зимы никак не возможно — труды большие, драматические! ! !» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 487). Окончена сказка была не позднее весны 1838 г. А. М. Я. писал В. Д. Комовскому 10 июня 1838 г.: «С этой же почтой посылаю Вам давно обещанный список «Жар-Птицы», это только для Вас. Брат сам ею недоволен, и Вы в ней заметите много растянутого; но с первого опыта и спрашивать много нельзя; он же писан человеком лежачим, больным, дрожащей рукой» (ПД). 3. *«Авось! Авось!» О, сильно это слово* и т. д. Эти стихи перекликаются со стих. И. М. Долгорукого «Авось» и ст. Пушкина в 10-й гл. «Евгения Онегина» («Авось, о Шиболет народный...» и т. д.). 6. *Рогер* — здесь имеется в виду, вероятно, как воплощение рыцарства Рожер I, младший сын Танкреда, завоеватель Сицилии (1061), или его сын, король Сицилии Рожер II. 14. *Шемякинский суд* — расправа, скорый и неправедный суд. Шемяка — неправедный, продажный судья, персонаж древнерусской повести «Шемякин суд». *Кола* — река и город в Архангельской губ. *Помпеев столб* — Помпеева колонна, поставлена близ Александрии, в Египте, префектом Помпеем в честь римского императора Диоклетиана. 15. *«Кончен, кончен дальний путь»* и т. д. — начало известной песни на слова А. Х. Дуропа «Казак на родине» (по указанию В. Е. Гусева, впервые напечатана в 1818 г.; входила в песенники с 1833 г.). *Мельмот* — герой романа ирландского писателя Роберта Матюрена (1782—1825) «Мельмот-скиталец» (1820). *Казанова* (1725—1798) — знаменитый авантюрист, алхимик, странствовавший по Европе. 18. *Ты сердишься, Юпитер.* Имеется в виду крылатое

выражение: «Юпитер, ты сердишься, — значит, ты неправ». 19. *«Лишь только занялась заря...»* — по указанию В. Е. Гусева, безымянная песня XVIII в., встречавшаяся в песенниках вплоть до 1917 г. 21. *Метнем на резвый* — т. е. кто будет первым, кому черед.

Сержант Сурмин. Впервые — М, 1845, № 1, стр. 31, датировано: 1839, Ницца, предместье Мраморного креста. Вошло в изд. 1845.

Встреча Нового года. Впервые — двумя отрывками (без ст. 205—207) — М, 1841, № 4, стр. 302 и № 5, стр. 22. Печ. по изд. 1845, стр. 187; датировано: 1840, Ницца, предместье Мраморного креста. *Ст. 107. Кузень* — Виктор Кузен (1792—1867), французский философ-идеалист, эклектик. *Ст. 159. Прямо светский* — перифраз характеристики Загорецкого из «Горе от ума» (д. 3, явл. 9): «Человек он светский». *Ст. 199. Гиббон* Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1787). *Ст. 236. Нибур* Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк; наиболее известный труд его: «Римская история» (Берлин, 1811—1832). *Ст. 282. Кернер* Юстинус (1786—1862) — немецкий писатель-романтик мистического направления, врач, автор ряда трактатов о ясновиденье, о животном магнетизме и т. п. Наиболее нашумевшей его книгой была «Die Seherin von Prevorst», 1829, которую Кернер назвал «публикациями о внутренней жизни людей и о вхождении мира духов в наш собственный мир». *Ст. 372. Армидины сады* — чудесные очарованные сады волшебницы Армиды (персонаж из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо). *Ст. 415. Gaudeatus igitur* и т. д. — начало старинной студенческой песни.

Странный случай. Впервые — М, 1842, № 5, стр. 1, датировано: 6 марта 1841, Ганау, имена действующих лиц заменены буквами «Л» и «С». Список, без названия, — ПД. Печ. по изд. 1845, стр. 245; датировано: 1841, Ганау. *Ст. 6. Отечественный дым.* Имеется в виду выражение, восходящее к «Одиссее» Гомера и латинской пословице: «Дым отечества сладок». В русской литературе употреблено Державиным и Грибоедовым (в «Горе от ума»). *Ст. 8. Карлсбад* — см. стр. 654. *Ст. 31—32. Мадонну и Корреджиеву «Ночь».* Имеется в виду одна из двух картин итальянского художника Корреджио (1494—1534), хранящихся в Дрезденской галерее: «Мадонна со св. Севастьяном» или «Мадонна со св. Георгием» и картина Корреджио «Рождество Христа», известная под названием «Ночь» (хранится там же). *Зеленый свод* — «Зеленое подземелье», коллекция драгоценностей XVI—XVII вв. в Дрездене. *Ст. 191. Альбион* — см. стр. 582. *Ст. 231. Львом Немейским он покрыт.* Шкуру Немейского льва, чудовища, опустошившего Немейскую долину, носил на себе убивший его Геракл. *Ст. 305. Проперций* Секст (ок. 49 — ок. 14 до н. э.) — римский поэт-лирик. *Парни* — см. стр. 598.

Отрок Вячко. Впервые — «Библиотека для воспитания», 1845, ч. 3, стр. 31, датировано: 27 ноября 1844. Отдельное издание — М, 1845. В основе произведения летописный рассказ о нападении печенегов на Киев (968) во время пребывания кн. Святослава (см. о нем стр. 582) в Болгарии. Этот рассказ передает Н. М. Карамзин в I т. «Истории государства Российского». Печенеги осадили Киев; кн. Ольга вместе с детьми Святослава заперлась в городе. На другой стороне Днепра, не зная о нападении печенегов, стоял с немногочисленной дружиной воевода Претич. В городе начался голод, но одному смелому юноше удалось хитростью пробраться к Претичу и сообщить ему о положении киевлян. Претич двинулся к городу; печенеги, приняв его дружину за передовой отряд возвращающегося Святослава, отступили. 1. *Изок* — июнь. *В земле Сиканской* — в Сицилии. В 935 г. русские участвовали вместе с Византией в походе к берегам Италии. *Променял свой Киев на чужеземный город.* Святослав в Болгарии обосновался в г. Переяславце, который сделал своей столицей. *У Ильи-пророка* — т. е. рядом с церковью Ильи-пророка. *Падок на корысть.* Отец Святослава Игорь (см. стр. 582) пытался дважды собрать с покоренных древлян дань, за что возмущенные древляне убили его. *Бискуп Лаберт* — епископ Лаберт, присланный в 961 г. германским императором Оттоном I по просьбе матери Святослава Ольги для установления церковно-политических связей с Русью; однако епископ опоздал (Ольга обращалась к Оттону в 959 г.), так как к этому времени у Руси наладились тесные отношения с Византией и Ольга приняла христианство из Византии. *Нельзя ж ему перечить своей дружине.* По летописному преданию, Святослав отвечал матери на предложение принять христианство: «Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мной». 2. *Престрашная гора* — вулкан Этна. *Аскольд и Дир.* По греческим летописям, киевские князья Аскольд и Дир (IX в.) предприняли морской поход на Византию, который увенчался бы полным успехом, если бы не чудо. Византийский император Михаил III — «Нерон своего времени», по выражению Карамзина, — не мог оказать русским противодействия, но патриарх Фотий опустил в море хранящуюся в одной из церквей «ризу богоматери», и поднялась буря, рассеявшая корабли Аскольда и Дира.

Липы. Впервые — «Утро». М., 1859, стр. 19, датировано: 9 апреля 1846. Список — ПД, тетрадь 1846. Языков предполагал печатать «Липы» в М, однако цензура их не пропустила. 21 апреля Языков пишет А. М. Я.: «Московская цензура не только не пропустила моих «Лип», но и сказала, что сочинений подобного духа не должно и представлять в нее» («Русская старина», 1903, № 3, стр. 538). «Липы» были посвящены А. М. Я. Эпиграф — из предисловия (1815) к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

СЛОВАРЬ

Авгур — предсказатель в Древнем Риме.
Аквилон — северный или северо-восточный ветер у римлян.
Антидот — противоядие.
Аргамак — порода персидских или кабардинских коней. Отличается стройностью, а также быстротой бега.

Бавкида (греч. миф.) — жена Филемона. Филемон и Бавкида — дружная супружеская чета, жившая в Фригии. За радушие, с каким они встретили Зевса и Гермеса (в образе странников), боги наградили их долголетием и счастьем умереть в один день.
Багряница — порфира, пурпурная мантия, подбитая горностаем, торжественное облачение царей.
Банчик — банк, карточная игра.
Беседа — здесь: собрание, кружок, общество.
Брашна — кушанья, яства.
Бурсак — от нем. «бурш», т. е. студент.

Веледушный — великодушный.
Вертепы — пропасти, ущелья, пещеры.
Весь — селение, деревня.
Вист — карточная игра.
Виссон — дорогая белая или пурпурная материя, употреблявшаяся в Древней Греции и Риме, торжественная, роскошная одежда.
Волчец — колючая сорная трава.
Враги — овраги.
Выя — шея.

Галлы — французы.
Гарпократ (греч. и римск. миф.) — бог молчания.
Геба (греч. миф.) — богиня юности; прислуживала на пирах богам, поднося им нектар.
Геллада — Эллада.
Геликон (греч. миф.) — одна из трех гор в Греции (Геликон, Пинд, Парнас), где обитали музы.
Геспер — вечерняя и утренняя звезда (Венера).
Гóрдовый — из черной калины.
Горка — карточная игра.

Горний — вышний.
Гофрат — надворный советник (нем.).

Денница — утренняя заря, звезда.
Доблий — доблестный, твердый в добродетелях.
До́лу — вниз.

Ектенья — моление, читаемое дьяконом или священником, на которое отвечает хор.
Ерофеич — водка, настоенная на травах.

Жупел —горящая сера.

Зане́ — потому что.

Иакинфы — гиацинты.
Иппокрена (греч. миф.) — источник на Геликоне, посвященный музам; источник вдохновения.
Ир — нищий, упомянутый в «Одиссее» Гомера.
Ихневмон — фараонова мышь, хищное млекопитающее. Существовало поверье, что ихневмон убивает крокодилов, забираясь в их открытую во время сна пасть и разрывая их внутренности.

Канюки — просители, попрошайки.
Картуз — бумажный мешок, кулек.
Касталийские берега (греч. миф.) — берега источника Касталия на Геликоне, посвященного музам, т. е. источника вдохновения.
Клия (греч. миф.) — Клио, муза истории.
Ком (греч. миф.) — бог пиршеств.
Комерс — студенческая пирушка.
Крамбамбули — данцигский ликер (киршвассер); на студенческом жаргоне вообще всякий крепкий напиток.

Лель (слав. миф.) — бог любви.
Ленивка — лежанка у печки.
Лета (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве, Тартаре.
Лики — хоры.
Лития — богослужение, совершающееся вне храма или в приделе храма.
Литургия — обедня.

Марсиас (греч. миф.) — силе́н Марсий, нашедший флейту, брошенную Афиной, и вступивший в состязание с Аполлоном. Разгневанный Аполлон содрал с него за дерзость кожу.
Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии.
Мокой — акула.
Мрежи — сети.

Один (сканд. миф.) — верховный бог, бог войны, победы, ветра, мореплавания.
Орест (греч. миф.) — сын греческого царя Агамемнона, прославлен своей дружбой с Пиладом; неразлучный друг.

Пашалык — область, управляемая пашой.
Перунный — громовый.
Перуны — молнии, гром.
Пиэриды — музы.
Повивальница — восприемница, повивальная бабка.
Позор — зрелище.
Полночная — северная.
Помона (римск. миф.) — богиня плодов.
Правеж — в древнерусском судопроизводстве взыскание долга истязаниями, насилием.
Прозелит — новообращенный, новый и горячий поклонник веры, учения.
Прозопопея — олицетворение.
Пря — борьба, распря, спор.

Раины — тополя.
Рамена — плечи.
Ритор — оратор.
Рифей — старинное название Уральского хребта.

Сатурн (римск. миф.) — бог времени.
Сатурналии — в Древнем Риме семидневный праздник в честь окончания полевых работ; оргия, пьяный разгул.
Синклит — собрание высших государственных сановников.
Скальд — древнескандинавский певец-поэт.
Собачеи — псовые охотники.
Стигийская тень (греч. миф.) — дух умершего, обитающий в виде тени в царстве мертвых по берегам реки Стикс.
Столбница — колоннада.

Тедески — австрийцы, немцы (итал.).
Тидид (греч. миф.) — Диомед, сын Аргосского царя Тидея, один из главных героев «Илиады» Гомера. В битве с троянцами он огромным камнем раздробил бедро Энею.
Тимпан — музыкальный ударный инструмент.
Трефоль — трилистник; здесь: настойка.
Три листа — карточная игра.

Улисс — Одиссей, царь Итаки, герой Гомеровского эпоса.

Филомела — соловей.
Форштат — предместье, слобода (нем.).
Фузеи — старинные кремневые ружья.

Хоругви — знамена со священными изображениями.

Цевница — свирель.

Эвтерпа (греч. миф.) — муза музыки.
Экарте — карточная игра.

Ясмин — жасмин.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Н. М. Языков. Литографированный портрет с оригинала Cornicelius'а. Ганау. 1841 (ПД).

2. *Между стр. 160 и 161.* Н. М. Языков. Фотография с акварельного портрета Oesterreich'а. Дерпт. 1822 (ПД).

3. *Между стр. 192 и 193.* Н. М. Языков. Рис. А. А. Воейковой. Дерпт. 1823—1825 гг. (ПД).

4. *На стр. 273.* Ноты к стих. Языкова «Прощальная песня» и «Когда умру, смиренно совершите...» из альбома А. А. Воейковой (ПД).

5. *Между стр. 336 и 337.* Дом в селе Языково. Фотография конца XIX в. (ПД).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[1]

---

[1] В заглавиях, представляющих имя адресата, инициалы ставятся в указателе после фамилии (например, Баратынскому, Е. А.), титулы при этом опускаются; опускается также предлог «к» перед именем адресата послания (К А. Н. Вульфу — Вульфу, А. Н.); он сохраняется лишь в тех случаях, когда имя адресата не установлено («К Г. Д. Е.»).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ, СОМНИТЕЛЬНЫЕ

СКАЗКИ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ, ПОЭМЫ

Языков Николай Михайлович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 23/XII 1963 г. Подписано в печать 6/III 1964 г.
Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 22 1/8 + 4вкл. (36,70). Уч.-изд. л. 37,85.
Тираж 20000. Заказ № 1695. Цена 1 р. 32 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
77	10 св.	покину	покинул
235	5 сн.	И всё	И все
370	11 сн.	Castuna	Gastuna
544	7 сн.	Должны быть	Должно быть

Н. М. Языков